

Илья Балабанов

Мир опустел. Начнём сначала!

Часть 1

16+

Илья Александрович Балабанов

Мир Опустел. Начнем Сначала!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64744917

SelfPub; 2021

Аннотация

Молодой мужчина исследует опустевший мир, осторожно выбираясь из дома. Прогулки по улицам уютного мёртвого мегаполиса, поездки на море, поиски новых друзей. Все это происходит под пристальным взглядом тысяч внимательных голодных глаз... С самого детства Арсен, из-за большого носа получивший прозвище Пеликан, не выносит несправедливости. Она жжется внутри и не даёт дышать. Единственный способ погасить огонь – жестоко отомстить обидчику. Льётся кровь, и город становится чище... Рыжеволосая Милли переезжает из Голландии в Токио, чтобы уменьшить боль от потери любимого. Она узнает о дивном острове, на котором планируют строить город. Поселиться в нем смогут лишь те, кто способен пройти особый интеллектуальный тест. Лучшие люди планеты. Экспериментальное государство, основанное миллиардером-мечтателем Менсфилдом. Девушка решает испытать судьбу... Просто старик, живущий в глухом лесу. Чёрное на чёрном. Про него нельзя рассказывать.

Содержание

Глава 1	6
Линия реального времени	6
Пролог	6
Глава 2	13
Линия Кэтти	13
Глава 3	25
Линия Арсена Пеликана	25
Пролог	25
Глава 4	31
Линия Арсена Пеликана	31
Глава 5	66
Линия реального времени	66
Глава 6	89
Линия реального времени	89
Глава 7	110
Линия Кэтти	110
Глава 8	133
Линия реального времени	133
Глава 9	155
Линия Арсена Пеликана	155
Глава 10	174
Линия реального времени	174
Глава 11	197

Линия реального времени	197
Глава 12	210
Линия Милли Фассбендер	210
Глава 13	244
Линия реального времени	244
Глава 14	266
Линия реального времени	266
Глава 15	284
Линия Арсена Пеликана	284
Глава 16	306
Линия реального времени	306
Глава 17	346
Линия реального времени	346
Глава 18	400
Линия Арсена Пеликана	400
Глава 19	419
Линия реального времени	419
Глава 20	453
Линия реального времени	453
Глава 21	489
Линия Милли Фассбендер	489
Глава 22	512
Линия реального времени	512
Глава 23	532
Линия Арсена Пеликана	532
Глава 24	545

Илья Балабанов

Мир Опустел.

Начнем Сначала!

Глава 1

Линия реального времени

Пролог

– Видели такое? Президент плачет.

– Простите, что вы сказали?

– Президент плакал. Ну, смотрите сами! Глаза красные.

Пожилой мужчина указывает пальцем на планшет в моих руках, и я непроизвольно продвигаюсь на самый краешек лавки, пытаюсь нарастить между нами дистанцию.

– Бойтесь заразиться? – мужчина улыбается. – Простите ради Бога. Не хочу лишать вас надежды, но уже поздно бояться. Все погибнем, и это вопрос пары дней. Слушали, что сказал президент?

Я смотрю на экран, вижу заставку программы "Новости",

понимаю, что все пропустил.

– Нет. Не слушал. Думал о своём.

– Ну конечно, – мужчина поправил седые волосы и усмехнулся, – сейчас все думают о "своём". Такое время... Он сказал: "Да спасёт Господь наши души". Представляете? Как вам такая концовочка? Будоражит, да? А у самого глазки красные, и губы дёргаются, как у ребёнка капризного. Я его понимаю! Очень обидно. Только избрался, а уже умирать.

Напридумывал, наобещал...

Все они одинаковые! Дьяволы в пиджаках! – старик снова смеётся и, совершенно не интересуясь моей реакцией, продолжает. – А я, если честно, совсем не боюсь конца света. Столько их уже было на моем веку. Притупилось. Замылилось!

Привстав на сантиметр, он продвигается на лавке в мою сторону и, впервые заглянув в глаза, убедиться, что слушаю, принимается загибать скрюченные не по годам пальцы.

– 2000 год. Раз. Парад планет. Вторая Луна. Миллениум. Помню, как оделся тогда в красивое и пошёл гулять в центр города. Чтобы как-то не одному. Умереть, так со всеми. Не случилось...

2008 год. Два. Запуск адронного коллайдера. Обещали возникновение чёрной дыры!

Я тогда дозвонился другу в ЦЕРН, и он сказал: "Саша, черт его знает, как все пойдёт! Мы впервые так далеко. Готов спорить на бутылку шампанского, что все под контролем. На

две бутылки спорить не решусь".

Физики... Такие романтики... Был уверен, что только у нас в биологии есть бардак!

Небо в тот день было как в сказке про злую колдунью. Чёрное! Ливень шёл. Били молнии! Я даже восторг испытал в ожидании...

Снова наврали... Ничего!

В 2012-м календарь Майя.

О 2020-м вообще говорить не хочется...

Есть что вспомнить. Была возможность потренироваться.

Крупный мужчина в грязном деловом костюме заминает зелёный куст, пытается продраться через него в нашу сторону. Что-то мычит разбитым ртом, морщит лицо, словно ему очень больно. Выглядит это опасно, и я встаю с лавки готовый бежать. Жестом прошу соседа, чтобы он сделал то же самое.

Но старик не торопится. Покопавшись в сумке, достаёт серебристый свёрток. Разворачивает фольгу, бросает на траву бутерброд с колбасой и помидорами...

Сумасшедший мужчина с размаху бросается на землю, принимается собирать пальцами пищу, суетливо суёт ее в рот. Давится, не жуя глотает, стонет и закатывает глаза от удовольствия.

– Не нужно убегать, – говорит старик. – Это совсем не страшно. Кинул пожрать и готово. Страх придёт, когда некому будет дать им хлеба...

Честное слово, не стоит бояться. Садитесь, пожалуйста, обратно. Давайте поговорим! Я, – старик положил на грудь руку, – Александр. Всю жизнь провозился с пробирками и микроскопом. А вы? Как зовут? Чем занимаетесь?

– Илья. Журналист. Всю жизнь провозился с буквами.

Я недоверчиво наблюдаю за жутким мужчиной, который расправился с колбасой с белым хлебом и теперь, как охотничий пес, пылесосит носом траву в поисках оставшихся крошек. В первый раз вижу так близко больного... Кажется, он и правда успокоился. В нашу сторону больше не смотрит, завалился на бок и, свернувшись в калачик, обхватил колени. Видимо, собирается спать.

– Думаете, все? Доживаем последние дни? – Я сажусь обратно и стараюсь давить приступ панической атаки, который мешает вдохнуть и забивает руки мелкой дрожью.

– Без сомнения! – Старик достаёт из сумки старенький термос и, открутив крышку, наполняет ее дымящимся чаем. – Несколько дней. От силы неделя. И все уснём... А затем беспмятство. Будем бродить, как этот, – он показывает на спящего, – мычать и расстраиваться...

Старик делает быстрый, глубокий глоток, морщится, как от кислого, продолжает:

– А впрочем, всегда есть выход! Можно закончить жизнь самостоятельно. Оставить финальный аккорд за собой, так сказать. Что думаете? Самоубийство – это хорошо или плохо?

– Плохо, конечно. По крайней мере, так говорят...

– Но не все! – оживился мой собеседник. – Японцы же, например, нормально относятся. Всей страной они, что ли, повашему, в аду горят? За свои убеждения. Уверен, что важно, как жил. Как умер – вторично. Иначе и быть не может...

Посмотрите на эту красавицу! – старик указал на березу, стоящую сбоку от лавочки. – Красиво, правда? Я посадил. 40 лет назад. Это дерево – все, что от меня останется. Столько боялся, что срубят... Но нет! Это людям конец. А деревьям – раздолье.

Как же здесь хорошо! Как приятно сидеть, смотреть людей, листать газеты... Именно здесь я прочёл, что сбили самолёт. Перепутали что-то и запустили ракету в обычный "Боинг". В нем летели мой маленький внук и зять...

Здесь же я принял звонок.

Ткнул на чёртову кнопку и узнал, что моя дочь... Моя маленькая крошка покончила с собой...

Она так извинялась в прощальном письме. Так стыдилась, что делает мне и маме больно...

Моя маленькая Мальвина...

Не смогла поднять своё горе. Ее тонкие, нежные руки сломались под этой тяжестью...

Я пытаюсь найти слова, поддержать человека, но в голову лезет только банальное: "Соболезную. Очень грустно. Жаль, что так получилось".

– Ничего, – отвечает он, – скоро я с ней увижусь. Я уверен,

там что-то есть! Иначе Вселенная превращается в глупость.

Скажите, вам страшно? – старик смотрит мне прямо в глаза, пытаюсь разобрать эмоции. – Если устали бояться – могу предложить чай!

Можно выпить, и станет лучше.

Придёт покой...

Вы хотите?

Я не слышу ответа...

Видимо, начали отмирать отделы мозга.

Прошу вас, дайте руку! Хочется чувствовать человека.

То же самое испытала Мальвина...

Я в точности повторил её яд.

Обязательно самоубийство...

Я не мог рисковать, что приду не туда, где она.

Берегите себя!

Я читал про погрешность в отчете... Может быть, вам повезёт. Может, ещё и увидите... Своими глазами, что ОН задумал... Моя Мальвина... Она все исправит.

Речь окончательно потеряла смысл. Звуки перестали соединяться в слова.

Старик умер.

Добравшись до своего дома, я долго стучу в дверь к соседу, собираюсь договориться о том, чтобы держаться вместе. Помогать друг другу. Дверь открывается, он стоит на пороге заспанный и бледный. Долго не может понять, что мне нуж-

но. Говорит, что я прав. Будем держать оборону. Только сначала хорошенько выспаться. Злится, что я пришёл посреди ночи и всех бужу. Мешаю спать и жене, и сыну. Ему трудно стоять, он садится на корточки. Тычет пальцем в сторону настенных часов, ругает, что я невоспитанный.

На циферблате 14:38...

Я захожу в квартиру и запираю дверь на два замка. Тщательно обработав хлоркой, наполняю водой огромную ванну. Каждый шкаф на моей кухне набит провизией. Мой дом – моя крепость.

На улице необычно тихо. Сирены служебных машин, до этого орущие круглые сутки, исчезли.

Мир начинает замолкать и перерождаться.

Я хочу увидеть, что из него получится. Это мое желание, а дальше – как повезёт.

С Богом!

Глава 2

Линия Кэтти

Пламя свечи едва держалось на кончике фитиля. Стоило качнуть немного воздух неосторожным движением, и огонь погас бы. Лишил тесный деревянный сарай единственного света.

Пожилой охотник сидел за дубовым столом, который узким краем подпирал дверь и, положив голову на локоть, монотонно насвистывал простую мелодию.

В комнате стало невыносимо душно. Воздуху прибывать было неоткуда, и мужчина понимал, что свечка, огонь которой и так не больше горошины, скоро вовсе потухнет из-за нехватки кислорода.

Ещё пару часов назад охотник обливался потом, а сейчас провёл рукой по лбу, а она сухая. Это от обезвоживания.

Из угла донеслось глухое рычание. Мужчина обернулся, медленно поднялся и подошёл к собаке, лежавшей на полу.

"Солли, – голос его был глубоким и ласковым, – ты на пути в лучший мир, дружок. – Он принялся осторожно поглаживать жесткую чёрную шерсть, но пес не откликнулся. – Я совершенно не ценю тебя, дружок, а ты...

Благодаря тебе я живу... Похоже, что и мне не долго оста-

лось, но ты сделал все, как должен был. Мой друг".

Мужчина вспомнил, как выбирал взрослого, обученного командам пса в приюте для брошенных животных и как его внимание привлекла клетка с необычным именем "Солли" на табличке. У всех остальных вольеров только номера, а тут – целое имя. Собака посмотрела ему в глаза, и он понял – это та самая собака.

Его глаза влажно заблестели, он резко поднялся. Подошёл к столу, аккуратно взял в руки свечку и, защищая пламя ладонью, осветил угол, где лежал пёс.

Шкуры на боку практически не осталось, желтые кости рёбер поднимались быстрыми рывками, и темная густая кровь, вытекая из глубины грудины, пузырилась во время выдоха. Солли снова глухо зарычал, и человек замотал головой, будто пытаясь проснуться, забормотал:

"Нужно выбираться отсюда! Смерть – это легкий выход для меня. Но быть сожранным... Это слишком".

Охотник подошёл к двери, осторожно прислонился ухом. Прислушался.

На улице тихо...

Казалось, что все жители леса по ту сторону крепкой двери тоже замолкли и тоже слушают.

Нет. Открывать дверь и выходить это безумие.

Мужчина огляделся. Из инструментов и оружия только нож, но его сложно брать в расчёт. Титановая рукоять розового цвета, сделанная на заказ, ради шутки. На ней его имя

– Кэтти, выгравированное золотыми буквами и украшенное мелкими бриллиантами. Лучший друг посчитал такой подарок милым и оригинальным для юбилея в 50 лет. Он сказал:

"Кэтти! Только я называю тебя так... Моя почётная миссия напоминать тебе о корнях. И мешать зазнаваться".

Неуместным именем мужчина был обязан отцу-алкоголику, который назвал матери, хотевшей дочку, записал его в документах именно так. Как результат, все детство ему пришлось драться, доказывая, что он не девчонка.

Кэтти достал нож и подбросил на ладони.

Нет, сделать проход в стене с его помощью совершенно невозможно.

Он припомнил, как самолично, беседуя с прорабом, строившим для него этот сарай, обсуждал материал постройки.

"Есть три варианта, которые я могу вам предложить, сэр, – сказал тогда строитель. – Сосна, лиственница, либо дуб, сэр. Качество и цена соответствующие. Сосна самая непрочная и дешёвая, сэр. Лиственница – посередке. А дуб, сэр, тут само название за него говорит".

Кэтти выбрал подороже. Захотел надёжнее...

И вот теперь мощные дубовые стены вокруг и маленький нож против них.

"Если я срочно что-то не предприму, – Кэтти иногда говорил сам с собой, как многие люди, живущие в одиночестве, – в ближайшее время потеряю сознание от нехватки воздуха... И уже не очнусь... Нужно попробовать расковырять доски

потолка... Наверняка там они менее прочные, чем в стенах".

Охотник придвинул лавку в противоположный от двери конец домика и, забравшись на неё, принялся усердно ковырять ножом потолок. Через несколько секунд первые кусочки дерева полетели на пол. Нож скрипел по твёрдому, углубление становилось все больше, можно было попробовать выломать первую доску. Резкий удар рукоятью, и основательный деревянный кусок звонко упал вниз. Солли тихо заскулил, дёрнулся и вдруг, быстро цокая когтями по половым доскам, начал перебирать лапами.

Агония... Тело собаки перемещалось по домику, никак не собираясь затихнуть. Мужчина прекратил работу и замороженно смотрел.

"Интересно, – подумал он, – как буду умирать я? Быстро? Или, как этот бедолага, в луже крови и с дерьмом на штанах?.."

Сегодня утром, вкусно позавтракав кашей с мёдом, охотник собрался выйти из дома, чтобы полакомиться малиной. Несколько пышных кустов, щедро украшенных ароматными ягодами, росли за хозяйственным домиком. Истомившийся в помещении Солли носом помог открыться слишком медленной двери и пулей выскочил на улицу.

Мужчина вышел на веранду вслед за ним и потянулся, радуясь теплему солнцу. День должен был получиться отменный.

Охотник прогулочным шагом направился в сторону малинника, но тут раздался лай. Никогда раньше он не слышал, чтобы пёс был так напуган. Лай срывался на визг, и Кэтти почувствовал, что случилось что-то нехорошее.

Солли находился за сараем, и в тот момент, когда хозяин подоспел к высоким кустам, в середине зарослей послышался глухой шлепок и отчаянный собачий визг.

Пёс, с выпученными глазами и прижатыми к голове ушами, вылетел из кустов и пронёсся мимо. Отбежал на пять метров, неуклюже завалился на бок и принялся вылизывать кровавое мясо, образовавшееся вместо кожи. Охотник, обалдев от происходящего, остановился и заворуженно смотрел, как кусты заминаются, гнутся к земле, будто что-то огромное движется на него. Верный пёс, словно почуяв, чем промедление может обернуться для хозяина, вскочил на ноги и утробно рыча снова ринулся вглубь малинника. Ровно через секунду рычание прекратилось, а Солли, получив удар невероятной силы, подлетел в воздух и, словно тяжелый мешок, упал на землю.

Мужчина вышел из ступора, подскочил к собаке и поднял ее на руки. Добежал до входа в сарай, шмыгнул в открытую дверь и, бешено суетясь, подпер вход тяжеленным деревянным столом.

Это случилось 18 часов назад...

Свеча, подкормленная воздухом, пришедшим с чердака,

разгорелась ярче, и стало видно, что весь пол залит собачьей кровью.

Солли, наконец, затих.

Охотник вытер рукавом лицо, взял поудобнее нож и приступил к разделке соседней доски.

Бах!

Удар в дверь стал таким неожиданным, что нож выпал и отлетел под стол. Мужчина инстинктивно схватился за дырку в потолке, и это помогло ему не упасть со скамейки.

Бах!

Второй удар был настолько сильный, что показалось, будто дверь треснула. Охотник зажмурился от ужаса. Съёжился в комок, готовясь встретить конец, но дальше ничего не последовало. Он открыл глаза и с облегчением увидел, что дверь уцелела.

Тяжёлое дыхание послышалось с улицы, будто кто-то огромный пытался вынюхать через дверные доски, что находится внутри. Кэтти застыл, боясь пошевелиться. Лоб покрылся испариной, положение было отчаянным. Единственный выход – продолжать ковырять потолок и сваливать к чертовой матери через крышу.

Адреналин, поступивший в кровь, заметно прибавил скорости работе, и не более чем через несколько минут в потолке была дыра, достаточная для того, чтобы охотник мог в неё протиснуться. Он загнал нож в небольшие чёрные ножны на поясе и, схватившись двумя руками за край дыры, на-

чал подтягиваться...

Оказавшись на крыше, он затих и прислушался. Поглядел через плечо на малинник. Кусты были примяты, словно по ним пробежался слон, но это не беда – через пару дней поднимутся. Дожить бы только до этого момента!

За несколько месяцев, проведённых в лесу, мужчина научился разбираться в жизни, изобилующей вокруг. Дневных жителей сменяли ночные, ночных – утренние, но главное, что движение не останавливалось никогда. Всегда находился кто-то шуршащий, призывно кричащий или охающий. Сейчас была полная тишина.

Осознав это, охотник испугался. Он и до того был напуган, но только сейчас на смену страху обычному, помогающему выживать, пришёл страх липкий, мистический, неугодно вцепившийся в низ живота.

Черным пятном распластавшись на мягкой черепице, Кэтти медленно, по сантиметру, приближался к кромке крыши, чтобы наконец увидеть своими глазами, что же подстерегает его перед входом.

Вот уже и край...

Теперь только высунуть голову!

Как же не хотелось этого делать...

Он глянул вниз, искренне надеясь, что не увидит ничего страшного, что все опасное улетучилось, ушло обратно в глушь леса... Но нет. В первую секунду стало ясно, что существо все ещё здесь.

Нечто огромное, раза в два больше взрослого человека, лежало прямо у двери, положив огромную голову на ступени.

Перестав дышать, мужчина смотрел на монстра, стараясь понять, кем он мог быть. Слишком огромный для всего, что он видел в своей жизни. Гигантские, мощные лапы, тёмная, искрящаяся в свете луны шкура, покрытая светлыми рубцами, и тяжёлый, гнилостный запах.

Забывшись на мгновение, охотник вдохнул чуть громче, чем следовало, и существо стремительным рывком вскочило на ноги. Задрав голову, оно посмотрело ему прямо в лицо, приплюхиваясь, сделало шаг навстречу. Уже не заботясь о шуме, Кэтти пятился назад к центру крыши.

Он понимал – теперь счёт идёт на секунды.

Нащупав ногой дыру, ведущую обратно в домик, мужчина спустился на пол. Напуганный до смерти, он озирался по сторонам, стараясь выдумать план спасения: "Нужно отвлечь его и бежать! Отвлечь и сбежать! Но как?!"

Отчаянная мысль вспыхнула в голове, и охотник, схватив ещё тёплый труп собаки, устремился обратно на крышу. Солли оказался удивительно тяжёлым, хотя, возможно, это давало о себе знать истощение. Весь измазанный кровью охотник старался протолкнуть пса в отверстие, но оно было слишком маленьким. Чертыхнувшись, мужчина сбросил собаку обратно на пол и, спрыгнув вслед за ней, вытащил из-за пояса нож. Отмерив примерно посередине, он всадил кли-

нок в тушку и принялся разрезать ее, стараясь вести лезвие вдоль рёбер.

Мягкая часть была разделена, оставалось перерубить хребет. Мужчина перевернул нож обратной стороной, на которой имелись зазубрины на манер пилы, и принялся перепиливать неподатливую кость. Нож постоянно выскакивал из мокрых ладоней, и, в очередной раз вылавливая его из вывалившихся кишок, охотник умудрился сильно порезать ладонь. Теперь к собачьей крови добавилась его собственная.

Учув запах свежего мяса, чудовище шумно вдыхало воздух, уткнув нос под дверь. Мужчина понимал, дело идёт к развязке. Ситуация в корне переменялась, очень скоро последует решающая атака.

Подняв Солли с пола, он ударил его хребтом об колено, стараясь сломать позвонки.

С первой попытки не вышло.

Вторая попытка...

Третья...

На четвёртой раздался хруст, и охотник успел подумать, что ничего более приятного в жизни не слышал...

Выкинул на крышу заднюю часть. Схватил за шкуру переднюю, более крупную половину, протиснул и её.

За дверью раздалось оглушительное рычание, а затем мощный удар.

Бах!

Нижняя четверть двери с громким треском оторвалась, и

тут же, в появившемся отверстии, показалась огромная лапа с чёрными когтями. Она шарила по полу, стараясь зацепить что-нибудь, и, наконец ухватив ножку стола, резко дернула его на себя. Стол с грохотом дёрнулся в сторону двери, свеча упала, погасла, дом погрузился в темноту.

В очередной раз застыв от ужаса, Кэтти смотрел на происходящее. На пару секунд существо отошло от двери, и лунный свет наполнил часть комнаты.

"Как красиво", – мелькнула в голове совершенно неуместная мысль, но в следующий миг в дверном проёме показалась пасть с большими белыми клыками и, заслонив собой свет, снова вернула темноту.

Удар!

Ещё один деревянный кусок отлетел в сторону.

Удар!

И теперь двери больше не существует. На пороге, полностью заполнив собой вход, появился тёмный силуэт, и охотник неожиданно завизжал, в последней попытке спастись, суетливо начал вылезать на крышу. Чудовище рванулось внутрь дома, но протиснувшись передней частью, затормозило. Задняя часть застряла, подарив человеку пару лишних секунд.

Снова оказавшись на улице, Кэтти уже знал, что нужно делать. Схватив за лапу заднюю половину Солли, он просеменил на четвереньках к краю крыши и с размаху ударил монстра тушей прямо по заднице. Существо зафыркало, за-

рычало и, цепляясь когтями за ступеньки, начало пятиться назад, высвобождаясь из дверного проема. Мужчина закричал, перехватил половину туши удобнее и со всей силы ударил ещё раз. Чудовище рванулось назад и, не рассчитав усилий, вылетело на улицу, откатившись от крыльца на несколько метров. Охотник бросил собаку в него, и монстр, схватив мясо прямо на лету, тут же принялся работать челюстями. Метнувшись за оставшейся половиной, мужчина хорошенько размахнулся, забросил ее в сторону входа, а сам, спустив ноги с края, перевернулся на живот и спрыгнул на землю. Не устоял на ногах, больно ударился о камень. Адреналин в тройной дозе выплеснулся в кровь, и охотник, не оглядываясь, побежал в сторону дома.

Оказавшись внутри и заперев за собой обитую железом дверь, он первым делом добрался до умывальника и, тщательно намылив руки и лицо, смыл с себя липкую, загустевшую на воздухе кровь. Затем осмотрел глубокий порез на ладони и, обработав его антисептиком, старательно забинтовал. По-хорошему, на такую рану необходимо накладывать швы, но кто будет заниматься этим в лесу?

Мужчина снял со стены карабин, передернул затвор и мысленно отругал себя, что если бы не ленился всегда носить его с собой, сегодняшнее приключение было бы в разы менее захватывающим. Вспомнив, что потратил несколько зарядов, пытаясь подстрелить глухаря, достал из шкафа коробку с патронами и дозарядил обойму.

Выходить на улицу ужасно не хотелось, пришлось сделать над собой усилие. Погасил в доме свет, дал глазам привыкнуть к темноте, распахнул дверь...

Сделав шаг по тропе в сторону сарая, Кэтти остановился, постоянно щурясь и моргая.

"Зачем ты идёшь в темноту? – спросил он у себя. – Слабый, незрячий, напуганный. Солли, мягко говоря, не спасти, а ночная охота на монстра – не лучшее развлечение".

Охотник направил ружьё в сторону сарая и выстрелил.

Бах!

Второй раз и третий.

Бах! Бах!

Таким способом он сообщил зверю, что лёгкой добычи здесь больше не водится.

"Теперь, если захочется человечины! – он кричал в темноту, чтобы выпустить пар. – Придётся рискнуть своей облезлой шкурой! Человек раздобыл красный цветок!"

Глава 3

Линия Арсена Пеликана

Пролог

От автора:

"Я не разделяю взглядов Арсена Пеликана. Не одобряю страшных способов убийства.

Считаю, что мы все должны терпеть и ничего не делать.

Обещаю, что в конце истории все будет справедливо и Арсен обязательно получит то, чего заслуживает..."

Плоская крыша частного дома. Раскалённый от солнца полдень.

Плотный мужчина привязан за руки к летнему креслу и спит без сознания. Вязкие слюни на подбородке, мерный тяжёлый храп.

Рядом стоит человек. Вертит в пальцах яркий тубик от суперклея. Читает вслух:

"Застывает за полминуты. Нанести и прижать".

Взяв за волосы спящего, разворачивает лицом к себе и пачкается слюнями. Брезгливо кривится, вытирает руку,

начинает наносить клей. Несколько капель на левый глаз, несколько – в правый. Нанести и прижать... Лучшая в мире повязка! Но это не точно... Пробует в первый раз.

Веки слиплись, стянулись морщинами. Можно начинать. С этим бы надо поосторожнее! Опасный хищник.

Храп замолчал на секундочку и продолжился дальше... В новом ритме. Вот хитрец! Видно, очухался и теперь лишь играет в спящего. Как медведь, недобитый выстрелом. Подойдешь – пожалеешь...

Не в этот раз.

Молодой мужчина сдернул с макушки кепку и начал обмахиваться. Чёрная майка с рисунком в виде пеликана промокла от пота, покрылась белыми пятнами соли.

"Ну и жара! – произнёс он громко и достал из рюкзака садовый секатор для обрезки кустов и молодых веток. – Хочется поскорее домой. К холодильнику и в прохладу. Хотя вру! Столько дней подготовки... Не хочу домой. Хочу приключения".

Человек сделал шаг навстречу пленнику и на фразе "Игорь Андреевич, пора просыпаться" ткнул его в ногу остриём инструмента. Связанный дернулся, прекратил храпеть, молча заерзал в кресле, пытаясь освободиться.

Не получилось.

Начал рычать, дергать лицом, чтобы открыть глаза – снова не вышло.

– Игорь Андреевич, не нужно стараться так сильно. –

Мужчина наклонился к лицу своей жертвы и ощупал глаза. – Кожа здесь тонкая, сил разорвать ее у вас хватит. Но задумайтесь, я же не просто так старался, покупал клей. М? Разорвёте глаза и меня увидите... Дальше что? Легче станет? А в живых вас оставить уже не смогу... Давайте, пожалуйста, говорить. Небольшая беседа, и я начну. Не хочу затягивать...

– Что с тобой говорить, рожа? – пробурчал связанный. – Все равно не отпустишь. Думаешь, буду ныть? Просчитался. Подохну молча.

– Неожиданно, если честно, – искренне удивился палач, – первый раз получаю такое приветствие. Что ж, тогда говорить буду я. Чтобы было понятно, что все справедливо. Все, что сделаю с вами, – это заслуженно.

Игорь Андреевич не ответил, но было заметно, что слушает очень внимательно. Жилы на шее надулись, тело застыло в ожидании боли.

– Я пришёл отомстить, – продолжил мужчина, – заступиться за тех, кого вы поломали. Не могу наблюдать! Это душил меня! Несправедливо...

Выражение лица у пленника изменилось. Полминуты назад оно было презрительным, теперь стало внимательным. Появилась кривая улыбка.

– Продолжай, – сказал он, – я подумал, что ты... По другому вопросу. Но теперь не понятно в конец.

– Ты живешь, как чудовище, Игорь. Я тебя изменю. Ты не первый и не последний. Это хобби. Я делаю город чище.

– Подожди! – голос пленника стал восторженным. – Ты – тот самый?! Пришёл за мной? Но почему?! Я обычный мент... Думал, что ты выбираешь только крупную рыбу.

– Рыбу? – мужчина улыбнулся. – Забавно, что ты выбрал именно это слово. Ты такая мерзкая рыба, Игорь, так много приносишь горя, что я отложил все дела. Вне очереди выловить, подработать и отпустить обратно. Обычный мент... Очень скромно для рыбы, которая жрет всех подряд. Ты – рыба-свинья... Без совести, жалости. Только рыло и зубы.

Сколько ты посадил по заказу? Сколько пальцев сломал на допросах? Я все возьму! Рассчитаюсь за всех. Будь уверен.

– Это все наговоры, – заерзал пленник, – просто работа. Мне сказал начальство – я сделал. Понимаешь?! Есть план по посадкам... Мне надо его выполнять. Не я все придумал! Нельзя по-другому, пойми...

– Увидишь, что можно. Приступим.

Мужчина достал из рюкзака коричневый почтовый скотч и оторвал небольшой кусочек.

– Сейчас закроем твой рот, чтобы не визжал, и я отрежу тебе пальцы. Каждый, на обеих руках. Это как плата за тех, кого мучил. Закончим – и я уйду. Будешь жить. Нормальная сделка, учитывая тяжесть вины.

– Постой! – голос у связанного охрип, видимо, горло пересохло от нервов. – Зачем целых десять?! Куда так много? Оставь, прошу!!

– Да я бы оставил! Но понимаешь, есть план! Придумал с утра десять пальцев... И надо теперь выполнять. Нельзя по-другому, пойми...

Игорь Андреевич застонал очень жалобно, но вдруг остановился. Лицо сделалось решительным, он уверенно произнёс:

– Не надо скотч... Я не буду орать. Буду молча...

– Ты будешь... Спорим?! Давай пари! Сейчас я отрежу тебе указательный палец... И если ты промолчишь, не проронишь ни звука – то все! Я уйду. Согласен? Но ты не сможешь. Так получилось, что я разбираюсь, – мужчина посмотрел на свою левую руку, один из пальцев на ней был плотно заклеен пластырем.

– Режь! Я готов! И вали отсюда. Не смей обманывать. Где ты, черт? Приступай! Давай закончим!

Игорь растопырил ладонь, приглашая начать испытание, и молодой человек подошёл к нему, примерил секатор к одному из пальцев.

Щёлк!

Лезвия сомкнулись, и розовый кусочек покатился по полу, словно сосиска. Аккуратный срез начал стрелять кровью, как детская брызгалка.

– Аааа! – загомосил мужчина и тут же заткнулся перемотанный скотчем в районе рта.

– Вот видишь, – спокойно приговаривал его мучитель, – это действительно невозможно – молчать, когда очень боль-

но. Ты же сам пытал! Должен знать... Ладно, не дрейфь – я не обиделся... Продолжаем...

Щелк!

На землю упал новый палец.

Ещё и ещё...

На четвёртом срезе Игорь потерял сознание. Получил под нос нашатырь и пришёл в себя. Разве можно продолжать без виновника?..

Десять.

Закончено.

Затянул жгутами истекающие обрубки, чтобы жертва не умерла от потери крови. Они так не договаривались. Наказанный должен пожить и все прочувствовать. Выучить свой урок.

Можно уходить.

Кровь не течёт, и скоро с работы придёт жена. Вызовет помощь.

С днём рождения, новый пленец!

Глава 4

Линия Арсена Пеликана

– Арсен! Сынок! Иди покушай. Только тебя с папой ждём!

Смуглый мальчишка двенадцати лет, лежавший с книгой на кровати, загнул уголок страницы и захлопнул её.

– Иду, мама! Минуту!

Поднялся, натянул шорты и рубаху, мать не любила, когда в доме разгуливали в одних трусах, и направился в кухню. С улыбкой остановился, вернулся в комнату и, подойдя к окну, осторожно снял с него москитную сетку. Ловко высунулся на улицу по самый пояс, дотянулся до виноградной лозы, которая взбиралась по стене и, выбрав самую спелую гроздь, аккуратно ее сорвал. Прикрепил сетку на место, выбежал из комнаты.

– Вот, садись попробуй, должна быть вкуснятина.

Мама поставила перед ним дымящуюся тарелку бобов с мясом.

– А у меня для тебя тоже кое-что есть, – Арсен вытащил из-под стола виноград и бережно уложил гронку в бледную ладошку матери.

Отец, усатый, худощавый мужчина с очень крупным горбатым носом одобрительно улыбнулся.

– Ай, Вартануш, какая ты молодец. Какой хороший виноград посадила. Теперь всю жизнь будем каждое лето его кушать.

Отец подмигнул мальчишке, мама же, наоборот, будто немного помрачнела.

– Как быстро летит время. Этот виноград твой ровесник, Арсен. Вы вообще очень похожи. Оба крепкие, гибкие и сладкие, как сахар. Мать потрепала мальчика по волосам и традиционно поцеловала в нос, такой же крупный и с горбинкой, как у папы.

– Горжусь вами, мои мужчины. А ну-ка, быстро взяли ложки, а то придётся разогревать.

Мальчик попробовал еду первым и заметно скривился. Блюдо было приторно-сладким. Он молча поднял глаза на отца, который в это время тоже попробовал первую ложку и увидел, что тот продолжает есть как ни в чем не бывало. Арсен сделал то же самое.

– Ай, Вартануш, ты сегодня сама себя превзошла. Какой-то особенный секрет узнала, признавайся?

– Ладно тебе, Ашот, обычные бобы, не перехваливай.

– Совершенно не обычные. Во рту тает, да, сынок?

Мальчик согласно кивнул и проглотил ещё одну ложку.

– Жалко, что сама не пробуешь. Увидела бы, что я правду говорю.

– Ничего, мои хорошие, вот скоро поправлюсь и снова буду есть вместе с вами. Попрошу, чтобы мяса на углях нажа-

рили! Устроим пир. Но сейчас мне завтра снова на процедуры, так что я лучше, вот, винограда пока поклюю. Женщина положила на язык сразу несколько ягод и замотала головой, показывая, как ей вкусно.

– Сладкий, как мед! Помните, мы как-то на море ездили и недалеко от города на пасеку нечаянно заехали? Арсенчика ещё тогда пчела укусила. Бедный мой, птенчик, – мама снова погладила мальчика по голове. – Вот там был настоящий мед! Свежий, что даже ещё дымком, которым пчёл от улья отгоняют, пахнул...

Хороший был день тогда. Вообще, хорошее лето в тот год выдалось.

Глаза у женщины стали влажными, и она подошла к окну.

– Пойду-ка я, мои хорошие, прилягу, а вы, если захочется, накладывайте добавки. Я много наварила, ешьте на здоровье.

Как только мать вышла из кухни, мальчик поднялся, молча забрал тарелку у не ставшего возражать отца и счистил все обратно в кастрюлю. Затем нарезал хлеб крупными ломтями, достал из холодильника сыр и сделал два бутерброда. Оба задумчиво пережевывали черствый хлеб, думали каждый о своем, когда из глубины квартиры стали слышаться сдавленные стоны. Будто кто-то боролся с болью, при этом не позволяя себе делать это открыто, приглушал звуки с помощью подушки.

– Все бережёт нас, – сдавленным голосом сказал отец. – Думает, мы не слышим. Сколько она уже спит в твоей ком-

нате? Месяц? Именно столько времени прошло с тех пор, как ей перестали помогать обезболивающие.

– Что доктор говорит? – Арсен отвернулся, чтобы отец не видел, как покраснелись его глаза и смотрел на легкие тюлевые занавески.

– Говорит, что осталось недолго. Что не помогает ничего. Что нужно в больницу перевозить.

– Мы уже не надеемся, пап?

– Ты взрослый мужчина, сынок. Сделай сам вывод из того, что я сказал.

Отец встал, чтобы прижать голову мальчика к своей груди.

– Будем сильными. Мы обещали маме, что будем. Ради её покоя.

Арсен вышел из подъезда и уселся на лавочку, чтобы немного успокоить пожар, разгоревшийся в груди и мешавший нормально дышать. Хотелось рыдать, кричать, но в такие моменты он вспоминал чью-то фразу "когда мне очень тяжело и хочется сдаться, я говорю себе, что если сделаю это, лучше не станет". Он запомнил её в детстве, и в последнее время она стала его девизом. Кажется, это сказал боксёр Майкл Тайсон. Но это не точно.

На соседней лавке сидели две старушки, живущие в его подъезде. Только сейчас он заметил их и извинившись, поздоровался.

– Здравствуй, Арсенчик. Как мама? Как здоровье?

– Спасибо, тетя Симона, нормально. Живем потихоньку.

– Ты зайди ко мне вечером, Арсенчик. Я на даче орехов собрала, маме передашь. Яблоки в этом году такие хорошие! Осенью нарву вам ведро – Вартануш порадуетя.

– Не нужны никому осенью ваши яблоки! – зло прошептал мальчик. – Нет у нас никакой осени!

Он вскочил и быстрой походкой зашагал прочь. Слезы намочили ему щеки. Этот соленый вкус уже давно стал привычным.

Парень похлопал себя по карманам. Все на месте. В одном ключи от гаража и мопеда, в другом деньги, которые он копил на мотоциклетный шлем. Мопед был отцовский, но с тех пор, как ему исполнилось 12, а это уже полгода как, разрешалось кататься по району. В пределах контроля знакомых полицейских. Был бы шлем, можно было бы уезжать куда угодно, а так нельзя – штраф.

Сегодня ему было плевать на возможные проблемы, он собирался уехать из города и найти по памяти ту пасеку, о которой говорила мама. Если она хочет мёда, она получит мёд!

Добравшись до гаража и выкатив на улицу старенький, но исправно работающий мопед, мальчик проверил уровень бензина и, на всякий случай, долил пару литров из железной канистры. Не удержался и засунул на несколько секунд нос под крышку бака.

Он обожал запах бензина. Дышал бы им целый день, если бы это не было вредно. Он давно обратил внимание, что вообще многое из того, что приятно в этой жизни – вредно. Сплошная несправедливость!

Любишь сладкое? Вредно! Смотреть интересные фильмы – вредно. Гораздо полезнее сидеть за учебниками... Гонять на мопеде – опасно, не спать до ночи – неправильно. Туда не ходи, этого не хоти. Ко всем правилам мира придётся ещё очень долго привыкать. Выискивать среди рутины правильного и полезного маленькие радости плохого и с удовольствием их поглощать.

– Арсен! – оклик вывел его из задумчивости. – Привет! Куда собрался? Куда пропал?

Голос принадлежал его лучшему другу, на прогулки с которым в последние месяцы совсем не находилось времени.

– Привет, Вачик. Сам знаешь, то в школе, то с мамой, почти не гуляю теперь.

Арсен подошёл к гаражу, из которого выглядывал товарищ и поздоровался с ним за руку. Теперь он заметил ещё двух мальчишек, имена которых так и не смог запомнить, так как встречал не часто. Они молча кивнули друг другу.

– Мы, – Вачик указал рукой на своих товарищей, – сегодня собрались на дельце. Не хочешь с нами? Твоя помощь пригодилась бы.

– Вряд ли получится, а что хотели?

– Да, тут дело такое непростое, надо сказать. В общем,

нас донимает один нехороший человек. Ведёт себя неуважительно, говорит разное. Нужно его проучить, как следует.

– И что? Вы втроём не справитесь? – Арсен подмигнул другу, но тот не принял иронию и продолжил.

– Там есть проблема. Днём в школе нахлобучить его не дают учителя. Мы и так все на карандаше. Нельзя светиться. А вечером этот тип гуляет с собакой. Здоровенная овчарка. Таскает её на поводке и думает, что все ему сходит с рук. Так вот я раздобыл кое-что, – Вачик вынул из кармана пачку таблеток. – Сейчас по дороге купим колбаски повкуснее, напихаем туда таблеток и подлечим собачку от туберкулеза! Ха-ха-ха!

К вечеру этой крысе уже некого будет выгуливать. – все трое зашлись нервным смехом.

– Вач, ты сейчас не шутишь? – мальчик так заволновался, что уронил в пыль связку ключей. – Ты реально собрался убить собаку? Вот так, ни за что?

– Ты охренел, ни за что? По-твоему, можно спускать такие вещи? Он всему району ходит рассказывает, что мы лохи.

– Я не знаю, что ответить. Раньше ты не был таким, Вачик. Я прошу тебя не делать гадостей. Придумай что-нибудь другое! Подозреваю, что тебе, – он запнулся, – с твоими новыми друзьями... Просто хочется попробовать, сработают ли таблетки. Так вот, они сработают...

Собака сдохнет в страшных мучениях. Мне об этом способе ещё дед рассказывал. Уверяю тебя, ты пожалеешь по-

том, что затеял такое.

– Пацана нужно наказывать, Арсен. Как повернуть иначе, придумать не могу. С тобой или нет мы все сделаем!

Мальчик взял друга за плечо и отвёл на пару шагов в сторону.

– Я читал, что в Японии, когда в одном из кланов якудза кто-то хотел кого-то убить, он сначала должен был отрезать себе кусочек пальца. Таким образом проверялось, насколько серьёзно он обижен. Чтобы не устраивать из ненужных убийств развлечения. Скажи мне, Вач, ты готов отрезать кусочек своего пальца? Заплатить за месть? Так ли сильно он тебя обидел?

Вачик оттолкнул друга.

– Я не собираюсь быть лохом! Живи, как считаешь нужным. Один хрен, мы давно уже не друзья! Только по старой памяти.

Мальчик злобно скривил рот и спиной попятился обратно к гаражным воротам.

– К тому же, твой папаша продал вашу квартиру. Скоро ты свалишь с района, а мне здесь жить! Так что давай, Арсен, езжай, куда собрался. И даже не думай, чтобы кому-то об этом рассказать. Не посмотрю, что когда-то дружили!

Выжав до упора ручку газа, Арсен летел по трассе, давно покинув пределы города. Конечно, "летел" он только в своём воображении. Мопед выжимал не больше 50 км/ч, и мно-

гие машины, обгонявшие его, не упускали возможности по-сигналить. Стыдили тихохода. Но он совершенно на них не обижался, субординация как никак... Иерархия!

Он и сам был не без греха – любил распугать сигналом малышню, катающуюся во дворе на велосипедах. Волосы встали дыбом от встречного ветра, на глазах были старые, ещё дедовские, мото-очки, защищавшие глаза от мелких камушков, встречных потоков и пыли, но ему было все равно, как он выглядит. Необходимо успеть найти тот самый мед и вернуться домой до вечера. В последний раз на часах было начало одиннадцатого, сейчас же, судя по солнцу, не меньше часа дня. Нужно торопиться.

Судя по указателям, до нужной деревни ехать ещё не меньше получаса, а там ещё и попетлять придётся. Но разве даётся легко что-то хорошее в нашей жизни?

Он и не ждал лёгкости, лишь бы неожиданных трудностей избежать.

Путешествие чуть было не прервалось, едва начавшись, когда постовой полицейский махнул ему палочкой, указывая прижаться к обочине. Езда без шлема каралась немаленьким штрафом.

Арсен притормозил в нескольких метрах. Толкая мопед ногами, сдал назад и, поравнявшись с блюстителем порядка, заметно нервничая, принялся тараторить:

– Здравствуйте, гражданин полицейский! Я понимаю, что еду без шлема, но у меня его просто нет. Ехать очень нужно.

Буквально вопрос жизни и смерти. Я не катаюсь, не балуюсь, я, честное слово, по важному делу!

Закончив тираду, мальчик сложил ладони в молитвенном жесте и опустил голову.

– Да езжай уже, – полицейский заулыбался, – Только смотри! Не все такие добрые, как я. А штраф получишь не многим меньше, чем весь твой мопед стоит! Давай отсюда... Быстро!

Всю дорогу до нужной деревни в душе было тепло от произошедшего. Без конца прокручивая в голове ситуацию, мальчик желал постовому здоровья и бесконечного счастья. Всегда же видно, когда человек врет, а когда ему действительно очень надо. Были бы все взрослые такими! Вот это жизнь бы была.

Щурясь от солнца, которое теперь светило прямо в глаза, Арсен ехал в сторону дома. Он слишком поздно сообразил, что не взял рюкзак и теперь пол-литровая банка свежего, играющего на солнце, словно жидкий янтарь, мёда, была прикручена к бензобаку с помощью изоленты.

Правой рукой парень держал гашетку газа и одновременно рулил, а в левой – у него был внушительных размеров пирожок с картошкой и жареным луком – приятный бонус от продавца меда. Жена пасечника так расчувствовалась, услышав, что он приехал за покупкой для мамы, что наотрез отказалась отпускать без нескольких румяных, ароматных пирожков. А мальчик и не отпирался. Вкусной домашней пи-

щи ему в жизни очень не хватало.

И зачем их семья поселилась в городе? В деревне люди душевнее и жизнь уютнее.

Два пирожка он сохранил для папы и, положив за пазуху, наслаждался их теплом.

В последнее время они часто оставались голодными. Болезнь отнимала у матери адекватность. Все чаще она вела себя странно или даже глупо. Раньше ее стряпня была известна всей округе, теперь же, даже обычный суп она могла превратить в жуткую гадость. Отец много раз настаивал взять готовку в свои руки, но женщина не соглашалась, объясняла, что хочет, чтобы от неё оставалась хоть какая-то польза. Вот и приходилось им с папой делать счастливые лица, поедая пересоленные котлеты или, как сегодня, жаркое, в котором было не меньше двух стаканов сахара.

Интересно, почему Вачик сказал, что отец продал квартиру? Ему об этом ничего не известно. Машину – да, ещё в самом начале маминой болезни. Но про квартиру речь не шла...

Бах!

До города осталось совсем немного, когда раздался сильный хлопок. Переднее колесо ударило о крупный камень и лопнуло. Арсен еле удержал руль и, резко ударив по тормозам, остановился у самого края обочины. Поначалу он так растерялся, что просто стоял несколько минут. Вытягивал ладонь в сторону проезжающих машин, просил их остано-

виться.

Останавливаться никто не спешил. Мальчик принялся осматривать колесо, сам до конца не понимая, что пытается в нем увидеть. Надежды, что кто-то привезет набор для ремонта колёс нет, а значит нужно не сидеть, теряя время, а катить мопед в сторону дома.

Неприятное чувство холодком проникло внутрь. Он никого не предупредил о поездке. Вернётся поздно, а значит родители будут сильно переживать... Понимание, что мать за него волнуется, всегда причиняло ему больше страданий, чем, возможно, самой маме. Он всегда был ответственным парнем, как часто бывает в дружных семьях. Был бы сейчас чертов сотовый! Но телефона не было. Для 12-ти летнего пацана это слишком дорого.

Арсен катил мопед, придерживал его за руль, вытягивал в голосующем жесте руку, каждый раз когда слышал попутный автомобиль. Если бы кто-то остановился, он попросил бы у него мобильный. Позвонил бы домой ровно на минуточку, и жизнь стала бы гораздо легче, но машины проносились мимо. Ни у кого не было лишнего времени.

Арсен шёл уже около часа. От безнадежности ситуации хотелось плакать. Он ярко представлял, как и без того обесиленная мама мечется по двору, расспрашивая соседей, куда подевался сын.

Бах!

До самого локтя кисть наполнилась жгучей болью.

"Трехочковый!" – прокричал кто-то, и на гравий, под ноги мальчику, звякнув упала пустая пивная бутылка. Автомобиль синего цвета пронёсся мимо в сторону города, из него раздавались ликующие вопли. Словно на стоп-кадре Арсен увидел растянутый в улыбке рот и торжествующее лицо, выглядывающее с заднего сидения.

Прижав руку к животу, парнишка осторожно положил мопед на землю и уселся рядом с ним. Кисть моментально раздулась, а в одном месте от удара порвалась кожа. Проступили первые капли крови. Арсен вскочил, подхватил бутылку, замахнулся машине вслед, но не бросил. Она давно была слишком далеко...

А мне не больно! Закричал он в полный голос.

Понятно вам! Ни чуточки не больно!

Крик переломился на хрип, слезы обильным потоком хлынули по щекам.

Когда рядом раздался протяжный вздох тормозов тяжелой машины, парень не обратил на него внимания. Большой грузовик остановился в нескольких метрах, хлопнула дверь, и раздался веселый, но в то же время с легкой нотой тревожности голос:

– Ты как там, пацан? Живой?

– Все нормально. У вас мобильного не найдется? – Арсен торопливо вытирал рукавом слезы – не хватало ещё, чтобы его, взрослого мужчину, застали ревушим.

– Нет, пацан, телефона нет. Но есть грузовик, и сейчас мы

тебя отбуксируем в город. Давай, помогай мопед загрузить.

Высокий, загорелый мужчина в цветастой рубашке с длинным рукавом, что было совсем не по сезону, суетился возле машины, раскрывая наружу один из бортов.

– Не стой! У меня тут доска. Сейчас по ней закатим твой агрегат, и через пятнадцать минут будешь в городе.

Арсен вскочил на ноги, наскоро отряхнулся и, поморщившись от внезапной боли, снова прижал раненую руку к животу. Вдвоём они быстро затащили тяжелый мопед в кузов, закрыли борт и уселись в удобную кабину, щедро украшенную всевозможными наклейками, брелочками и магнитами. Банку с мёдом парень открепил от бензобака и теперь держал на коленях. Пустую бутылку, которой его ударили, мальчик тоже подобрал, и теперь она торчала из его кармана, словно у заправского хулигана.

– Это мед у тебя в банке? За ним что ли ездил?

– Ездил, – пробормотал мальчик. Он приподнял повыше банку с двумя крупными, неуместными вишенками на боку и пояснил: — Другой тары у продавца не было.

Теперь, оказавшись в комфорте, Арсен особенно сильно почувствовал боль. Мужчина, заметив, как тот баюкает раненую кисть, сочувственно улыбнулся и помахал перед лицом мальчика своей правой рукой, одетой в чёрную кожаную перчатку.

– Не вешай нос, пацан. В жизни и хуже бывает. Я, вот смотри, вообще с деревяшкой вместо руки.

Теперь стало понятно откуда длинный рукав в середине июля и зачем перчатка.

– Больно было? – именно этот вопрос пришёл в голову парню первым.

– А то! – мужчина рассмеялся. – Медведь откусил. Представляешь?

Ну, как откусил, не полностью, конечно. Так... Надкусил... Но в больнице заморачиваться не стали. Оттяпали все, что неровно и нормально.

Мальчик внимательно посмотрел в лицо водителю. Не врет ли?

– А как такое случилось? В зоопарке что ли? В клетку руку засунули?

–Нет, – мужчина снова рассмеялся, – на охоте. Я думал, что медведь мертвый, а он притворился. Вот и наказал меня за беспечность. И за обиду.

Оба замолчали на какое-то время. Каждый задумался о своём.

– А у тебя все хорошо будет, – наконец сказал водитель, – заживет. Было бы чему заживать, как говорится!

– Спасибо. Вы правы. Поболит и перестанет. Должен предупредить, на всякий случай. У меня совершенно нет денег!

Мужчина снова рассмеялся. Смех у него был располагающий. Сильный и уверенный в себе. Без шакальства.

– Не поверишь, у меня тоже! Но! В твоём возрасте это нормально, а вот в моем уже заставляет задуматься. Зато на

бензин всегда отложено. Могу кататься, куда захочется и помогать, кому вздумается. Тебе куда надо?

Арсен назвал адрес своего дома и получил заверение, что будет на месте не позднее, чем через час. Даже с учетом пробок в центре города.

– Меня, кстати, Павлом зовут, – мужчина протянул свою деревянную руку, и парень с некоторой опаской пожал её. – Не волнуйся, хватай крепче, не оторвёшь. Она надёжно пристёгивается – немецкая. Иначе как бы я ей скорости переключал?

В подтверждение своих слов Павел схватил ручку переключения скоростей и перевёл её сначала на нейтраль, а затем обратно.

– Я, Арсен, – наконец сообразил ответить мальчишка, – очень приятно.

– Ты возьми там в ящичке антисептик. Рану полей.

Павел, не дожидаясь, пока пассажир сообразит, где, что находится, дотянулся до бардачка, не отрывая взгляда от дороги, пошарил там и, подцепив пластмассовую баночку негнушейся ладошкой, протянул её парню:

– Полей на ранку!

Арсен смыл начавшую засыхать кровь и тщательно втер жидкость в рану, чтобы впиталась поглубже. Вынул из кармана неудобно давящую на ребра бутылку, положил в ноги. Сел поудобнее и почувствовал, что тревога, наконец, уходит. На душе становилось спокойнее.

– Кстати, молодец, что бутылку на дороге не оставил. – водитель одобрительно улыбнулся. – Вроде мелочь, а сразу видно – человек подрастает. Молодец...

– Папа так научил, – ответил мальчик, – выкинул мусор на землю – выкинул удачу. Я же поднял эту бутылку, значит она уже моя забота. Нельзя бросать.

– Молодец твой папа, Арсен. Мудрый мужик. Ты тоже будь мудрым и не держи зла на этих скотов, – Павел легко коснулся его раненой кисти. – Они просто ещё незрелые. Жизнь их ещё не побила, вот они и не знают, что такое боль. Свою не знают, а уж чужую тем более не чувствуют. Я вот тоже в своё время хулиганил. Пока жизнь не успокоила.

Человек такая скотина, которая пока на себе не испытает – мало о чем задумывается.

А потом, раз, несчастье. И становится человеку себя жалко. И слабость приходит и желание, чтобы пожалели. Чтобы поняли!

Вот тогда и открывается мудрость. Способность чужую беду прочувствовать. Так что несчастье бывает иногда штукой весьма полезной.

– То есть для того, чтобы дурной человек стал хорошим, он должен стать несчастным?

– Да, мой друг. Не всегда, конечно, помогает, но лучшего средства я не знаю. Верю в это. Вернуть на землю, отобрать покой, заставить бороться. Чудесное средство, когда ничего другое уже не помогает.

Машина снова тяжело вздохнула и притормаживая начала сворачивать в сторону заправки.

– Сейчас, – пояснил Павел, – немного зальёмся и снова вперёд. Не возражаешь?

Арсен не возражал. Он очень любил все, что связано с автомобилями и даже такой пустяк, как заправка, казался ему немалым приключением.

– Давайте, вы на кассу пойдёте, а я залью! – предложил он и, получив согласие, помчался к баку отвинчивать крышку.

Когда отметка на табло заправочного аппарата перевалила за сотню, ритмичное жужжание, наконец, прекратилось, и мальчик, гордый тем, что справился со взрослым делом, повесил пистолет на крючок.

– Трехочковый! Прокричал кто-то неподалёку.

Голос показался смутно знакомым, и Арсен повернулся в его сторону. Трое молодых людей вышли из здания, и один из них, допив пиво из стеклянной бутылки, готовился бросить ее в мусорку, стоявшую в нескольких шагах.

– Внимание! Трехочковый! – снова прокричал он и швырнул бутылку сильно промазав.

Зелёные стекла разлетелись по земле, а парень засмеялся и соорудил разочарованную мину. Друзья подхватили дебошира под локти и повели. Неподалёку находилось строение с вывеской "Кафе".

– Баскетболист херов! – Павел вернулся из кассы и про-

верил, плотно ли закрыт бензобак. – Ни стыда, ни совести. Хамло малолетнее.

Арсен пробежал взглядом по стоянке и увидел синий автомобиль. Теперь все сложилось.

– Это он в меня бросил на дороге, – мальчик часто задышал и захлопал ресницами. Чувство обиды настолько явно схватило за кадык крепкими пальцами, что Арсен схватился за горло, помогая ему проглотить подкативший комок.

– Ничего, – процедил он, – я вас всех запомнил! Встретимся ещё когда-нибудь.

Они отъехали на десять метров от заправки, когда Павел, молчавший последнюю минуту, вдруг резко нажал на тормоз.

– А ну-ка, мальчик, – сказал он тихим голосом, – пойдём-ка сходим в кафе. Выпьём по чашке чая. Посмотрим, что к чему. Я угощаю.

– Вот ты сказал, что, мол, "придёт время" ... что "мы ещё встретимся", – мужчина усадил Арсена за столик, с которого лучше всего было видно пьяного и его друзей. – А почему ты так щедро даёшь ему кучу времени? Он будет веселиться. Ты – страдать.

Разве не лучше свести счёты сразу и наслаждаться покоем? Тем более, что судьба сама выкатывает перед тобой этот шанс. Катит красиво на красивом столике. Только успевай догнать!

– Я не очень понимаю, что вы сейчас говорите, – Арсен настолько оторопел от происходящего, что даже забыл про то, что спешит домой.

– Мальчик, – мужчина обращался к нему, но сам смотрел то на соседний стол, то на улицу, то выискивал что-то глазами по залу, – ты должен сам решать, как все сложится. Не возлагай свои проблемы на судьбу. Немного непонятно, да? – Павел тихо засмеялся.

– Прости, всегда нервничаю во время экзекуции... Все очень просто!

Он, наконец, внимательно посмотрел на Арсена.

– Зло не должно пройти дальше тебя! Не оставляй зло безнаказанным. Если, конечно, считаешь себя хорошим человеком.

– Да что я могу сделать? Глаза мальчишки влажно заблестели. Доводы собеседника показались ему несправедливыми.

– Не хочу так говорить о себе, но я обычный пацан. А их трое. Трое взрослых.

– Пацан, – мужчина улыбнулся, – ты что, собрался их бить? – Вот, уж, глупость. Наказать зло можно по-разному...

И самое главное в наказании – сделать все так, чтобы зло не навредило тебе самому. – Понимаешь?

Нужно сделать все аккуратно...

Чтобы комар не наточил носика...

Мужчина говорил тихо и вкрадчиво. Арсену стало страш-

но, и на руках проступила "гусиная кожа".

– А разве не правильнее прощать? – спросил он. Разве зло не порождает зло?

– Это хороший вопрос, пацан. Правильный... Смотря, какое зло.

Если нечаянное, такое, что вряд ли повторится, то можно и простить. А если такое, как этот... Баскетболист... – мужчина кивнул в сторону пьяного.

– Зло небрежное. Сделанное от скуки или из корысти – то никак нельзя! Иначе, оно будет продолжаться. Бесконечно.

Нужно найти смелость и его остановить...

Павел вдруг встал из-за стола, бросил через плечо короткое "жди тут" и ушёл куда-то в соседний зал.

Его не было пару минут, и за это время Арсен успел решить, что нужно бежать. Также он успел передумать и теперь, когда собеседник вернулся, спросил:

– А вы уже кого-то наказывали? Делали экзекуцию?

– Много раз.

Но если ты собираешься долго заниматься такими делами, то не смей кому-то об этом рассказывать. Запомни: то, что знают двое – знает весь мир.

– Но вот я теперь знаю!

– А что ты знаешь? Павел улыбнулся, – Ты ничего не знаешь...

– Пара напыщенных фраз, как из книжки. Наказание, возмездие... Ерунда.

Но в чем-то ты прав. Скоро ты узнаешь гораздо больше. Даже, думаю, сам попробуешь.

А если будешь слушаться, даже выйдешь сухим из воды...

Баскетболист вдруг вскочил из-за стола. Жестом показал друзьям, что помощь ему не требуется и громко, на весь зал, спросил у бармена, где находится туалет.

– Смотри-ка, – Павел подмигнул мальчику, – новичкам везет...

Через двадцать секунд, как я уйду, вставай и иди за мной. Давай! Погнали.

Мужчина жестом подозвал официанта, рассчитался за чай и нарочито погромче заявил, что на дорожку сбегает, куда надо.

Арсен досчитал в уме до двадцати, поднялся из-за стола и направился в сторону туалета. Ноги были немного ватными, а руки дрожали мелкой дрожью. Хотелось выйти на улицу и бежать пока хватает дыхания. Но разве может простой мальчишка взять и не узнать, чем закончится такое небывалое приключение?

Внутри просторного помещения, выложенного серой плиткой, он увидел Павла, стоящего перед запертой дверцей одной из туалетных кабин. Тот приложил палец к губам и присел на корточки, показывая жестами, чтобы Арсен последовал его примеру. Придвинулся ртом к самому уху и зашептал:

– У меня одна рука... Не удобно... Я за левую... Ты за пра-

вую... На счет три хватаем за ноги и тянем на себя! Понял?

Арсен не понял, но переспрашивать времени не было, потому что мужчина уже начал отсчёт.

– Раз!...

– Два...

– Три!

Резким движением он просунул руку под дверь и, схватив Баскетболиста за левую ногу, сильно дёрнул её на себя. Арсен сделал то же самое, и тяжелый мужчина, безмятежно отливавший в это время, потерял опору и со всего роста, звонко стукнувшись, ударился об унитаз. Из кабинки раздалось неприятное хрипение, и мальчику снова сильно захотелось убежать.

Бежать и не останавливаться целый день!

Словно почувствовав, что творится у него внутри, Павел положил руку на плечо:

– Спокойно, пацан... Это пройдёт... Просто адреналин.

В первый раз всегда пугает. Но мы ещё не закончили. Какую руку он тебе повредил?

Мальчик молча поднял раненую ладонь, а Павел, вытащив за ноги из кабинки бездыханное тело, показал на левую руку пьяного.

– Ломай!

Арсена замутило.

Окружающее пространство начало рябить, мышцы потеряли силу.

– Пацан... Я не шучу...

Начали – должны закончить.

Делай!

Мальчик, толком не понимая, что происходит, подошёл к телу и поднял в воздух неожиданно тяжёлую руку. Принялся выламывать ладонь, но она постоянно выскользывала.

Не хватало силы.

Павел чертыхнувшись остановил это глупое действие и, вывернув руку жертвы неестественным образом, приказал:

– Прыгни на неё!

Арсен подпрыгнул.

Промахнулся и, потеряв равновесие, сам упал рядом. Забыв про травму, оперся, вставая на больную руку, и вскрикнув начал трясти её в воздухе. Наконец, поднялся. Выверив движение, прыгнул снова и двумя ногами приземлился прямо на вывернутое наружу запястье врага.

Хрум!

Раздался мерзкий хруст, пьяный застонал, а мальчик испытал облегчение. Его обрадовало, что он живой. Арсен был уверен, что он мёртвый.

– Молодец! Тихо подбодрил его Павел. Все правильно сделал.

Сейчас я засуну этот мусор обратно в кабинку, а ты убегай в зал и кричи, чтобы вызвали скорую.

Кричи, что человеку плохо. Понял? Давай!

Через пару минут в туалете было полно народу. Все суе-
тились, но больше всех суетился Павел.

"Уже почти выходил", тараторил он "А этот слышу стонет.
Будто щас блевать станет. А потом слышу упал!" "Я хотел
достать, а кабинка-то изнутри заперта" "сказал пацану, чтоб
на помощь звал!".

Все, включая друзей жертвы, слушали и участливо кива-
ли.

Из кабинки, ровными красными кругами по полу разли-
валась кровь.

На парковке, вдоволь надышавшись и немного успокоив
сильно стучавшее сердце, Арсен ощутил что-то похожее на
радость. Ему стыдно было улыбаться, зато Павел делал это
не скрываясь.

– Нормально сделали, да? Спросил он, гордо прищурив
глаза. Комар носа не наточит!

Зло не прошло дальше меня.

На мне запнулось. И упало!

Он засмеялся и мальчик, не удержавшись, рассеялся тоже.

– А давайте машину им сожжём! Предложил он, указывая
на синюю Тойоту, одиноко стоящую в нескольких метрах от
них.

– Не расстраивай меня, мальчик.

Павел резко прекратил смеяться и серьезно посмотрел на
него.

– Неужели ты ничего не понял?!

Если ты собираешься превратиться в чудовище, тебя самого нужно остановить. Почему нельзя жечь машину?

Он схватил Арсена за горло и выкрикнул ему в самое лицо.

– Отвечай! Быстро!

– Потому что, – начал шептать мальчик, – дяденька, я не знаю почему!! Она может быть не его... Или потому что так я наказываю не только его. Я не уверен в том, что делаю! Я увлёкся! Заигрался!! Это несправедливо!

– Наконец-то, – Павел, вздохнув с облегчением, выпустил мальчика.

– Не позволяй злу пройти дальше тебя. Не копай для зла новых колодцев. Не пои его! И не давай силы...

Если жжется и хочется, запомни номер машины. Давай, запоминай!

Но не записывай.

Если не сотрется из памяти через время – начинай искать. А если забудешь – значит, не голодный до мести.

И ещё!

Павел открыл перед мальчишкой дверь грузовика и хитро улыбнулся.

– Самое важное...

Смотри туда... он указал рукой на столб, а затем на здание.

– Видишь камеры? Никогда не сжигай машин перед каме-

рами!

Ровно через тридцать минут они выгрузили мопед у ворот Арсенова гаража. Тепло попрощались и, обменявшись координатами, договорились как-нибудь вместе сходить на рыбалку. Когда мужчина завёл мотор, Арсен запрыгнул на подножку и через окно вручил один из пирожков, припасенных для папы.

Хоть что-то.

На улице уже было совсем темно, когда мальчик, с банкой мёда в пакете вошёл во двор своего дома. Во дворе тишина, значит никто его не ищет.

Ускорил шаг, улыбнулся, представив, как удивится и обрадуется мама, когда он расскажет с какой добычей вернулся домой.

Странно.

Окна темные. В такое время все должны быть дома.

Может, все-таки отправились на поиски?

Тревога холодными червяками шевельнулась внутри. Остаток пути, до самой квартиры, парень бежал.

Тук-тук-тук!

Постучал в дверь.

Тишина...

В квартире никакого движения.

Постучал ещё раз – снова ничего. Приметил маленький белый листок, вставленный в щель между дверью и косяком.

Выхватил, развернул...

Ни черта не видно!

В подъезде который месяц не было света.

Бегом на улицу под фонарь. Споткнулся об порог, чуть не уронив банку. Добежал до неяркого пятна света, принялся читать:

"Сынок!

Маме совсем плохо. Повёз в больницу. Крепись.

Ключи в почтовом ящике.

Папа".

Второй раз за день он уселся на голую землю.

Уставился на пучок зеленой травы, пробившейся через асфальт, и вдруг зло улыбнулся.

– Номер синей машины! – громко сказал он. – Совершенно не помню чертов номер.

Тяжелая тоска накрыла его с головой.

Ууу...

Ууу...

уууу... ууу...

Сотовый вибрирует возле подушки. На беззвучном режиме уже почти скинул сам себя с края кровати.

Уууу... ууу...

Следующий звонок и телефон упадёт.

Хлоп!

Крепкая мужская рука накрыла источник шума.

Молодой человек, немножко помятый после беспокойной ночи, старался сфокусировать расплывающееся спросонья зрение. Смотрел на экран, силился прочитывать имя разбудившего его человека.

"Лора!"

Мужчина нажал кнопку "ответить", затем "громкая связь" и хриплым голосом поздоровался:

– Привет, Лора. Чего?

Взволнованный девичий голос, не тратя времени на приветствие, сходу затараторил:

– Пеликанчик, ты представляешь, этого козла сегодня оправдали. В 8 утра был суд! Его оправдали и выпустили. Он уже выложил свою довольную рожу, написал... Сейчас! Подожди! Прочитаю.

Послышалось легкое шуршание, глухой стук, невнятное бормотание. Наконец рассказ продолжился:

– Читаю!

"Всех, кто в меня верил, спешу обрадовать. Я добропорядочный человек и чист перед законом. Живем, братва!"

Затем куча смайликов, потом он всех приглашает в кафе. Типа проставится для тех, кто поддерживал.

Да, уж. Кажется, никогда ещё так не злилась! Ты слушаешь вообще?

Арсен?!

– Привет, Лора...

Я слушаю, но сквозь сон.

Давай ещё раз и с самого начала.

– Обалдеть, – девушка снова проигнорировала приветствие. – Ты не в курсе истории, как прокурорский сынок избил паренька-ботаника? Ты, как всегда.

Весь город кипит.

– Лора, давай так. Я сейчас буду просыпаться, а ты накидай мне всего, чтобы я разобрался. Что и как.

А потом созвонимся и обсудим, давай?

Из динамика послышались короткие гудки. Судя по всему, подруга бросила трубку.

Мужчина, привыкший к ее темпераменту, улыбнулся и сладко потянувшись отбросил с себя одеяло. Телефон снова завибрировал.

На экране стали появляться сообщения с фотографиями, ссылками и комментариями. Девушка чередовала их со злыми, красными смайлами, было понятно, что вопрос ее очень волнует.

Пройдя в ванную, молодой человек, остановился возле зеркала и морщась, принялся ощупывать нос. Он распух и посинел у основания. Теперь, и без того от природы больше обычного, выглядел просто огромным.

"Вот это носяра! Клюв, а не нос! Пеликан, как есть!"

Мужчина усмехнулся, на скорую руку умылся и, задумавшись на мгновение, отодрал с ударных костяшек правого ку-

лака пластырь. Второй день заживает. Больше кровить не должно.

Пройдя по широкому коридору на кухню, Пеликан поставил на плиту винтажный чайник, вынул из морозильника масло, а из шкафа – хлеб. Оставил это все на столе и подошёл к журнальному столику, на котором стояли две фотографии. Каждая опоясана черной траурной лентой.

На одном фото улыбалась красивая, с роскошными чёрными волосами женщина. С другого — строго смотрел усатый мужчина.

Перед каждым фото стояла небольшая склянка. У мужского – красивая, глиняная с чёрным узором и крестом. Возле женского самая простая, поллитровая, закрытая обычной зеленой пластмассовой крышкой. На боку красовались две вишенки, а внутри было что-то пепельно-серое.

"Мама, Папа, доброе утро!"

Парень привычным жестом по очереди поднял фотографии и поцеловал. Застыл на секунду задумавшись и подвинул банки друг к другу так, чтобы они касались стенками.

Чайник засвистел на плите, выстреливая, словно паровоз из прошлого века, струю белого пара. Арсен взял его с помощью полотенца, чтобы не обжечься, наполнил кипятком керамический заварник.

Он любил пить свежий, только что заваренный чай. Совершенно не выносил дешёвый, тот, что продавался в пакетах.

Приготовив тосты, парень обильно намазал их маслом и клубничным джемом. Откусил хороший хрустящий кусок и запил его чаем. Достал из кармана телефон, принялся читать сообщения от Лоры.

Изучив несколько постов в социальных сетях, он отыскал видео с уличных камер наблюдения. Оно должно было объяснить, чем вызвано такое сильное волнение у подружки...

На экране кадры прогуливающихся людей. Судя по количеству парочек, выходной день. На центральных улицах всегда много влюблённых. Одна пара останавливается. Кажется, худощавый парень в старомодных очках, что-то задумал. Он становится на колени перед своей спутницей и горячо жестикулируя, произносит речь. Девушка притопывает на месте, прикрывает рот руками, явно тоже волнуется.

Наверное, делает предложение...

Вокруг начинают собираться прохожие. Парень, по-прежнему стоя на коленях, неудачно задевает рукой, проходящего мимо человека.

Тот бьет его по затылку, очки слетают на асфальт. Парень подбирает их, надевает, снова получает затрещину, валится на землю ничком. Вокруг останавливаются люди. Все смотрят, но никто не спешит заступиться.

Очкарик снова пытается встать, но агрессор хватает его за шиворот. Девушка пытается помешать, тянет за руку и тут же получает удар в лицо. Садится на землю, щупает голову ладонями. Очкарик расвирепел, вскакивает на ноги и пы-

тается отогнать обидчика. Пропускает мощный удар, падет. Запись прерывается.

Пеликан встал из-за стола, шумно вдыхая воздух.

Он буквально задыхался от гнева.

Лицо покраснело, губы сжались в тонкую линию.

Пройдя несколько кругов по комнате, мужчина остановился возле ударного манекена, того, что в народе называют "Германом". Собрал пальцы в кулак, он выстрелил хлестким ударом прямо в резиновый подбородок. Голова куклы дёрнулась назад, вернулась в исходное положение. Ещё удар. Ещё и ещё...

Он делал только одно движение. Правый, прямой, точно в челюсть. Никаких боковых, нырков, любимых всеми двоек. Строго на результат. С уважением. Стараясь достичь совершенства. Невысокий и легкий, он добился такого мастерства в этом нехитром деле, что запросто мог сбить на землю противника вдвое больше себя. Только один удар, и бой закончен.

Он не был спортсменом, боксером, более того, ненавидел драки. Это умение он шлифовал, чтобы решать вопросы. Устранять неожиданные проблемы. Чистый прагматизм, никаких рисовок.

Триста ударов, и гнев потух. Дыхание снова ровное, можно продолжать заниматься делами.

– Лора, я посмотрел ролик, – Арсен положил перед собой телефон, включив его на громкую связь, и намазывал маслом

новый кусок хлеба.

– Сильно разозлился? Опять сопел? Меня, вот, просто разрывает! Решила, что сегодня пойду в кафе, куда этот Антон всех приглашает. Хочется посмотреть на его рожу. Понимаю, что это ничего не изменит, но может скажу ему гадость в лицо, и самой станет легче. Хочешь со мной?

Вернее не только со мной... Ещё пойдёт Коля. Помнишь того, что на мотоцикле учил меня ездить?

Мы теперь типа встречаемся. Ну, начинаем как бы... Заодно бы вас познакомила...

Придёшь, Пеликанчик?

Арсен выслушал монолог заканчивая завтрак, встал из-за стола.

– Уточни пару моментов. Первое: Как Антону удалось отмазаться?

Ведь есть же чёткая запись. Видно, как он избивает очкарика. И подругу. Второе: Что с пострадавшим? Как он сейчас? И, наконец, во сколько и по какому адресу встречаемся?

– Очень просто отмазался. Его папа – крупный прокурор. К тому же, нанял сильного адвоката, с которым они построили линию, что типа очкарик, так и не выучила как зовут, ударил его рукой, что видно на записи. Что якобы даже внутри что-то повредил – это подтверждает медицинская экспертиза. Купленная, естественно. И что Антон просто бил в ответ. Защищался.

– То есть парень в очках, вскользь задевает козла рукой и

наносит ему супер-травму? Так?

– Да. Говорю же, купили врача. Хотя с его папой и платить не нужно. Все стараются угодить. Мерзкая ситуация! Очкарик с сотрясением попал в реанимацию. В итоге на один глаз ослеп, а подруга его, которая невеста уже, а не подруга, оказалась не из трусливых и раздула через интернет эту историю. Хоть ей и угрожали и рекомендовали молчать.

– А сынок что-то говорит от себя?

– Говорит, скотина. Говорит, что очень благородный. Что несмотря на то, что очкарик сам первый на него напал и причинил физические страдания, он от него ничего не хочет. И что суд на его стороне. И что не надо было руками махать на улице. Что предложение дома надо делать...

В общем, он откровенно издевается. И это самое мерзкое.

– Это ужасная история, Лора. Настроение – будто дерьма наелся. Во сколько и где встречаемся?

– Давай у тебя? Мы заедем часов в семь. Будь готов.

Молодой человек положил трубку и снова полез по ссылкам. Нашёл фотографию пострадавшего парня. На ней он лежал на больничной койке с забинтованным глазом. Сохранил себе в телефон. Туда же скачал пару снимков улыбающегося Антона.

Теперь два этих образа надолго поселятся в его жизни.

Глава 5

Линия реального времени

Распахнув окно, свесившись со второго этажа, я осторожно рассматриваю странную пару, мирно спящую во дворе соседнего частного дома. Пожилой мужчина крепко прижался к молодому парню, причём лежат они валетом, голова к ногам, ноги к голове. Оба трясутся мелкой дрожью, и это понятно, ведь на улице второе апреля, по утрам ещё довольно холодно. Они устроили лежбище на крыльце перед дверью. Козырёк защищает их от дождя, деревянные бортики с перилами от ветра, а куча старого тряпья на полу не даёт окончательно замёрзнуть. Настоящее гнездо! Только вместо птиц в нем живут... Не птицы.

Оно было свито неделю назад, и теперь мне живётся не так скучно. Я смотрю на них осторожно, не попадаясь на глаза, и даже иногда подкармливаю. Сбрасываю на траву что-нибудь из своих припасов.

Насмотревшись вдоволь, я ныряю обратно в комнату и беру чёрного цвета воздушное ружьё. Деревянный приклад удобно упирается в плечо, в руке у меня коробочка с сотней маленьких свинцовых пуль. Резким движением переламываю ружьё пополам, стараюсь сделать это потише, чтобы

не разбудить никого раньше времени. Заряжаю пульку, защелкиваю обратно и готовлюсь к выстрелу.

Встав внутри квартиры, спрятавшись за занавеской, я должен остаться незамеченным. Тщательно прицеливаюсь, ловлю мушкой голую, грязную коленку.

Щелк!

Парень резко дёргает ногой, ударив компаньона в голову, и оба вскакивают, испуганно глядя друг на друга.

Мне смешно.

Я прикрываю рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос и готовлю оружие к новому выстрелу.

В этот раз моя цель мужчина.

Выцеливаю низ широкой спины. Сначала хотел зарядить в пятку, но боюсь промахнуться.

Шёлк!

Старик подпрыгивает от боли, рычит, задрал голову кверху и быстрым рывком валит дружка на землю. Молча и яростно кусает его куда придётся, тот визжит и вырывается.

Щёлк!

Новый выстрел заставляет его отвлечься, и этой секунды достаточно, чтобы парень успел вскочить и, не разбирая дороги, ломануться прочь. Добежав до забора, он ловко подтягивается и перепрыгивает на соседний участок. Обиженно всхлипывает, постоянно оглядывается.

Я, все-таки не сдержавшись, смеюсь и резко приседаю, потому что рассерженный представитель старшего поколения

смотрит в мою сторону. Выжидая пару минут, снова выглядываю и с облегчением вижу, что двор свободен. Что ж, прогнать их было легче, чем я предполагал...

Усевшись на большой диван из коричневой кожи, ядвигаю удобнее письменный стол. Открываю первую страницу разноцветной тетради, долго смотрю на нее, пытаюсь сосредоточиться. Думаю и кручу на палец прядь волос. Никогда не носил длинной прически, но теперь вижу, что это приятно – трогать собственные отросшие кудри.

Бум!

В квартире этажом выше раздается удар.

Будто кто-то с разбега врезался в стену. Быстрый топот и снова удар. Бум!

Я беру в руку карандаш и вырисовываю крупные, заглавные буквы:

ДНЕВНИК

Старательно штрихую их. Закрашиваю, добавляю завитки. Никак не получается написать первое предложение. Это всегда самое трудное – начать.

Бум!

Глухой стук, будто кто-то запустил в стену чем-то тяжелым. Я кладу карандаш, медленно закрываю тетрадь и поднимаюсь с дивана.

"Пора, – говорю сам себе. – Особенный день. Обещал сделать сегодня, значит сделаю".

Начинаю готовиться...

Старую, облупленную гантель советского производства, ставлю возле входной двери. Это будет мой ключ.

С помощью прозрачного скотча приматываю к левой руке несколько пластмассовых пластин от разрезанного ведра. Это мой щит.

Кладу в сумку самый большой из ножей, найденных в кухонном ящике. Это мой меч.

Открываю входную дверь. Выхожу.

Длинный коридор на четыре квартиры, уже несколько месяцев заменяет мне улицу. 25 шагов туда, 25 – обратно. Все двери на этаже распахнуты.

Двушка в конце коридора – туалет; в следующей квартире запас воды; в другой – столовая. Я выхожу из кабинета и спальни...

Поднимаюсь на третий этаж и останавливаюсь у двери соседей сверху. Кладу нож на подоконник, так, чтобы в любой момент было удобно его схватить. Проверяю: надежно ли держится защита, беру гантель.

Всегда было интересно, насколько осуществимо выбить железную дверь.

Примеряюсь. Прицеливаюсь в область замка.

Размах и удар!

Гантель отскакивает, чуть не выскользнув из рук. Небольшие вмятины на обшивке, но не более того.

Новый удар!

Дверь немного прогнулась, по стене пошла тонкая трещи-

на. Прислушиваюсь...

В квартире началась возня.

Блин! Мне страшно...

Новый удар, и трещина в стене стала толще, из нее посыпался на пол песок.

Новый удар! Еще! Еще!

Дверь, выломав косяк, держится на соплях. Заглядываю в образовавшуюся щель и резко убираю голову, вдохнув воющего, спертого воздуха. Жуткий беспорядок: вещи, превратившиеся в лохмотья, валяются по полу.

Пробую открыть дверь и у меня получается. Кладу гантель, беру в правую руку нож.

В квартире светло, все занавески сорваны. Я не спешу заходить и тщательно прислушиваюсь. Пол усыпан разными предметами, но определить хоть один не получается. Каждая вещь изорвана в клочья. Кажется, будто все, что было в квартире, кто-то пытался пережевать и выплюнул.

Есть!

Из дальнего угла кухни доносится слабое сопение.

Сжимаю нож крепче и делаю шаг вперед.

Как же сильно воняет!! Невыносимо!

Повсюду на полу и на стенах следы экскрементов. Противно, но не смертельно.

Несколько шагов в направлении кухни и сопение становится более отчетливым. У меня такая же квартира, поэтому я прекрасно понимаю где, скорее всего, находится цель. Еще

шаг и я её увижу...

Тощая, словно узник концлагеря, девушка сидит на полу, спиной ко мне. Я знаю, она чувствует, что я пришел.

В помещении тихо. Кажется, что мы оба задержали дыхание. Морально я готов к нападению, но не готов к тишине.

Нужно просто подойти и ударить ножом в спину.

Ох! Как не хочется, чтобы она сейчас обернулась. Не хочу видеть лицо!!

Надо делать!

Иначе зачем пришел?

В груди щемит.

Кажется, чувство жалости.

Настрадалась бедная...

Абсолютно голая, видимо, посрывала с себя одежду. На теле нет ни одного здорового места, все изрезано, ушиблено, содрано. Волос на голове почти не осталось, вырвала, наверное, и видно, что очень истощена физически. Я шагаю в её сторону. Девушка начинает раскачиваться из стороны в сторону и тихо, сначала поскуливать, а затем подвывать.

Чувствует!

Чувствует, что сейчас умрет.

Господи! Ну, что за кошмар?! Хочется просто сбежать. Запереться в квартире еще на месяц и скрещивать пальцы в надежде, что все исправится само собой.

Я не хочу убивать ножом человека!! Я не смогу!

"Заткнись! – злым шепотом говорю сам себе. – Соберись!"

Ты мужчина. Обычная жизнь закончилась. Особый день! Обещал, значит делай".

Я шагаю к девушке и резким движением ударяю острием в спину. Раздается мерзкий скрип, и нож отскакивает. На теле остается только небольшой разрез, который через пару секунд вяло начинает кровить.

Больная кричит, а я отхожу назад попятившись.

Идиот! Ребра!! Ты попал в ребра!!

Я готовлюсь отражать атаку, но её нет. Жертва не встает с пола, а, наоборот, заваливается на бок, негромко завывая. Кровь обильно течет у нее по спине, но рана явно не смертельная.

"Закончи дело!!!" – кричу я мысленно сам себе и наношу новый удар.

В этот раз в область почек. Сразу, не останавливаясь, еще и еще!

Девушка только плотнее сжимается в комок, а я продолжаю бить. Вся спина в багровых, мясных разрезах.

В этот раз, однозначно. Она умирает.

"Потерпи, – говорю я вслух. – Уже немного нужно потерпеть!"

Большая лужа крови растекается вокруг тела. Я отшагиваю, чтобы не запачкать обувь и наступаю в дерьмо.

Дрыгаю ногой, пытаюсь сбросить его с подошвы.

Девушка тихо стонет и даже не пытается встать. С каждой секундой звуки становятся тише. Наконец, окончательно за-

тихают.

У меня проступают слезы, и одновременно начинается мутить. Я видел такое в фильмах. После первого убийства всегда мутит. Выбегаю из квартиры и падаю в коридоре на колени. Сменяю воздух в легких, и приступ проходит. Вместо него нутро сжимает животное чувство безнадежности. Только сейчас до меня дошла вся суть того, что случилось в последние месяцы.

Я вою от горя. Вою, задрав голову к потолку от жалости к себе и окружающим. Это мой личный реквием по старому миру...

Дневник.

"Я только что в первый раз убил человека. Я теперь убийца? Моя душа погибла? Ни черта не понимаю. Знаю одно! Сделал это из жалости.

Надеюсь, меня можно простить. Сегодня "особенный день". Месяц назад я дал зарок, что именно сегодня соберусь с силами и перестану прятаться и наблюдать. Начну действовать.

У меня почти закончилась вода. В настольных часах, по которым я слежу за временем и датой, числа уже прозрачные – нужно срочно менять батарейку. Сейчас соберусь с силами, вытру слёзы, словно маленькая девочка, и впервые за долгие месяцы выйду наружу. Мне нужен магазин. Нужда сильнее, чем страх.

Мне очень страшно! Я боюсь знать, насколько все плохо вокруг. Что мир погиб. Что я остался один.

Вечером похороню соседку. Закопаю в палисаднике перед домом. Так будет спокойнее, чем жить с мертвым телом над головой.

Я так соскучился по свежей воде! Та, что стоит у меня в ванной, давно откровенно протухла...

Все! Я пошёл! Удачи мне".

Проснувшись с первым светом, я чувствую себя отдохнувшим. Выскакиваю из-под одеяла, бегу по холодному полу на кухню и, отвинтив крышку новой бутылки, жадно пью. Пузырьки газа до слез продирают горло, я терплю до последнего, пью большими глотками, рычу от удовольствия. Утолив жажду, хватаю со стола шоколадный батончик. Как давно я не ел сладкого! Пряный аромат жареного арахиса пробирает до мурашек. Молочный шоколад обволакивает язык и небо – невероятная вкуснота. Если бы вчера меня самого сожрали по пути в магазин – это того бы стоило.

Закончив завтрак, я вспоминаю о сегодняшних планах. Становится тревожно, но это победимо. Берёшь и делаешь. Распахиваю окно и смотрю на свежую могилу на соседской лужайке. Отмечаю, что можно обложить её по краям камнями, так будет симпатичнее. Больные, которых я вчера спугнул стрельбой, не возвращались. Может, нашли место поуютнее, а может их сожрали соплеменники. Ночью я слышал

визги и крики, но разве по ним можно что-то понять точно. Не могу привыкнуть к крикам больных. Особенно, ночью. Каждый раз, услышав подобное, я просыпаюсь и иду проверять дверь. Все ли замки заперты. Много раз размышлял, что будет, если стая обжор заберётся ко мне в подъезд. Думаю, что это будет опасно. Или смертельно. Как заберутся – так и увидим.

Снова иду на кухню и на скорую руку завтракаю. Ветчина из банки, ох, как же к ней не хватает свежего хлеба! Ароматный консервированный горошек с майонезом. Майонез немного горчит, ведь его срок годности давно вышел, но все равно вкусно. На десерт у меня кусочек халвы. Запиваю свежей водой. Все никак не могу напиться. Соскучился.

Одеваюсь тщательно. Все легкое и удобное. Спортивные штаны, худи с капюшоном, яркие кроссовки. Снова, с помощью скотча, креплю на левую руку защиту из пластмассы. Суну ее в пасть врагу, если придется. Хорошо, что в моей пищевой цепочке нет львов или крокодилов.

Рюкзак на спину, казачью шашку в кожаных ножнах за пояс. Травматический пистолет в карман кофты.

Я готов!

Улица встречает прекрасной весной. Солнце старается быть похожим на летнее, но сил у него маловато. Нормально! Мне все нравится. Несколько дней назад я отметил свой тридцать первый день рождения. Зажег несколько свечей, открыл последнюю банку зеленого чая. Весна всегда была

для меня особенным временем года. Своим существованием она поднимает настроение.

На парковке у дома встречает мой "Хенде". Грязный, но с виду вполне себе целый. Во время прошлой вылазки мне было некогда его проверять. Попробую сейчас. Открываю машину и забрасываю рюкзак на заднее сидение. Сажусь и поворачиваю ключ.

Отлично! Завод с пол-оборота. Странно было ждать ино-го, несколько месяцев – не срок для аккумулятора. Включаю музыку.

Вот это да! Музыка! Звуки старой жизни. Всего несколько месяцев тишины и такой эффект. Помню однажды, ещё в юности, родители взяли меня в лесной домик. Он был настолько далеко от города, что не имел не то что телевидения и радио, а даже электричества. Мы прожили в нем всего пару недель, но я настолько пресытился тишиной, что на обратном пути слушал любую гадость с истинным удовольствием. Откидываюсь в кресле и закрываю глаза. Представляю, что сейчас отъеду от дома, что на соседней улице встану в вечную пробку. Буду злиться, нервничать, торопиться куда-то и слушать радио! Пусть мне рассказывают новости и курсы валют. И о погоде. Хочу слушать о погоде. Среди суеты планировать выходные. Хорошая погода – на природу. Если дождь – посижу в кафе.

От приятных размышлений меня отвлекает нарастающее чувство тревоги. Я не слышу и не вижу ничего подозритель-

ного, но расслабиться больше не могу. Выключаю музыку, глушу двигатель и выхожу.

Иду пешком. Строго посередине улицы. Периодически подхожу к заборам частных домов, заглядываю во дворы. Заходить внутрь пока не хочется. Хочется идти дальше.

Чудесный день! Первые листики, нежные, маленькие, ярко-зеленые. Смотреть на них – одно удовольствие. Я срываю один и кладу в рот, чувствую вкус свежей зелени с небольшой горчинкой, жую его и мне нравится. Птицы поют свои простые песенки, их теперь слышно гораздо лучше. Шум города ушёл и не перебивает голос природы.

Тревога!

В двух кварталах от меня дорогу перебегают большая стая собак. Молча и деловито они исчезают за углом, не обратив на меня внимания. Я убираю моментально ставшую мокрой ладонь с рукояти пистолета и шагаю дальше, значительно сбавив скорость. Собаки...

Сколько должно пройти времени, пока они станут полностью дикими? Уверен, они уже представляют нешуточную опасность. Сбившиеся в большую стаю, голодные и поверившие в себя, они легко способны напасть на одинокого человека. Но, на самом деле, не думаю, что мне нужно сильно их бояться, имея пистолет. Все-таки дворняги – это не волки. Громкий выстрел, наверняка, заставит их струсить.

Я подхожу к растущему у забора ореху и останавливаюсь, положив ладонь на рукоять шашки. Мне жалко рубить де-

ревья, но я очень давно не имел практики. Так уж вышло, что все мое оружие – это пистолет с резиновыми пулями и казачья шашка, доставшаяся по наследству от прадеда. Сотню лет она пылилась по шкафам, но в свою юность вдоволь навидалась приключений. Напилась свежей крови. Прадед прошёл с ней первую мировую и немало порубил голов в рукопашных схватках. Его фотография, на которой он с лихими усами, на чёрном коне, бережно хранится в старом семейном альбоме. В детстве я очень любил его рассматривать.

Придерживаю клинок у пояса левой рукой. Правой выхватываю из ножен и одновременно наношу удар по толстой, с руку, ветке дерева. Мягко спружинив листьями, она падает на асфальт. Осторожно, с уважением вставляю оружие обратно в ножны и повторяю упражнение.

Когда орех лишается большей части нижних веток, решаю, что достаточно. Думаю, я смогу разрубить кого-нибудь если придётся.

Я далеко ушёл от дома, и с каждым шагом мне все больше не по себе. Подпрыгиваю от любого шороха, как испуганный кот. Хватаюсь то за шашку, то за пистолет, но должен признаться, что ни то, ни другое меня не успокаивает. Клинок кажется слишком коротким, пистолет слишком слабым со своими резиновыми пулями. Мне бы огнёмёт, пулемёт и броневик! Вот это была бы прогулка.

В конце квартала появляется собака. Увидев меня, останавливается, поднимает серую морду и нюхает воздух. На

всякий случай остановившись, я поднимаю руки вверх, показывая, что не задумал ничего плохого. Дворняга не виляет хвостом. Издав что-то среднее между воем и рычанием, она, очевидно, размышляет, стоит ли поднимать лай.

"Спокойно, собачка! – говорю ей я. – Ну?.. Чего ты сердишься?"

Идиот! Зачем вообще надо было идти пешком?

"Собачка! – кричу я, сосредоточив в голосе всю любовь и дружелюбие, на которые способен. – Ну? Чего ты, малыш?"

Я лезу в карман, имитирую, что достал что-то вкусное: "Ну? Хочешь? Иди сюда!"

Пёс, глядя на пустую руку, нерешительно мотнул куцым хвостом, но тут из-за угла появилась ещё одна пушистая морда. Продолжая выкрикивать что-то очень доброе, характеризующее меня, как невероятно хорошего человека, я принялся пятиться назад, припоминая о том, что каждый хищник теряет контроль, если повернуться к нему спиной.

Один шаг. Второй. Третий.

Мне бы только дойти до угла, а там уже можно и побежать.

Поздно.

Оба пса, видимо, разобравшись с моим маневром, начинают заливисто лаять, причём, смотрят они не на меня, а куда-то в сторону. Зовут остальных на подмогу. Через секунду из-за дома появляется крупный кобель чёрного цвета. Дело-вито осмотрев округу, он замечает меня и молча, цокая когтями по асфальту, срывается в мою сторону.

Я понимаю, что теперь отступать уже поздно. Достаяю пистолет и, направив его на собаку, стараюсь прицелиться. Нужно подпустить его поближе, иначе только зря израсходую пулю. Откуда-то сзади раздаётся рычание, и я, подпрыгнув на полметра, разворачиваюсь. Не меньше десяти крупных, страшных дворняг бегут в мою сторону. Они бегут совершенно молча, и это делает момент особенно пугающим. Загоняют жертву стаей сразу с нескольких сторон. Как же я недооценил этих долбанных собак! Понимая, что пистолет, из которого даже нельзя убить, теперь совершенно бесполезен, я хватаюсь за край железного, в рост человека, забора и возбужденный выбросом адреналина, легко перепрыгиваю через него. Через секунду на том месте, где я только что стоял, раздается разочарованное гавканье. Шавки так сильно шумят, что мне приходится затыкать уши. Я понимаю, что на этот звук могут прийти более опасные противники, но мне остаётся только надеяться, что этого не произойдёт.

В гараже двора, в котором я оказался, вижу внедорожник Тойота. Останавливаюсь на секунду. Всегда хотел такую машину.

Осматриваю двор, наверняка, где-то можно отыскать ключи.

Два дома друг напротив друга. Наверное, жили две родственные семьи. В моем городе часто так делают – общий двор, но разные жилища, вроде и вместе, но без злоупотребления вниманием.

Двор выложен разноцветной брусчаткой, посередине уютная беседка. Тут и там во дворе симпатичные хвойные растения в кадках. Может, они давно уже мертвые, но если нет – не поленюсь и прикопаю их в огороде. Жалко смотреть, как дерево, которое может прожить пятьсот лет, засыхает в дешевом горшке, оставленное без заботы. Снимаю рюкзак, бросаю его на землю, чтобы не мешал и дергаю дверь машины – заперто.

Само собой. Иначе было бы слишком просто. Трогаю пальцами веточку туи, и она рассыпается у меня на ладони. Подношу к носу, чтобы ощутить запах хвои. Идея с пересадкой была хороша, но я опоздал.

На секунду задумываюсь, с какого дома начать поиски ключей и решаю, что с того, который выглядит побольше. Поднимаюсь на невысокое крыльцо, нажимаю входную ручку.

Дверь открывается, но я тут же захлопываю ее обратно, почуяв сильный трупный запах.

Сердце начинает биться быстрее, в голове уже готова картина, что может ждать меня внутри.

Бах!

Мощный удар с внутренней стороны!

От неожиданности я отскакиваю назад. Забыв о том, что стою на крыльце падаю, нелепо размахивая руками, ударяюсь головой. Не чувствуя боли, вскакиваю, выхватываю из кармана пистолет и бестолково тыкаю им вперёд, пытаюсь

понять, что происходит.

Все просто. За этой дверью обжора.

Настоящий обжора!

Не по телевизору, не в интернете, а тут, в двух метрах от меня.

В голове мысли о том, что, скорее всего, он выжил, отъедаясь собственными родственниками. Наверняка отец семейства. Как самый большой и сильный. Вторая по размерам мать, а значит, если в семье есть дети, начинали с них. Жрали вместе собственных детей!

Бах!

Стук отвлекает меня от бесполезных мыслей.

Я выхожу из оцепенения и встаю с земли.

"Что делать? – шепчу в панике. – Соображай! Валим?!"

Ищем ключи?"

Какой всплеск адреналина!

Я даже чувствую боль в области почек. Каждый удар в дверь делает меня сильнее и невесомее. Кажется, что я сейчас прямо с места могу перепрыгнуть забор или взлететь на крышу.

Бах!

Новый удар...

Я не могу поверить глазам! Дверь открывается... Реальность вокруг застывает.

Какая полезная вещь эта жажда жизни, со своим фирменным замедлением времени в момент серьезной опасности.

Дверь открывается шире. За ней уже видно начало прихожей. Распахивается еще, и я начинаю видеть того, кто скрывается в темноте.

Ох, как мне не хочется его видеть!

"Уйди, скотина! Иди домой!!!" – кричу я истерично, но куда не происходит. Все подчиняется только законам логики.

Он стоит в дверях. Смотрит на меня. Видит меня...

Бежать слишком опасно. Остается бой.

Я направляю пистолет и стреляю. Оглушительный звук и обжора странно охает, делая шаг назад. Спиной пятится в дверной проем и останавливается, держась руками за грудь.

Я попал ему в солнечное сплетение! Удачный выстрел!

Больной ловит ртом воздух, вращает глазами. Падает на колени.

Он задыхается! Классический эффект от удара в солнечное сплетение. Нельзя терять времени, думаю я и стреляю ему в лицо. Резиновая пуля попадает в глаз и выбивает его. Глазницу выворачивает и обжора издает звук, между вздохом и визгом. Звук, по которому становится понятно, что на этот раз я победил.

Больной поднимается на ноги и бежит. С разбегу врезается в соседский забор из стальной сетки, валит его и скрывается из вида, забежав за следующий дом. Крики раздаются все дальше и дальше от меня.

Он долгое время не вернется сюда. Боль и страх доступные для него ощущения. Они делают свое дело.

Возвращаюсь к рюкзаку, достаю два патрона и заряжаю в обойму. На всякий случай. Поднимаюсь обратно и захожу в дом. Меня трясет от напряжения. Адреналин выходит. Это хорошо.

Оглядываюсь в прихожей. Слева вход в кухню, направо в зал, посередине лестница на второй этаж. Очень неприятный запах в доме. Гнилое мясо и еще какая-то мерзость. Не хочу разбираться какая. Атмосфера гнетущая. Впечатление, что стены впитали боль происходящего и сейчас излучают в своего гостя. Хочется поскорее убраться. На полу тут и там человеческие кости. Дочиста обглоданные. Видно, что обжора хорошо потрудились над каждой. Человеческие зубы плохо приспособлены для такого.

Захожу на кухню. Присаживаюсь на стул и затихаю.

Где же могут быть ключи? Где же они...?

Встаю и выхожу обратно в прихожую. Проверяю карманы мужской куртки – пусто. Спортивный костюм, тёплый шерстяной жилет...

Удача! Ключ со значком Тойоты, а с ним на цепочке брелок от сигнализации.

Перед тем как сесть в машину, я решаю прошерстить здешнее хозяйство. У меня так мало полезных вещей, а новый авто такой большой. Сажусь за руль и завожу двигатель. Оставляю его заведенным и иду к постройке, похожей на сарай. Дверь не заперта. Внутри тихо, и пахнет приятно – на

стене висит связка лаврового листа и целый веник ароматных трав. В таких кухнях часто бывает погреб. Сдвигаю ногой в сторону разноцветный коврик и вижу деревянный, крашеный в синий цвет щит с ручкой – вход в подполье. Открываю его и вдыхаю прохладный сырой воздух. Заглядываю вниз и настроение поднимается. В подвале на полках ровными рядами стоят банками с закатками. Вот это двор! Настоящий Форт Нокс!

Иду к рюкзаку за фонариком, спускаюсь в погреб и с удовольствием проговаривая вслух, читаю самодельные этикетки на банках. Простым карандашом на них написано: "клуб." и я улыбаюсь во весь рот. Понимаю, что это домашнее клубничное варенье, настоящая вкуснятина. "Вишня"; "Абр"; "Персик"...

Целые штабелы трехлитровых банок с огурцами и помидорами, полка с пол-литровыми банками домашней тушенки! И, наконец, компот. Не менее 20 больших банок компота из черешни. О, как я его обожаю! Спасибо тебе, здешняя хозяйка! Удачи на том свете!

Не менее получаса перегружаю свалившееся на меня богатство в новую машину. Автомобиль ощутимо просел под весом провизии. Помимо закаток, я нашел во дворе отличный топор и небольшой ломик, забрал аккуратный мангал кустарного производства. Переднее сидение завалил колотыми дровами. Наконец-то поем горячей пищи!

Приехав к дому, я перетаскиваю провизию домой. Так

спокойнее. Была мысль, что можно хранить банки и в машине, но мало ли... В окружении еды сны будут глубже и приятнее.

Я открываю банку с черешневым компотом и с наслаждением выпиваю большую часть. Хватаю ложку на длинной ручке, вылавливаю сладкие ягодки. Выплюываю косточки в открытое окно и думаю о том, что добыл настоящий клад. А сколько еще таких подвалов по городу? Уверен, что не мало. Все-таки, юг России. Люди здесь всегда жили запасливые.

В голову приходит шикарная идея. Есть тушенка большими кусками, есть дрова, мангал и шампуры в шкафу ждут своего часа! Настало время горячей еды! Буду жарить шашлык!

Устанавливаю мангал прямо на лестничной площадке, закладываю дровами и разжигаю огонь. Теперь у меня есть минут 40, чтобы нанизать на шампуры мясо и приготовить остальное. Остальное – это маринованные огурцы с помидорами. Чувствую, что сегодня меня ждет восхитительный ужин! Только очень не хватает хлеба. Или картошки. Ни то, ни другое достать сейчас невозможно.

Я сажусь на стул и смотрю на пламя.

Полностью расслабиться не выходит, ведь сидеть на лестничной площадке – не то же самое, что сидеть в квартире, закрывшись на три замка.

Я неоднократно думал о том, как можно запирать дверь подъезда. Запирать так, чтобы чувствовать себя в безопас-

ности, когда поднимаешься по лестнице. Дельных мыслей не было. С тех пор, как отключилось электричество, магнитный замок домофона превратился в украшение, а установить за-сов изнутри тоже не так-то просто. Дрель не включишь, гвозди и молоток со стальной дверью не справятся. Поэтому банка. Мой стеклянный защитник. Я придумал ставить банку на входе и натягивать от неё шнурок. Войдёшь и запнёшься. Она разобьётся и я услышу. Пока баночка цела и стоит на подоконнике – я тоже цел и относительно спокоен.

Дрова прогорели и превратились в замечательные угли. Я беру шампур и насаживаю на него несколько хороших кусочков мяса. Красота!

Ставлю на мангал, и куски тут же начинают шипеть и капать жиром. Подъезд наполняется чудесным запахом жареного мяса. Одной консервы хватает только на два шампура, но компании у меня сегодня нет и потому, этого вполне хватает.

Мясо уже готовое, долго жарить не требуется. Я снимаю шампур и кусаю прямо с него. Обжигаю рот горячим соком, но именно этого я и хотел. С самого детства люблю, чтобы было горячее. Прочитал в одной книге, что Петр Первый, знаменитый русский император, обожал, чтобы еду ему подавали с пылу с жару. Что для него даже проделали специальное окно в столовой, и повар мог прямо с вертела подать кусок запеченной дичи или тарелку похлебки из котел-

ка. Это показалось мне таким правильным, таким аппетитным, что я, раньше не обращавший внимания на температуру, стал просить разогреть хорошенько. Чтобы прямо как у царя!

Замечательный ужин. То, что нужно после длинного дня. Плотно набиваю желудок и принимаюсь за компот – шлифую чувство блаженной сытости сладкой черешней. Хороший вечер. Лучший за последнее время.

Дневник.

Мне нужны краска и кисть! Буду писать на стенах домов, что ищу выживших. Это кажется неплохой идеей!

Глава 6

Линия реального времени

С наступлением нового утра я решаю изменить свою жизнь. Умыться и побрить лицо... Эти два простых до невозможности дела вызывают столько эмоций, что я перемещаюсь по этажу вприпрыжку. Подпрыгиваю от радости, как ребёнок, в свой день рождения. Вместо подарков у меня: мятный вкус зубной пасты во рту и лёгкие мурашки по лицу от сквозняка в коридоре. Сбрив бороду, избавившись от усов, я словно заново родился. Трогаю щеки, втягиваю воздух ртом, чтобы ощутить ментоловый холодок и улыбаюсь. В моей жизни появилась вода!

Во истину! Хочешь сделать человека счастливым? Забери у него нужное, а потом верни, как было...

Следующая задача – это придумать способ помыться, постирать вещи. Облагородив верх, вспомнив, как это, быть чистым, я начинаю мечтать о большем. Впервые за долгие месяцы. Раньше такие мелочи меня не занимали. Значит начинаю расслабляться. Это все вчерашний ужин! Напомнил, что такое комфорт.

Пора собираться за краской. Все, как решил вчера.

Выезжаю со двора и медленно, не больше 20 км/ч, еду,

куда придёт. Внимательно гляжу вокруг, рассматриваю запертые магазины, дома и машины, припаркованные по обочинам. Пустые улицы...

Снова вижу стаю собак, не меньше 15 штук, но, пока я в машине, мне плевать. Дороги чистые, проезд свободен. Внешний вид города напоминает раннее утро, только нет дворников, и светофоры не работают. И тишина. Такой тишины не бывало даже в самый ранний час.

Паркуюсь у магазина строительных материалов. Достая топор и выбиваю стекла. Быстро нахожу краску и беру несколько банок обычной белой. Хватаю ведро, кисточки и раскладную стремянку. Пригодится, наверное. А нет, так сдам обратно. Уверен, что примут даже без чека.

Проезжаю мимо забора, огораживающего стройку и принимаю решение начать с него. Густо намочив кисточку краской, старательно вывожу крупные буквы:

Выжившие! Ежедневно 10.00 Седина-Головатого Жду.

Сначала я не написал слово "Выжившие". Поленился. Выводить полуметровые буквы в руку толщиной – это целая физкультура! Но потом подумал, что без тревожного слова "Выжившие", мою надпись можно принять за надпись несвежую. Оставшуюся от хулиганов погибшего прошлого.

Осмотрев своё художество, я остаюсь доволен. Если не брать в расчёт, что краска накапала на асфальт, на штаны и

кроссовки, выглядит ярко и привлекательно! Стремянка не пригодилась. Какая разница, на какой высоте буквы, если их видно даже с соседней улицы?

Новое утро и новый день. Солнце приятно греет щеку. Вставать совершенно не хочется. В городе тревожно и неспокойно, а за стальной входной дверью хорошо. Дверь и одеяло защищают меня.

"Некуда спешить", – говорю я вслух и отворачиваюсь к стенке.

Новый полдень и новый день. Солнце прогрело спальню и я скидываю одеяло на пол. Делаю зарядку, не вставая с кровати. Вспоминаю, где вчера положил дневник.

"Дорогой дневник.

Раньше я часто думал о жизни в лесу или на берегу моря. В мечтах, непременно, зимнего... Чтобы без людей и суровая природа вокруг.

И я, такой молчаливый и самодостаточный. Грею чай на огне, пишу книгу о конце света. Воспитываю собаку и кота...

Сегодня ночью я осознал, что быть без людей приятно только на время. Что насладившись тишиной, испытываешь глгучую потребность кому-нибудь об этом рассказать.

Без контраста с шумом и суетой одиночество из приключения превращается в пытку.

Я увидел только его тень, но уже испугался!"

Принимаю решение потратить остаток дня на надписи. Если в этом городе есть кто-то, кроме меня – я должен его отыскать.

Дневник.

"Сегодня, исписав уже чертову кучу домов, я вдруг понял, что у меня нет будильника. Встаю во сколько придется. Иногда глубоко за полдень. Зачем? Зачем я пишу 10.00??

В чем смысл этого времени, если меня там нет?

Даже "00" не забыл! Такой пунктуальный... Идиот...

Ладно.

Я вышел из ситуации. На самом знаменитом теперь перекрестке города – на моем перекрестке, написал: "Шумите! Скоро буду!"

Ты меня, дневник, не ругай. Это мой первый конец света".

Новое утро нового дня.

С каждым рассветом солнце становится ласковее, а воздух ароматнее. Я перестал закрывать окна. Пусть мой дом наполняет весна!

Радостный писк воробьев, рассеявшихся на ветке абрикоса, поднимает настроение. Как им удаётся всегда быть такими бодрыми? Наверное, занимаются физкультурой и правильно питаются. Клюют только полезное.

"И вам привет! – кричу я птичкам. – Залетайте на угоще-

ние!"

На завтрак ветчина с сухими хлебцами и кофе с молоком из пакетика. Ради этого напитка я не ленюсь разжечь огонь и вскипятить воду.

Вдоволь нахрустевшись, разминаю в крошки половину пачки и высыпаю на карниз за окном. А то неудобно получилось. Позвал воробьев – хороших ребят на угощение и ничего не предложил. Так друзей и теряют! Непозволительный поступок в новом, одиноком мире.

Завожу машину. Сегодня очередь Тойоты. Особых планов нет, хочу просто кататься и смотреть по сторонам. Вдруг попадётся что-то интересное?

Сегодня объявляю выходной! От этого слова всегда пахнет приключениями. Вечером посоветуюсь с дневником. Появилась идея объявить выходными все дни до конца года! Думаю, что так в моей жизни станет гораздо меньше тревоги и стресса.

Бензина в баке почти на дне. Я заруливаю во двор 20-ти этажного дома. Машин в нем – одна на одной, натуральная заправка, если не лениться. Процесс уже отработан: отверткой вскрываю крышку бензобака, ломиком сбиваю пробку. Запускаю резиновый шланг поглубже и тяну ртом бензин, как коктейль из бокала. Главное успеть в нужный момент вставить шланг в канистру. К сожалению, получается не всегда и потому теперь, я знаю, каков на вкус бензин.

Вскрыв несколько машин, я заправил бак под завязку и набрал полную канистру про запас. Этого, с моим ритмом жизни и плотностью поездок, должно хватить надолго.

Выезжая со двора, притормаживаю и гляжу на окна. Раньше я просто обожал в них подсматривать. Выхватить взглядом кусочек комнаты и представлять, фантазировать... Как там живётся?

Наверняка очень уютно!

Школьник готовит домашнее задание. Настольная лампа. Жёлтый свет. Раскрытая тетрадь и учебник.

Грызёт колпачок у ручки, думает и мечтает, глядя на старый глобус. На нем столько названий! Миллион городов!

Скоро придёт с работы добрый папа, принесёт маме цветы и продукты. Два толстых пакета, из которых выглядывают батон с хрустящей корочкой и бутылка кефира с широким горлышком. Вареная колбаса, пачка сливочного масла. С ним на утро будут бутерброды для завтрака.

Мама в переднике обнимает его, привстав на цыпочки. Целует, называет добытчиком.

В телевизоре фильм.

Из кухни по всей квартире разносится запах курицы с чесноком. Она жарится в горячей духовке и согревает весь дом.

Вот бы сейчас к ним! Хоть на один вечер! Пусть даже невидимкой.

Просто сидеть тихонько, смотреть, слушать и наслаждаться покоем.

Интересно, сколько людей осталось в квартирах?

Какого это, потерять разум и быть запертым в четырёх стенах?

Большинство из них давно погибли от голода и жажды. А те, кто вырвался, гуляют сейчас по улицам.

Черт знает, кому лучше... Наверное, все-таки тем, что гуляют.

А что, если забраться на крышу и с нее осмотреть город? Как-никак, 20 этажей. Одно из самых высоких зданий в районе.

Я захожу в подъезд и проходя мимо лифта, автоматически нажимаю кнопку вызова. Пару секунд жду. Картинно ругаюсь вслух, что он "вечно не работает".

Обещаю "пожаловаться куда следует".

Двери...

Двери на каждом этаже. За любой из них разные истории, целый мир.

Здравый смысл подсказывает – вскрывать их бесполезный труд.

Что может быть внутри?

Сокровища? Артефакты?

Вряд ли.

В лучшем случае, ружье и набор консервов. Мерзкая вонь и мертвецы.

Я хочу ружье. Ружье это просто замечательно, но закончив с металлической дверью, пропотев над ней кучу време-

ни, я скорее всего упрусь в сейф. Ружья часто хранят именно в них.

Прохожу этаж за этажом, присаживаюсь на ступеньки отдышаться. Впереди, прямо передо мной, заветная дверь, ведущая на крышу. Внутренний замок падает на бетонный пол, и я, спрятав гвоздодёр обратно в рюкзак, делаю шаг на залитую солнцем крышу.

Какая красота!

С высоты птичьего полета я не вижу мелочей. Кажется, будто город живой. Все, как раньше, только машины не движутся. Стоит спуститься, и конец света пройдёт!

Начнёшь тогда радоваться, подбегать к людям! Хватать их, зацеловывать. Интересно, через сколько меня начнут бить?

Я подхожу к невысокому бортику и жадно всматриваюсь в окрестности. Крыши домов, дороги, деревья...

Отсюда хорошо видны дальние районы, в которые я еще не заезжал. Пытаюсь разглядеть какой-нибудь знак. Может быть, кто-то ищет меня?

Не сегодня...

Хочется похулиганить!

Я поднимаю кусок кирпича и, выставив его над бездной, выбираю цель. Сбросить кирпич с 20-го этажа...

Внизу столько интересного! Очень жаль, что он только один.

Тщательно прицелившись, разжимаю пальцы, отпускаю

снаряд навстречу авто, припаркованном возле подъезда. Успеваю досчитать до десяти и с восторгом рассматриваю дырку в лобовом стекле. Блестящие осколки разлетаются по всему двору, а машина начинает мигать в такт сработавшей сигнализации.

Буду спускаться...

Выхожу на улицу и думаю о том, что можно установить на крыше флаг или что-нибудь в этом роде. Его будет видно из любой точки города. Можно сорвать баннер и на обратной стороне...

Что-то мелькнуло впереди между машинами!

Я присел на корточки и испуганно слушаю.

Ничего...

Встаю в полный рост и слышу шорох. Совсем рядом, за спиной.

Резко обернувшись, в нескольких метрах от себя вижу обжор. Они спрятались за машиной и внимательно смотрят. Пытаются угадать мое следующее действие.

Я смотрю на них, а они на меня...

Понимаю, что стоит двинуться и начнётся атака.

Краем глаза замечаю движение сбоку.

Это настоящая охота! Меня окружают!

Ааааа!

Я истошно кричу, чтобы сбить врага с толку и срываюсь обратно к подъезду.

Обжоры кинулись вслед за мной. Погоня началась.

Забегаю в подъезд. Нервно осматриваюсь. Пытаюсь понять, можно ли чем-нибудь забаррикадировать дверь. Страх делает свое дело, и я ощущаю, что могу взлететь на двадцатый этаж буквально за несколько секунд.

В дверном проеме появляются силуэты охотников.

Я сбиваю со стены длинный ряд почтовых ящиков и с яростным криком швыряю их в дверь.

Это пугает моих преследователей, но на пару секунд, а я начинаю бежать.

Второй этаж, третий, седьмой, одиннадцатый...

На двенадцатом я вдруг чувствую боль в груди. Слишком быстро!

Для моего организма такой рывок может оказаться смертельным – нужно сбавить темп.

Сердце колотится так, что кажется, будто оно порвало грудную клетку и бьется где-то снаружи. Пот застилает глаза, во рту пересохло. Я продолжаю подниматься. Где-то внизу, с отставанием в несколько этажей, идут они. Я слышу, как шлепают по ступенькам босые ноги.

Как же хочется жить!

Быть сожранным заживо – это непостижимо. Иду выше.

Предпоследний этаж.

Хрипы и тяжелое дыхание слышны на несколько этажей ниже. Мои враги тоже не члены олимпийской сборной.

С крыши бежать будет некуда. Оружия нет. Убийственная беспечность.

Думал, просто схожу прогуляюсь... Что опасного может быть в подъезде?

Пытаюсь выломать гвоздодёром замок одной из квартир, но он не поддается.

Бросаю попытки, услышав, что охотники уже на соседнем этаже. Подбегаю к двери, ведущей на крышу, выскакиваю на воздух и блокирую вход. Вставляю гвоздодёр в железные ушки, предназначенные для замка. Остаюсь без ничего. Мой единственный инструмент теперь недоступен.

Выкусили, суки?!

Я ору в сторону прохода и валюсь на спину от изнеможения. Лежу на черном рубероиде, как рыба на песке, жадно хватаю ртом воздух и смотрю в голубое небо.

В дверь начинают ломиться. Я поворачиваю голову и лениво смотрю, как дергается от ударов гвоздодер.

Мне некуда бежать. Я в ловушке. У нас ничья.

Ничего! Придумаю что-нибудь!

Дыхание выравнивается... Сердце замедляется, возвращаются силы.

Я встаю и смотрю по сторонам. Положение действительно скверное.

Уже несколько часов я пытаюсь придумать решение. Обжоры ослабили натиск, но не уходят. Я прекрасно слышу через дверь рычание и повизгивание.

Смеркается.

Становится холоднее и ужасно хочется пить.

Интересно, когда они уйдут?

С холодом и голодом я могу справляться, но что делать с жаждой?

Нет ответа. Это мой первый раз.

Замёрзнув окончательно, я свернулся калачиком, но согреться не получилось. Поднимаюсь на ноги и начинаю выхаживать по кругу, пытаясь разогреть организм, унять мелкую дрожь.

Ночь.

Полная тишина и...

Стоп! Тишина!

Я подбегаю к двери и прикладываюсь ухом.

Тихо.

Не веря, что бывает такая удача, сильно бью ногой по железному листу. Шум слышен на весь подъезд.

Снова прикладываю ухо. За дверью начинается возня. Добавляются звуки бормотания, пiski, рычание.

Не ушли... Они, твари, просто спят!

Я снова пинаю ногой по обшивке и кричу:

"Ну что вы пристали ко мне?! Жрите друга друга, сволочи! Валите! Я вас всех убью, твари! Вот увидите!"

В бессильной злобе я вою, задрав голову к небу, понимаю, что в этот раз смерть взялась за меня очень серьезно.

Нужно дать им бой! Выну гвоздодер, открою дверь и буду бить их по одному! Пусть, суки, лезут через узкий проход!

Идея неплохая, особенно с учетом того, что других просто

нет.

Но сколько их? Точно не меньше десяти...

Это ужасно много! Возможность запугать их ударами тупым, не слишком тяжелым предметом, минимальна. Если бы был с собой пистолет!

Просунул бы в щель и выстрелял всю обойму. Уверен, после этого они бы оставили меня в покое. Но пистолет остался в машине. Так же, как и сабля. Посчитал, что с ним в подъезде будет неудобно.

Неудобно, блин.

Была бы у меня шашка! Я бы прямо сейчас, на кураже распахнул дверь и показал сучарам, что такое казачья удаль!

Острая шашка – это не гвоздодер. Против безоружных тел из плоти и крови, которым даже закрыться нечем это грозное оружие.

Ладно... Какой смысл думать о бесполезном?

Появляется новая мысль, и я подбегаю к краю крыши. Перевесившись через низкий бортик, стараюсь выглянуть как можно дальше. Не даю себе думать о высоте.

Вроде сходится!

Я могу спрыгнуть на крышу балкона. Балкон, конечно же, застеклен, но ведь можно выбить стекла! Затем аккуратно опускаться на руках и молиться, чтобы нога не соскользнула вниз, когда коснется оконной рамы.

Затем...

А затем, как пойдет! Я готов рискнуть!

Падение я считаю более приятным концом. Обжоры страшнее.

Снова хожу кругами. Готовлюсь морально к предстоящей вылазке.

Ну что?! Перед смертью не надышишься! Вперед!

Резко дергаю гвоздодер из дверных ушек. Он с лязгом вылетает, а я вставляю на его место перекрученную в несколько раз телеантенну. За дверью начинается активность, обжоры проснулись и начинают новую попытку выломать дверь. Со злой радостью я понимаю, что назад пути нет. Антенна долго не выдержит!

Остается или драться или сваливать! Я твердо выбрал второе, а значит пора заглянуть в глаза страху высоты.

Подхожу к краю и аккуратно, выверяя каждый шаг, перелазу за ограждение.

Это хорошо, что темно и я не могу видеть, сколько воздуха собралось под ногами. Плохо, что воображение услужливо восполняет картину.

Я на крыше балкона. Ограждений больше не будет. Страховки тоже. Поразительно, насколько неуверенно ведет себя человек в подобных ситуациях! Был бы этот балкон на первом этаже я бы скакал, словно козлик, смеялся и шутил бы.

Но он на последнем.

Двадцатом!

И теперь, несмотря на холодный ветер, я потею от напряжения.

Берешь и делаешь. Все то же самое, но без ужаса внутри. Нужно просто вздохнуть несколько раз поглубже и искренне представить, что опасности нет.

Разбил. Спустился. Залез внутрь...

Поехали!

Я ложусь грудью на самый край и примеряюсь. Щупаю гвоздодёром окно, скриплю железом по стеклу.

Замах и удар! Раздаётся звон.

Отлично!

Передвигаюсь немного в сторону и повторяю. Пока все получается.

Окна разбиты.

Берёшь и делаешь...

Забрасываю инструмент внутрь квартиры, разворачиваюсь задницей к пропасти и потихоньку спускаю ноги вниз. Все больше и больше меня отпавляется за край.

Уже по пояс в воздухе! Пока все нормально, но нащупать твердый проем я смогу только спустившись по грудь.

Есть! Я стою!

Теперь дело техники. Аккуратно приседаю, хватаясь за оконные рамы и прыгиваю на пол.

Входная дверь! Если она заперта изнутри, все отлично! Если снаружи, маневр был бессмысленным. Начну выламывать, обжоры спустятся на шум и с удовольствием подождут, пока я закончу. На самом деле, для того, чтобы понять, как заперта дверь, не обязательно к ней идти. Если в кварти-

ре мертвец – значит мне повезло, если жильцы не на месте, можно начинать спуск на этаж ниже.

Открываю балконную дверь и захлебываюсь жуткой вонью.

"Труп! – радостно восклицаю я. – Труп внутри!"

Как можно быстрее прохожу через темную комнату, стараясь поменьше оглядываться вокруг. Пробираться приходится на ощупь, но я привык обходиться без света.

Коридор, дверь налево, ещё одна комната. Лунный свет на полу подсветил черный столик. Белый лист на нем выглядит так пронзительно, что я замираю. Прощальная записка. Ее автор лежит за стеной...

Мне становится интересно, хочется узнать, что он думал в последний момент и я хватаю листок, несу его ближе к свету. Мелкие строчки обычным карандашом, почерк красивый, спокойный:

..... стихи.....

Это все. Я аккуратно сгибаю бумагу. Складываю несколько раз и сую в карман. Как жаль! Жаль, что мы не дружили, пока ты жил. Обещаю, что если удастся выбраться, если мне суждено продолжать – я не забуду тебя. Вернусь и похороню твоё тело. Будь спокоен, человек. Начинай новую жизнь там, куда ты отправился!

Я снова в коридоре. Медленно подхожу к металлической

двери и, сжав в пружинку каждую мышцу, прекратив даже дышать, открываю замок и поворачиваю ручку. Выхожу на лестничную площадку, тщательно прислушиваюсь.

Возня и невнятный лепет этажом выше. Сжимая в руке свой верный гвоздодер, я тихо-тихо, на носочках, начинаю идти по ступенькам.

Бах!

Звук закрывшейся с размаха двери звучит в безлюдном подъезде, как взрыв бомбы.

Идиот!

На верхнем этаже визг, грубые выкрики, шарканье множества ног.

В глубине души я понимаю, что это ошибка, что нужно спускаться тихонечко, надеяться, что обжоры ничего не поймут, но нервы не выдерживают, и я несусь вниз, перепрыгивая целые пролеты!

Я барабаню ногами по клавишам ступеней, и лестница звенит, как бетонное пианино! Я – чертов композитор и мои ноты – погоня! А муза – жажда жизни!

Добежав вниз замираю.

Топот! Они уже рядом.

Выскакиваю на улицу, подбегаю к машине, ищу ключи.

Бежать дальше?

Скорее всего, догонят.

Мне нужны эти чертовы ключи!

Первый силуэт с рычанием выскакивает из подъезда.

Смотрит по сторонам, тяжело дышит.

Я разбиваю гвоздодером заднее окно и хватаю с сидения шашку.

Второй, третий, пятый, седьмой...

Охотники выбегают, вертят головами, ищут меня.

Нашли!

Тот, что появился первым, уже со всех ног бежит в мою сторону.

Я влезаю на капот машины, а затем на крышу. Выхватываю саблю из ножен и несколько раз подпрыгиваю, чтобы продавить поверхность для большей устойчивости.

"Готов", – кричу я. Начинается первый настоящий бой в моей жизни.

Стоя на машине, я выше головы любого из обжор. Единственный способ достать меня – это залезть через капот или дотянуться до моих ног, чтобы сбросить на землю. Больной, возбужденно фыркая, бегаёт вокруг. Я не собираюсь ждать, пока они навалятся скопом и наношу удар первым.

Короткий свист лезвия, и его лицо пересекает широкая линия. Охотник, сильно перепугавшись, закрывает рану двумя руками, и уже через секунду из-под его ладоней потоком хлещет кровь.

Новый удар!

Несколько пальцев перерублены и повисли на лоскутах кожи. Обжора кричит и убегает в сторону. Уцелевшей рукой суетливо трогает раны. Этот больше не страшен.

Оружие на изготовку.

Сразу трое подбегают вплотную, но остальные смотрят с расстояния. Видимо, стоны и вой товарища их нервируют.

Первый на капоте. Старается забраться ко мне, с лицом перекошенным от ярости и решимости. Это может быть опасно!

Нельзя, чтобы у него получилось. Я дергаю ногой в его сторону, и он, поскользнувшись на лобовом стекле падает, ударившись подбородком. Выигранной секунды хватает, чтобы сделать выпад.

Удар!

Он снова приходится по лицу. Разрез начинается от уха, проходит через щеку и кончается на шее. Жертва хрипит, хватаясь руками за горло, и заваливается с капота на асфальт. Я резко поворачиваюсь в другую сторону и рублю по руке, которая схватила меня за кроссовок. Лезвие проскакивает по кости, срезая плоть, но не перерубая её. Рука отдергивается, двор наполняется визгом. Третий из нападавших отбегаёт подальше и примыкает к группе наблюдателей. Они явно в недоумении. Не решаются атаковать, но и бросать на полпути не хотят.

Уже начинает светать, и я вижу, что многие из охотников все чаще смотрят не на меня, а на двух затихших товарищей, которые, скорее всего, еще живы, но не способны сопротивляться. "Люди! Во что вы превратились?" – говорю я с издевкой, но это, конечно, от нервов. Сразу несколько больных

двигаются в мою сторону, и я хватаю шашку поудобнее. Первый кидается и получает точный удар по шее. С такой высоты целить в шею гораздо удобнее. Раздается шипение, будто кто-то спускает воздушный шарик. Похоже, что я повредил ему дыхательные пути. Ничего! Теперь будет вдыхать через разрезанное горло.

Осмелев и почувствовав силу, я спускаюсь на землю. Ближний ко мне тут же кидается, выставив вперед руки, и я, чуть присев, рассекаю клинком воздух, а также живот нападающего. Кишки с отчетливым хлопком выпадают на асфальт, а обжора, не понимая произошедшего, падает на колени и трогает опустевшее брюхо, тихо поскуливая.

Оставшиеся в живых, принимают правильное решение и не оглядываясь бегут прочь со двора.

"Не забудьте сожрать тут все за собой!" – кричу я им вслед и подхожу к продолжающему стоять на коленях раненому. Перехватываю шашку, примеряю удар к шее, широко размахнувшись, рублю.

Голова отделяется от тела, и с глухим стуком падает на асфальт. Я первый раз слышу подобный звук. Можно услышать нечто похожее, если бросить на пол автомобильный огнетушитель.

Тело, из которого мягкими рывками вытекает кровь, продолжает сидеть на коленях, словно в японском фильме.

Омерзительно, но не ужасно...

К живописным лужам крови нужно привыкать, если я со-

бираюсь прожить подольше. Вставляю оружие в ножны, отметив про себя, что на лезвии совсем нет крови и вспоминаю, что оставил ключи от машины на переднем колесе. Сажусь за руль, чтобы запутать следы, петляю пару кварталов. Оказавшись дома, жадно и долго пью, заглушаю давнюю жажду. Не раздеваясь, заваливаюсь на кровать и накрываюсь с головой одеялом...

Глава 7

Линия Кэтти

Основной дом был построен добротно. Из толстых круглых бревен, с маленькими окнами, теплый и крепкий. Стоило запереться внутри, и ты в крепости.

Усевшись в глубокое кресло, охотник жадно пил, не успевая проглатывать. Вода текла по подбородку, вкусная и холодная.

Мужчина почувствовал голод. Вскипятил на огне кипятков, заварил два пакетика каши.

Подкрепился горячим, ощутил, как тепло растекается в теле.

Вековая усталость...

Поскорее в постель под тяжелое одеяло. Как приятно...

Старик укрылся по самые уши, провалился в подушку, уснул.

Утро.

Быстрыми круговыми движениями Кэтти растер лицо, чтобы прогнать остатки сна. Поднялся с постели и вдруг, с неожиданной легкостью, задрал ногу к голове, сделал свечку. Постоял несколько секунд, сменил ногу. Подошёл к стене и,

встав на руки, отжался с десяток раз вниз головой. Быстро поел, взял ружьё, вышел на улицу.

Во дворе все было по-прежнему. Словно и не было вчерашнего дня. Солнце золотило траву, протоптанные дорожки и аккуратные грядки. Земля оставалась нетронутой, а значит в этой части двора чудовище не хозяйничало. Вспомнив, как терпеливо, не издав ни звука, оно дожидалось его под дверью, охотник нервно вздрогнул. Запросто может быть, что и сегодня на него устроена засада. Нужно быть внимательным и умным.

Чертовски жаль, что в своё время, вместо того, чтобы пройти курсы охоты на крупных животных, он пошёл на занятия по дизайну интерьера. Промышлять мелкую и среднюю дичь мужчина умел с детства – наука от отца, а вот крупного зверя в их краях не водилось, и потому это особенное умение осталось для него неизведанным.

Перебираясь в лесной лагерь, охотник слишком понадеялся на заборы и колючую проволоку, а к сложившейся ситуации был не готов.

"Итак, – сказал он вслух сам себе, – применяем разум и побеждаем! – Мужчина принялся ходить по комнате и, собрав пальцы в колечко, как делают итальянцы, размахивать рукой в такт мыслям. – Что мы имеем? Ружьё. В хозблоке можно отыскать пару гранат. Несколько ножей, топоры, бензопилу и... По-моему, я видел там капканы... Старые, ещё от прошлого хозяина... Если к задаче подойти грамотно –

победить можно.

Патроны...

В карабине обычные патроны со свинцовыми пулями. В медной оболочке. Такая пуля прошьёт любого, кто сделан из мяса и костей. Прошьёт навывлет. Пролетит, оставив две аккуратные дырочки... Но останавливающего эффекта никакого. Только если попасть в мозг или в позвоночник. Дробовик! Вот, что было бы очень кстати, но где его взять? Чертов дизайн интерьера!! Чертов сапожник без сапог! Жить в лесу без нормального ружья. Идиот!"

Мужчина ещё долго ругался вспоминая, как получал диплом, как подбирал в своём доме занавески и диваны по цвету. Тогда это казалось милым. Хотелось в жизни чего-то лёгкого. Сейчас хотелось разбить тогдашнему себе нос! И сделать это модной вазой! Или абажуром... Непременно бордового цвета, чтобы в гармонии с кровью, которая брызнет на пол.

Мозг понимал, что пройди он хоть все курсы самых именитых медвежатников и львятников мира, сейчас они мало чем могли бы помочь. Выкручиваться нужно с тем, что дано именно в этом уравнении.

Обойдя лагерь и заглянув за каждый угол, мужчина убедился, что ночной гость покинул базу. Тем не менее, долгожданное спокойствие не возвращалось. Если пришёл однажды – сможет прийти и снова. Необходимо найти, как именно зверь проник на территорию и лишить его возможности

проделать этот фокус ещё раз.

Во время обхода охотник внимательно осмотрел забор: везде он оставался нетронутым. Везде, кроме зарослей малины, где произошло их первое столкновение. У Кэтти заныло внизу живота. Возвращаться в кусты, которые принесли столько страха, совсем не хотелось. Дикий малинник, оставленный внутри территории бывшим хозяином, представлял собой заросли колючих, запутанных кустов в человеческий рост. Казалось бы, выруби их, и дело с концом. Но так мог поступить только тот, кто ни разу не пробовал диких ягод! Их дивный, как говорили древние писатели, "чарующий" аромат разносился по всей округе. Чувствовался даже в доме за закрытой дверью. А какое варенье можно было наварить? Идеальное к утренней каше.

В общем, если пролом в заборе существует, то самое место для него именно там!

Охотник прошёл мимо раскуроченной двери хозяйственного домика и остановился. Казавшаяся раньше милой и уютной постройка теперь вызывала чувство неприязни. Заляпанный кровью пол, сломанная крыша – теперь этот сарай проще сжечь, чем полюбить заново.

Кэтти остановился перед кустом малины, и прямо перед его лицом оказалась ветка, сплошь облепленная спелыми, сладкими плодами. Он наклонил её к себе одной рукой и губами принялся собирать сочные ягоды.

"Ничего! Все не зря, – неуместно громко проговорил он. –

Сейчас устранию прореху и заживу, как раньше. Жаль, что пса не вернуть, но такая нынче жизнь. Моих желаний никто не спрашивал".

Звук собственного голоса придал уверенности и мужчина, выставив перед собой дуло ружья, полез в самую глубину. Маленькими шагами пробирался к забору.

Получилось так, как он и предполагал. Под забором был подкоп. Огромная яма с ровными краями и глубокими следами от когтей. Сердце заколотилось быстрее, охотник присел на корточки и прислушался. С той стороны никаких необычных звуков. Только чириканье и легкий шум ветра в листьях.

Кэтти нырнул в углубление под оградой и через пару секунд уже был в лесу.

Вокруг такой же точно малинник. Заросли уходят в чащу...

Снова принялся собирать и отправлять в рот ягоды, видимо, это было нервное. Параллельно осматривал образовавшуюся брешь и прикидывал, что можно сделать.

"Для начала вернуться в лагерь, – сказал он себе под нос и, встав на четвереньки, устремился обратно в яму. – Ничем из того, что есть у меня в хозяйстве, заделать такую дыру не получится. Засыплю яму землей, утрамбую, как смогу – все это чушь. Разроет обратно за пару минут. Можно завалить всяким хламом... Но очевидно, что это тоже ерунда. Здесь нужно что-то радикальное... Например... Умертвить

шерстяное чучело!"

На этой фразе охотник улыбнулся и поспешил в хозяйственную часть основного дома. Выкинув на улицу бочки, ящики и лопаты, добрался до полки, на которой видел медвежий капкан.

Есть! Не показалось. Пару месяцев назад во время уборки он так больно ударился о него мизинцем, что пришлось взять выходной!

Большие, ржавые зубья были сомкнуты, словно пасть, и разомкнуть эти челюсти голыми руками не под силу было даже настоящему силачу. В дряхлом мешочке, лежавшем рядом, Кэтти нашёл специальное устройство для разжимания пружин, а также звонкие металлические цепи, служившие для того, чтобы удержать на месте того, кто попадётся в ловушку.

Охотник вынес барахло на свет из полутёмного склада и принялся настраивать капкан. Инструкция, к сожалению, не прилагалась и потому, до всего приходилось додумываться самому.

Готово!

Не менее полуметра в диаметре, с зубьями сантиметров по пять каждый, взведённый капкан смотрелся как что-то средневековое. Взяв черенок от лопаты, мужчина ударил по центру, и челюсти резко захлопнулись, перебив деревяшку пополам.

"Динозавр! Крокодилище! – восхищенно прошептал Кэт-

ти и пошёл домой за ещё одним нужным звеном будущей ловушки – ручной гранатой...

Разложив приспособления возле ямы, он приступил к работе.

Первым делом примотал прочным скотчем гранату к спусковому механизму капкана. Получилось, будто он положил угощение для мышки, только вместо сыра была маленькая бомба с блестящей чекой. Теперь нужно, чтобы чека выдернулась, когда ловушка захлопнется на лапе.

Для этого подойдет цепь.

Один конец прикрепил к чеке, а другой забил костылем в землю. Когда зверь придет снова, то передней лапой угодит в капкан. Дёрнется назад и утащит гранату в лес. Без чеки.

Несколько секунд еще поживет, убегая подальше, ну, а потом справедливый гнев его настигнет.

План мужчине понравился. Все просто. А значит, должно сработать.

Финальным штрихом стала банка тушенки, рассыпанная возле сарая. В какой-то момент охотник заперезживал, что попасться может обычный енот, но затем исключил этот вариант. Еноту не хватит веса, чтобы нажать на спусковой механизм.

Большое дело было закончено. Оставалось только ждать...

С момента установки ловушки прошло уже двое суток. Дни, раньше незаметно пролетавшие, теперь тянулись

непривычно долго. Каждое дело, за которое брался Кэтти, не шло. Ничего не получалось, все валялось из рук. Чувство тревоги, поселившееся в тот ужасный день, не уходило, нарушая все планы и мешая работать по хозяйству. Стоило встать на четвереньки и начать заниматься грядками – тут же мерещилось, что сзади треснула ветка. Приходилось вскакивать, грязными от земли руками хватать ружье, тыкать стволом во все стороны.

Во время колки дров казалось, что шумишь слишком сильно, что за шумом можешь не услышать, как крадётся зверь.

Сидеть в доме не получалось – насиделся за зиму, спать не хотелось, а кроме работы развлечений не было. В общем, помимо любимого пса, чудовище забрало у охотника всю радость жизни.

На третий день Кэтти придумал рыбачить. Его лагерь стоял на берегу большого озера, и бывший хозяин устроил интересную штуку. Он выкопал пруд, метров двадцать в окружности, прямо на территории, а от пруда, в свою очередь, прокопал узкий канал непосредственно в озеро. Любопытная рыба заплывала на базу, а выйти обратно ума у неё не хватало. Оставалась на жительство в уютной заводии, образуя что-то похожее на магазин живой рыбы.

Мужчина пытался ловить ее с помощью удочек, но безуспешно, и так было до тех пор, пока он не нашёл, прибираясь в сарае, старый рецепт, в котором было записано, как го-

товить правильную наживку. Раздобыв нужные ингредиенты, выполнив все, что было указано, Кэтти, наконец, дополнил своё куцее меню свежей рыбкой!

Расставив по берегу несколько удочек, охотник, а теперь уже и рыболов, установил на них колокольчики, а сам уселся за деревянный стол, вкопанный в землю в паре метров от пруда. Усевшись спиной к воде, чтобы видеть каждый угол своих владений, мужчина положил перед собой заряженное ружьё, и теперь его день снова наполнился смыслом. Время идёт, а рыба ловится.

Кэтти обожал любоваться озером. Ровная, либо с небольшими волнами вода, абсолютно прозрачная в любом месте. Выплывая на лодке, он принципиально не брал с собой даже флягу. Перегнулся через борт и напился. Прошлый хозяин поклялся, что вода в озере очень чистая, и Кэтти ему поверил. Пил её уже десятки раз и ни одного расстройства кишечника.

Лодка, давно не используемая, прибилась к берегу. Она была самой простой, пластиковой, на веслах. Не было ни пирса, ни причала. Чтобы отчалить, охотник надевал резиновые сапоги и, отплыв, не спешил закидывать ноги внутрь лодки, как истинный любитель порядка, всегда сначала ополаскивал их от мелкого песка. Украшением вида был маленький островок в паре километров от берега. Он всегда захватывал взгляд. Это, как если смотришь на море, а на горизонте корабль, всегда станешь рассматривать именно его.

Кэтти как-то раз плывал на остров от скуки, но ничего интересного не нашёл. Он был не больше 100 метров в диаметре, и заселён колонией птиц, которые так тревожно кричали, когда он причалил, что стало неудобно за беспокойство. С тех пор больше туда не плывал.

Главной изюминкой хозяйственного двора, несомненно, была теплица. Стойки, сделанные из необработанных сосновых стволов, обтянуты двумя слоями толстой, бесцветной пленки. Мужчина сам выкопал для строения углубление и построил купол. Два месяца назад посадил несколько помидорных кустов, чеснок, лук и разнообразную зелень. С тех пор лакомился свежей петрушкой и кинзой каждый день. Но основным сокровищем были два созревающих помидора. Один, розовый, уже готов к столу, но разве можно взять и просто съесть такое творение? Мужчина ждал особого случая.

Зазвонил первый колокольчик. Кэтти вскочил с лавки и, схватив удочку, резким движением выдернул леску из воды. Крупный, не меньше килограмма, окунь трепыхался на крючке. Ему нравилось, когда попадались окуни. Нет ничего вкуснее, если закоптить его на ольховой стружке. Выпустил кишки, не чистя и даже не отрезая головы, опускаешь рыбку в рассол на полчаса и после этого можно отправлять в разогретую заранее коптилку. Окунь получается золотистый, с дымным ароматом. Сочное белое мясо легко отходит от крупных костей. А ещё такую рыбу можно долго хранить.

Поэтому мужчина очень радовался, когда удавалось наловить побольше и наготовить впрок. Кэтти представил, что ждёт его в ближайшем будущем, и в животе заурчало. "Спасибо тебе, Господи, за дары твои!".

Когда колокольчик зазвенел вновь, на крючке оказался небольшой сом. Жирная рыба, хороша для жарки, но сегодня морочиться со сковородкой не хотелось. Мужчина разрезал сома на несколько крупных кусков и, закинув в пластиковое ведёрко, двинулся в сторону дома. Там, в хозяйственной пристройке, служившей раньше в качестве курятника, жил медвежонок. Маленький калека не старше полутора месяцев. Мужчина назвал его Барни и раз в два дня плотно кормил, хоть и понимал, что взрослым медведем этому парню стать не удастся. Кэтти открыл дверь и зверёнок, так и не привыкший за несколько недель к человеку, умилительно закрыл мордочку широкими лапами. Вывалив рыбу в стальную миску, охотник подвинул ее своему подопечному, и тот, забыв про страх, накинулся на еду. Раздался влажный хруст, заработали сильные челюсти. Кэтти, улучив момент, погладил его между ушами по жесткой, плотной шерстке. Такой маленький, а уже столько натерпелся, бедолага...

В день их первой встречи Кэтти забрёл необычно далеко для своих стандартных маршрутов. Пес, как обычно, рыскал где-то впереди, а ему в этот раз совсем не хотелось охотиться. Просто идти, впитывать ароматы весеннего леса было гораздо приятнее. Неожиданно, прямо под ноги слетел с дере-

ва крупный тетерев. Расправил грудь, растопырил крылья, угрожающе зацокал клювом. Когда вкуснейший ужин сам собой возникает перед носом и пытается тебя напугать, рука автоматически тянется за ружьем. Одним выстрелом лишив птицу головы, Кэтти поднял добычу за ноги и подождал пока стечёт кровь. Настроение заметно улучшилось.

Ужинать он сегодня не собирался, но когда попадаете шикарная дичь, разве может идти речь о голодании? Мужчина с детства придерживался правила, привитого отцом: "Если подстрелил дичь – обязательно съешь. Не собираешься есть – не стреляй". Одна из немногих адекватных мыслей отца-пропойцы. Не губить жизнь ради забавы.

Аккуратно подвесив тушку на рюкзак, Кэтти огляделся вокруг, стараясь понять, в какой стороне база. Вдалеке слышался голос Солли. Лай такого тембра и частоты мог означать только одно – пёс наткнулся на дикое животное.

"Бывает же такое, – бормотал охотник, пробираясь между еловыми лапами, – то неделями ни одного трофея, то сразу два за выход".

Звонкий лай уже в нескольких метрах. Очевидно, что собака вступила в схватку и зовет на помощь хозяина! Медлить нельзя.

Медвежонок!

Судя по окрасу и морде двухмесячный гризли. Не смотря на свои микроскопические, для данного вида, размеры, малыш задавал жару разъярённому псу. Солли повизгивал от

возбуждения, подсакивал и хватал зубами. Медведь в накладе не оставался и наотмашь лупил собаку лапой по морде.

Кэтти знал, что такое медвежья сила. Однажды, еще подростком придя в зоопарк, он сунул в вольер с медвежонком край рюкзака. Зверь подцепил его когтями и одной лапой потянул. Пришлось звать на помощь Чарльза, лучшего друга, но даже вдвоём у них ничего не вышло! Оставалось только смотреть, как медведь, разорвав в клочки новый рюкзак, без аппетита жуёт учебники и чертов дневник. Именно за дневник дома влетело больше всего. История про то, как его сожрал медведь не показалась отцу правдоподобной.

"Солли, фу! Нельзя! Ко мне!" – крикнул он собаке, и пёс с явным облегчением оставил зверя. Начал бегать вокруг и рычать.

С медвежонком творилось что-то неладное. Он старался встать, опирался на передние лапы, но это не получалось. Заваливался на бок, продолжал попытки. Все это сопровождалось отчаянным криком, было видно, что сдаться и просить пощады – это не его стиль. Зверёныш был слишком мал для самостоятельной жизни, где-то рядом непременно должна быть его мама. Кэтти снял с плеча ружьё, проверил патроны. Сколько бы у него их с собой ни осталось, против медведицы, защищающей детеныша, их всегда будет мало.

У медвежонка задние лапы отказали! Вот, почему его поведение такое странное. В районе поясницы на шерстке проступила запекшаяся кровь. Не просто кровь, а глубокая ра-

на. Не она ли стала причиной отказа нижних конечностей?

Солли, до этого момента успевший немного прийти в себя, начал беспокойно втягивать воздух, высоко задрав морду. Глухо зарычал и резво побежал в сторону соседней поляны.

"Твою мать, – выругался охотник, – мамаша объявилась?!"

В подтверждение мысли снова раздался истеричный собачий лай. Здравый смысл подсказывал, что нужно спасти свою шкуру, что встреча с медведицей-гризли ничем хорошим закончиться не может, но пёс был единственным другом слишком долгое время. Оставить его один на один с верной гибелью не получалось.

Внезапно лай затих, и только тогда стало по-настоящему страшно.

Кэтти, с ружьём наперевес, выскочил на поляну и первым делом увидел Солли, живого и невредимого. Он обнюхивал огромных размеров тушу, в которой нетрудно было распознать взрослого медведя.

"Охренеть!" – Кэтти снова не удержался от ругательства. Зверюга, а это, несомненно, была медведица, буквально разорвана напополам. Челюсти раздроблены, длинный розовый язык, лишенный опоры, лежал на траве, густо залитой кровью.

"Кто, черт возьми, мог такое сделать? Что за монстр завёлся в моем лесу?"

В тот раз Кэтти добрался до лагеря без происшествий. Подготовил в помещении, использовавшемся ранее под курятник, лежанку, постелил соломы на пол и высадил там звереныша. Напоил горячим, разведённым из сухого, молоком и обработал рану. Как и предполагал, в поясничной зоне был перебит позвоночник. Видимо, маленький медведь уже никогда не сможет пользоваться задними лапами. В первый вечер знакомства, Барни, как назвал его охотник, допив молоко, очень трогательно уснул у него на руках. Он решил оставить его, подлечить и уже потом соображать, что делать дальше...

От медвежонка к пруду мужчина бежал. Колокольчик на одной из удочек звенел не переставая, а значит, кто-то попался на крючок. Хорошо бы окунь! Кэтти любил, когда улов получался одинаковым, ведь каждая рыба требует своего подхода в готовке, а у него тут нет ресторана, чтобы целый день готовить разные блюда.

Окунь!

Замечательно. Выловить еще парочку и можно разжигать коптилку. Мужчина перезакинул удочки и, секунду поколебавшись, выбросил в воду оставшуюся наживку, чтобы приманить к месту лова всех, кто в этот час обитает в пруду. Эти ухищрения не прошли даром. Через пару часов в ведре плескались ещё несколько замечательных окуней. Обед намечался отменный!

Несколько дней назад Кэтти закинул в центр пруда рако-

ловку, заправленную рыбными кусками. Не особо надеясь на успех, он решил вытащить ее на берег и восторженно вскрикнул, заметив два десятка крупных, зеленоватых раков.

"А может у лесного чудовища день рождения? И меня просто откармливают, чтобы сделать угощением?" – мужчина сказал это вслух и рассмеялся, но тут же отругал себя за беспечность, а то слишком уж он увлёкся рыбалкой, совершенно позабыв, что сам является объектом охоты.

Притащив охапку дров из сарая, Кэтти развёл в железной печке, установленной тут же, костёр и поставил греться большую кастрюлю воды. План был такой: сначала сварить раков, потом запечь в коптилке окуньков. Все очень просто, по-лесному.

Открытый огонь – это не домашняя газовая плита, чтобы нагреть большую посудину, нужно изрядно постараться. Во время подкинуть палок в топку, повернуть их нужным боком, чтобы лучше разгоралось, но главное – это иметь терпение. Закипит, никуда не денется, просто сделай, что нужно и присядь, не суетись.

В вопросах терпения и ожидания лучше всего помогали книги. Их, в распоряжении мужчины, оказалась целая кладовка. Однажды он распахнул ее двери, увидел стопки от пола до потолка и вместо привычной депрессии ощутил спокойствие. Каждый раз, если скука или в душе защемило, Кэтти направлялся в кладовку. Не рассматривая корешок, вытаскивал наудачу несколько книг и уходил довольный с до-

бычей. Шелестел пожелтевшими страницами, уносился из лесного домика и был бесконечно благодарен бывшему хозяину за этот клад, лучший из найденных за всю его долгую жизнь.

"Полчаса у меня есть, – подумал охотник, – четко хватит, чтобы дочитать Тома Сойера. Все-таки для детей. Идёт легко и бездумно". Следующей на очереди была книга Бориса Акунина. Кэтти никогда не слышал о таком авторе и потому, особенно ждал с ним встречи. Странное имя, родом из холодной России, наверняка можно готовиться к чему-то необычному...

Со дна кастрюли начали подниматься пузырьки, вода готова была закипеть. Охотник захлопнул книгу и побежал в дом за солью и пучком сушёного укропа. С ним отвар станет особенно душистым.

Раки бурлят в кипятке...

Спинки уже красные, а значит блюдо готово. Можно снять кастрюлю и ставить на огонь коптилку, окуни давно заскучали в рассоле.

Ополоснув каждую рыбину, тщательно смазав со всех сторон подсолнечным маслом, Кэтти аккуратно уложил будущий деликатес на чугунную решётку. Щедро насыпал на дно коптилки ольховых стружек и накрыл приспособление большой, железной крышкой. Минут пятнадцать подождать, и будет готово...

Открыв заслонку коптилки и, увидев, как шкварчит на ре-

шётке рыба, Кэтти поцеловал кончики пальцев на манер итальянских поваров.

Дальше он присел за стол и за несколько секунд расправился с вареным раком, отметив про себя, что вкуснее, пожалуй, получится и не могло. Панцирь, остатки клешней и голову, мужчина бросил под дерево, стоявшее в десяти метрах от стола. На нем, где-то в скрытой за листьями кроне, жил енот, который всегда был не прочь появиться и ознакомиться с тем, насколько сегодня удалась стряпня. Причём, зверёк никогда не попрошайничал, всегда терпеливо, даже если в округе очень вкусно пахло, дожидался своего часа и приступал к еде только когда позовут.

"Енот! – выкрикнул Кэтти, – спускайся обедать. Сегодня много будет".

Посмотрев на часы, охотник отметил, что рыба будет готова через пару минут. Подумал немного и решительно направился в сторону теплицы. Настало время сорвать помидор!

Нарезав его крупными дольками, Кэтти поднёс тарелку к лицу, чтобы насладиться ароматом свежего овоща. Здесь в лесу, это по-настоящему драгоценный продукт. Если второму помидору удастся вызреть, то весь урожай в этом году, как раз, две штуки и составит.

Услышав резкий хруст откуда-то справа, охотник бросил тарелку на стол и, схватив ружьё, встал на изготовку. Источником шума оказался енот, который, наконец, слез с дерева

и принялся смачно грызть брошенное ему угощение.

"Ну, скотина! – беззлобно, проговорил охотник. – Приятного аппетита, мистер Енот!"

Закончив приготовления и усевшись за стол, Кэтти улыбнулся. Обед выглядел так красиво, что если бы он случился при других обстоятельствах его обязательно нужно было бы запечатлеть для странички в соцсетях. Размявшись нежными раковыми шейками, мужчина заел их спелым томатом, найдя его вкус идеальным. Отметил про себя, что сейчас бы ещё огурцов, да баночку сметаны на салатик, но, конечно, и так замечательно. Разломив напополам золотистого копчёного окуня, мужчина ощутил такой аромат, что даже ленивый енот вытянулся в струнку и, глядя в сторону стола, начал нервно потирать маленькие лапки. Само собой, после такой умильной сцены, ему досталась целая рыбка, которую он засунул в пасть целиком, надув щеки, словно хомяк.

"Ну, ты и жадюга! – усмехнувшись сказал охотник, – разве можно глотать рыбу целиком? Ты же енот, а не пеликан... У тебя пеликанов в роду не было? Если что, ты говори, не стесняйся. Я к этой благородной птице отношусь со всем уважением! В древние времена ее выбрали одним из символов христианства! – Зверёк жевал, глядя на своего благодетеля и иногда казалось, что он действительно слушает и понимает, о чем ему говорят. – Дело в том, – продолжил мужчина, – что пеликан, если приходит голод, и птенцы могут погибнуть, клюет собственное тело и кормит детей своей собственной

кровью! Представляешь? Библейская птица... Жертвует собой ради других...

Ладно. Ешь спокойно. Хватит на сегодня историй".

С обедом было покончено. Давно Кэтти не чувствовал себя таким сытым. В один момент ему подумалось, что не стоило бы сильно наедаться в такой опасной ситуации, но потом он успокоился, решив, что если уготована гибель, то ее не избежать, может даже лучше так будет, спокойнее.

Мужчина занервничал.

Словно вспомнил что-то нехорошее.

Начал барабанить пальцами по столу, разошёлся, ударил кулаком так, что подпрыгнули тарелки.

"Так устал бояться! – закричал он, – от тревоги уже дыра в груди прожглась!"

Вытащив нож, охотник резким движением вогнал его в столешницу перед собой. На конце рукоятки стал виден золоченый круг с раскрытой ладонью внутри.

"Я же все-таки хороший человек. Мне не может быть все равно!"

А что если нам сыграть в игру?"

Глаза мужчины быстро забежали, грудь запульсировала от частого дыхания.

"Можно прямо здесь все закончить! Или нельзя? Как думаешь?" – охотник посмотрел на енота, но тот, почуяв неладное, в два прыжка забрался на ветку дерева.

"Почему мне вечно больше всех надо? Почему нельзя, как

другие, просто жить спокойно и не тужить?"

"Зло не должно пройти дальше тебя! – Кэтти высунул язык и произнёс эту фразу кривляясь. – Кто это придумал? Кому какое дело?..

Нет! Я все-таки сыграю в игру! Пусть будет как будет!

Уж лучше сегодня. Пока у меня есть душа. Чем чуточку позже с ледяной чернотой внутри.

Мужчина схватил ружье, стоящее дулом вверх возле лавки, и засунул ствол себе в рот. Пару секунд постоял, примеряясь, переместил голову на несколько сантиметров вперёд.

"Знаю я неудачные выстрелы, – промямлил он. Холодная сталь мешала говорить нормально. От нижней губы к подбородку протянулась нитка вязкой слюны. – Не примеришься нормально, снесешь себе челюсть и будешь валяться несколько дней. Подыхать с куском мяса вместо лица. Нам такого не надо! Физика, геометрия и один точный выстрел. Прямо в беспокойный мозг...

Значит так, – Кэтти вынул ружье изо рта и присел на лавку, – будем гадать. Открываю книгу. Кончиком ножа протыкаю страницу. Если согласная буква – стреляюсь. Если гласная – буду жить".

Он подвинул ближе книгу с черно-белой обложкой, раскрыл ее примерно посередине и, закрыв глаза аккуратно, чтобы не испортить бумагу, опустил лезвие на страницу.

"Доверю свою жизнь русскому Борису, – улыбнувшись произнёс он, – смотрим, что выпало!"

Острый кончик попал ровно в центр слова "смерть", строго между буквами "Е" и "Р".

"Интересно, – сказал мужчина, – знал, что обязательно будет интересно. Значит ещё раз!"

С новой попытки нож указал в первую букву слова "Отец".

"Ух!" – только и смог воскликнуть Кэтти. Его пальцы сами собой разжались, и ружье упало в траву. Он устало положил голову на стол, прямо на раскрытую книгу, развернул лицо в сторону озера. Голубые глаза наполнились слезами, одна из которых, скатившись по ресницам, капнула на страницу. Прозрачным бугорком зависла над словом "далеко", постояла секунду и укатилась за край...

Странно...

Енот, который обычно не отходил дальше нескольких метров от своего дерева, теперь стоял возле лодки и, всматриваясь куда-то вдаль, водил блестящим носом по ветру.

Мужчина поднял голову и осмотрелся вокруг.

Внимательно прислушался – ничего.

В это время встревоженный зверёк, смешно соскочив лапой по скользкому пластику, запрыгнул на нос лодки. Продолжая принюхиваться, он по-прежнему смотрел в сторону водного горизонта.

Напрягая зрение, прищурившись, охотник попытался рассмотреть, что мог заметить его новый товарищ и через пару секунд понял.

С маленького острова, далекого птичьего приюта, подни-

маясь к облакам, вырос неровный гриб синего дыма...

Глава 8

Линия реального времени

Дневник.

"Четыре дня не выхожу из дома. Валяюсь, ем, размышляю о неприятном. Почему люди так боятся смерти? Почему, даже в моем положении настолько страшно умереть? Вспоминаю, как слышал от многих, что, мол, если мне уготована участь стать инвалидом или потерять близких, я предпочту умереть. Зачем жить в мучениях?!

Враньё!

Человек будет жить до последнего. Цепляясь за каждую лишнюю минуту. Самое сильное чувство любого живущего.

Любовь, дружба, верность, справедливость... Все они превращаются в пустое до тех пор, пока смерть не отойдёт на достаточное расстояние.

За что в этом рухнувшем мире так цепляется разум? Красота природы? Радости бытия?

Нет. Разум цепляется за саму жизнь. Это инстинкт. Программа и алгоритм. А ещё надежда, что все устроится. Что все каким-то образом встанет на свои новые места.

Что пьют больные?? Наверное, то же, что и бродячие собаки. Что-то, но хрен знает что.

Все!

Хочется свежего воздуха!

Жуть! В городе творится такая жуть, что мне теперь не уснуть до светла!!

Лёг спать и услышал с улицы звук.

Звериный вой!

И зверей там тысячи.

Очень издалека, слава Богу! Откуда-то с окраин. Но все равно, какого хрена? Что это может быть? Это продолжается уже полчаса. Без остановки. Пойду закрою окна!

От этого воя хочется бежать. Скорее бы все закончилось!

Дурацкая ночь! Ничего хорошего! Только чуть-чуть осмелел, намахался шашкой, и тут этот вой. Как так вышло, что я до сих пор не раздобыл нормальное оружие?! Клинический простофиля. Любой другой на моем месте с первого дня уже бы ездил на танке! А я гуляю... Даже пистолет мне "неудобно"... Осел!

Моя новая главная цель – найти оружие! Мой дом должен превратиться в военную базу!"

Как же удобно передвигаться по городу, когда твоя машина – единственная! В большинстве фильмов про конец света, люди оставляют после себя такой бардак, что ездить по улицам невозможно. Приходится ходить, шнырять между брошенными машинами, вечно рискуя жизнью.

У меня все по-другому. Комфорт и безмятежность. В те

дни, когда человечество умирало, никто не бежал в спешке из города. Заболевая, люди старались забиться в уголок. Прятались, где спокойно и хорошо, чтобы переждать слабость. Переждали...

Подъезжаю к охотничьему магазину и паркуюсь багажником ко входу. Первым делом, практикуюсь на дверях ломом. Металл гнется, протыкается, рвётся при особенно сильных ударах. После нескольких минут работы вход свободен. Прочные двери покорно ложатся к ногам завоевателя.

Как говорила моя любимая бабушка, "Все двери от честных воров. Поглядят, что заперто и пойдут себе дальше".

Осторожно прислушиваясь, захожу внутрь.

В этот раз, чувствовать себя уверенно мне помогает топор в правой руке.

В зале темно.

Наглухо закрытые окна первого этажа не пропускают свет, и мне приходится присесть на минутку, чтобы дать глазам возможность привыкнуть.

Отдел товаров для туризма. Вокруг меня всевозможные палатки, спальники, котелки и термосы. Я люблю такое и очень хочу задержаться, но здравый смысл ворчит в голове, напоминает, что сначала оружие! Только потом развлечения.

Я обещал это дневнику, моему единственному другу... Есть, конечно, ещё воробьи за окном... Но они пока так. Приятели.

Больше никакой беспечности!

Медленно продвигаюсь вперёд, и теперь вокруг шеренги удочек и спиннингов. Рыбалка! Вот, чем я буду заниматься, когда хорошенько обустроюсь в новом мире.

В конце зала широкая лестница, думаю она приведет меня к сокровищам Алладина...

Я на втором этаже.

Озираюсь кругом, и пульс учащается. Стены увешаны ружьями!

Выбор на удивление велик, ещё бы хоть немного в них разбираться. На рекламных плакатах – довольные мужчины в охотничьих кепках и желтых прозрачных очках. Каждый из них абсолютно счастлив, что обзавёлся именно этим ружьем, но для меня названия моделей – всего лишь буквы и цифры. Все познания в этой сфере кончаются на том, что есть нарезное оружие и есть гладкоствольное. Из простейшего двуствольного ружья я как-то раз стрелял по уткам в небе. Я стрелял, а утки летели по своим делам, так и не обратив на меня внимания.

Спешить мне некуда и потому, я тщательно знакомлюсь с содержимым прилавков и витрин. Снимаю ружья с крючков, верчу в руках, рассматриваю. Сайга 410 калибра; сайга 12 калибра... Из глубины памяти тащу воспоминания, что это самые распространенные ружья в народе.

Разбираюсь, как и куда засовывать патроны.

12-й калибр попался с магазином на 5 выстрелов, а 410-

й аж на 10.

"Красота", – произношу я вслух.

Внутри рождается забытое чувство мальчишеского восторга.

Настоящее оружие! И можно делать с ним, что захочется!

Складываю ружья на прилавок и отправляюсь искать патроны. На специальных полочках нахожу несколько коробок и мне заметно легче, потому что я успел испугаться, что они запросто могут быть заперты в каком-нибудь неприступном сейфе.

Удивительно, какое умиротворение наступает в душе, когда человек, уставший и потрёпанный, получает в руки такие игрушки. Я беру ружье, трогаю холодную сталь. Примеряю к щеке шершавую пластмассу приклада и улыбаюсь. Теперь мой сон будет крепче, а аппетит сильнее, только нужно разобраться получше, как пользоваться этим богатством.

Две гладкоствольных "Сайги", два нарезных "Вепря", двустволки итальянского производства – я выставил вдоль стены частокол из стволов и спускаюсь в туристический отдел, чтобы поискать вместительный рюкзак. Несколько расслабленных ходок – не моя история. Мне важно допереть все за один раз! И пусть глаза лезут из орбит от тяжести, пусть последний пакет зажат в зубах, зато лишний раз не ходить. Вечная история...

Ружья я кидаю на заднее сидение, багажник заполняю патронами. Ставлю аккуратные коробочки и все мне кажется,

что их маловато. Ещё полчаса не прошло, как я заимел своё первое в жизни ружьё, а уже, как заправский охотник, заразился жаждой патронов. Ничего! Начало положено.

Магазинов по городу много. Закончатся эти – наберу ещё. Кажется, я проголодался.

Притащив газовую горелку, устанавливаю ее прямо на ступеньках. Через 5 минут в котелке закипает вода, и я завариваю в новенькой походной кружке сладкий кофе со сливками. Отпиваю глоток, закусываю овсяным пряником. Вкусно! Сейчас бы бутерброд с маслом и сыром. Свежий хлеб, ароматное масло и хороший кусок нежно-желтой гауды. Эх! Совершенно несбыточно. И хлеб, и масло, и сыр давно превратились в гниль. Даже если я поймаю где-то корову, максимум, что смогу это поговорить с ней. Черт знает, как ее доить! Черт знает, как делать масло.

А сыр? Ладно! Проехали...

Дожевав пряники, я решаю, что нужно пострелять...

Через час беспрерывного грохота, основательно оглохший, я возбужденно перепрыгиваю ступеньки, бегу в магазин за новой партией патронов. Весь квартал, когда-то целенький и блестящий, теперь сплошное битое стекло и дырки. Асфальт вокруг машины усеян гильзами, а мои ослабевшие от тяжести руки трясутся мелкой дрожью.

Я доволен! Час назад, жмурясь и отворачиваясь, тратил несколько минут на то, что отстрелить фонарь, стоящий в пяти метрах. Зато теперь, расстреляв пол-багажника боепри-

пасов, я почти профессионал. Быстро заряжаю, быстро целюсь, иногда попадаю во что-то с первого раза.

Хорошо! Теперь моя шкура стоит дороже, и даже линия жизни на ладошке, если присмотреться, будто бы стала чётче и длиннее. Час назад я был оленем. Теперь – я долбаный волк!

Еду по широкой улице, музыка на полную. На пассажирском сидении два ружья, два моих новых друга. На обочине вижу стаю больных, человека четыре. Все они вскочили на ноги, когда я пронесся мимо, но гнаться не надумали, проводили взглядом, да так и остались стоять. Я останавливаюсь за квартал от них и сдаю назад. Живые мишени. Это то, чего я ещё не пробовал. Мне интересно посмотреть на их реакцию. Испугаются ли стрельбы?

Паркуюсь боком посреди дороги и, выставив двуствольное вертикальное ружье из окна, начинаю сигналить. Обжоры, обалдев от такой наглости, смотрят на меня, но никак не могут решиться. Уверен, это ненадолго.

"Эй, обжоры! – кричу я. – Давайте поиграем!"

Видимо, в каждой стае есть свой вожак. По крайней мере, очень похоже, потому что одна особь, значительно крупнее других, вышла вперед и внимательно смотрит на меня. Остальные будто ждут команды. Прикинув расстояние, понимаю, что скорее всего не попаду, а потому просто продолжаю ждать. Мотор, естественно, не глушу, более того, держу

ногу на педали тормоза, готовый в любую секунду умчаться, подняв столб несуществующей пыли. Предусмотрительно высунул большую часть ствола из салона, чтобы не оглохнуть от выстрела.

Жду...

Больной делает неуверенный шаг, затем еще и еще... Срывается на легкую трусцу, а вслед за ним, как я и предполагал, начинают разбег остальные.

Я держу главаря на мушке и спускаю крючок.

Бах!

Словно наткнувшись с разбега на невидимый штырь, он опрокидывается на спину. Звонко прикладывается затылком по асфальту. Его грудь обильно заливается красным, а ноги дёргаются, будто продолжая бежать в положении лежа. Стая остановилась.

Смотрят то на меня, то на труп, а я, не теряя времени, прицеливаюсь и отстреливаю оставшийся патрон в ближайшего ко мне мужчину. В этот раз взял слишком высоко! Дробь ударила в лицо и шею, заставив отшатнуться, но не свалив. Лицо из бледного и худого стало бесформенным и мясным, а моя жертва, замахав беспомощно руками, повалилась на землю.

На этом сафари пришлось прекратить, так как остатки стаи с криками умчались врассыпную, а гнаться за ними просто лень.

Я перезаряжаю ружье и кладу обратно на сидение. Отпус-

каю педаль тормоза и плавно снимаюсь с места. В заднее зеркало видно, что оба больных все еще продолжают дрыгаться, но скоро я поворачиваю на соседнюю улицу и неприятная картина навсегда скрывается от моих глаз.

Дневник.

"Изо всех сил осваиваю пользование ружьями!

Весна радует! Хороший, насыщенный день!"

Закрываю дневник, не дождавшись вдохновения. Отправляюсь в постель. Сегодня попробую уснуть пораньше.

Биииииииип!

Бииииии бииииип!

Я резко сажусь в кровати. Ошеломленно оглядываю комнату.

Сердце колотится.

Разбуженный мозг не может понять, что происходит. Что за тревога?! Откуда столько адреналина?!

Биииииииип! Биииииииип!

Звук!

Звук сигнала автомобиля!

Я вскакиваю и бегу к окну. Сонное непонимание смывается волной бодрости, и вот, я уже лечу, перепрыгивая ступеньки к выходу.

Останавливаюсь на крыльце. Выругавшись вслух, бегу об-

ратно за ружьем и, взяв на всякий случай десятизарядную Сайгу, снова выскакиваю на улицу.

Прохладный утренний воздух, зеленые свежие листья, за которыми я прячусь, подходя все ближе к перекрестку.

Вижу машину, стоящую посреди дороги.

Черный "Рав-4".

За рулем молодой мужчина в очках. Беспokoйно вертит головой. Биинииииип!

Он снова сигналил, и мое оцепенение проходит. Я выхожу на дорогу и машу руками. Мужчина испуганно поворачивается в мою сторону, и наши взгляды, наконец, пересекаются.

Я улыбаюсь.

Он улыбается в ответ.

Я жестаи приглашаю ехать за мной, и машина трогается с места.

Припарковавшись возле дома, мужчина открывает дверь и замирает. Берет с соседнего сидения ружье, и улыбается, словно извиняясь за недоверие. Я смеюсь в ответ и поднимаю вверх своё. Показываю, что нечего стесняться, здесь все такие.

Он вышел, и мы молча смотрим друг на друга:

– Живой? – спрашиваю я.

– Живой, – подтверждает человек.

– Илья, – протягиваю руку.

– Олег, – протягивает руку он в ответ.

Мы долго трясем запястья и вдруг, крепко обнимаемся,

будто два старых товарища, встретившихся после долгих лет.

– Голодный? – спрашиваю я Олега.

– Ужасно! – отвечает он.

– Пойдем, будем завтракать.

Дневник.

"Господи! Лучший день моей жизни! Все яркие события прошлых лет торжественно гаснут, склонившись перед этим.

Я БОЛЬШЕ НЕ ОДИН!

Олег!

Какое чудное, дивное имя.

Каждая буква словно маленький ручеек радости.

После первого часа общения впечатления самые приятные. Мы плотно позавтракали, и Еще Один Человек В Этом Городе пожаловался на дикую усталость. Попросился выспаться.

О! Я буду чутко сторожить Его покой! Большой драгоценности, чем ОЛЕГ, у меня нет!

Спит уже несколько часов...

Не знаю, чем себя занять!

Как маленькая мышка сную по дому.

То и дело заглядывая в спальню, чтобы убедиться – Человек спит. Что спит именно он, а не я.

Ужасно хочется разбудить и замучать беседами, но это неправильно. Будет еще время.

За завтраком он рассказал свою историю.

Ему 27, он начинающий медик, терапевт, заканчивал ординатуру в городской больнице. Когда запахло жареным, интуитивно осознал, что все серьезно. Насильно увез родителей, тоже медиков, на дачу, где они заняли оборону. В момент, когда в поселке появились первые больные, семья безвылазно сидела в укреплении уже около месяца. Ужасно напуганные, они каждый день проверяли друг друга выискивая симптомы заражения. Первой заболела мама. Слегла в один из вечеров с лихорадкой и уже в полубредовом состоянии раздавала последние напутствия и прощалась. Было страшно, но они давно были готовы к подобному. Даже устроили из гаража, что-то наподобие вольера для заболевших членов семьи. Поздно ночью, когда мать потеряла сознание, плачущий отец отнес её туда и крепко привязал ремнями к скобам, вмонтированным в пол и стены. Днем мама очнулась, но уже не была человеком. Несколько дней мужчины кормили её, убирали за ней и, конечно же, пытались докричаться до сознания. Безрезультатно.

Через день слег отец.

Прощались они уже в гараже, куда папа спустился на слабеющих ногах и самостоятельно приковался. К утру не стало и его.

Олег рассказал, что этот момент был самым страшным в его жизни. Он, словно во сне, кормил одичавших родителей, ухаживал за ними и ждал собственного превращения.

На одном из семейных советов они договорились, что тот, кто останется в уме последним, возьмет на себя страшную ответственность. Избавит от бессознательной жизни сначала заболевших, а потом и себя. Олег несколько раз входил в гараж, зажав приклад в мокрых ладонях...

Каждый раз не находил в себе сил и откладывал страшное на завтра.

Проходили дни. Болезнь не приходила.

Кормление родителей превратилось в рутину.

Они просто едят, просто сидят, просто спят.

Со временем он начал выезжать в город за припасами, где заметил мои надписи.

Дальше – просто. Собрал вещи, подмешал дозу снотворного в еду и когда родные уснули, избавил их от ремней. Открыл гараж, давая проход на улицу.

Больше он никогда не вернется в этот дом.

Вчера в 10.00 он был на моем перекрестке!

Долго сигналил, а я в это время стрелял, черт знает где!!

За малым, дорогой мой дневник, он не уехал дальше!

Олег решил подождать и попробовать еще раз. Спасибо ему за это!

Уже два дня мы с Олегом не выходим из дома. Очень по душе пришлась идея "дернуть по маленькой" за знакомство.

Даже песни пели у костра!

Костра в мангале, разумеется.

По пьяной лавочке, я в шутку начал называть его "Доктором". На второй день прозвище прижилось.

Выяснилось, что Олег – "Доктор", невероятно полезный человек. Мало того, что медик, так еще и охотник. Отец брал его на утку и даже на кабана. И пусть он белке в глаз со ста шагов не попадёт, но уж, в пушистую собачью задницу – точно не промахнется!

Сейчас я спать. Спяну буквы плывут!

А завтра мы решили кататься по городу.

Дневник мой, я так к тебе привык!

Вот уже вроде и собеседник появился, а всё равно хочется с тобой делиться! Спокойной ночи! Смотри, сильно страницами не шелести!"

Проснувшись от резкого звука, я сажусь в постели и шарю рукой, стараясь нащупать ствол ружья. Из спальни раздаётся голос Олега:

– Прости! Я нечаянно. Не хотел разбудить. – он появляется в проходе и смущенно улыбаясь, протягивает бутылку минералки. – Запнулся мизинцем об чёртову табуретку. У меня это классика. На новом месте об каждый угол шишку надо набить!

Я жадно пью и машу рукой. Показываю, что все в порядке:

– Нормально! Скоро привыкнешь. Ты давно проснулся?

– Давным-давно! Валялся, валялся сколько мог, но без телевизора скучно. Решил пошариться на кухне... И теперь ты

тоже не спишь! – Олег засмеялся. – Только 9 утра. Ложись. Я найду, чем заняться.

– Ты всегда рано встаешь?

– Если честно, да, – снова смущается мой сосед. – Наверное, все врачи встают рано. А у меня, это вообще на генном уровне. Ты знаешь, нам просто нужно поменяться местами. Ты уступил мне спальню, а лучше, сам в ней спи. А я в зале, поближе к кухне. Когда-нибудь, глядишь, и завтрак приготавлию. К твоему подъёму.

– Скажите, Доктор, почему всегда сильно хочется того, чего не достанешь? Я так хочу хлеба с маслом, что готов идти сажать пшеницу.

– А я уже неделю мечтаю о колбасе! Даже во сне ее видел, – Олег зажмуривается и смачно отгрызает несуществующий кусок. – И свежей зелени! Очень хочу свежей зелени. Наверное, витаминов не хватает. Слушай, может посадим что-нибудь? Найдём семена, подходящий участок... Ты как? Наверное, не любишь такое?

– Может, и люблю. Нужно пробовать. Чем нам ещё заниматься?

Уже два часа мы бесцельно колесим по городу. Иногда я учусь стрелять из окна на ходу. Примечаю впереди мишень, предупреждаю соседа, чтобы не глох от грохота и делаю выстрел. Чаще всего не попадаю.

Когда в машине остается всего две пачки патронов, забаву

сворачиваю, мало ли, от кого придется отбиваться. Осмотрев весь центральный район и не заметив ничего важного, собираемся съездить за город. Мало ли. Может, там найдётся что-то поинтереснее.

Через 20 минут за окном мелькают опустевшие дворы небольшого поселка. Когда он закачивается, оказываемся на грунтовой дороге, затем в поле. После зимы, проведённой безвылазно в квартире, зеленая трава по колено вызывает желание встать на четвереньки и бежать! Мычать и лаять, валяться и крутиться пока аккумулятор жизненной энергии снова не станет зелёным. Далеко впереди река, слева лес. Мои глаза очень давно мечтали о такой картине. Олег открывает дверь и в полный рост встает на подножку, вглядываясь куда-то вдаль:

– Смотри вон там! – указывает пальцем на грязное-белое пятнышко.

– Это не баран, случаем?

Я внимательно всматриваюсь и замечаю, что пятнышко движется. Действительно, очень похоже на овцу, мирно поедаящую весеннюю травку.

– Охренеть! Реально баран! – чувство охотничьего восторга сдавливает грудь.

– Возьмем?!

– Давай! Только аккуратно... Не спеши... Постарайся поближе к нему подъехать, – Олег говорит почти шепотом,

словно наша жертва может услышать с такого расстояния. – Думай о том, чтобы мне поудобнее было выстрелить. Хотя стой! К черту риск. Лучше пешком.

Я залажу на крышу и сажусь поудобнее. Наблюдаю, как мой напарник, сначала быстро, а потом, все больше пригибаясь и замедляясь, приближается к животному. Баран поднимает голову, смотрит в нашу сторону, снова продолжает есть. Не боится. Не пытается убежать.

Остается не более 10 метров, когда Олег, осмелев, выпрямляется и, прицелившись, гремит выстрелом. Я жадно вглядываюсь, но подробностей с такого расстояния не вижу. Завожу мотор и, немного переборщив с разгоном, подпрыгивая на кочках, несусь к товарищу.

Баран, сильно заросший без ухода, еще стучит копытами, когда я подъезжаю.

– Олег, ты опасный человек, – радостно восклицаю я. – Ты вообще представляешь, что сейчас наделал?! Это же шикарный ужин! Свежайший! Я как первобытный человек! Питекантроп с настоящей добычей!

– Ну, раз ты такой счастливый, значит тебе и разделявать.

Я радостно киваю и помогаю загрузить драгоценную тушу в багажник, предварительно застеленный старой курткой, чтобы сберечь от крови. Хватит на сегодня добычи.

Я рулю, Олег, достав из нагрудного кармана стальную расчёску, укладывает на бок, растрепавшуюся во время охоты челку. Заметив, что за ним наблюдают, поворачивается ко

мне:

– Да тут не в причёске суть! А в неврозе! Мне прям очень надо, чтоб ровненько лежало. Если на лоб падает, аж, скручивается всего внутри. Как если пенопластом об стену тереть. Или вилкой скрипеть об тарелку.

– Или в пупок пальцем потыкать! – подыгрываю я. – У каждого своё, понимаю. Я раньше ненавидел, когда жвачкой чавкают. А потом взял и перестал ненавидеть. Просто не обращаю внимания. А ты, если так не любишь, может налысо просто? Не пробовал?

– Не пробовал. И не хочу. Тут вся суть в том, чтобы лежало аккуратненько. Раз лежит – все замечательно. А если сбилось – взял и поправил. Преодоление трудностей! Прикол не для каждого! – Олег рассмеялся.

Разделка барана оказалась несложной задачей, по крайней мере, я ожидал гораздо более трудной работы. Вооружившись острыми ножами, веревкой, доской, топором и пакетами, я поднимаюсь на этаж выше и, привязав тушу к соседской двери, начинаю свежевание. Аккуратно снял шкуру и положил в пакет, разрезал брюхо и вывалил его содержимое туда же. Я помню, что некоторые внутренности годятся в пищу, даже считаются деликатесом, но какие именно, не разбираюсь, потому отправляю все в мусор. Позже, высыплю за домом, пусть кошки порадуются.

Срезаю с костей мясо небольшими кусочками, складываю

в отдельную кучку. Это пойдет на шашлык. Когда жирной мякоти не остается, снимаю тушу и рублю кости топором на мелкие кусочки – из них что-то вкусное обещал приготовить мой напарник. Закончив разделку, я спускаюсь на свой этаж, где Олег уже развел в мангале внушительный костер и прокаляет на нем мой старый чугунный котелок. Отчитавшись о проделанной работе, я получаю выговор за выброшенный ливер, а также настоятельную рекомендацию его достать и научиться разделявать.

Баран оказался довольно упитанным, и теперь кусочки его сала весело шкварчат на дне котелка. Натопив достаточно смальца, Олег начал подбрасывать в него мясо, объясняя, что если мы таким образом его хорошенько прожарим, то оно сохранится несколько дней даже без холодильника. Жареное мясо пахнет просто восхитительно, и мне приходится собрать всю свою волю, чтобы перестать смотреть на него и начать готовить шашлык.

Когда я принес к мангалу семь аппетитных, один красивее другого, шампуров, Олег уже закончил за жарку и отставил котелок в сторону. Расставляю шампуры над жаркими углями, и буквально через несколько секунд они уже начинают капать жиром и источать изумительный аромат, присущий только баранине. Кто-то не любит этого запаха, но мы с товарищем сходимся во мнении, что он бесподобен.

Мясо готово.

Мы сидим у открытого окна, едим прямо с шампуров и за-

пиваем пивом из алюминиевых баночек. Нам хорошо и уютно. Солнце понемногу уходит за дом, угли почти потухли, но все ещё греют. Съесть ещё хоть кусочек сейчас невозможно, поэтому только пиво. Если честно, я от него не в восторге. Было бы похолоднее... К тому же, пиво из банки мне всегда казалось немного скучным. Как будто-то в нем нет души, одна пена.

– У тебя гитары нет? – Олег снял очки и протирает их краем рубашки.

– Нет, – отвечаю я. Всегда мечтал научиться, но нет. А ты умеешь?

– На гитаре немного. Фортепиано! Вот, чему я посвятил треть своей юности.

– Можно будет заехать в музыкальный! Утащим, что понравится – будешь меня учить.

В наступившей, наконец, темноте решаем разойтись по койкам. От обильной, тяжелой пищи клонит ко сну. Я отправляюсь на кровать, сосед – на диван и вот, уже в полудреме, плотно зарывшись в одеяла, я начинаю смотреть первый сон.

Мне снится лето и море, я с друзьями накачиваю надувную лодку. Отплывем на ней подальше от берега и будем купаться своей компанией. Друзья смеются, смех становится все громче. Сливаются в однотонный... Перерастает в вой.

Я открываю глаза. Сон уходит, но вой остаётся.

Снова оно!

– Олег! Олег, вставай! – я трясущего друга несколько секунд.

– Что?! Что случилось? – голос глухой и тревожный.

– Слушай! – я пальцем показываю в сторону окна. – Подумайся. Одному мне не разобраться.

Мы выходим на лестничную площадку. Угли в мангале тускло краснеют.

Сосредоточенно вслушиваемся в темноту распахнутого окна.

Вот оно! Слово несколько сотен или даже тысяч, от этой мысли становится не по себе, собак собралось вместе и воют на луну. Или волков. Или шакалов. Разве возможно понять?

Мурашки бегут по спине. Сильнее сжимаю ружье. Успокаивает только то, что все это в нескольких километрах от нас и не приближается.

– Как думаешь, что за херня такая?

Олег пожимает плечами:

– Не представляю. Звуки нового мира! – он натянуто улыбается, – похоже на волков или собак. Но блин! Сколько их там?! Все волки страны собралось на полянке за городом?

Вслушиваемся еще с минуту. Олег кладет руку мне плечо. Заглядывает в глаза и взволнованным шепотом говорит:

– Поехали посмотрим?!

Сердце начинает стучать сильнее. Чувство страха перемешивается с азартом.

– Ты серьезно?! Вот сейчас, сядем в машину и поедem смотреть, что это там воеет, да?! – Я по-дурацки улыбаюсь, понимая, что реально люблю этого человека.

– Вижу по глупой улыбке, что ты не против. Только давай наберем патронов побольше!

Мы едем по ночному городу. Впервые в новом мире я покинул свое убежище после захода солнца.

– Теперь я буду звать тебя Безумный Доктор! Олег, это ненормально. Серьезно тебе говорю! У меня так все сжалось, что сейчас пространство схлопнется. Но это такой кайф!

Олег смеется в голос. Наверное, тоже боится. Фары выхватывают серые здания и чёрные деревья. С каждой минутой вой становится все ближе.

Глава 9

Линия Арсена Пеликана

Прибрав и перемыв посуду, Арсен вышел на балкон, где на большом, накрытом шерстяным пледом, кресле спал пёс коричневого цвета. Он завилял коротким хвостом, стоило мужчине преступить порог, но головы не поднял, лишь следил глазами и пару раз высунул розовый язык, когда Пеликан погладил его по макушке.

"Боцман... Дружище... Все не собираешься подниматься? Ты папина собака, да? Будешь продолжать грустить?"

Пёс, словно понимая о чем идёт речь, заскулил и даже немного поерзал на месте, будто извиняясь. Но с кресла не встал.

"Я тоже ужасно по нему скучаю, – глаза Арсена стали влажными, – полгода прошло, а вот тут! – он стукнул себя по груди, – рана! Как будто вчера случилось"

Собака снова заскулила и принялась вылизывать Арсеновы руки.

"Пойдём, малыш, нужно поесть... А потом погуляем. И снова будешь лежать. Исхудал совсем... Кожа и шкура. Хочешь к нему поскорее? Такой у тебя план? А я, значит, совсем один тут должен остаться?"

Боцман, наконец, встал в кресле и несмотря на то, что в отличие от других собак у него было только три лапы, довольно ловко спрыгнул на пол, проскакал на кухню. Мужчина насыпал в железную миску сухого корма, налил в чашку с изображением моряка свежей воды и уселся на корточки, поджидая пока трехногий друг закончит с трапезой. С тех пор, как не стало отца, Боцман, до того невероятно прожорливый, ел только один раз в день. Словно отказался от дворняжьих инстинктов.

Прогулки, которые раньше были самым любимым на свете делом, теперь сводились к быстрому походу по нужде и скорейшему возвращению на любимое кресло. Арсен поражался, насколько верными могут быть собаки. Сердце его рвалось от жалости, но чем помочь придумать не получалось...

Они вышли из подъезда, и Боцман привычно попрыгал в сторону парка. Много лет, день за днём, он задира лапу на одно и то же дерево. Там даже кора цвет поменяла. Прислонялся бочком, чтобы сохранить равновесие и делал свои маленькие дела.

"Сегодня не сразу домой пойдём, – сообщил ему Пеликан, – сначала в машину ходим. И не спорь! Тебе полезно прогуляться".

Старая, а точнее, очень старая Тойота одиноко стояла на пустыре за гаражами. Ровесница Арсена, "птичка", как называл ее папа, не давала повода для тревоги за свою сохран-

ность. Угнать ее было невозможно, грабить неинтересно, а местные хулиганы Пеликана уважали. Никогда бы не стали портить его имущество. Мужчина открыл ключом переднюю дверцу, убрал на соседнее сиденье оранжевый знак такси и уселся за руль. Он не собирался выезжать. Нужно было кое-что привести в порядок.

"Камеры – мой главный враг! – сказал он Боцману, вытаскивая из сумки видеорегистратор, – но только не эта. Эта перешла на темную сторону..."

Сейчас повешу и отведу домой. Иди погуляй вокруг машины".

Каждый раз, усевшись за руль милой "птички", мужчина испытывал тёплые чувства. Столько воспоминаний. Пятно на потолке – от рванувшей колы. Прожжённый парприз – первая сигарета, от которой так сильно замутило голову, что Арсен стал зелёный и решил, что умрет. Бросил окуроч, куда пришлось и потом клялся папе, что больше не будет. Не соврал. За всю жизнь ни одной затяжки...

Сзади послышался скрежет, Боцман царапал передней лапой замок багажника. Раздался щелчок, крышка поднялась вверх, и собака, взяв небольшой разгон, запрыгнула внутрь. Настоящий цирковой номер! Этому его научил папа. "Боцман, место!" командовал он, и трёхногий пёс на глазах изумлённой публики радостно исполнял поручение. Хорошее было время...

Телефон зазвонил в кармане. Мужчина не глядя, прило-

жил трубку и тут же пожалел, сморщился от шума.

– Фестиваль геймеров! – прокричал звонкий знакомый голос, – 10 числа! Ты нужен нам, Мистер Пи. 3000 человек. 500 игровых мест. И во главе этого ты – незримый повелитель проводов и паяльника. Привет, Пеликан. Придёшь, сможешь? Очень надо!

Гоша-Приставка, старый приятель ещё с института звонил раз в полгода, но всегда феерично. Только что был покой и гармония, но вот появился Гоша и сразу звенит, как будильник. Человек-фонтан. Похититель спокойствия.

– Ну, если надо, приду. Только много доверия для меня одного. Начнёт ломаться – могу подвести.

– Все в порядке, ты, главное, не бойся! Там команда спецов прилетает от спонсора, но я их не знаю. А вот ты – мой боец. С тобой я спокоен. Инженер-электроник, старая школа. С тобой хоть в Долину, хоть в Сколково. Выручай! Просто сидишь пять часов, скучаешь и дело в шляпе. Никаких передрыг, вот посмотришь.

– Если так, то приду, ты только напomini поближе к делу. Как живешь? Все нормально?

– Нормально, – не слишком уверенно заявил Гоша, – только устал немного. В отпуск хочу. А вот ты не меняешься! Вообще не спросил про оплату! Как там? ППУ? План потребностей и удовольствий? Я запомнил. Интересная схема. Только правильно быть позубастее! Это я тебя знаю, люблю, а другой будет думать, что лох. Разведёт, облапошит.

– Нормально, – перебил его Пеликан, – сколько запла-тишь, то и нормально. Не все ради денег, Георгий. Звони. Мне пора.

Друзья попрощались, и Арсен улыбнулся, этот человек был ему симпатичен. Честный, надёжный, светлая голова. К тому же, подработка была очень кстати. На горизонте маячила крупная, выходящая из плана покупка. "ППУ" – план потребностей и удовольствий. Правило, придуманное Пеликаном ещё на первом курсе университета. Деньги для жизни, а не жизнь для денег. Четко понимать, в чем нуждаешься, а чего просто хочешь. Контролировать человеческую страсть к бесполезному накопительству.

Мужчина составлял план на полгода, принимался усилен-но работать и, собрав нужную сумму, останавливался. В ито-ге, он не нуждался в карьере, не плодил над собой начальни-ков и большую часть времени делал, что хотел.

"Боцман! Вылазь. Я почти закончил". Арсен в последний раз включил и выключил видео-регистратор. Новая плата, придуманная и установленная своими руками, работала, как хотелось. Теперь выезды на "охоту", так Пеликан называл своё давнее хобби, станут более удобными и результативны-ми. Комар носа не подточит!

"Итак. Лора придет только в семь, – Арсен заговорил под нос, и Боцман, прыгавший рядом, оглянулся, – куча времени на игровую комнату. Ты не против, бродяга, если я немно-го повоюю с монстрами?" Пёс промолчал и сильнее натянул

поводок, торопился улечься на любимом балконе.

Плотные, словно занавес в театре, шторы превратили полдень в глубокую ночь. Мягкое кресло, телевизор на полстены, заведённый советский будильник, чтобы вовремя вернуться в реальность. Арсен вытащил джойстик и нажал на нем кнопку. Пространство наполнилось синим светом, заиграла приятная музыка, наступило время удовольствий...

"Будем через 10 минут. Выходи".

Прочитав это сообщение, мужчина быстро оделся, но уже перед самым выходом, посмотрел на себя в зеркало и решительно снял строгую рубашку, которую выбрал под джинсы. Порылся с минуту в глубине одежной полки и натянул на себя старую, поношенную футболку с надписью: "Pelican. With the bad comes the good, with the good comes the bad". Её, когда-то очень давно, ему подарила Лора.

Несмотря на уютную обстановку и легкую негромкую музыку, нахождение в кафе не приносило радости. Неприязнь зародилась ещё на парковке, когда Арсену и его спутникам пришлось объясняться с местным вышибалой, который не хотел запускать их старенькую машину на паркинг. Свободных мест было достаточно, но охранник, рассчитав в неглубоком уме стоимость Лориного автомобиля, посчитал их компанию нежелательным элементом. Арсен первым осознал бессмысленность препирательств с похожим на гориллу субъектом и ласково попросил разгоряченную Лору отъехать подальше, припарковаться в 300 метрах у минимаркета.

Усевшись за стратегически правильный стол, с которого были хорошо видны все окрестности, ребята заказали чай, кофе и несколько аппетитных пирожных, большую часть которых тут же слопала девушка.

До прибытия "этого негодяя", именно так она называла прокурорского сыночка, оставалось не меньше часа и потому, друзья, которые не виделись уже довольно давно, предались беседам и воспоминаниям.

– У меня новость, – объявила девушка. Смотри, какая штука! Она прижалась поближе к своему спутнику и показала пальцем на значок, висевший у него на груди. У самой красовался точно такой же – золотая ладошка, заключённая в металлический круг.

– Коля убедил меня вступить в "Лигу хороших людей", а через пару месяцев мы вообще, уезжаем! Вместе летим в "Добро. Восток". Если сильно повезёт, даже я начну приносить какую-то пользу.

Девушка раскраснелась, напившись горячего чая и встала, чтобы повесить на спинку стула ставшую лишней ветровку. Пеликан почувствовал аромат духов и еле заметно улыбнулся, смакуя его.

– Думаю, ты видишь по моему лицу, что придётся объяснить все подробнее, – сказал он, – видимо, я единственный за столом, кто не понимает ни слова.

– Обалдеть! – искренне удивилась Лора, – я привыкла, что ты на своей волне, но об этих вещах говорят все!

Без преувеличения – все!

Менсфилд... Он не говорит своего имени прессе, поэтому все так и пишут "К. Менсфилд". Хотя, может его так и зовут?.. "К"... Кто их разберёт этих миллиардеров?

В общем, он построил огромный центр. Прямо в пустыне. На нейтральной территории, между Сирией и Ираком. Там больница, школа, реабилит... – Лора остановилась, села ровно и попробовала взять неприступное слово заново, – РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ центр! Требуется 5000 волонтеров!

Все это нужно, чтобы помочь сохранять мир в регионе. Там люди, которые никогда ничего кроме войны не видели.

И ещё девиз такой правильный...

Девушка с просьбой посмотрела на своего Николая. Он кивнул и помог:

"Хороший человек не должен быть равнодушным".

– Да! – горячо закивала Лора, – Мне очень нравится!

Было видно, что Арсен искренне заинтересовался. Словно впервые столкнулся с чем-то действительно важным.

– Вообще, "Лига хороших людей" – это лучшее, о чем я узнала за всю свою жизнь! Ты тоже просто обязан в неё вступить, – Лора с чувством взяла друга за руку. – Не относись с иронией, очень тебя прошу! Это офигеть, как важно. Нужно просто стараться делать как можно больше добрых дел и постоянно рассказывать об этом. Не ради хвастовства. А чтобы больше людей захотели присоединиться. Чтобы почувствовали, что неправильно живут!

Повесим тебе значок, будешь вместе с нами...

Вот идёт человек по улице, попадает в беду. Ну, или просто плохо человеку физически или морально. Видит, что рядом кто-то, а у него значок. Значит, можно обратиться, попросить помощи. Это, как всемирный клуб взаимной поддержки! Клуб тех, кому не все равно. В скандинавских странах уже 70 процентов населения ходит со значками! И каждый день в мире нас прибавляется.

– А без значка? – Арсен легко улыбнулся.

– Что без значка? – не поняла Лора.

– Без значка можно быть хорошим человеком?

– Вот дурак! – девушка задорно рассмеялась. – Ну вижу же, что тебе нравится эта идея. Вечно ты со своей иронией!

Хорошо! Я прекрасно понимаю, что все это немного по-детски. Может быть, выглядит несерьёзно. Но если даже несколькими тысячам человек это поможет – разве не чудо?? Уже не зря! А теперь представь, если "Лига хороших людей", как мечтает Менсфилд, реально остановит войны на востоке? Если впервые за тысячу лет там наступит мир? Мне кажется, что все эти кровососы, – девушка искренне скривилась, – мировые политики, которые никак не способны нажраться своей проклятой нефтью! Они просто не посмеют продолжать делать там, что захочется! Если столько народу туда приедет. Из их собственных стран. Если все люди начнут рассказывать правду. Закроют пути для зла собственными спинами!

Равнодушие погубит человечество! Или как там? Черт, никак не могу выучить.

– Хороший человек не должен быть равнодушным, – спокойно, с доброй улыбкой повторил Коля.

– Да! Теперь точно запомню.

– Идея отличная, – остановил ее Пеликан, – без сарказма и иронии. Стоит попробовать. Это лучше, чем ничего не делать. Я рад, что появился Менсфилд. Мистер "К". Жаль, что раньше о нем не слышал.

Арсен поймал себя на мысли, что вечер ему нравится. Он вообще очень редко выбирался на люди, а уж в кафе был последний раз несколько лет назад. Если соскучился по людям, если не хватает общения, встреча с подружкой лучшее лекарство. Лора с удовольствием расскажет все новости, вспомнит самое яркое из юности и, конечно, надолго насытит голову разными образами.

– Помнишь ту страшную тетку, что Бодмана отравить хотела? – завела девушка одну из любимейших своих историй. Она явно хотела произвести впечатление на своего нового ухажера и потому, интересные рассказы сыпались словно из рога изобилия.

К слову сказать, Коля был не против, смотрел на неё весь вечер почти не отрываясь и с видимым удовольствием поддакивал.

– Помню, – ответил Пеликан улыбаясь, – но ты все равно Расскажи, – он подмигнул Николаю. Тот добродушно улыб-

нулся в ответ.

– Короче, мы как-то возвращались с прогулки: я, Арсен, папа его и Боцман... Боцман – это собака их трёхногая. Позже расскажу откуда взялась – там целая драма. Короче, собираемся зайти в подъезд, а на пороге тетка возникает огромных размеров и говорит, мол, не пуцу. Типа, ваша собака такая уродина, калека и все такое. Пугает детей, и они плачут. Кстати, это полная чушь! Потому что Боцман на своих трёх лапах так презабавно скакал, что все дети, которые это видели, всегда хохотали. Просто женщине, видать, было скучно, и она решила права покачать. Я, говорит, жена полицейского, напишу заявление, что собака ваша на меня бросается. А если не поможет, отравлю ее, и дело с концом. Мы, конечно, от такого хамства обалдели. Дядя Ашот, это папа Арсена, вообще дар речи потерял.

А этот... – Лора потрепала Пеликана по плечу, – как всегда, начал задыхаться. Это у него особенность такая. Когда сильно обижается, то начинает сопеть.

– Начинаю, – подтвердил Арсен.

– В общем, я первая в себя пришла и говорю. Вы, женщина, по тонкому льду гуляете! А это, при ваших габаритах, совсем небезопасно, – Лора засмеялась. – Мы потом эту фразу еще год вспоминали. Я, говорю, дочь уважаемого депутата, и все ваши угрозы слышала и запомнила и, если с этой собакой, не дай Бог, что-то нехорошее случится, я, во-первых, пожалуюсь папе на жестокое обращение с животными, а во-

вторых, сделаю вас знаменитой за один день. У меня, мол, блог на 100,000 подписчиков, и я вам сухой из воды выйти не дам. Тетка охренела от такого напора, дала нам пройти, но потом, все равно какие-то козни плести пыталась. Невзлюбила бедного Бецмана на ровном месте. Мы ещё долго потом просчитывали с Арсеном, как можно ее обезвредить... А она сама устранилась... Вроде как, мужу своему в еду яд какой-то подсыпала, и он чуть не помер. Мы ещё думали, что это она для собаки отраву готовила, а отравила мужика своего. После этого она в другой город переехала. И больше мы ее не видели...

Лора на секунду замолчала, смакуя интересное воспоминание...

– Тогда ещё Пеликан пол-мизинца себе нечаянно оттяпал. Мы всей школой охренели.

Покажи, Арсен! Лора, не дожидаясь ответа, схватила мужчину за левую руку и, подняв ее над столом так, чтобы Коля мог хорошо рассмотреть, торжественно произнесла, – вот!

– Пол-мизинца? Недоверчиво уточнил Николай, – тут вообще мизинца нет, и соседний палец тоже явно не в комплекте.

Арсен выдернул руку и спрятал обратно под стол:

– Да кто там в детстве разбирает пол-пальца или полтора, – неловко улыбнулся он, – главное, что лишился. Стала отличная компания! Собака без ноги, мальчик без пальца.

На нас из соседних дворов посмотреть приходили. Думал, Лора тогда со мной дружить перестанет. Она, конечно, де-вушка очень справедливая, но у каждого есть свой предел необычности.

– Дурак! – Ласково пробормотала Лора, – никогда бы я тебя не бросила. Я как однажды в тебе рассмотрела человека, так и на всю жизнь.

– Можно нескромный вопрос? – Коля понизил голос до деликатного, – если не хочется рассказывать – без проблем. Почему Пеликан? Что за странная кличка?

Арсен грустно улыбнулся, взглянул на часы и подлил в чашку свежего чая.

– Это не самая обычная история, – ответил он, – я расскажу, но на твой вопрос ответу не сразу. Без предыстории потеряется смысл. Будешь слушать?

Коля сделал рукой приглашающий жест...

– В 12 лет у меня не стало матери, и мы с папой переехали из Армении сюда, в Россию... Мы и до этого не шиковали, но теперь отцу приходилось хвататься за любую работу. Каждый день он вставал в 5 утра и ехал на водохранилище. Помогал местным рыбакам с ночным уловом. Только так получалось собирать деньги на оплату съемной квартиры. Я видел, как тяжело ему приходится и уговорил братъ меня на помощь. Несколько месяцев, каждое утро мы ездили выбирать рыбу из сетей, а потом переодевались и разъезжались каждый по своим делам. Он на работу. Я – в школу.

В один из дней остроумный хулиган начал называть меня Пеликаном, но сколько я ни старался выяснить почему, никто не хотел объяснять. Смеялись и переводили тему. Даже Лора. Мы тогда ещё не были знакомы...

– Прости меня, пожалуйста, – глаза девушки моментально стали влажными, – я была ужасной дурой!

– Ты была чудесной девочкой. Не говори ерунды, – Пеликан подлил всем чая из прозрачного чайника и, уронив на поверхность стола несколько капель, тут же собрал их бумажной салфеткой.

– Не переносит беспорядка, – начала было Лора, но Николай положил руку ей на запястье, взглядом попросил не прерывать рассказа.

– В тот день, когда мы подружились с Лорой, – продолжил Арсен, – было воскресенье. Холодное январское воскресенье. Я это хорошо запомнил. Мы с папой работали на каком-то складе, что-то разгружали и замерзли сильно. Он отправил меня домой, а сам остался. Нужно было закончить. По пути я увидел, как местные ребята развлекаются на озере...

Там собака была, почти щенок. И у неё лапа перебита. Так вот, они кидали хлеб на лёд, и пёс за ним на трёх лапах карабкался. В принципе, ничего ужасного, но каждый раз они бросали подальше, а лед был тонким. В один момент он треснул. Собака в воде оказалась. Я бросился за ней. Тоже провалился. Еле вылез. От холодной воды дыхание сперло – не

продохнуть. Страшно стало, я на помощь звал, пальцы на за-
гривке как заклинило. В общем, когда вылез, пса засунул под
мокрую куртку и пошел себе в сторону дома. Тут и появи-
лась Лора. Очень вовремя. Я иду, дрожу, паника на подходе.
Боцман тоже дрожит и скулит ещё очень громко. Прямо из-
под куртки. Вдруг, слышу зовут меня.

В общем, не помню толком, но мы оказались у неё дома.
Там меня сушили, поили чаем, а собаке разогрели целую ка-
стрюлю супа. Мы до вечера просидели, проболтали. Хоро-
ший был день. Станный. А уже перед самым уходом решил
спросить почему это, я Пеликан...

Она растерялась ужасно, застеснялась, но рассказала.

Во-первых, из-за большого кавказского носа! – Арсен с
улыбкой повернулся в профиль, чтобы Коля мог рассмотреть
лучше. – А во-вторых, из-за того, что в школе от меня пах-
ло рыбой... После работы с отцом. Остроумно, правда?!..

Я в тот момент сильно обиделся на весь мир. Ужасно мне
это показалось несправедливым... Но Лора вдруг меня об-
няла и сказала: "Пеликан – хорошая птица. Сильная и лов-
кая. А ты запомни, что теперь всегда можешь на меня рас-
считывать".

С тех пор прошло 13 лет. Папа умер. Боцман живет со
мной, а с Лорой мы лучшие друзья. Она вообще у меня од-
на. Так что, Коля, знай, ты сидишь рядом с настоящим со-
кровищем.

Девушка, которая ещё на середине истории начала пла-

кать, сейчас торопливо вытирала салфетками побежавшую тушь. Закончив, притянула Арсена поближе и прижалась лбом к его голове. Молча посмотрела в глаза и резко отодвинула.

– Ребята, я очень рад, что с вами познакомился, – Николай говорил совершенно серьёзно, – вы необычные и искренние. Надеюсь, я не подведу вашего доверия.

"Ты охренела, сука?!"

Все в зале обернулись к двум сдвинутым вместе столам, за которыми сидела большая компания.

"Ты что наделала?"

Молодой парень, показавшийся Пеликану знакомым, вскочил из-за стола и навис над худенькой брюнеткой. Она стояла с пустым стаканом в руке, из которого только что выплеснула содержимое ему на голову. Стояла молча, но губы мелко тряслись, видно было, что у неё истерика.

"Ты! Ты! Скотина! Из-за тебя ему глаз вырезали. Он теперь жить не хочет! Ты! Мразь!"

К девушке подскочили несколько расторопных официантов в белых фартуках и поспешно, невежливо и грубо, вывели её в сторону выхода.

– Обалдеть. Это похоже Антон, – громким шёпотом сказал Коля. Мы за разговорами не заметили, как он приехал.

– Да. Это он. Подтвердила Лора. А стакан на него вылила

невеста очкарика. Ничего себе, как мы все пропустили.

– Ещё раз подойдёшь ко мне, – запоздало начал кричать Антон, – посажу вас всех за угрозы и оскорбления! Сука! Весь мокрый теперь.

Компания принялась успокаивать потерпевшего, официанты услужливо порхали вокруг него с полотенцами. Парень продолжал возмущаться, но тут вынесли огромную бутылку шампанского, объявив, что это от заведения в качестве моральной компенсации.

– Вы представьте, какое паучье царство?! – наконец выдавила из себя Лора. – Мразь на мрази и все свои. Антон! – выкрикнула она. Ты ублюдок! Надеюсь, судьба тебе покажет справедливость! Чтоб ты сдох, крыса! Понял?!

Лору было не остановить.

Антон с несколькими друзьями поднялись из-за стола и направились в их сторону. Пеликан и Коля встали. Закрыли продолжающую выкрикивать ругательства девушку своими спинами.

Снова прибежали официанты, злобным шепотом попросили друзей удалиться. Пеликан молча, не моргая, смотрел в глаза Антону, и тот передумал нападать, не выдержав, отвёл взгляд. "Уберите их отсюда"

Бросил он официантам.

"Приличное заведение, а пускаете всякий сброд".

Арсен наклонился к самому уху подруги и прошептал:

– Уходим отсюда. Я тебе обещаю, гнида получит, что за-

служил.

Затем он повернулся к обидчику и тихим, очень злым голосом произнёс:

"Несправедливо!"

Пеликан зашёл домой и первым делом включил наполняться горячую ванну. Зажег несколько свечей, расставленных по бортикам и, сняв с себя одежду, погрузился в воду. Приятное блаженство успокоило его, и дневное напряжение, наконец, ушло. Полежав так несколько минут, мужчина наполовину вылез из воды и запустил руку под ванну. Нашупал там что-то и вытащил пластиковую коробку с изображением красного креста.

Было заметно, как сильно дрожат его руки... Открывая ёмкость, он чуть не уронил её.

Достал тонкий резиновый жгут и крепко перетянул верхнюю фалангу безымянного пальца. И без того уродливый, неровный, будто после укуса, обрубок мгновенно посинел.

Пеликан достал из коробки небольшие кусачки и обильно полил острые края обеззараживающей жидкостью. На лице появилась ухмылка, так обычно улыбаются в ожидании боли. Он зажал зубами край свёрнутого в трубочку полотенца. Затем примерил сталь к живой плоти и резко, без подготовки и промедления сдавил рукоять.

Яростный рёв слышали даже на улице. Боцман приподнялся на своём кресле и жалобно прижал уши.

"Теперь жди..." – прошипел Арсен и выплюнул на пол полотенце.

"Я заплатил за тебя, гнида!"

Кровь, густыми каплями падала в воду, образуя красные, расплывающиеся шары. Мужчина тяжело дышал, его глаза были закрыты.

Глава 10

Линия реального времени

Уже полчаса в пути. С каждой минутой вой становится громче, а моя смелость тише. Мы почти приехали.

Я начинаю догадываться, в каком месте собралась стая. Скорее всего, это площадка промзоны на окраине города.

Выключаем фары...

Оказывается, при полной луне тоже бывают тени... Они гораздо черней обычных и как будто идут за тобой вместо того, чтобы стоять на месте. Зато без фар видно дальше! Раньше мы видели только внутри луча, тёплого и живого. А теперь можем рассмотреть всю округу. Мы будто остались без защиты. Слили с ночью и доверились ей.

Чертова приборная панель! В полной темноте она светит так ярко, что я чувствую себя красным мясом на витрине магазина. Подходи и откусывай! словно почувствовав мое настроение, Олег берет футболку с заднего сидения и завешивает табло приборов. Становится чуть-чуть спокойнее.

Сворачиваем на узкую дорогу, медленно движемся вдоль бетонного забора.

Уже никаких сомнений, что сборище происходит за ним. Шум стал таким громким, что переговариваться получается

только криком. Я прошу остановить и, высунувшись из окна, перелажу на крышу. Через секунду я все увижу своими глазами...

Взявшись руками за холодный, шершавый бетон, осторожно поднимаю голову над ним.

Ничего!

Только ангары, недостроенные здания и строительный мусор.

Звук, по силе сравнимый с гулом стадиона, исходит из глубины территории...

Въезжать туда всё равно, что прыгать в Северное море! Ночью... С ледокола. Переглянувшись без слов, решаем идти до конца.

Страшно до одури!

Но любопытство сильнее.

К тому же, ну, разве может с нами случиться что-то особенно нехорошее, пока мы сидим в большой, мощной машине? А уж если какая тварь исхитрится попробовать к нам забраться, я всегда готов угостить её жменькой дробы в упор.

Всё также, не включая света, мы медленно, со скоростью шага, въезжаем в ворота. Луна прячется на минуту за маленькую тучку, и объезжать препятствия становится сложнее.

Метр за метром, как охотник перед звериной берлогой, мы крадемся к цели. Окажемся на пригорке впереди и нам все станет видно.

Доехали...

По пояс высовываемся из окон...

Котлован, размером с футбольное поле... Он буквально кишит движущимися фигурами. Лунный свет помогает разглядеть подробности, и как только я начинаю понимать, что происходит, животный страх делает ноги ватными, и я валюсь на сидение.

Мы оба, не сговариваясь, поднимаем стекла, и я нажимаю кнопку переключателя центрального замка.

– Скажи мне, пожалуйста, нахера мы сюда приехали? – я шепчу, не найдя в себе сил говорить в полную громкость. Олег меня не слышит.

Загипнотизированный ужасом я наблюдаю через лобовое стекло, как сотни, а может, и тысячи больных, сидя на корточках или стоя на четвереньках по краю и стенам котлована, воют глядя на его центр. Они возбужденно подпрыгивают, норовят сорваться вниз.

Именно там, на ровном бетонном дне происходит главное представление.

Я смотрю во все глаза, но никак не могу разобрать, что привлекает внимание обжор.

Вдруг луна выплывет из облака и особенно ярко озаряет землю.

Теперь понятно...

Несколько десятков больных сношают своих женщин.

Самки, стоя на четвереньках, принимают самцов. Вожа-

ков...

– Ты это видишь? Ты понял, что там происходит? – я кричу, чтобы Олег меня расслышал.

– А что непонятного? Весна пришла! Собачья свадьба! Ключ зажигания поворачивается в гнезде. Мотор заводится, и происходит непоправимое...

Автоматически, в полную мощь, включаются фары. Рухнувшая на нас тишина оглушает сильнее любого рёва. Тысяча голов одновременно повернулась в нашу сторону.

– Ну! Нам конец, – комментирую я очевидное. К чести моего водителя он не теряет самообладания, а спокойно, словно ничего не происходит, начинает маневрировать разворот.

Тысячи внимательных глаз, щурясь от яркого света, наблюдают за нами.

Если бы я мог, с удовольствием сейчас обмочился, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, но я буквально высох от напряжения.

Рот превратился в пустыню, язык присох, и единственное, что возможно, это причитать:

–Острожненько... Тихонечко... Аккуратненько...

Наконец машину удаётся развернуть мордой на выезд. Я сажусь на самый край сидения и, как в детстве на качелях, раскачиваюсь взад—вперёд, стараясь помогать разгону.

Сзади раздаётся протяжный громкий крик, а затем гвалт множества глоток. Началась погоня.

К котловану мы ехали очень медленно, можно сказать, крались в темноте. Это помогало не замечать кочки и битые кирпичи, разбросанные повсюду. Теперь же, разогнавшись до 30 км/ч, мы то и дело подлетаем в воздух, причём, делаем это так экстремально, что кажется, будто ещё немного, и машина потеряет колёса. Или дно. Я отчаянно ору Олегу, чтобы он сбросил скорость. Развернувшись назад, пытаюсь рассмотреть, сколько обжор участвует в погоне, но могу понять только, что очень много. Ловкие чёрные силуэты быстро перемещаются вслед за нами и вместо того, чтобы отставать, наоборот – нагоняют!

– Ах, ты ж, задница проклятая! Вот это я натворил, – неожиданно испуганно кричит Олег. – Я пропустил поворот! Проехал чертовы ворота!

Он резко затормозил, и я принялся кричать, что это плохая идея. Что нужно ехать прямо и искать другой способ сбегать с базы.

Зажатые металлическим ангаром с одной стороны и забором, заросшим плющом, – с другой, мы имеем возможность двигаться только вперёд. Элементарно, здесь настолько узко, что попросту негде развернуться.

– Ничего! – пытаюсь успокоиться я, – сейчас проедем по кругу и выскочим в ворота. Не будут же они бросаться под капот! Олег, ведь не будут же?

– Не проедем мы по кругу, – мрачно отвечает водитель, – мы приехали в тупик.

Я впервые с начала погони перестаю смотреть назад и разворачиваюсь вперёд, чтобы увидеть печальный ржавый экскаватор, наглухо перегородивший дорогу.

– Развернуться тоже не получится, – тихо добавляет Олег, – теперь только сдавать задом. Давай-ка, наверное, перелезь назад. Там стекла нет. Будешь отстреливать тех, кто в машину полезет.

Стараясь не думать о том, что сейчас начнётся, я молча перелезаю через спинку сидения и, усевшись напротив разбитого окна, выставляю в него Сайгу. Убедившись, что я готов, Олег начинает движение. Оставшиеся далеко позади, тёмные силуэты снова стремительно приближаются.

– Я сейчас буду ехать очень медленно, – предупреждает водитель. – Во-первых, ничего не видно, а во-вторых... – мужчина замолкает, – в общем, и первого хватит. Щас полезут! Будь готов!

Первый удар мягкого тела о бампер...

Бах!

Сбили ещё сразу нескольких...

Корпус машины дёргается, переезжая через препятствие, раздаётся пронзительный визг. Кажется, это кричит женщина.

Заметив в проёме окна чью-то голову, я широко открываю рот и стреляю. Видел в каком-то фильме, что так делают при особенно громком выстреле. Чтоб не разорвало ушные перепонки. Салон наполняется сладким запахом порохового

дыма, голова из окна, само собой, исчезла.

Решив поменять стратегию, я подсаживаюсь поближе к окну и, вытащив ружье наружу, луплю два выстрела подряд просто по ходу движения. Может, получится распугать!

Бах!

Тяжелый удар по крыше.

Кажется, кто-то запрыгнул на неё и теперь старается удержаться. Я вижу бледные от напряжения пальцы на заднем стекле.

– Выезд! – громко кричит оглохший от выстрела Олег и, прекратив, наконец, движение задним ходом, ныряет мордой в ворота. Оказавшись на ровном асфальте, автомобиль стремительно набирает скорость. Моментально ставшие маленькими фигуры, разочарованно останавливаются, прекратив догонялки.

– Один все ещё на крыше! – кричу я, и напарник, резко наступив на педаль тормоза, заставляет меня вылететь с заднего дивана и стукнуться лицом об передние сидения.

Обжора тоже не удержался. С визгом он улетает вперёд на дорогу и нехорошо падает, прямо на голову. Хруста мы не услышали, но то, что больной сломал шею, понятно и так.

– Отбегался супермен, – мрачно констатировал доктор. – Это ж надо! На крышу забрался скотина. Прямо, как в фильме ужасов!

Автомобиль мягко бьет передним колесом, переезжая препятствие, затем добавляет задним. Оглянувшись, я вижу

одинокую, тонкую фигуру, оставшуюся посреди дороги.

Дневник.

Сложные чувства... Рано или поздно нам придется столкнуться с этой стаей. Олег уснул, а мне тревожно. Выпил полстакана водки, но сон не идёт. Мы договорились, что начнём искать более спокойное место для жизни. Находиться в квартире с каждым днём все опаснее.

Смотрим вокруг, думаем, готовим план на будущее.

Больше не буду пить просто так. Что за дурацкое новшество? Жалко, что в новом мире не тухнет именно водка! Лучше бы не портился хлеб.

Пойду спать. Во сне мне всегда легко и спокойно. И скучно...

Великолепное свежее утро. Энергии внутри скопилось достаточно и ей необходим выход. Встаю с кровати и застаю Олега, делающим завтрак на кухне. Печенье, кофе со сгущенкой, немного шоколадных конфет, которые уже немного засохли по корочке. Кажется, мы готовы к новому дню.

Ничего нового в планах: магазины, аптеки, баки брошенных машин.

К полудню, когда багажник серьезно просел от добытых припасов, мы решаем, что хватит. Осталось только решить, для чего...

Пустые улицы, весеннее небо, звонкие разговоры птиц. Никогда уличные птицы так не звучали. Прибавились нотки, которые раньше можно было услышать только в лесу. Наверное, город начинает возвращаться в объятия матери-природы.

Проезжаем по центральной улице. Мимо проплывают исторические здания, высохшие фонтаны, многоэтажное здание администрации.

– Олег, ты же не сильно сейчас занят? – спрашиваю я. – Просто, если не сильно, то я мог бы предложить небольшое приключение. Исключительно развлекательного характера.

– На самом деле, сейчас немного напряженно со временем, – подыгрывает Олег. – Но ради стоящего приключения, можно что-нибудь перенести.

– Короче, давай полазим в администрации? Всегда было интересно, как оно там внутри.

Олег улыбается несколько секунд и останавливает машину для разворота.

– Скажу честно, ни о чём подобном не мечтал, но тебя поддержать готов. Давай полазим.

Через минуту мы, смачно проехав по некогда ухоженным газонам, паркуемся прямо перед центральным входом.

– Как считаешь, есть там жизнь после смерти? – спрашивает Олег. – Побольше взять оружия или нет смысла?

– Не знаю. Давай, наверное, побольше! Давай всегда брать побольше.

Черт знает, что там за этим входом. Может, это вообще люк в межпланетный корабль. Ни ты, ни я там не были так что, вероятность 50 на 50. Либо корабль, либо нет!

– Справедливо, – улыбаясь, соглашается мой компаньон, и мы, набив полные карманы дополнительными патронами, решительно толкаем запертые двери...

Запертые двери оказываются незапертыми, и уже через пару секунд мы осматриваем огромный вестибюль, хоть и отделанный на современный манер, но явно имеющий советские корни. Картины в тяжелых рамах, высохшие пальмы в глиняных горшках.

– Смотри сюда! Вот умора! – Олег остановился перед огромным, в рост человека портретом, с которого гордо, словно царь на холопов, смотрит щекастый мужичок. Толстые очки, челка на плешивом лбу и, вдруг, большие, чёрные усы, пририсованные маркером. На толстых пальцах нарисованные перстни, во рту дымит ненастоящая сигарета.

– Необычный портрет! – Олег подпер указательным пальцем подбородок и щурится, подражая гротескному критику. – Оригинальная авторская находка. Как думаете, коллега, какой шанс, что изображённый на холсте правитель был хорошим человеком? Полезным и справедливым?

– Думаю, что шанс все-таки есть. Меня, если честно, всегда бесило, что люди только ругают власть. Не думают, что и от власти есть какая-то польза.

– А какая? – удивлённо спрашивает Олег, – интересно бы-

ло бы послушать.

– Дорогой Доктор, мой рассказ не будет слишком длинным. Но ради справедливости вспомни, что мусор из баков куда-то исчезал. Что в больницах принимали врачи, что дороги ремонтировались, пусть и не очень грамотно.

– Очень не грамотно, – поправил собеседник. – Но твою мысль я понял. Ты прав. Между придворными интригами и казнокрадством, им все-таки приходилось что-то делать для страны. Спасибо вам, Господин Функционер, за пустые мусорные баки! – Олег шутливо поклонился портрету. – Эти усы вам очень идут...

Я не хочу спорить на тему, которая меня не слишком заботит и потому, улыбаясь, приглашаю идти дальше...

Закончив с коридором, мы оказались в просторной столовой, на удивление, мило обставленной. Столики со скатёрками, деревянные стулья, много телевизоров. Лично мне, это напоминает отель.

– О, гляди! – Олег, изучающий зону раздачи еды, бросает мне в руки небольшой, темного цвета предмет.

– Сникерс! – я принимаю подачу и тут же, развернув, начинаю лопать. Аромат жареного арахиса вперемешку с шоколадом наполняет воздух. С каждым новым укуском, хочется все больше.

– Еще есть? – спрашиваю я, – только не жадничай.

– Нет, только два было, честное слово. Сам их, бесполезных, люблю с детства.

Выйдя из столовой, мы попадаем в суперсовременный спортзал. Интересно, откуда у них было время тренироваться на работе? Мы долго тестируем всевозможные тренажеры, но главное удивление ждёт нас за пластиковой дверью. Настоящий бассейн с четырьмя дорожками на 25 метров.

– Я начинаю понимать, почему люди так держатся за власть, – кричит уже раздевшийся догола Олег. Он разбежится и, прижав колени к груди, прыгает в воду.

Мне уже можно не снимать одежды, все равно, весь мокрый.

– Вот свинка, – говорю я улыбаясь и вытираю рукавом лицо. Оставляю кучку вещей на полу, кладу ружье поближе к бортику и спускаюсь в голубую прохладу.

Боже, какое удовольствие!

Я, зажмурившись, ныряю с головой в чистую, пахнущую хлоркой воду и плыву несколько метров под водой. Ощущение настолько забыто кожей и настолько приятно с непривычки, что я начинаю в голос хохотать. Олег, глядя на меня, заражается смехом, и вот мы уже оба, до истерики, не имея возможности остановиться, хохочем. Приводим в порядок покалеченные за последний год нервы.

После купания, нагуляв аппетит, мы решаем поесть, для чего отправляемся в машину, набираем в багажнике консервов, галетного печенья и газировки. Усаживаемся прямо на газоне, который изрядно зарос травой и с удовольствием полдничаем.

Вдоволь излазив чиновничьи кабинеты, пост охраны и даже актовЫй зал, самое сладкое мы оставили на потом. Кабинет губернатора.

О том, что это именно его кабинет, броско сообщала позолоченная табличка на драпированной двери. Она оказалась запертой. Пришлось сбегать вниз за монтировкой.

Мы внутри кабинета. Богатый стол, шикарные кожаные кресла, несколько бутылок дорогого коньяка в шкафу. Олег уселся, взял трубку тяжёлого, на советский манер, стационарного телефона.

– Леночка, два кофе нам с Ильей... Ммм...

– Александровичем, – подсказываю я.

– Да. Вы слышали, Леночка.

– А кофе нет, господин губернатор, – подыгрываю я, – есть галеты и паштет. Нести?

– Нет, Леночка. Раздайте галеты бедным, а паштет... богатым! И ни с кем меня больше не связывайте. Я ухожу в отставку.

В дальнем углу кабинета мы находим просторную гардеробную. Пиджаки, рубашки, туфли – ничего интересного. Открыв вторую дверь, попадаем в небольшую спальню, оборудованную душем и туалетом. Удобно. Так управлять можно! С комфортом.

Вдоволь насидевшись в удобных креслах, насмотревшись в окно с видом на самый центр города, мы покидаем кабинет и, уже насытившись местными интересностями, отправ-

ляемся в сторону выхода.

– Подожди, пожалуйста, еще минутку. Последний кабинет гляну, – Олег показывает на дверь с табличкой "первый заместитель". – Интересно, как там во дворе у них, а тут окна как раз туда.

Я немного устал. Сажусь на ступеньки, чтобы дождаться товарища и погружаюсь в мысли. Интересно, как это вообще? Быть при власти? Не скучно, наверное. Все время нужно быть в тонусе! Чтобы свои не сожрали.

А когда нет, всегда можно залечь в милой спальне. Смотришь из окна на маленьких человечков, отхлебываешь из чашки и придумываешь, как забить без последствий на очередное скучное мероприятие... Ветераны, памятные даты, заседания сонных людей со стеклянными, рыбьими глазами. Им смертельно скучно говорить ни о чем. Но все привыкли. Все на работе. Это особый клуб, и умение высидивать, терпеть и кивать – плата за членство...

– Илюха! Иди сюда! – Олег кричит из кабинета, – тебе понравится.

Он сидит на диванчике и увлечённо смотрит в ноутбук, стоящий на журнальном столике.

– Вроде загружается. Прикинь! Тайны мадридского двора...

Я сажусь рядом, но компьютер рассматриваю без интереса. Он безнадежно устаревший, тяжелый, с огромной черной

мышкой. Уверен, что внутри неё можно найти серый шарик! Помню, что он очень приятный на ощупь. Твёрдый, бархатисто-резиновый. Нужно будет достать и утащить на память.

Я часто замечал, что взрослые люди трудно привыкают к новым вещам. Уверен, что и этот артефакт здесь не из экономии и бедности, а из-за банальной неохоты разбираться в устройстве чего-то нового.

Компьютер, наконец, загрузился, проиграла характерная мелодия. Скрипы и кряхтение прекратились, на экране появился в прямом смысле долгожданный рабочий стол.

Огромное количество папок. В основном с названиями населенных пунктов. Другие названы датами разных лет.

– Ага! – восклицает Олег, – наверняка черная бухгалтерия! Сейчас мы тебя рассекретим, коррупционер.

Через десять минут унылого чтения писем и обращений, я начинаю понимать, зачем губернатору спальня. Полчаса читаешь эту тягомотину, а затем полчаса спишь. Иного способа выжить придумать не получается.

– Олег, – говорю я, не выдержав, – давай потихоньку отчаливать? А? Столько в мире всего интересного. Прекращай!

Но видимо, мой компаньон находит в этом занятии что-то своё, особенное. Его губы беззвучно читают, в стёклах очков отражается очередной текст.

– Ещё минутку, – просит он. – Досмотрю эту интересную папочку и все. Видишь тут какие файлы? "Карта"... "Необходимые вещи..."

– Ого, – мне вдруг становится интересно, – а это не план ли отхода? На наш конец света?

Олег щёлкает мышью и читает вслух:

– Необходимые вещи... Расспросить, кто что берет с собой... узнать, будет ли семь свободных мест в верт... Верт – это в вертолёте, наверное. Уточнить схему проезда на всякий случай... Брать ли деньги...

Немного покрасневшийся Олег прекращает читать и поворачивается ко мне.

– Ты вообще понимаешь, что мы сейчас видим?

– Охренеть же можно. Открывай скорее дальше, – тороплю его я, – признаю, что был не прав. Это интересно.

В файле с названием "карта" нас действительно ждёт карта. Красным крестиком на ней указано место на отдаленном берегу Чёрного моря. Несколько часов езды от нашего города. Становится совершенно ясно, что это какое-то особенное место. Именно туда собрались прятаться члены нашего доблестного руководства.

– Думаю, что это бункер, – подытоживает очевидное Олег, – скорее всего, в нем сидит вся верхушка. Как считаешь? Пустят нас? Или им и так весело?

– Думаю, не пустят, – отвечаю я. – Но съездить стоит. Слишком уж интересно посмотреть, как они там устроились. Заодно целое дело придумали. Согласен?

– Согласен, – подтверждает доктор. – Только давай в этот раз без спешки. Тщательно подготовимся и вперёд. Торо-

питься-то некуда!

Добравшись до квартиры, мы пьем ароматный черный чай и расходимся по комнатам. Я уютно устраиваюсь среди одеял и подушек и сквозь сладко тянущий в свои владения сон, различаю звуки открывающейся двери.

– Олег? – спрашиваю я, не желая расставаться с приятным оцепенением. – Это ты? Или на нас напали зомби?

– Я! Все в порядке! Подышу полчасика свежим воздухом. Из окна. Спи.

– Хорошо, что не зомби, – шепчу я и проваливаюсь в сон.

Резкие толчки в бок. Просыпаюсь.

– Илья! Илья... Форс мажор...

Я сажусь в кровати и жду, когда зрение соберётся в темноте после сна. Чувство тревоги наполняет грудь, передаётся от возбужденного тона Олега.

– Нужно ехать. Вставай, пожалуйста. Расскажу по пути!

Через минуту я одет и собран. Жду замешкавшегося с рюкзаком соседа.

Ночью страшно и потому, мы тихо спускаемся по ступенькам, прислушиваясь, а Олег полушепотом рассказывает о случившемся.

– Сидел на окне, пил чай. Просто ждал, пока спать захочется. Когда уже совсем решил дойти до кровати, услышал странное. Сначала большие кричали особенно громко, но я

подумал, ну, жрут друг друга, с кем не бывает?

Но тут, Илья... Я услышал какое-то слово! Даже фразу! Как-будто кто-то прокричал!... Слушал еще минут десять, но больше ничего не было.

Есть вариант, что мне показалось.

Либо больные начинают разговаривать. Но что, если там, где-то там в темноте, выживший?

– Может, лучше подождем утра? Честное слово, страшно, трындец, в темноту вылазить!

Олег обернулся ко мне и, вытащив из кармана расчёску, принялся поправлять челку.

– Хотя, прости! – поспешил добавить я, – какое, нахрен, утро... Едем!

Превратившись в глаза и уши, готовые палить по любой тени, мы прошли несколько метров до машины. Я уселся сзади, занял с ружьем позицию у окна, а Олег, не включая фары, начал движение по залитой лунным светом улице.

Мы проехали ровно два квартала, когда я на уровне интуиции почувствовал что-то впереди. Что-то необычное.

– Олег, стой. Выключи двигатель и вынь ключи. Мне нужна тишина. Вынь ключи! Пусть приборы погаснут.

Олег делает, что сказано, а я, старясь производить как можно меньше шума, выхожу из машины. Усилием воли заставляю себя не думать о страшном. Если тут в темноте есть больные, они боятся не меньше моего.

Отхожу подальше, вслушиваюсь, всматриваюсь, внюхиваюсь в окружающий мир...

Вижу странное в конце улицы.

Как будто сполохи огня освещают небо. Что-то горит, но не слишком сильно. Едва различимо отсюда.

Олег становится рядом.

– Смотри, – показываю ему я, – видишь? Кажется, нам нужно туда.

Особую остроту придает неторопливая езда с опущенными стеклами. Мы высунули головы на улицу и катимся.

Тёмные дома с чёрными окнами, прохладный ветер с запахом гари. Я иногда смотрю на окна, и фантазия тут же с удовольствием рисует всякое: силуэт человека, неясное движение или всполох света. В животе холодно, а в душе неприятно. Твёрдо могу сказать, что ночные вылазки в мёртвом городе – это не мое.

Бабах!

Оглушительный грохот заставляет меня резко дернуть головой, и я сильно, до искр в глазах, бьюсь о верхнюю стойку. Судя по матерному выкрику, Олег выполнил тот же самый трюк. Попутно, видимо, испугавшись, он резко жмет на тормоз, и мы оба стучим лбами в переднее стекло.

– Охренеть, – первым выдает Олег, – мы с тобой, как в комедии. Смотри туда!

Но я и сам, без его помощи, прекрасно вижу столб огня в пять метров высотой по направлению нашего движения.

– Думаю, это машина взорвалась, – объясняет напарник, – уже как-то раз видел такое. Может помнишь, маньяк жег машины у нас в городе? Так вот, в моем дворе он спалил целых две. Я тогда испугался и гараж купил.

Я киваю, но не слушаю. Мои мысли сейчас далеко. Пытаюсь хотя бы примерно разобраться в происходящем.

Полчаса назад были крики... Потом это зарево. Теперь взрыв.

Что там творится?

Может, машина сама загорелась, а больные разволновались, раскричались? А может быть, человек, сохранивший рассудок! Пытается отбиться от стаи.

Вижу двор. В нем пылает машина. Вокруг никого. Десять соседних автомобилей гудят и моргают огнями, видимо, от взрыва сработали сигнализации!

Прошу Олега развернуться и сдавать во двор задом. Это даст мне возможность держать на прицеле всю округу, а если станет жарко, мы сможем удрать не тратя драгоценных секунд.

Я кричу, чтобы он тормозил и перебираюсь через сидение в багажник, рассматриваю двор через тонированное стекло. Яркое пламя освещает картину, и чем дольше я гляжу во круг, тем более страной мне она кажется.

На асфальте лежит несколько гантелей. Небольших, по два килограмма каждая. Такие используют для занятий фитнесом. Чуть подальше два цветочных горшка, разлетевших-

ся, с рассыпанной землей. Блестящие кляксы разбитых стеклянных банок довершают композицию и начинают превращать её в определенный сценарий.

Я прошу Олега посигналить...

Ничего не выйдет. Слишком громко вокруг. Нужно стрелять!

Жестом показываю, чтобы закрыл уши и, выставив ружье в небо, палю два раза подряд.

Смотрю на окна и балконы дома. Ничего не происходит.

Два новых выстрела!

Бах! Бах!

Кажется, есть движение на третьем этаже!

Я выскакиваю на улицу и начинаю прыгать и махать, привлекая внимание.

Это уже не нужно. Меня заметили...

– Какая квартира? – ору я, что есть мочи. Мне что-то кричат в ответ, но разобрать слова не получается. – Сейчас поднимусь, – бурчу я себе под нос, уже на бегу.

Заскочив в подъезд, озираюсь по сторонам, вода стволом в разные стороны. Понимаю, что забыл дозарядить ружье, но да и черт с ним! Взлетаю на третий этаж, вижу открытую дверь, из которой навстречу бросается женщина. Она визжит, явно от радости, принимается меня обнимать и осыпает поцелуями.

– Родной мой! Хороший! Живой! Заходите скорее! Они же прибегут в любую секунду!

Мы забегаем в прихожую, и женщина тщательно, на несколько замков, запирает дверь. В квартире дурно пахнет деревенским туалетом, и мне становится понятно, что хозяйка провела тут длительное время.

Она без остановки причитает, пытается мне что-то рассказать, но получается у нее очень сбивчиво и потому, я ничего не понимаю.

Все, что мне удалось разобрать это фразы: "сiju тут", "уже и не думала", "честное слово" и "невероятное счастье". Но в принципе, этого вполне достаточно, чтобы понять, что происходит.

Зайдя в комнату, я захлопываю балконную дверь. Какофония сирен стихает, и теперь, наконец, можно общаться.

– Как вас зовут?

– Таня! Таня меня зовут! – её шок еще не прошел и потому, она кричит мне в лицо.

Я беру её за голову и прижимаю к груди.

– Таня, успокойся, мы приехали за тобой. Увидели пожар, слышали шум. Теперь мы тут... Все в порядке, слышишь?

Она начинает горько всхлипывать, и я понимаю, что слышит, что приходит в себя.

– Я уве не вдала даве никого... – лопочет женщина, не отрывая лица от моей рубашки. – Понимаешь? Уже умирать приготовилась! – смотрит мне в глаза, – не могу одна! Устала насмерть.

– Теперь все позади, – я глажу её по спутанным волосам, –

теперь нас трое. Там еще Олег в машине ждет. Что у тебя тут в квартире? Есть что-то важное? Собирай и поехали отсюда скорее. На всю эту свистопляску обжоры могут сбежаться.

Таня отпускает меня и бросается в комнату, откуда появляется через пару секунд с накинутым на плечи рюкзаком. Подбегает к двери и начинает отпирать замки.

– Давай за мной, – командую я, и мы осторожно спускаемся по лестнице.

Быстро бежим до машины, запрыгиваем на заднее сидение. Увидев улыбающегося Олега, женщина хватает его за руку и прижимается к ней щекой.

– Какое счастье, – произносит она, рыдая, – лучший день в моей жизни!

Глава 11

Линия реального времени

Таня оказалась ужасно голодной. Она ест в две руки, а мы внимательно слушаем ее рассказы и подкладываем в тарелку еду.

Спрятавшись, как и многие, она просидела в квартире несколько месяцев. Поначалу ждала конца и даже придумала сброситься с балкона вниз головой, если начнутся первые признаки превращения. Не пригодилось. Иногда, набравшись храбрости, выезжала в город за припасами. Полчаса на улице – месяц дома, пока еда не закончится.

– Ребята, милые мои! Такая тоска в последнее время, – Таня снова начинает всхлипывать, – каждый день мысли о смерти. В детстве цыганка сказала, что умру в 90, как бабушка. А сейчас мне всего 42! Я посчитала, сколько мне одной ещё маяться, и так стало страшно... Решила, что ещё до 45 потерплю, и если ничего не изменится, спрыгну вниз головой! – женщина зарыдала в голос, а сконфуженный Олег принялся гладить ее по грязным волосам. – Не трогайте, пожалуйста, – Таня мягко, но уверенно, убрала его руку с головы. – У меня там такой кошмар, что ужасно перед вами стыдно. Выгляжу, как бомжиха! А ведь я преподаватель! Два-

дцать лет простояла перед доской. Мои студенты навьиыгывали столько олимпиад по химии, что про меня даже в журнале писали... – Женщина пытается придать волосам ровную форму, но быстро сдаётся. Отвлекается на компот с черешней. – Боже мой! – говорит она, набив рот сладкими ягодами, – какая невероятная вкуснотища. После воды с сахарями... Я как будто в раю сейчас! У меня сегодня второй день рождения.

– С днём рождения, Таня! – смеясь, соглашаюсь я, – добро пожаловать в нашу маленькую компанию.

Плотно набив животы, мы вышли в подъезд, где женщина, извинившись сто раз, закурила.

– Да, уж! – протянула она, выпустив в ночное небо струйку дыма, – я уже думала все. А тут вы... Сегодня утром в мой двор пришла стая. Человек 20. Даже в подъезд зайти додумались. Выломать дверь, слава Богу, ума не хватило, зато терпения сколько угодно! Целый день сидят и смотрят на мои окна. Я на балкон выхожу, говорю с ними ласково, прошу, чтоб ушли. Ни в какую! Накидала им сухарей, шоколадок, чтоб задобрить. Все сожрали, но не уходят. По двору скакали. Кричали. Бросали в меня, что могли подобрать.

– Больные бросались? – удивлённо уточняет Олег, и женщина энергично кивает.

– Я тоже оборонялась. Просто так не сидела. Швыряла гантели, банки, все, что можно выкинуть. Ненавижу мусорить, но тут ситуация была форс-мажор!

Таня прерывает рассказ, чтобы высморкаться, снова сотню раз извиняется, продолжает.

– К темноте их стало больше. Видимо, на шум подошли другие. В тот момент я решилась на отчаянный шаг. Поняла, что если не напугаю их – все, приехали...

Отыскала банку со спиртом, большую тряпку из наволочки.

Ладно!

В общем, наволочку я завязала на узел, подожгла и забросила на крышу ближайшей машины. Затем примерялась десять минут, боялась не попасть, но все-таки, добросила. Прямо до машины банкой спирта! Она разбилась, и в ту же секунду загорелось. Таким голубоватым пламенем... Больные разбежались, наблюдали, кто откуда. Но потом спирт просочился в салон и зажег обивку. Жар стоял такой, что я ушла в комнату. А потом, рвануло!

Ну, тут уже и вы приехали...

Спасибо вам, ребята, что приехали, – подытожила свой рассказ Таня и снова тихо расплакалась. Олег тянется к ее голове, чтобы утешить, но вовремя вспомнив, отдёргивает руку.

Женщина аккуратно тушит сигарету, заворачивает бычок в белую салфетку и спрашивает, где у нас мусорка.

Олег смеётся и говорит, что мы подружимся. Что человек, который в погибшем мире думает о чистоте – наш человек. Мы обнимаемся все втроём и договариваемся идти

спать. Через пять минут день, который получился поистине бесконечным, заканчивается. Я погружаюсь в сон.

Открыв глаза, чувствую дивный аромат, идущий из кухни. Кофе...

И... Как будто блины! Но это же невозможно...

Различаю тихую беседу попеременно со смехом, и сон уходит. Мне хочется поскорее присоединиться к ним!

Таня на маленьком туристическом примусе жарит блинчик. Горка таких же румяных, ароматных кружков лежит рядом на красивой тарелочке. Белый чайник с цветами в руках у Олега. Он снимает крышку и машет рукой в мою сторону, шумно вдыхая носом.

– Ты чувствуешь? Чувствуешь запах? Кофе со сливками! Завтрак, как в прошлой жизни. Мы не ели блины без тебя! Ты не думай.

Они оба смеются в полный голос. Устали шептаться все утро. А Таня смотрит с торжеством в глазах и рассказывает, как они, проснувшись очень рано, съездили в продуктовый и нашли сухую смесь для блинчиков. Уверяет, что они с Олегом ответственные. Что написали записку, чтобы я не волновался.

– Вот она! – женщина достает смятую бумажку из кармана и протягивает мне.

Квартира, словно сухая земля под дождём, снова наполняется весёлым смехом.

Во время восхитительного завтрака Таня рассказывает, что месяц назад пыталась искать родственников в окраинном районе. Возвращалась уже затемно и увидела свет в окне многоэтажки. Остановилась, начала сигналить, но поднялся вой. Перепугалась, уехала и больше смелости на поиск не нашла.

– Ребята, мы обязательно должны проверить этот дом. Нельзя никуда переезжать, пока не проверим.

– Так давайте сегодня и сделаем? – я запикиваю в рот последний блин и смотрю на ребят. Они улыбаются и кивают. Судя по всему, нас снова ждут приключения.

Я сижу на заднем сидении и балуюсь с ружьем. Вынул патроны, смотрю на мир через пустое дуло. Словно капитан из подозрительной трубы, изучаю окрестности. Олег – рулевой. Всегда внимательный, никогда не отвлекается. Таня, зачем-то пристегнувшись на переднем сидении, играет роль штурмана. Карту размыло морской водой, и теперь мы идём наугад, по памяти.

– Есть небольшая проблемка, – говорит женщина, – я точно не помню, какой дом. Но вы не переживайте! – торопится добавить она, – их там не больше трех... Может быть, четырёх. Одна из двух многоэтажек посередине!

Вот они, наши дома. Четыре вряд десятиэтажки. Отмечаем крайние и, выйдя из машины, задираем головы, принимаемся изучать окна. Солнце уже высоко и серьезно мешает, бликуя в стеклах.

– Придется гудеть, – размышляю я. – Олег, ты, пожалуйста, погуди и смотри по сторонам за нас. Я так понял, что местные шума не любят.

Один длинный гудок.

Два коротких.

Несколько секунд тишины, и мелодия "Московский Спартак".

В окнах никакой реакции.

– Говоришь, месяц назад тут была?

– Да. Около того.

– За месяц многое могло случиться. Олег! Ну, хватит! Прекращай. Если в доме кто-то есть – значит уже слышали.

Продолжаем рассматривать дом, может, где-то соорудили знак.

Ничего.

– Кажется, нас все-таки слышали, – Олег, глядя в бинокль, жестом просит меня подойти. —Смотри... Там за машинами... Десять обжор!

Подстроив под себя окуляры, я всматриваюсь, куда велено, и мне становится жутко.

Группа больных, прячась за автомобилем, смотрит в нашу сторону. Я провожу биноклем по их лицам, и создается впечатление, что они смотрят прямо на меня.

Вижу возбуждение в мимике. Пока еще нерешительность.

Стоп.

Все больные одновременно поворачивают головы назад и

прижимаются к земле.

Раздается негромкий вой, но пока не видно, кто именно издает этот звук.

– Охренеть, вы слышали это? Илья, что там происходит?!

– Что-то нехорошее. Но пока не разберу. Подождите...

Больные, словно собаки, выражающие покорность, валяются на землю. Я вижу резкое движение и понимаю, что кто-то ринулся в нашу сторону. Времени больше нет.

– Заводи мотор! Валим нахрен! Резко! – кричу я и, бросив бинокль в салон, бегу к своей двери.

Таня отошла от машины метров на двадцать и не слышит нашего разговора. Продолжает рассматривать окна.

– Таня! Быстро в машину!! – я кричу очень громко, и она, вздрогнув, оборачивается.

Несколько силуэтов с пугающей скоростью приближаются к нам по дороге. Я кричу Олегу:

– Гони к ней!

Тойота, протерев колёсами по асфальту, срывается с места, и через пару секунд абсолютно бледная от страха женщина закрывает за собой дверь.

Я пытаюсь нащупать ружье, которое бросил на пол.

Бум!

С разгона в машину врзается тело. Бум! Бум!

Звук лопнувшего стекла, и меня за голову стальной хваткой цепляет чья-то рука.

Волосы выskalъзывают, я стараюсь освободиться, но рука

уже хватает за шею, уши, лицо. Безбожно царапает грязными ногтями и силится вытащить на улицу.

– Гони, бл..., отсюда!! Чего стоишь?! – кричу я так громко, что срываю голос.

С облегчением понимаю, что рука, бессильно оцарапав мне щеку, осталась сзади.

Я дышу, будто пробежал без остановки 5 километров. Татьяна в голос рыдает, а машина ревет от перегазовки. Уносит нас из проклятого места.

– Илюшенька... Ты как? – Таня продолжает рыдать, – что это было такое?

Я ощупываю голову, и на ладони остается кровь.

– Блин. Посмотрите кто-нибудь, что у меня с рожей. – В состоянии аффекта я не чувствую боли, но понимаю, что бесследно эта стычка для меня не прошла.

– Царапина! Глубокая! Кровь идет, – всхлипывает женщина, – обработать нужно. Кровь остановить. Там сильно прям, Илюш. Кажется... – она вскрикнув, зажимает рот кулаком, – кусочек уха оторван. Не могу смотреть! Прости!

Я снова ругаюсь и прошу Олега, который сильно растерялся с перепугу, остановиться.

Через пять минут вздохов и ощупываний доктор выносит приговор:

– Жить будешь! – произносит он, поправляя очки, дрожащими пальцами. – Царапина на щеке – ерунда. Просто обработать. А мочку уха придётся пришить... Но это только зву-

чит страшно. Минута терпения. До свадьбы заживет.

Уже час я лежу на спине и смотрю в потолок.

Соседи давно уснули, а у меня бесполезные мысли. Прямо, как раньше, в прошлой жизни... Завтра встать ни свет ни заря, а ты лежишь и считаешь овец, чтобы не думать о глупостях.

Первая овечка...

Вторая... Третья...

Проходит полчаса, а ты так и не спишь. Вместо овец считаешь деньги на новую машину...

Как же мне не хватает шахмат!

Онлайн шахматы, любимая засыпалка, ушедшая навсегда...

Вот уж, действительно, вещь, сближающая народы. Один понятный каждому шахматный язык, на котором могут говорить и голландские фермеры, и преподаватели из Оксфорда. Даже индусы, которым пару дней, как провели интернет в деревню.

Двигаешь слонов и пешек, ведёшь себе тихую шахматную беседу и понимаешь, что все люди одинаковые, несмотря на разную среду и оболочку. Кто-то интеллигентно благодарит тебя за хорошую партию. Даже, когда проиграл. Кто-то наоборот – ругается и заносит в черный список. Все, как в жизни любого человека...

Закончив эту мысль, я окончательно понимаю, что сон за

мною не придет. Защищенное ухо жжется и ноет, удобно улечься не получается.

Нужно пройтись.

Свежий воздух, шум ночи. Вот, что мне нужно.

Эх! Сейчас бы, как когда-то, выйти в ночь! Вставить музыку в уши и шагать. Шагать свои законные 5 километров для улучшения сна.

Я представляю эту перспективу сейчас и начинаю хихикать. Темный, без единого огонька, город. Неизвестная тварь прячется за углом, а я бодро иду! Целеустремленно гляжу вперед. Все у меня хорошо...

Распахнув окно, наслаждаюсь прохладным воздухом. Он с каждым днём изменяется, становится другим. Добавляются ароматы цветов и зелени. Еще я заметил, что совершенно не помню, что такое головная боль. Видимо, очистившийся воздух благотворно влияет на общее самочувствие.

Вспоминаю события прошедшего дня, наблюдаю за котом, который, уютно свернулся на плоской крыше. Греется лунным теплом.

"Кс-кс-кс! – не выдерживаю я, и кот лениво поднимает голову в моем направлении. – Я просто так! Поздороваться. Простите за беспокойство". Кот замыкает пушистое кольцо обратно.

Нужно придумать развлечение... И, по возможности, оно не должно заключаться в подглядывании за усталыми животными.

Зажигаю свечу. Кладу перед собой дневник. Вывожу слово "привет" и сижу над ним несколько минут. Закрываю дневник.

В голову приходит мысль, но она настолько шальная, что всерьез ее воспринимать не получается.

Сижу в темноте, разглядываю подоконник...

Дурацкая идея все больше обрывает смыслом, внутреннее возбуждение нарастает, я встаю на ноги.

Нужно поехать туда, где мы были днем! Прямо сейчас! Не откладывая.

Ружье лежит на переднем сидении. Оно – мой единственный пассажир. Фары поливают жёлтым светом пустую дорогу.

"Туда и обратно, – говорю я сам себе, – пока темно, чтобы ночь не терять... Посмотрю, есть ли свет в доме и сразу назад! Ничего сложного".

Еду с открытым окном, наслаждаюсь потоком весеннего воздуха. Надел капюшон на голову, чтобы не простудить уши и лечу! Скорость не больше 40 километров, так что лечу я, только образно выражаясь.

Дома вдоль дороги, светофоры, остановки, магазины...

Сознание привыкло воспринимать город только со вставками электричества, без него все выглядит зловеще.

Я понимаю, зачем решился на вылазку. Она нужна мне, чтобы победить поселившийся внутри страх. Съезжу, увижу

другими глазами и верну себе душевное спокойствие. Верну ощущение контроля.

Чем ближе конечная точка, тем сильнее чувство тревоги. Каждая тень, создаваемая фарами, кажется притаившимся обжорой. Вспоминаю недавний опыт и выключаю свет полностью. Луна светит ярко, дорога видна замечательно.

Сбросив скорость, проезжаю нужный перекресток. Размышляю, что Таня, с перепугу, запросто могла ошибиться. Неправильно запомнить сторону или дом. Для полной уверенности нужно просмотреть каждое окно каждой многоэтажки в этом квартале.

Убираю ногу с педали газа. Машина мягко катится вперёд. Бензиновый двигатель работает бесшумно, только шины шелестят по асфальту.

Поставив скорость на паркинг, высовываюсь на улицу и внимательно осматриваю окна.

Первый этаж – темно... Второй – темно... Седьмой – тоже самое.

Ружье смотрит стволом из машины, караулит мою безопасность, но пока на улице только я, Луна и едва различимый звук мотора.

Аккуратно, чтобы не пришлось проделывать заново, осматриваю дом за домом.

Темнота и тишина.

Разворачиваюсь в конце улицы и смотрю другую сторону. Дело замедляется. Луна, которая раньше не мешала, те-

перь отражается в стеклах и бликует.

Стоп!

Восьмой этаж.

Во всех окнах блики белого цвета, а здесь отличается!

Желтый оттенок...

Свеча!

В окне горит свеча!

Ну, здравствуйте! Настало время знакомиться.

Глава 12

Линия Милли Фассбендер

– Мирри Фассбендер, вы изучаете тамесигири уже больше года, но никогда так тщательно не подходили к кири-агэ! – седоволосый японец, одетый в коричневое кимоно, вежливо поднял с пола, завалившийся манекен и, кивнув молодой стройной девушке, которая тут же нанесла быстрый и точный удар, придержал снаряд от повторного падения.

– Сегодня вы тренируетесь так, будто собрались выиграть чемпионат по тамэсигири. Вы хотите отобрать кубок у японцев, Мирри?!

Девушка убрала с мокрого лба рыжую прядь и, поклонившись мастеру, сказала:

Милли. Меня зовут Милли, мастер.

Я знаю, моя дорогая, но буква "л", мужчина издал неловкий гортанный звук, совершенно не даётся моему народу.

На самом деле, я давно привыкла к Мири. На работе все зовут меня именно так.

Девушка устало улыбнулась и, спрятав в ножны тупой тренировочный меч, уселась на мягкие маты.

– Понимаете, мастер, мне очень не хочется домой. Там меня ждёт крайне неприятный разговор с одним очень свое-

вольным... Девушка замолчала, стараясь подобрать слово, ее лицо стало грустным.

– О, я все понял, – японец вытащил из ножен свой меч и встал в атакующую позицию. Разрешите дать вам житейский совет. Не позволяйте страху или жалости влиять на ваши решения. Если чувствуешь, что пора поступить жестко – делай ход и ни о чем не жалея. Наноси свой кири-агэ, Мирри. Он у тебя то, что надо!

С легким свистом меч мастера описал дугу и остановился в сантиметре от макушки головы манекена.

– Сделай ещё 1000 ударов. Собери чувства в тугой послушный сноп. Затем смело отправляйся домой и делай, что велит сердце.

– Мастер, Окана, спасибо за чудесный совет, – девушка вскочила на ноги и почтительно поклонилась, – я с вашего разрешения приступлю к его исполнению.

Сделав ровно тысячу кири-агэ, Милли действительно почувствовала себя гораздо увереннее. Она присела отдохнуть и стала наблюдать, как заново наполняется людьми зал. Время было позднее, можно даже сказать, ночное, но желающих заняться спортом становилось все больше. Если в 20 часов рядом с ней махали бокенами всего 8 человек, то сейчас их было уже 15. Это из-за моды на ночные тренировки. Она закрепилась в Токио несколько лет назад. Милли пока не разобралась, была это борьба с бессонницей, бегство от ночного одиночества или очередная забавная странность не переста-

ющих удивлять японцев.

Переодевшись, девушка собрала вещи и через 5 минут уже бодро шагала по хорошо освещённой улице. Следила за дыханием, машинально считала шаги и размышляла о том, какая большая дисциплинарная пропасть между её родной Голландией и Японией, в которой она жила уже больше двух лет. Думала о том, что среднестатистический голландец, мучаясь от бессонницы после трудного дня, выпьет пива, снотворное или, на худой конец, будет ворочаться в постели. Может, и до самого утра. Японец же, убедившись, что заснуть не получается, идёт заниматься, пока мысли не успокоятся. Очень полезная привычка, которой она, к своей радости, заразилась.

Поднявшись в подъезде на второй этаж, девушка заметила конверт, лежавший на коврикe перед самой дверью. Однажды она не проверяла ящик целый месяц, и почтальон стал приносить корреспонденцию прямо к её квартире. Милли подняла письмо и положила вместо него монету – маленькое спасибо за внимательность и труд. Марка из Нидерландов, пригород Амстердама, значит письмо от мамы, больше некому.

Милли Ван Дер Вег в качестве адресата. Её старая голландская фамилия, про которую практически удалось забыть.

Девушка достала ключи, но открывать дверь не торопилась. На душе тревога, а тут ещё и письмо...

"Вспомни совет мастера, – прошептала она себе, – не оттягивай неизбежное".

Милли резко вставила ключ в замочную скважину, и тут же из-за двери раздалось жалобное, требовательное мяуканье. Распахнув дверь, она с порога закинула спортивную сумку вдаль комнаты, разулась, отстраняя от себя трущегося об ногу кота-подростка, и решительно выпрямившись, вытирая начавшие наполнять глаза слёзы, твёрдым голосом произнесла: "Макс! Ты... Совершенно ... Несносный кот! Сегодня ты нагадил в мою обувь! И сейчас я тебя накажу! – её голос сорвался, и дальше она продолжала уже плача. – Я никого никогда не била, Макс. Но ты меня вынуждаешь. Я должна тебя воспитать. – девушка взяла котёнка за шкуру и принялась тыкать мордочкой в яркий кроссовок, из которого сильно разлило кошачьей мочой.

Нельзя так делать! – приговаривала она рыдая, – не смей так делать! Больше такого не повторяй!"

Кот извиваясь вырывался, упирался передними лапами в пол. Не желал нырять головой в кроссовок, но терпел.

Наконец Милли отпустила животное, и рыжий короткошёрстный негодник, пробуксовывая когтями по скользкой плитке, унёсся куда-то за диван.

Девушка подняла испорченную обувь, зашла в ванную комнату и заложила в стирку. Добавила побольше порошка, налила кондиционер, нажала старт. Обессилено уселась прямо на пол и горько, страдальчески скривив симпатичное ли-

цо, разревелась...

Всхлипы, судорожные втягивания носом воздуха, иногда даже легкое подвывание, продолжались до тех пор, пока рыжий кот не зашёл к ней в ванную. Он подошёл к хозяйке, осторожно обнюхал... и, мурлыкнув, запрыгнул на руки. Милли, обняла любимчика, заметно успокоилась и принялась наглаживать мягкую шерстку.

"Никогда больше не накажу. Прости меня, пожалуйста. Мы с тобой такие одинокие. Только ты и я... И мама..."

"Доченька, как дела?..."

Рванный конверт зашуршал по полу, подгоняемый цепкими лапами, девушка закрыла дверь, чтобы кот не мешал читать.

"Доченька, как дела?"

Собралась писать на бумаге, чтобы письмо получилось солиднее и совершенно забыла, как выводить буквы...?? У меня все по-прежнему. Дом, работа, наш маленький сад. Фикус, который сажали на твой день рождения, высох. Я попыталась его спасти, но... Прости! Может быть, мало солнца. А может, скучал по тебе. Я уж точно скучаю и скоро засохну. Приезжай. Мой котёнок. Малыш.

Три года прошло.

Ты сбежала на край земли, но спокойней не стало. Расстояние не лечит... Только время.

У меня появился ухажёр. Его зовут Клаас Янсен. Загугли

страничку, расскажи, как тебе. Каждый день присылал мне букеты! Пришлось пригласить его в наш сад, чтобы увидел живые цветы и не дарил больше срезанных. Он хороший, но чуточку скучный. Посмотрим, как будет...

Моя Милли, ты помнишь, как в детстве порезала пальчик, и мы дули на ранку, чтоб быстрее заживало? Я подую сейчас, и тебе станет легче. Чувствуешь?...

Отпусти его, Милли, прошу.

Ты держала Максима за руку, когда он умирал, ты сменила фамилию в память о нем. Отпусти, разожми ладонь. Пусть его душа улетит спокойно.

Я люблю тебя, дочка".

Новый день.

Распахнув плотные шторы и впустив в комнату яркое утреннее солнце, Милли Фассбендер быстро, буквально за пять минут, собралась на работу. Ещё в старших классах она рассчитала для себя, что долгие утренние сборы – это не рационально. А вот максимально возможный сон, пусть даже и дополнительные полчаса – это грамотно и полезно.

Как всегда, проспав до последнего, девушка быстро умылась, высыпала в тарелку корм для котёнка, втиснулась в обтягивающий, спортивный костюм, надела удобный рюкзак за спину и выбежала из дома.

Два легких круга по безлюдному утреннему парку.

Резкое ускорение по вымощенной крупным камнем набережной, и Милли оказалась у входа в атмосферную булочную, которая уже несколько месяцев, каждое раннее утро была для неё источником завтрака.

Хозяин пекарни, энергичный джентльмен лет 85-ти, положил в бумажный пакет пирожок с вишней и ватрушку со сладким творогом. Ничего вкуснее этих нехитрых сладостей девушка за свои 25 лет не пробовала. Хотя в одно время серьезно увлекалась сладкой выпечкой и даже составила для себя рейтинг булочных Амстердама. Дело в том, что семья, владеющая данным заведением, выпекала сдобу уже несколько веков подряд. И все тонкости, и секреты передавались от одного поколения другому. Разве не здорово откусить хрустящую попку ароматного пирожка и знать, что точно так же, как и ты сейчас, 200 лет назад на этом самом месте закатывал глаза от удовольствия суровый самурай. Или нарядная гейша. Или оба сразу.

За время проживания в этой стране Милли поняла, что для японцев не важно, чем занимается человек. Важно – как он этим занимается. Добившийся мастерства булочник более уважаем в обществе, чем начинающий глава корпорации. Каждый должен достигнуть совершенства на своём месте! И тогда все вокруг само собой станет правильным и гармоничным.

Хозяин вышел из-за стойки отдать покупательнице заказ и крепко обнял её. Этот ритуал, с согласия Милли, повторялся

уже третий месяц. Сначала она смущалась такому приему, но потом привыкла, объяснив себе, что ей не жалко, а обижать милого дедушку совсем не хочется.

– Ай, как хорошо! – глубоко вздохнул совершенно счастливый старичок.

– Ну разве не чудесно быть таким пожилым, как я? Молодому человеку никогда бы не разрешили так обниматься. Ваши рыжие волосы, юная красавица, добывают во мне бодрость. Из каких-то давноо забытых источников... Положил в пакетик дополнительный коржик. Заходите и завтра!

Девушка выбежала на уже заполнившуюся людьми центральную улицу и сбавила темп. Перешла с бега на быструю ходьбу. Прошагала несколько кварталов, зашла в современное офисное здание.

Притормозила на входе, порылась в кармане рюкзака и предъявила пропуск. Затем, отделившись от человеческого потока, идущего к нескольким лифтам, зашла в уборную.

Вышла она из неё в строгой юбке, туфлях и белой блузке, обязательном для их компании дресс-коде. Только красный рюкзак, который она теперь просто несла в руках, выдавал в бизнес-леди бегунью.

Зайдя в огромный зал, поделённый перегородками на множество секций-кабинетов, она добралась до своего компьютера и перед тем как начать работать, съела коржик.

Затем проверила почту, сильно обрадовалась новому письму от старой подруги, но тут же расстроилась, увидев,

что текста в послании нет совсем. Никакого. Только ссылка на видеоролик. В ролике, который оказался социально мотивирующим, закадровый голос предлагал людям назвать то, что они считают в жизни самым главным. Люди называли спорт, любовь, деньги, счастье... Милли прошептала слово "гармония".

Далее ведущий спросил: "Что самое главное для ваших родителей?"

Большинство отвечали "Я", и девушка тут же подумала о своей маме.

"Милли – бездушная скотина!" – прошептала она и расплакалась. – Нужно обязательно созвониться прямо сегодня. Наговорить хорошего, поддержать, успокоить".

Спокойная электронная мелодия заиграла из динамиков, установленных по всему этажу. Девушка перевела компьютер в спящий режим и промокнула слёзы бумажной салфеткой. Как же хорошо не пользоваться косметикой! Плачь себе на здоровье, когда захочется. Она достала телефон и записала напоминание на вечер: "Созвониться с мамочкой. Говорить с ней, пока она сама не попросит положить трубку". Поправила волосы, глядя на себя в карманное зеркальце, и вышла из-за стола.

Музыка заиграла во второй раз. Пришло время корпоративной медитации.

Все сотрудники проследовали в большой светлый зал, одна стена которого была огромным телевизором и уселись по-

лукругом в удобные офисные кресла. Развернулись, чтобы быть лицом к экрану. Он зажегся. На нем появился логотип компании. Затем девиз. Причём, сначала девиз зажегся в виде японских иероглифов, но затем трансформировался в латинские буквы, чтобы было понятно иностранным сотрудникам.

В центр зала вышел уверенный в себе мужчина средних лет в дорогом костюме. Милли видела его впервые. На щеке у него была петля микрофона. Он приветствовал собравшихся на японском языке, но тут же перешёл на английский. Объяснил, что является новым "мастером корпоративного единства" и что "корпоративную медитацию" теперь проводить будет он. Девушка не испытала от этой новости ни радости, ни разочарования. Эти занятия она, при всём искреннем уважении к рабочему укладу японских компаний, считала не очень нужными. Каждый день, в одно и то же время, сотрудники прерывали дела и полчаса проводили выкрикивая хором название своей фирмы, изучая достижения и неудачи фирм-конкурентов, а также распевая несложный, состоящий всего из нескольких слов, гимн. Сначала Милли относилась к этой процедуре с максимальным уважением. Но поучаствовав в ней целый год, стала вместо трепета испытывать скуку.

"Только вперёд! До самого конца!" – прокричала она вместе со всеми и чтобы придать лицу максимально суровый вид, грозно сдвинула брови. Улыбаться было нельзя ни в ко-

ем случае, хоть иногда и хотелось.

Наконец снова заиграла музыка. Это означало, что 20 минут прошли, и медитация окончена. Пора отправляться на рабочее место.

– Милли, привет. Можно тебя на минутку?

Ловко лавируя между стульев, навстречу к ней шла толстая, рыжеволосая от природы девушка. Она уже видела ее на собраниях, но раньше они ни разу не говорили.

– Милли, привет. Извини, что отвлекаю. Очень нужна твоя помощь. Я, Лилли! – толстуха представилась и тут же залилась звонким, веселым смехом, параллельно густо краснея.

– Представляешь, как сложно жить с таким количеством буквы "л" в имени?

Милли умилилась искренности новой знакомой и спросила, чем может помочь. Та, покраснев ещё обильнее, хотя казалось бы больше некуда, перейдя зачем-то на шёпот рассказала, что работает в Японии всего несколько месяцев. Культуру местную почти не изучила, язык, тем более, а на прошлой неделе начала получать послания от тайного воздыхателя. Объяснила, что к мужскому вниманию совершенно не привыкла, что не знает, как себя вести и что делать. А сегодня утром получила письмо, в котором поклонник называет её таинственным словом "Рикоку" и что это слово совсем поставило ее в тупик, потому что электронный словарь тоже вместе с ней находится в тупике.

Милли прониклась проблемой. Тем более, что ей, как и любой нормальной девушке, стало любопытно, чем закончится эта романтическая история. На мгновение мелькнуло в голове сомнение, что Лилли слишком уж не похожа на объект вожделения, но девушка тут же, отругав себя мысленно, это сомнение прогнала, потому что всем известно, что главное, чтобы человек был хороший.

А также всем известно, что японцы странные в любовных делах. И что в этой стране любой может найти своё личное счастье.

– Лилли, тебе повезло, – улыбнулась Милли, – на курсах японского мы проходим фольклор. И Рикоку – это главная героиня старинной японской сказки. Не могу вспомнить, что там происходило, но точно могу сказать, что Рикоку – это хорошо и необычно. Совершенно точно. Тебе сделали комплимент.

– Милли! – толстуха схватила девушку за руку и вдруг быстро чмокнула в щеку, – я такая счастливая! Спасибо тебе большое.

Время до обеденного перерыва прошло незаметно. Девушка пришла в офисную столовую, выбрала подходящий вариант комплексного обеда и пошла за любимым столиком возле окна. По непонятным причинам у местных он спросом не пользовался.

Расправившись с салатом, поковыряв морковную котлету, Милли увлеклась новостной лентой в телефоне и потому,

немного испугалась, когда к ней обратился Ишико – один из офисных "друзей".

– Что, тоже ждёшь письмо?

– Какое письмо, – немного растерялась она, – от директора?

– От какого директора?! – Ишико рассмеялся. – Ты хочешь сказать, что единственная чуть ли не во всем мире сейчас не ждёшь ответа от МВФ?

– Наверное, – Милли улыбнулась. – Я не выделяюсь. Правда! Совсем не в курсе, о чем ты сейчас.

На лице мужчины выразилось искреннее недоумение. Он поставил поднос с грязными тарелками на стол, сел напротив Милли и торжественным голосом принялся объяснять:

– МВФ – Менсфилд Ворлд Фэмили. Глобальная мульти-миллиардная компания.

– Это я знаю, Ишико. Не объясняй очевидное. Объясни, что за письмо все ждут?

– Хорошо. МВФ запустила всемирный конкурс на свои вакансии. Где-то в Европе они хотят построить новый супер-город, состоящий только из работников МВФ. Пожизненный контракт. Собственная квартира. Зарплата небесных размеров. Но главное люди, Милли. Самые крутые, отборные специалисты всех мастей и областей в одном городе. Никого левых. Это будет рай на земле. Настоящая шамбала научного и производственного прогресса. Если мир можно изменить, то меняться он начнёт именно оттуда. В общем,

девушка, прямо сейчас, бегом на сайт. Проходи тест. И начинай ждать ответа! Как все!

Ишико хитро подмигнул, схватил поднос и, видимо, желая закрепить произведённый эффект, ловким трюком повернулся на каблуках на 90 градусов.

Милли сидела озадаченная. Идея о рассказанном городе взбудоражила её. Всю свою жизнь она мечтала, чтобы работа приносила настоящий смысл. Не найдя мечты в Европе, даже переехала в Японию, но и здесь, если говорить откровенно, не обнаружила чего искала. А вдруг, именно это её шанс?

Оказавшись на рабочем месте, вместо того, чтобы погрузиться в отчеты и корпоративную почту, Милли открыла в браузере чистую страницу. Сделав глубокий вдох и поборов нахлынувшее волнение, она набрала в адресной строке:

<https://www.mwf.com/>

На моментально загрузившейся странице, оформленной в очень лаконичном стиле, прямо по центру экрана размещалась большая синяя кнопка с надписью "НАЧАТЬ ТЕСТ". Вверху страницы находились ещё три кнопки, гораздо меньшие по размеру, подписанные "История компании", "Философия компании", "Достижения компании". Милли потёрла курсором центр экрана, но вдруг передумала начинать тест, решив сначала изучить верхние позиции.

Зайдя на страницу "История компании", девушка узна-

ла, что "30 лет назад, основатель и владелец МВФ некий К.Менсфилд, заручившись поддержкой нескольких перспективных специалистов, основал компанию, которая в течение нескольких лет превратилась в международный холдинг".

"Как мало информации", – прошептала Милли задумчиво и перешла в раздел "Философия компании".

На экране высветилась всего одна строка:

"Делай, что должно, чтобы зло не прошло дальше тебя".

Вопросов все больше...

Девушка хлебнула воды из пластиковой бутылки и кликнула "Достижения".

Написанное на этой странице также умещалось в один абзац:

"Мы используем возможность собрать по всему свету лучших специалистов. Людей с живой душой и пылким умом. Наша мечта закончить эру разрушения на нашей планете. Начать, наконец, эру созидания и ответственности. Мощности нашей компании хватит, чтобы попытаться это сделать!"

Наполнение сайта показалось Милли очень странным. Гигантская корпорация, а сайт похож на страничку школьных заговорщиков. Информация скудная, сведений о деятельности, вакансиях – нет вообще.

Странно.

Допив воду, девушка тщательно, насколько хватало сил, смяла бутылку. Так мусор занимает меньше места. Немного поерзала в кресле, уселась поудобнее. Размяла кисти рук,

покрутила головой по часовой стрелке. Настало время начинать тест.

После первого впечатления от знакомства с "МВФ", примитивность теста не вызвала у Милли удивления. У неё спросили номер телефона, адрес электронной почты, какими языками она владеет в совершенстве. Уточнили любимый цвет, кошек или собак она предпочитает, а также, как относится к занятиям спортом. Девушка выбрала кошек, синий цвет, а насчёт спорта написала, что "по настроению".

Ужасно разочаровалась, когда вопросы внезапно и слишком быстро закончились, а вместо них появилась кнопка "отправить результаты".

Милли всерьёз раздумывала о том, чтобы закрыть страницу. Ничего не отправлять. Но вдруг решила, что скорее всего, на данном этапе отбора идёт простая лотерея. Что настоящее испытание, скорее всего, начнётся позже, и завершила тест. На экране появилась благодарность за уделённое внимание и пожелание удачи. В последнем абзаце, напечатанном мелким шрифтом, говорилось, что сайт находится в акционном режиме и что как только отбор участников нового проекта закончится, вернётся к прежней, расширенной версии.

Это многое объясняло.

Ну не может быть сайт солидной корпорации настолько куцым.

Девушка закрыла страничку и услышала тихий сигнал. Пришло письмо на личный ящик.

Письмо от МВФ.

"Дорогая Милли, поздравляем с переходом в следующий этап нашего теста. Ожидайте новое письмо с дополнительными заданиями. Спасибо, что стараетесь стать членом "МВФ"!

Это было настолько неожиданно, что она уронила на пол раскрытый рюкзак. Уронила его вверх тормашками и потом несколько минут собирала под столом монетки, ключи и прочую мелочь, проживающую в кармашках. Этого времени ей хватило, чтобы осознать произошедшее, и теперь у неё приятно защемило в груди. Пришло чувство схожее с тем, когда выигрываешь не слишком большой, но все же ощутимый приз в лотерею.

Пикс!

Новое письмо.

От неожиданности Милли снова выронила рюкзак. В этот раз он был закрыт и потому, авария получилась почти незаметной.

Увидев, что очередное послание пришло не от "МВФ" девушка немного успокоилась. Хватит на сегодня переживаний.

Ей написал некий Абдул Халима, который с помощью необычного заголовка привлёк её внимание и потому, не был сразу же отправлен в корзину.

"Прошу не удаляйте! Прочтите мое письмо! Вопрос жизни и смерти!" – наверняка очередной африканский принц,

предлагающий поделить его миллионное наследство. Но после такой мольбы о помощи, не прочесть послание было бы неправильно.

"Спасибо огромное, что читать мое письмо. Я человек из деревни. Из Африки. Даже послание этого письма (отправитель упорно делал ошибку в этом слове) для меня есть большой труд. Нужно ходить пешком 20 км.

Я знаю английский. Я умею делать вещи из дерева (далее шло несколько фотографий с аккуратным столом, стульями и ещё одна с весьма реалистично вырезанной головой носорога). Я плотник. В моей стране всегда идёт война. Всегда опасно. Страшно. Я умоляю тебя помоги мне сбежать отсюда. Готов на что хочешь. Буду рабом. Хочу жить. Только не голодать. Может ты знаешь где нужен плотник. Помоги. Умоляю. Я отправляю это письмо уже 2 года. Никто не отвечает. Может с тобой повезёт".

Настроение было испорчено бесповоротно.

Забылось и о "МВФ", и о том, что уже 30 минут, как закончилось рабочее время. Потерев сжатым кулаком намокшие глаза, девушка начала быстро печатать.

"Привет, Абдул! Меня зовут Милли Фас, и я прочитала твоё письмо. Я живу в Японии, но приехала сюда из Голландии. Не теряй надежду! Попробую тебе помочь".

Письмо улетело, и девушка решительным движением взяла телефон. Зашла в заметки.

Далее в папку дела.

Записала в самом верху, сразу под заметкой о звонке маме:

АБДУЛ.

– Милли, стой! Остановись, пожалуйста! Раскрасневшаяся и вспотевшая Лилли догнала, наконец, девушку и, протянув ладонь в ее сторону, согнулась пополам, пробуя отдышаться.

– От самого офиса за тобой бе... На слове "бегу" толстуха задохнулась и уселась на корточки, решив, что таким образом придёт в себя быстрее.

Милли терпеливо ждала. Она почему-то испытывала симпатию к этому неловкому, искреннему человеку. Никакого раздражения.

– Жду, сколько надо. Давай... Отдышись и рассказывай. Зачем за мной гонишься?

Лилли, пришла, наконец, в себя и теперь, доверительно взяв Милли под локоть, потянула ее в сторону вымощенной круглыми булыжниками тропинки, объясняя на ходу, что без особого умысла решила проводить новую подругу домой, но немного не рассчитала дистанцию и скорость, и в итоге вышло, что вышло.

– Сегодня в столовой мы почти не познакомились, – продолжила объяснять она, – но ведь в этом офисе нас только двое! Девушка замешкалась, стараясь подобрать правильное слово.

– Неместных, – пришла ей на помощь Милли и иронично улыбнулась.

– Да! Это хороший термин, – обрадовалась толстушка. Мы обе неместные, и нам хорошо бы друг за другом приглядывать! – она испуганно заглянула собеседнице в глаза, – или, может, тебе это не нужно? Если я напрягаю ты, пожалуйста, так и скажи! Жалеть меня совершенно не обязательно!

Вместо ответа Милли улыбнулась и, указав рукой вперёд, в сторону небольшого уличного кафе, пригласила продолжить прогулку.

– Обожаю ходить по этой тропинке, – призналась толстушка, – мне рассказали, что эти камни, – она притопнула по одному из булыжников, – уложены в дорогу почти 700 лет назад! Я как подумаю сколько это – голова идёт кругом. Японцы – удивительный народ. Все делают на совесть.

Милли, уже успевшая привыкнуть, что в Стране Восходящего Солнца на любом углу обязательно ждёт какое-нибудь чудо, согласно кивнула.

– Ну, – продолжала Лилли, – как меня зовут, ты уже знаешь, – Пару месяцев назад я переехала сюда из Америки.

Тебе нравится этот столик? Давай я сяду сюда, а ты вот так, чтобы смотреть на море? – Не дожидаясь ответа, она грузно плюхнулась в мягкое кресло и схватила со стола лист меню.

– Я в этом кафе однажды обедала. Если честно, – она огля-

нулась в поисках официанта, – тут очень долго обслуживают.

– Меня это не пугает, – ответила Милли, – я выросла в Амстердаме. И у нас самые медленные официанты в мире! Она вдруг прищурилась, всматриваясь в сторону морской глади. На несколько секунд ей показалось, что в нескольких сотнях метров от берега плывет кит! Девушка слышала от местных, что такое иногда происходит, но своими глазами не видела. К сожалению, это была лишь байдарка.

– Единственное, я совсем не голодная, но за компанию с радостью выпью зеленого чая!

– Конечно, не голодная, – грустно вздыхая парировала Лилли, – ты худенькая. Такие, как ты, всегда не голодные. А вот я, пожалуй, наверну тарелочку морского супа. В прошлый раз он конкретно запал мне в душу. Честное слово! Даже снился недавно.

Девушки захихикали. Обе почувствовали, что общение запросто может быть приятным.

– Я росла в таком маленьком городе, что единственным моим другом был собственный папа, – Лилли задорно рассмееялась, и Милли, заразившись смехом, повторила за ней.

– Но я не жалею, у меня, знаешь, какой папа? Самый лучший папа на свете. Я его иногда зову "папа", а иногда "Пират". Он работал шахтером, добывал каменный уголь в забое, и однажды лишился глаза... – девушка замолчала, смешно поджав губы, но быстро оправилась и продолжила, – с тех пор он ходит с чёрной повязкой на глазу. И разрешает

называть Пиратом. Я, конечно, настаивала, чтобы он купил стеклянный глаз. И он даже купил. Но искусственный глаз все время "косил", и папа жутко бесился. В общем, уже много лет он ходит в повязке.

Лилли отхлебнула суп из дымящейся перед ней тарелки и блаженно закатила глаза:

– Зря ты не голодная, между прочим! Я, пожалуй, быстренько поем, а ты, очень прошу, расскажи пока про себя.

– Особенно и не знаю, что рассказывать, – Милли задумалась, – у меня только мама, а папу я и не видела.

– Правда? – Лилли с искренним сочувствием посмотрела на подругу. – А у меня только папа, представь! Мы с ним вообще одни на всём белом свете.

– А мама куда делась? Ты извини, что так просто спрашиваю, – спохватилась Милли, но толстушка не расстроилась.

– Ничего! – сказала она, — знаешь, когда никогда не было, то и как будто не потерял.

– Она умерла? – уточнила Милли.

– В определённом смысле. Для нас с папой. Буквально через неделю после моего рождения укатила в неизвестном направлении, и все. И с тех пор мы вдвоём.

– Обалдеть, – подытожила Милли, – а у меня мама ушла в отрыв на каком-то музыкальном фестивале и реально не помнит, кому обязана моим появлением.

– А представь, – Лилли рассмеялась, – наши горе-родители встретились где-то, также как мы! А может, вообще по-

женились. И мы с тобой косвенным образом теперь сестры, – девушка вдруг посерьёзнала и добавила, – вот было бы здорово.

– Слушай, а может, ты слышала когда-нибудь про мой городок? Он хоть и на 10000 жителей, а в свое время прогремел на весь мир! Грин-Ривер называется... Не слышала? Дело в том, что в пяти милях от нашего дома располагается... ты готова? Вот лучше покрепче сядь... Располагается Межгалактический Космодром! Лилли, чтобы добавить солидности подняла вверх указательный палец.

– Однажды, ещё в 90-е годы, учёные что-то там рассмотрели и сообщили, что скоро в планету Юпитер... знаешь такую?

– Да уж знаю, конечно, продолжай!

– Что скоро в эту планету врежется комета! И что будет настоящая катастрофа! А в нашем городе когда-то пытались построить аэропорт, но денег хватило только на взлётную полосу. И то, просто на голой земле. Короче местные власти не растерялись и объявили, что взлётная полоса Грин-Ривер приглашает жителей Юпитера высаживаться в нашем городке. Так, мы стали официальным и, кстати, единственным в штатах, Межгалактическим Космодромом. Так что, не из такой уж я и глуши, между прочим.

Милли, слушавшая собеседницу с искренним интересом, подлила себе чаю и, выждав небольшую паузу, спросила:

– И что? Прилетели?

– Кто прилетели? – не поняла Лилли, – которая отвлеклась в меню на раздел "десерты"

– Юпитерианцы прилетели?!

– А. Конечно. В первый прилёт они написали сценарий к фильму "Комната" с Томми Вайсо, а во второй – согласились подкинуть меня в Японию. И вот теперь я тут с тобой сижу.

Бармен, до этого момента молча натиривший стаканы, прокричал что-то официанту, и тот, достав пульт из широкого кармана на фартуке, включил звук на большом телевизоре. На экране выступала Грета Тунберг. Девушки, одновременно повернувшие головы на звук, прекратили смеяться и с интересом прислушались к передаче. Шведская активистка, известный на весь мир борец за чистоту природы, рассказывала, что количество ее единомышленников во всем мире превысило 300 миллионов человек. Что ведётся колоссальная работа по выявлению техногенных загрязнений, что обычные люди сражаются с корпорациями, что победа не за горами. Говорила она на английском, но снизу экрана, не прекращая, бежали японские субтитры.

– Сильная женщина! – заключила Лилли, когда выступление закончилось, а работники кафе, извинившись, вернули телевизор в бесшумное состояние.

– Уважаю ее! Тут, в Японии, она вообще что-то среднее между божеством и человеком.

– Очень сильная, – согласилась Милли, – только вот слишком медленно все продвигается! Обычные люди уже милли-

онами в этом движении, а разрушение как шло так и продолжается. Мне иногда кажется, что власть, я имею в виду большую власть. На уровне управления страной. Она как будто отбирает у человека определённое направление разума. Вот только что был хороший, умный, здравомыслящий человек, а как стал президентом – раз! Как отрубило. Сразу ему хочется воевать! Меряться всем, чем можно. Все простое, то, что действительно важно, начинает казаться глупым, несущественным. Мне иногда кажется, – Милли наморщила лоб, – что вот как будто есть такой шкафчик специальный. Стоит этот шкафчик перед каждым кабинетом каждого правителя. Идёт будущий президент на инаугурацию, а ему говорят: "Доброту, сострадание, человеческую мудрость, пожалуйста, выкладываем!". И закрывают в шкафчике. А когда уходишь с поста – возвращают. Но уже поздно ведь! Столько зла наделано... И бывший правитель начинает ездить по встречам, устраивать мастер-классы в университетах, что-то кому-то рассказывать умное. Но поезд ушёл. Назад уже не вернуться.

А в кабинете новый президент!

А мозги в шкафчике. И все повторяется заново.

Повисла небольшая пауза, видно было, что собеседница не ожидала такого длинного монолога и немного подвисла.

– Ты прости меня. Что-то понесло непонятно куда!

– Да ты чего! – вступилась за подругу толстушка, – мне очень понравилось. Главное, что от души. Только вот, дума-

ется мне, – девушка шкодно улыбнулась, – что такой шкафчик для мозгов у большинства людей в прихожей. И люди эти, перед выходом из дома, тоже туда мозги складывают! А то так посмотришь вокруг – все такие честные, правильные, сознательные... Только кто тогда делает гадости? Президенты?

– Я хочу рассказать тебе важный секрет! – Милли твёрдо решила перевести тему, – смотри вокруг! Сегодня слишком хороший день, чтобы думать о плохом.

Лилли, секунду назад успевшая нахмуриться, снова заулыбалась:

– Хочу секрет! Обожаю секреты! Итак, барабанная дробь, – она быстро застучала толстыми пальцами по столешнице, – все вокруг затыкайте уши! Милли... Какая у тебя фамилия?

– Фассбендер, – ответила Милли, – но можно сокращать до Фасс.

– Итак! Таинственный секрет от Милли Фасс!

– Девушки, извините, что прерываю! – официант, приближение которого в пылу беседы никто не заметил, учтиво поклонился, – сейчас начнётся представление. Каждую среду в это время. Обезьянье шоу!

Английский, на котором пытался изъясняться молодой человек, оставлял желать лучшего и потому, Милли показалось, что он что-то напутал.

– Обезьянье шоу? – переспросила она

– Так и есть, – разъяснил официант и снова поклонился, – театр обезьян. Японские макаки. Чудесные артисты!

В это время второй официант торопливо сдвигал пустые столы, расчищая пространство в центре площадки. Невысокий японец, одетый в блестящий цирковой костюм, устанавливал на освободившемся месте специальные декорации.

– Ты уже видела такое? – поинтересовалась толстушка.

– Кажется, нет, но посмотрю с удовольствием! – Милли расплылась в улыбке. – Я просто обожаю обезьян! Особенно местную породу. Однажды была на горячих источниках, но искупаться не удалось! Потому что там купались эти самые японские макаки. Целая огромная семья макак. Мордочки у них очень милые, но близко не подойдёшь. Экскурсовод сказал, что могут цапнуть, – Милли захихикала, – хорошие ребята. Неужели кому-то удаётся их приручить?

В это время подготовка к выступлению закончилась, и дрессировщик, поклонившись несколько раз всем, сидящим за столиками, прокричал что-то по-японски.

Из подсобки, быстро, семеня короткими лапами выбежали несколько обезьянок. Перемещались они исключительно стоя. Одеты были, словно маленькие дети, в штанишки и яркие маечки. Японец дал первую команду, и оба макака поклонились до земли, вызвав в зале бурю аплодисментов. Дальше обезьянки прыгали и кувыркались, замирали, вытянувшись в струнку и играли на музыкальных инстру-

ментах. Когда шоу закончилось, Милли все это время влюблённо смотревшая на милейших животных спросила:

– Как думаешь, есть вариант их погладить? Разрешит их хозяин?

Лилли, не разделившая восторг подруги в полной объёме, но тоже с интересом наблюдавшая, прищурилась, стараясь рассмотреть какую-то мелкую деталь на костюме дрессировщика.

– Думаю, разрешит, – уверенно ответила она, – у него на груди значок ЛХЛ!

– Что у него на груди? – Милли растерянно обернулась к подруге.

– Золотая ладошка в металлическом круге! Присмотрись внимательно! Это знак ЛХЛ. Лиги Хороших Людей. Пойдём!

И толстуха, пропустив мимо ушей просьбу объяснить понятнее, потащила Милли в сторону барной стойки.

– Извините! – уверенно закричала она, – можно вас на минуточку!

Циркач, собиравший реквизит, остановился и, улыбнувшись, поклонился. Послушные обезьянки терпеливо сидели возле его ног.

– Мы в восторге от ваших питомцев! – Лилли, чтобы было понятнее, показала в сторону зверьков и стукнула кулаком по груди. – Моя подруга, – она указала на Милли, – с детства мечтает обняться с обезьянкой. Давайте, пожалуйста,

выполним ее мечту?

– Куримацу! – гортанно выкрикнул дрессировщик. Один из его подопечных поднялся и встал на задние лапы. – Сейчас можно погладить! Обнять нельзя! Можно только мне, – японец поманил девушек пальцем и те, подойдя к маленькому артисту, принялись осторожно гладить его по густой серой шерстке. – Я не строгий, – продолжил объяснять японец, – делать радость людям это правильно для меня, – он вскользь коснулся значка на своей груди, – но мой Куримацу – дикий зверь. Чтобы обнять, нужно доверие... Работа всей жизни, – мужчина снова чинно поклонился, но лицо его было смешливым, – но! – вдруг сказал он, – если вы любите моих японских макак, можете купить им немного винограда. Все трое весело рассмеялись.

– Ну что? Одной мечтой меньше, – Лилли уселась обратно за стол и снова схватила меню, – кстати, мы закончили на том, что ты хотела рассказать мне секрет. Расскажешь?

Милли, все ещё улыбаясь после волнующей встречи, присела рядом.

– Секрет простой, – сказала она, – несколько лет назад я была такой же, как ты. Весила 80 килограммов.

– Очень смешно! – язвительно ответила толстушка. – Если бы ты весила долбанных 80 килограммов, у тебя бы ноги сломались. И хребет треснул. Жир бы под собственной тяжестью оторвался от скелета и шмякнулся бы на землю, – Лилли моментально покраснела, видно было, что новость

сильно ее раззадорила.

– И, тем не менее, – ответила Милли, – это чистая правда. Был в моей жизни момент, когда единственное, что меня интересовало – это книги и еда. Тогда я весила восьмидесятник. Но потом взяла себя в руки и теперь, я всего 48,5.

– Охренеть! – восторженно заявила Лилли. – И сейчас ты меня всему научишь, и я стану дюймовочкой!

– Ты станешь ей только в том случае, если готова. Если ты не готова, то любые усилия – бег на месте. Кстати, насчёт бега. Не хочешь начать?

– Думаешь, я не начинала? – Лилли посмотрела на собеседницу с укором, – да я столько раз начинала, что чемпионы по бегу столько не начинали. Только вот каждый раз, что-нибудь идёт не так! То кроссовки не те, и ты откладываешь пока не купишь нормальные. То простудишься на первой пробежке. То нога заболит, то голова закружится. Я чемпион по долбанным неудачам! – девушка подняла руку и напрягла дряблый бицепс. – А теперь скажи мне, что делает каждый толстяк, когда сталкивается с неудачей?

– Он ест!! – искренне рассмеявшись ответила Милли. – Мой друг, мне все это знакомо! Вечерний сериал в компании тарелок и кружек, заветная шоколадка, съеденная ночью, в постели, с закрытыми глазами. Сегодня ещё поем, сегодня не тот день, чтобы меняться! Но вот завтра! Завтра начнётся новая жизнь. А на завтра приходит мысль, что через два дня у друга день рождения. И что все равно придётся есть. Так

какой, скажите мне, смысл начинать диету сегодня?!

– Охренеть, – восторженно пролепетала Лилли, – ты что? Долбанная я? Откуда ты, мелкая, тощая козявка можешь все это знать??

– Говорю же, я была в этом клубе... Но мне удалось из него выбраться. Это все началось в детстве. Моя мама работает в Амстердамской публичной библиотеке. Отца, как ты знаешь, у меня не было и потому, большую часть детства я провела у неё на работе. Просто потому, что оставить меня было не с кем. Впрочем, нас таких там было много. Маленькие и не очень дети, живущие среди книжных полок и читальных залов. Посетители библиотеки называли нас Книжные котята. Мне нравилось. Иногда мы играли в прятки, иногда болтали. Но чаще всего читали. Лилли, я прочитала столько книг, что любой новый фильм кажется мне знакомым. Мне кажется, что я знаю все на свете возможные развития сюжетов! Но я отвлеклась... Скажи мне. Отгадай загадку. Что может сделать чтение таким уютным, таким дорогим сердцу занятием, что хочется заниматься этим всю жизнь? Ну? – Милли подмигнула.

– Угощееееениеее, – сладко растягивая звуки ответила толстушка.

– Правильно! В общем, к 16 годам я действительно стала похожа на воздушный шарик... Пробовала сидеть на диетах, заниматься физкультурой, но все время срывалась. Все время находила для себя поблажки и оправдания... Пока од-

нажды меня не осенило... Скажи, – Милли заговорила чуть тише, – ты веришь в Бога? – Лилли задумалась всего на секунду, но Милли успела всполошиться. – Подожди! Ты только не думай, что я сектантка или помешанная. Я не собираюсь начинать тебе проповедовать! Просто для моего способа нужно... – она задумалась подбирая правильное слово —Нужно доверенное лицо! Куратор. Человек, существо, Бог, Вселенная! Выбирай, что нравится. Главное, это то, чтобы ты не имела моральной возможности своему куратору соврать... Вот скажи, ты когда-нибудь молилась? Просила создателя помочь тебе или, например, папе?

Лилли молча кивнула.

– Вот так этот способ и работает! Ты просто обещаешь Богу не делать чего-то. Просишь его принять твоё обещание! И больше, просто не имеешь возможности свернуть с этого пути. Ведь ты не станешь обманывать Бога? Не захочешь испортить с ним отношения? – Милли улыбнулась. – Ну, а дальше – дело техники. Обещаешь не есть сладкое месяц. И не ешь! Обещаешь каждый вечер гулять по 5 километров – и гуляешь!! Понемногу. По чуть-чуть прибавляешь строгости, и сама не заметишь, как твоя жизнь изменится. В общем, мне, как видишь помогло...

Откуда-то из-под стола раздался звонок.

Лилли, находившаяся в прострации, переваривая услышанное, пару секунд на него не реагировала. Затем, словно проснувшись, засуетилась, вынула из сумки телефон и объ-

явила:

– Папа звонит!

Ещё пару секунд помешкала. Положила ладонь Милли на плечо и тихим голосом попросила

– Можешь, пожалуйста, мне подыграть? Я сейчас отвечу по видео, чтобы папа посмотрел, как мы тут сидим, а ты веди себя, очень прошу, будто мы хорошие подруги! Он будет так рад! Он всегда очень радуется, когда у меня все хорошо, – Милли быстро закивала, показывая, что сделать это совершенно не проблема.

Лилли, наконец, нажала на экран и, немного переигрывая с весельем, затараторила:

– Привет, папочка! А мы тут с подружкой сидим в кафе! Она голландка, но очень хорошо говорит по-английски! Это Милли, – она развернула экран от себя, и девушка увидела пожилого, но явно крепкого мужчину. Один глаз его был закрыт чёрной повязкой, как у Пирата, зато второй, здоровый, цепко, с интересом вглядывался в неё.

– Привет, Милли! Дус! Как дела? – мужчина неожиданно засмеялся, – да! Я знаю одно слово по-голландски. Дус! Хорошего дня вам, девочки! – голос у него был низкий, приятный, таким голосом обычно говорят отцы семейств в телевизионной рекламе, – я так рад, – продолжил он, – что у моей девочки есть подруга. Она очень хорошая у меня, Милли, ты скоро это поймёшь сама! Хорошего вам дня девочки. Дус! Гутен так!

После этого Лилли убрала видео и ещё с минуту разговаривала, постоянно повторяя "Хорошо, пап". Закончив, она с благодарностью посмотрела на свою новую подругу и сказала:

– Ты сейчас сделала очень хорошее дело! Мой старик – теперь абсолютно счастливый человек.

Глава 13

Линия реального времени

Вхожу в подъезд.

Пробую придержать дверь – единственный проводник света, но ее тянут обратно металлические пружины.

Отпускаю руку, и тяжелая створка захлопывается.

Оказавшись в темноте настолько густой, что трудно даже дышать, я сжимаюсь. Стараюсь уменьшиться до размеров мыши. Хочется стать тоньше ружья, спрятаться в дуле, свернувшись калачиком, и уснуть в безопасности.

Пытаюсь двигаться вперед, выставив нож. Ощупываю им воздух вокруг.

От напряжения мышц и мозга лоб покрывается испариной.

Пролет второго этажа, и в моей жизни снова светло. Узкое подъездное окно ласково источает лунный свет. Сейчас он кажется более ярким, чем солнечный.

Третий этаж...

Четвертый...

Седьмой...

Я на восьмом.

Длинный ряд железных дверей. Прохожу и хватаю ручки.

Дёрнул, убедился, что заперто, прошёл к следующей. Аккуратно, искренне опасаясь производить лишний шум, я стучу по металлу рукоятью ножа. Почему-то не удивлен, что мне не открывают.

Вряд ли кто-то сейчас ждет гостей. Мысль о том, с каким лицом может встретить мой стук хозяин квартиры, в это нелегкое время, вызывает у меня истерический смех.

Бах!

Звук хлопнувшей подъездной двери.

Я застываю.

В подъезд кто-то зашел.

Мысли скачут в голове...

Бежать наверх? Пробовать спрятаться на крыше, как в прошлый раз?

Пожалуй, глупости.

Шансов, что проход на чердак открыт, слишком мало. Я инстинктивно пячусь вглубь коридора до тех пор, пока спиной не упрусь в прохладную стену. Прячу нож в чехол, беру травмат. Приседаю на одно колено и пробую просчитать ситуацию. Сначала разряжу в противника обойму пистолета, затем, если не поможет, ружья. Ну, а если не поможет ружьё – всегда можно ткнуть ножом в сердце. Себе. Чтоб не мучиться.

Все не так плохо!

Спина прикрыта.

Восемь pistolетных выстрелов и восемь в ружье. Не

меньше двух десятков патронов по карманам. Если в подъезд не вошли все больные района, то остановить врага имеющимся арсеналом очень даже возможно. Сердце бьется так, что в голове катают волны боли.

"Так, – шепчу сам себе, – давай... Дышим ровно. Глубже. А то инсульт долбанет от давления".

Врастаю спиной в угол коридора и сливаюсь с темнотой в одно целое. Впитываю каждый шорох и через некоторое время, с полной точностью могу сказать, что не менее трех больных поднимаются по лестнице.

Тихое повизгивание с каждой секундой все ближе.

Что делаем, Илюша?

Наверное, первым нападать не стоит. Этих ребят, скорее всего, удастся убить, но какой переполох поднимут мои выстрелы!

Соглашаюсь сам с собой и из последних душевных сил стараюсь дышать ровнее. Контролировать приступы нарастающей паники. В один момент приходит идея стрельнуть в замок двери, ворваться в ближайшую квартиру, забаррикадироваться в ней и не выходить никогда. Спокойно прожить под диваном до самой старости.

Я гоню это желание, просчитав, что одним выстрелом я могу не вскрыть замок в такой темноте, а несколькими лишить квартиру двери. Добавив в список вероятность рикошета, отбрасываю этот вариант полностью.

Визг и сопение раздаются на моем этаже.

Те, кто поднимаются по лестнице, кем бы они ни были, в любое мгновение покажутся на глаза!

В последний момент меняю план обороны и кладу пистолет на землю, поближе к правой ладони. Обеими руками удобно перехватываю ружье, чтобы если бить, то наповал и, выпучив глаза, изо всех сил вглядываюсь в темноту.

"Встааааавай страна огромная! Вставааааай на смертный бой. С фашиииистоской силой темною, с прокляяяятою ордой!"

Я ору эту песню у себя голове. Толком не понимаю, откуда вспомнил, но в опасный момент жизни на языке именно она. Наверное, у русских это на генном уровне.

Снимаю указательный палец со спускового крючка, понимаю, что от напряжения могу пальнуть, пустить коту под хвост всю свою стратегию. Шарканье слышится совсем рядом, и секунды растягиваются для меня в несколько раз.

Первый темный силуэт появляется на фоне лестничного пролета. Существо пригибается к полу, практически стелется по нему.

На мгновение бросает взгляд в мою сторону...

И явно не заметив, продолжает движение по площадке. Его повадки ясно дают понять – передо мной хищник. Мягкий, бесшумный и в постоянной готовности стремительно атаковать. Я четко осознаю, что это вожак.

В один момент он замирает, глядя вверх, а затем прижимается к стене, словно готовясь пропустить вперед своих

спутников. На площадку, передвигаясь на корточках, один за другим выходят еще три силуэта. Понятно.

Значит, мы имеем четырех противников.

Восемь патронов в ружье и четыре цели.

Неужели они меня не чувствуют?!

Я сижу, обливаясь потом, в каких-то пяти метрах от них!

Судя по тому, как все они поглядывают наверх, в сторону следующего этажа, я понимаю, что обжоры ожидают встретить меня выше.

Один из трех подошедших поравнялся с вожаком, а он вдруг стремительно рванулся от стены, схватил его за горло и завалил на лопатки. Прижал к полу и, я готов поклясться, издал звук наподобие человеческого "Тсссс!". Осознание, что я имею дело с более развитым врагом, чем ожидал, загоняет в грудь новую волну паники. Собрав всю волю, я судорожно вдыхаю воздух маленькими порциями, но меня, слава Богу, не слышат – заняты вспыхнувшей ссорой. Прижатый к полу больной побеждено разводит руки в стороны и тихо скулит, а верхний, вплотную приблизив лицо к его шее, гортанно рычит. Оставшиеся двое замерли в стороне и не издают ни звука. Наконец вожак оставляет свою жертву и, как ни в чем не бывало, снова припадает к земле. Медленно ползет по ступенькам к следующему этажу. Освобожденный больной садится на корточки и, несколько раз встряхнув головой, начинает двигаться вслед за ним. Через несколько секунд вся группа скрывается из вида. Совершенно беззвучно.

Сопение, пыхтение и визги полностью прекратились...

"Какого черта им понадобилось выше?" – мысль совершенно дурацкая, но я благодарен мозгу, который начинает выходить из ступора. Думает уже не только о том, как заставить тело прыгать по потолку и стенам, сделавшись невидимым.

Поднимаюсь с корточек. Превратившись в олицетворение беззвучности, начинаю двигаться из своего, уже ставшего таким родным, угла к лестнице.

Дошел до ступеней. Слышу шорохи на пару этажей выше. Уползли.

Начинаю спускаться спиной вниз. Дуло в сторону верхнего пролета. Ступаю, аккуратно, ощупываю ногой ступеньки. Не забываю оглядываться назад. Я иду очень медленно, но четыре этажа уже позади. Впереди, в моем случае.

Чтобы ускориться, разворачиваюсь лицом и через минуту я уже на первом.

Снова попав в зону полного отсутствия света, я чувствую такую неуверенность, что не могу заставить себя сделать шаг. Слившись с воздухом, чувствуя движение газов в атмосфере, снимаю рюкзак и, отложив ружье, нащупываю в кармане фонарь.

Есть! Он у меня в ладони.

Снова беру ружье, навожу ствол в сторону подъездной двери и нажимаю на кнопку. Маленький, слабый фонарик издает еле слышный щелчок и освещает бледное лицо в по-

лутора метрах от меня...

Я вскрикиваю от испуга и подпрыгиваю так, что бьюсь головой о бетонный потолок. Не чувствую боли, но роняю фонарь и роняю ружье. Снова оказываюсь в полной темноте.

Вытащив нож, я бросаюсь вперёд и, закрыв глаза, тыкаю им куда придётся. Каждый раз ожидаю, что лезвие войдёт в тело, но каждый раз рассекаю голый воздух.

– Ну?! Где ты, сука? Выходи? – злобный шёпот похож на шипение змеи. Я и сам сейчас похож на змею. Пробую воздух ножом, словно острым маленьким язычком, и стоит только почувствовать мышку – тут же готов ужалить!

Спотыкаюсь о что-то большое и тут же бросаюсь на пол! Принимаюсь втыкать в человека, погружая клинок по самую рукоятку.

На первых ударах жертва визжит, потом начинает хрипеть и наконец затихает... Навалившись всем весом, я жду пару секунд. Нужно убедиться, что все закончилось. Встану, отойду, а он вцепится в ногу, как это делает недобитый зверь. Молчит...

Наверняка его товарищи все услышали. Нужно торопиться! Распахнув дверь, я впускаю свет и хватаю с пола ружье. Ещё один рывок, и я на улице.

Ночная прохлада приходит на смену душному подъезду. На крыльце никого. Во дворе тишина и спокойствие.

Вытащив из рюкзака моток канцелярского скотча, я спокойно, без лишней суеты, заматываю ручки подъезда. Слой

за слоем запираю выход наружу. Неудобно! Руки в крови, а скотч такой скользкий. Вытираю ладони о стену, оставляю на ней тёмные следы. Теперь дело идёт быстрее.

Дурацкий расклад!

Ничего не выяснил, напуган до смерти и утратил душевное равновесие.

Типичный проигравший. Так дело не пойдёт.

Придётся сегодня, прямо сейчас проверить ещё и соседний подъезд. Инстинкт самосохранения сопротивляется, но я давлю желание запрыгнуть в машину и уехать. Двигаюсь в сторону соседнего крыльца.

Оно обильно заросло диким виноградом и имеет совершенно мистический вид, что еще на несколько пунктов понижает мою храбрость.

"Сейчас отступишь – на всю жизнь останешься трусом!" – говорю я себе и тяну ручку двери, за которой меня в очередной раз ожидает кромешная тьма.

Восьмой этаж...

Левый коридор перекрыт тамбуром, правый свободен для прохода. Дергаю за ручку, убеждаюсь, что налево мне не попасть. Двигаюсь вправо. Внимательно, напрягая глаза, всматриваюсь.

Что-то не так...

Недостаточно темно!

Спокойствие вымывается волной адреналина.

Дальняя дверь приоткрыта... Из прихожей струится еле

заметный свет.

Я нашел, что искал.

Чувство опасности мешает сдвинуться с места. Ну кто, скажите мне, в такое сумасшедшее время, будет сидеть с открытой дверью и ждать гостей?

Я вхожу в квартиру и мне сразу становится понятно...

Здесь никого нет.

Никто не сидит с открытой дверью в ожидании непонятной встречи. Люди зажгли огонь, а сами находятся черт знает где, наблюдают с безопасного расстояния.

Подхожу к окну и, дунув на свечу, которая стоит в граненом стакане, тушу её. Хватит привлекать внимание. В новом мире нужно быть незаметным. Немного подумав, переворачиваю свечку вверх ногами – это будет моим посланием. Обдумав ситуацию, принимаю решение не искать выживших в соседних квартирах, если бы они хотели и могли встретиться – уверен, что мы бы уже разговаривали.

Спуск на улицу проходит без происшествий, и теперь я, стоя на крыльце, поднимаю руки вверх и тянусь всем телом. Пытаюсь сбросить скопившееся напряжение. Прохладный ветерок помогает освежиться, и через минуту я уже готов продолжать.

Удобно откинувшись на кожаном сидении понимаю, что пришла настоящая усталость. Теперь поскорее добраться до кровати и проспать до самого обеда. Оставить записку, что-

бы не будили, добавить в конце свои пожелания в плане еды. Всплывший в памяти момент колет булавкой – забыл откупорить подъезд, ручки которого замотал скотчем. Вдруг выжившие прячутся именно там? Столкнуться в запертом помещении со стаей обжор, не лучшее приключение для исчезающего вида человека разумного. Нехотя выхожу из автомобиля и соображаю, что сейчас, как только отрежу скотч, обжоры, вместе со своим жутким командиром, выпрыгнут мне навстречу.

Так дело не пойдет...

Придумал!

Достаю зажигалку из дальнего кармашка в рюкзаке и поджигаю скотч. Стою, чтобы убедиться, что пламя разгорелось. Смотрю, как расплавленный пластик капает на бетон крыльца.

Затея сработала. Возвращаюсь обратно в машину.

Первым делом нажимаю тумблер центрального замка.

Щелк!

Я в домике. Правда, без окон, но уже не на улице.

Кладу ружье на пассажирское сидение и удовлетворенно вдыхаю полной грудью. Как ни крути, а дело сделано немалое: нашел следы выживших, справился со страхом, довел задуманное до конца. Теперь со спокойной совестью домой, в родную и уютную кровать. Выуживаю ключи, оставленные в подстаканнике, вставляю в зажигание, проворачиваю и...

Ничего не происходит.
Машина не заводится...

Несколько минут я пытаюсь понять, в чем дело. Безрезультатно.

Периодически поглядываю на дверь подъезда, думаю снова замотать ручки скотчем.

Ну уж, нет. Если в этот момент обжоры решат выйти, мне придется несладко. Пытаюсь собрать мысли в кучу. Как же обидно, что так и не удосужился ввести в обиход рации. До этого момента они казались малополезными, ведь мы постоянно вместе, и вызывать нам некого.

Эх! Сейчас бы моторолу с радиусом в 20 километров. Замечательно хватило бы, чтоб вызвать на подмогу Олега и Танию.

Остаться в машине и ждать? Друзья не догадаются, где я, ведь никаких записок оставлено не было. Ещё одна глупость.

Остается одно – пешком пробираться через город. Мысль о таком приключении заставляет меня в голос рассмеяться нервным, истерическим смехом.

Ладно. Перед смертью не надышишься.

На самом деле, город не такой уж большой. Около 20 км в поперечнике, а я не такой уж беззащитный со своими ружьями. Осторожность, да немного удачи – вот, что мне нужно, чтобы к рассвету добраться до дома.

Раньше, до всей этой кутерьмы, я любил гулять по ночам. Безлюдными маршрутами проходил по десять километров и засыпал, как младенец. Тогда, замеряя маршрут шагомером, выяснил, что комфортная скорость ходьбы – это 4,5 километра в час. До моего дома из этой точки километров 15, соответственно, часа через 3-4 есть надежда добраться.

Все! Хватит трусить!

Автомобиль, у которого нет стекла вообще, не является надежным укрытием. Несколько отчаянных обжор, и приехали. Растолкав по карманам еще патронов, я, сделав несколько резких вдохов, открываю дверь и выхожу в ночь...

Дом, во дворе которого осталась машина, уже скрылся из вида. Я иду строго по центру дороги, стараясь наступать только на белую линию разделительной полосы. Сосредоточившись на этом, пытаюсь не реагировать на бесконечные шорохи и скрипы.

С двух сторон от меня, в такт шагам проплывают одноэтажные дома, и только далеко впереди, на фоне вынырнувшей из-за облаков Луны, виднеются черные формы многоэтажек.

Безлюдные улицы все больше принимают меня за своего. Я гражданин нового мира. С ружьем в руках, словно Зевс с топором. Мощный и смертоносный. Некого мне бояться! Я – новое божество этого города!

"Черт! Как же далеко мне ещё тащиться..."

Встретив припаркованный у ворот автомобиль, меня посещает мысль поискать в доме ключи. Я даже подхожу к забору и практически забираюсь на него, но двор встречает меня такой тревогой и неизвестностью, что храбрость улетает, и становится так грустно, что хоть садись и плачь. Буду идти пешком.

Стоп!

Впереди на перекрёстке, прямо посреди дороги, темное пятно.

Луна освещает асфальт, и мне кажется, будто собака свернулась в клубок и спит.

Может, болеет? Или вообще сдохла. Разве нормально для животного спать на открытом месте, в самом центре проезжей части? Конечно, время другое, машины не ездят, но должны же сохраниться какие-то инстинкты.

Сто процентов. Это дохлая собака...

На всякий случай замедляю движение и ступаю бесшумно. С этим проблем нет – мягкие кроссовки и хороший, чистый асфальт – все, что нужно. Сколько ещё продержится асфальт в таком виде? Наверняка не долго. Дороги в нашей стране всегда одноразовые. Первая морозная зима, и к весне мы получим трещины, которые с каждым годом будут расти в геометрической прогрессии.

Тем временем до собаки, а теперь у меня нет никаких сомнений, что это именно собака, остаётся не более 10 метров. Я перехватываю ружьё, готовясь выстрелить, и достаю из кармана патрон. Подкидываю навесом, целюсь попасть ей в голову. Вдруг, это поможет ей ожить? Патрон звякнул в нескольких сантиметрах и пёс, уморительно дёрнув всеми конечностями разом, подпрыгивает вверх на полметра, чтобы с пробуксовкой, подкрепляя разгон отчаянным визгом, унести куда-то за угол. Через несколько секунд оттуда раздаётся залиvistый лай.

Ненавижу сраный лай! Собак люблю и уважаю, но ровно до тех пор, пока они молчат.

Манера гавкать из-под забора, из-за угла всегда меня жутко злила. Мозгами я понимаю, что выходить из душевного равновесия будучи облаянным очень глупо, но сердцем мне всегда хочется встать на четвереньки и начать лаять в ответ. А лучше кусать! Вот такая шизофрения.

"Закрой свой шерстяной рот! – цежу я сквозь зубы, – весь квартал сейчас разбудишь!"

Но само собой, моя просьба остаётся не услышанной.

Кажется, теперь их лает уже несколько!

С наплывом злости я потерял бдительность и пропустил момент. Адреналин впрыскивается в кровь. Тяжесть в ногах сменяется парящей легкостью, а темнота становится светлее. Ствол ружья метит в сторону перекрёстка.

Проклятый барбос зовёт на помощь своих приятелей.

Охренеть! Мне все становится ясно. Он не просто спал по центру дороги, он уснул в дозоре.

Охотился. А я попал в засаду.

Шум нарастает и приближается. В мою сторону движется стая бродячих собак. Убегать бесполезно, они всегда будут быстрее. Перепрыгнуть через забор и спрятаться во дворе? Только недавно так делал и вот опять. Пожалуй!

Нервно оглядываюсь вокруг, выбираю, куда надёжнее будет податься, и тут появляются первые, несущиеся в мою сторону силуэты. Я срываюсь с места и, пробежав несколько шагов, начинаю паниковать. Четко слышу, как жесткие когти цокают по асфальту. Мне кажется, что вот-вот я почувствую первый укус. Сначала резкую боль, а потом тяжесть повисшего на ноге хищника. Я пробегу ещё несколько метров, волоча за собой врага, но тут подспеют следующие и повалят на землю... Начнут рвать по живому, выдергивать из меня горячие куски, тянуть жилы и проглатывать. Самое страшное, что никто из них не позаботится меня добить. Пожирать живого – это особое удовольствие!

Я видел такое по телевизору. Видел, как шакалы загоняли оленя.

"Хрен вам всем!" – кричу я и отчаянно, в три олимпийских прыжка, добираюсь до крепкого кирпичного забора, высотой по грудь взрослому человеку. Следующим прыжком я перебрасываю себя во двор, кручу в полёте башкой, придумываю куда приземлиться. Мощная сила не даёт мне закон-

читать манёвр. Будто кто-то схватил бетонной рукой и с силой дёрнул обратно.

Ружье! Я зацепился ремнём за угол забора.

Шлёпнувшись боком на твёрдую плитку, заросшую мхом, я скручиваюсь от удара калачиком. Беззвучно кричу. Пережидаю, пока закончится приступ боли.

Мох так приятно пахнет. Сыростью и травой...

В полуметре, за тонкой, в полкирпича стенкой, рычание и лай нескольких десятков зубастых ртов.

Ружье!

Я выглядываю через барьер, и стая сходит с ума от ярости. Секунду назад мне казалось, что было громко. Это не так. Громко стало сейчас. Трогаю рукой верхушку забора, надеюсь нащупать грубую ткань ружейного ремня. Его нет.

Фальшивым, ласковым голосом я прошу собак успокоиться, замолчать, но звук человеческой речи для них больше не означает друга. Только добычу. Еду.

"Собачки! Ну, что же вы? На-на-на... Сидеть! Лежать!"

Я пробую достучаться до их шерстяной души, но быстро понимаю, что это невозможно. Многие в этой стае были домашними. Я могу различить добермана, двух немецких овчарок и, кажется, даже ретривера. Его когда-то золотистая шерстка превратилась в панцирь из колтунов. Он рвётся и подпрыгивает, пытаюсь укусить меня за руку, наравне со всеми.

Травматический пистолет. Я вынимаю его из кобуры на

поясе и, выставив через ограду, стреляю два раза подряд.

Бах! Бах!

Попадаю в кого-то, раздаётся визг, а звуки выстрелов, прогремевших сквозь ночь на десяток кварталов, нагоняют такую тоску, что хочется кричать. Я снова серьёзно влип. Я не был беспечным, я подготовился и рассчитал, просто в этот раз слишком много невезения.

Напуганные стрельбой, собаки отбежали от моего укрытия метров на двадцать. Теперь пистолет своими резиновыми пулями не сможет причинить им вреда.

Зато я вижу ружье. На вражеской стороне, оно лежит на земле измазанное и поцарапанное десятками грязных лап. Хочется прыгнуть за ним, прижать к груди и ощутить спокойствие, но это слишком опасно. Перелезть обратно целым, мне ни за что не успеть.

Бессмысленно потратив ещё два выстрела из оставшихся шести, я прячу пистолет в кобуру. Теперь он пригодится только, если я соберусь застрелиться.

Пробую пересчитать собак и сбиваюсь на пятом десятке. Их так много, как будто я на другой планете. Приземлился случайно на планете собак и сижу, совершенно чужой, соображая, как улететь обратно. Наверное, я умнее их, но все превосходство гасится числом. Количество разгромило качество.

Я пробую сбежать. Двигаюсь по периметру забора, ищу, где перелезть, но маленькие охотники внимательно за мной

следят. Куда я, туда и они. Если говорить языком шахмат, ситуация сложилась патовая.

Прошло полчаса. Я стою у забора, смотрю по сторонам и просто жду чуда. Собаки заметно притихли, но уходить не собираются. Понимают, что мне никуда не деться.

Кто-то улёгся, кто-то присел, кто-то нервно выкусывает блох. Хочется к ним присоединиться. Лечь на траву, позвать остальных и начать заниматься простыми собачьими делами.

На противоположной стороне улицы какое-то движение. Быстрые, бесшумные тени передвигаются несколько метров и замирают, спрятавшись.

"Ха-ха! – смеюсь я тоскливо, – а вот и обжоры".

Странно было бы надеяться, что истинные хозяева города не проявят к такому громкому событию интереса.

Больные не выходят из укрытия. Наблюдают, скрывшись за кустом. Мне кажется, что я вижу, как блестят от Луны их глаза.

Странное и на первый взгляд глупое решение приходит мне в голову. Больно царапая пальцы, я расшатываю и вытаскиваю кусок плитки. Слишком большой. Кидаю его обратно на землю, прыгаю ногами, пытаюсь расколоть. Получается!

Подкинув на ладони готовый к метанию снаряд, я замахи-ваюсь и швыряю!

Ай!

На той стороне улицы кто-то вскрикнул от боли.

Стая реагирует мгновенно. Несколько десятков серых

спин срывается с места и бросается за новой жертвой.

Получилось! Такая чушь! Бред, а не план, но все получилось.

Путь свободен, и через пару секунд я держу в руке ружье. Как же приятна его тяжесть!

Теперь бежать.

Я бегу без оглядки целый квартал, но лай почему-то не отдаляется. За мной гонятся... Что за день?!

Меняю тактику и, развернувшись, готовлюсь принять бой.

На самом деле "принять бой", звучит слишком пафосно. Даже если сейчас на меня бросятся целых двадцать собак, восемь из них я убью, не перезаряжая ружьё. Этого будет достаточно. Остальные разбегутся.

Тем временем пора открывать огонь. Ближняя ко мне овчарка бежит молча и, прижав к голове уши. Я хорошо могу рассмотреть оскаленную пасть и внимательные, готовые к схватке глаза. Очевидно – я у неё не первый.

Бах!

Выстрелом ей сносит пол-головы. Кучность чудесная, потому что дальность стрельбы не более пяти метров.

Бах! Бах!

Следующие выстрелы, практически не целясь. Если первой жертве скулить было просто нечем, то следующие две отыгрались сполна. Поражённые в туловище, они валятся на дорогу и быстро, перебирая лапами, крутятся на месте. Одна из них воеет так громко, что несколько псов останавливают-

ся, а остальные врезаются в них с наскоку. Теперь, метрах в десяти от меня, образовалась настоящая свалка из суеющихся шкур.

Я решаю закрепить успех и посеять хаос в рядах противника. Хладнокровно выцеливаю и делаю ещё несколько выстрелов.

Бах! Бах! Бах!

Пару патронов оставляю в магазине на всякий случай, хотя адреналин, превратившийся в жажду мести, рождает во мне желание стрелять ещё.

Принимаю решение собак не добивать. Своими криками они прикроют мой отход. Шуметь они будут ещё долго, потому что нет на свете ничего более живучего, чем бродячая собака.

"Вы попробовали и проиграли! – кричу я им, – нечего теперь на меня обижаться".

Не останавливаясь, лёгкой рысцей пробегаю 10 кварталов. Кураж понемногу выветривается, а вместо него возвращается усталость. Останавливаюсь у высокого, не менее 3х метров, забора и сажусь на землю, прижавшись к нему спиной. Прохладная сталь приятно холодит кожу, голова моментально наполняется туманом...

Полностью раствориться не получается. Еле различимые, но все ещё слышные собачьи визги, напоминают об опасности. Заставляю себя подняться, встряхиваюсь и разминаю

руки.

Всего одна весна без человеческой опеки, и всевозможная растительность заполняет каждый доступный клочок земли. Трава по пояс, иногда даже выше, молодые поросли деревьев, разрастающиеся без прополки. Все они, как маленькие дети, вырвавшиеся из-под контроля строгих родителей. Начали навёрстывать, что раньше запрещали. Уверен, через пару лет города превратятся в настоящие джунгли, и способы выживания здесь станут совершенно другими. Радует, что опасности останутся прежними, ведь маловероятно, что помимо обжор и собак, здесь наплодятся львы, тигры и прочие откровенно недобрые ребята. От своих нынешних знакомых я всегда смогу отстреляться, а вот если бы в зарослях ждал целый тигр... Тем более ночью.

Хватит лирики! Страхиваю остатки дремы и выхожу на центр дороги. Внимательно гляжу по сторонам и отчего-то начинаю нервничать. Очевидного повода нет, только намеки. Что-то не так с забором, у которого я только что отдыхал.

Мощный, трехметровый, с острыми наконечниками в виде копий на макушке – таких в моем городе целое множество.

Стоп!

Пространство над забором светлее, чем в соседних дворах. Ощущение такое... Как будто...

Как будто во дворе горит слабый свет!

Я не верю своему зрению. Выпучив глаза, пожираю взгля-

дом темноту. Сравниваю степень черноты над соседскими заборами.

Все сходится.

Либо это магический забор, выкованный эльфами, либо во дворе кто-то зажег электрический свет. Подхожу ближе и пытаюсь найти щель, чтобы заглянуть внутрь. Прикидываю возможность взобраться наверх с улицы. Слишком высоко. Шагаю вдоль до соседнего участка. Тамошнее ограждение не выше подбородка. Перелажу, завалив подгнившие доски, и наконец оказываюсь в заросшем сорняками огороде. Ситуация не изменилась. Между соседями забор такой же, как и на улице.

Ничего себе, какая крепость!

Я совершенно не чувствую страха. Наверное, сказывается усталость. Слишком тихо.

Все! Кажется, я больше не могу...

Вернусь сюда завтра вместе с ребятами и обязательно решу все загадки...

Я поднимаюсь на крыльцо своего дома практически ползком.

Закрыв за собой дверь, осознаю, как мне повезло. Через весь город, ночью, одному... Это достойно занесения в дневник. Но все это позже, сейчас я буду спать.

Глава 14

Линия реального времени

Дело идёт к вечеру, а я только проснулся. Пробую встать и чувствую боль в каждой мышце, в каждом суставе. В квартире тишина, похоже, что я дома один. Иду к окну, чтобы умыться. Поливаю на ладони из пластиковой бутылки, думаю о том, как здорово было бы построить летний душ. Вырыть колодец, качать из него воду ручной помпой. Красота.

Ковыляю на кухню и вижу оладушки! Ароматные, пышные в синей миске, обёрнутой полотенцем. Ещё тёплые. Вот спасибо!

На столе записка: "Не стали будить. Поехали в магазин. Будем к вечеру".

Я улыбаюсь. "Поехали в магазин"... так просто и буднично. Пожалуйста, пусть у вас все будет хорошо. И у меня. Вместе с вами.

Из окна в квартиру вливается тепло. Пятна солнца на стенах, очертания листьев, играющих на ветру. Решаю не придумывать себе занятий и хорошенько отлежаться в постели. Буду ждать ребят.

Набираю охапку шоколадок, печенья, отправляюсь валяться. Когда-то это было моим любимым занятием, но сей-

час слишком не хватает интернета. На худой конец телевизора. Как же хорошо ему удавалось занимать голову. Любые мысли погибали прямо во время рождения. Лазишь часами по сети, загружаешь страницы и совершенно не помнишь, о чем читал всего лишь пять минут назад. Мусорная яма вместо мозга. Ничего полезного. Большая часть жизни уходит на чужие истории, чужие проблемы. Лишь бы подольше не встречаться со своими собственными.

Сейчас интернета нет. Долго в постели не пролежишь.

Шум мотора на улице...

Наконец-то. Громко смеясь и переговариваясь, в комнату заходят Олег и Таня. В руках тяжёлые сумки, и я бросаюсь помогать выгрузить их на кухне.

– А где машина? – спрашивает Олег, – ты куда-то ездил?

– Мы пробовали тебя разбудить ещё в обед! – добавляет Таня, – но ты очень сладко спал. Вот решили поехать сами. Расскажешь? Расскажи, пожалуйста.

Ребята под впечатлением от моей истории. Квартира со свечой, темный подъезд, собачья засада... Когда я проговариваю это вслух, мне кажется, что такого не было на самом деле. Это же фильм! Или книга. Не бывает в настоящей жизни. Мы долго обсуждаем мое приключение и придумываем правило: с этого момента даже, если ты просто выходишь в машину даже на одну минутку, все равно нужно брать с собой рацию. И ружье. И патроны. А в идеале, звать с со-

бой друзей. Мы должны прикрывать друг друга. Дорожить. Должны повзрослеть и отрастить острые зубы.

Я прошу ребят устроить мне выходные. Хотя бы на пару дней. Те, кто поставил свечу, делают это давно и заинтересованы в нас не меньше, чем мы в них. Даже просто подняться на восьмой этаж, для меня это настоящее испытание. А если снова воевать? Бегать? Максимум, на что я способен – это поехать в загадочный дом, поглядеть, есть ли способ проникнуть внутрь. И вообще, его ещё нужно отыскать, а на улице понемногу начинает смеркаться. Таня возражает, говорит, что выжившие нас ждут. Что я могу посидеть в машине, пока они поищут квартиру сами, но Олег резонно замечает, что несколько минут назад мы договорились не разлучаться, а Таня уже собирается нарушить это важное правило.

– Подождём! – подвёл итог мой товарищ, – два дня ничего не решают. И вообще, мало ли кто там ждёт! Может быть, сумасшедший? Жжёт свои свечи и точит нож, – Олег делает страшные глаза, а Таня машет на него рукой. Кажется, вопрос решен. Сегодня проверяем дом, ну, а потом решим дела поважнее.

Из окна машины мой вчерашний маршрут кажется милым и безобидным. Очень медленно катимся вдоль обочины, высматриваем похожий кирпичный забор. Я испортил себе настроение – заметил минуту назад обглоданный дочиста человеческий череп. Он валялся в кустах и смотрел на доро-

гу пустыми глазницами. Мне почудилось, что я вижу укор в этом взгляде. Будто череп винит меня в своей смерти. Свежий, розовый, наверняка он остался после вчерашней схватки с собаками. Надеюсь, это хотя бы не тот обжора, в которого я попал камнем! Слишком много плохого для одного человека... Ребятам о находке не сообщаю. Зачем? Таня и так сильно напугана.

Вижу дом! Ночью он показался неприступным замком, но самом деле не так уж огромен. Новый, добротный, за чудесным забором высотой не меньше трёх метров. Оказавшись за ним, наверняка чувствуешь себя спокойно и в безопасности.

Выйдя из машины, я подсказываю Олегу, как парковаться. Загоняем его Тойоту вглубь соседского участка, аккуратно между столбиками, запираем брешь, проделанную мной вчера.

Теперь, если вдруг прибегут злые собаки, мы спокойно сядем и спокойно уедем без особых нервов и суеты.

– Смотрите, теплица! – Таня ныряет в низкое, ветхое строение, крыша которого накрыта обычной прозрачной пленкой. – Ну-ка, держите! – она выносит нам по огурчику, крепкому, пупырчатому и невероятно аппетитному. Тут же уходит обратно – искать ещё.

Я откусываю зелёную попку с маленьким хвостиком и жую! Всю жизнь выплевывал, а теперь жую. Сочный, хрустящий – этот овощ кажется мне самым вкусным за всю мою жизнь.

– Бинго! – снова кричит Татьяна и почему-то хохочет. В левой руке у нее несколько огурцов, а правой она держит за подол свитера, в котором красуются три недозревших помидора. – Вы просто не понимаете, – женщина закрывает глаза и шумно втягивает носом воздух, – там ещё зелёный лук и укроп! Так понятнее? Сегодня вечером будет салат.

Через пять минут урожай собран. Я сложил добычу в железное ведро, найденное тут же и пытаюсь залезть на крышу сарая, чтобы с неё посмотреть в соседний двор.

– Бесполезно! – кричит появившийся из-за угла забора Олег, – со всех сторон высокий. Без хорошей лестницы не перелезть.

– Отсюда тоже ничего не разберёшь, – я осторожно встаю на подгнившие доски, и подо мной раздаётся опасный хруст, вижу макушку ёлки... И, собственно, все. Нужно переносить на завтра. Темнеет. Домой хочу!

Олег подошёл к машине и, хитро улыбаясь, держит что-то под рубашкой, поглаживая:

– Если даже нам трудно, – говорит он, – то обжоры вообще не смогут. Понимаете? На что я намекаю? Эта крепость может стать нашей.

Край его кофты отгибается, и наружу, словно чёртик из табакерки, устремляется серая головка с большими испуганными глазами.

– Киса! – кричит Таня, – какая красавица! Где ты ее нашёл?

– Где нашёл – там больше нет. Предлагаю забрать животное с собой. Очень уж ласковая попалась, дефицитный экземпляр.

Выставив хвост пушистой трубой, кошка изучает квартиру. Мы зажгли свечи и, укутавшись в пледы, ведём тихие разговоры. Некуда спешить. Новый дом подождёт лестницу, бункер с карты простоит ещё сотню лет. Сегодня мы просто будем пить чай, беседовать и заново учиться уюту.

Мелодично мурлыкнув, кошка валится на бочок рядом со мной. Я, конечно же, начинаю ее гладить, и она благодарно жмурится, подставляет подбородок.

– Как же ты приятная, – говорю я, – повезло нам встретиться, да, кошуня? Умеешь мышей ловить? Или только урчать, как паровозик?

Где-то на кухне звякнула консервная банка. Задремавшее животное толкает меня сильными лапками, вырывается из объятий и стрелой улетает навстречу угощению.

Чайник свистит, Олег, присев на корточки, суетится с кружками. Его очки запотели от пара, и он просит бросить ему полотенце, чтобы протереть стекла.

– Очень жаль, что не сделал на глаза операцию. До последнего тянул, все откладывал. Теперь до конца дней очки. Ничего не поделаешь.

– Бедный! – искренне сочувствуя, говорит Таня, – а я пять лет назад сделала. У нас на работе сплошные очкарики, а я

среди них – зоркий сокол. Была.

– У меня отец носил очки, мама носила, – грустно продолжает Олег, – ну и я. Все-таки врач. А врач в очках – это плюс двадцать к доверию у пациента. Это сколько же всего теперь утеряно. Сколько всего с нуля... Через несколько лет, даже у самой простой таблетки закончится срок годности. Придётся учиться делать самим. И я не уверен, что получится.

– Но мы будем искать других! – подсказывает Таня, – я посчитала, что если взять наш город и что если в нем выживших... Ну, допустим, 5 человек. То это 5 из миллиона... Ещё один город, и нас уже 10! А потом ещё и ещё. Если искать и объединяться, то наверняка найдутся нужные люди.

– Угу, – промычал Олег, – ключевое слово "навверняка"! Только ты не учитываешь, что большинство людей совершенно бессмысленны для цивилизации. Нет пользы.

Стандартный человек выше бортика корыта со жратвой голову не поднимает. Не смотрит в небо, говоря метафорически. Так было всегда... И я не хочу никого обидеть! – Олег поднял вверх ладони. – Даже в этой комнате собрались: простейший врач, препод и журналист. А в соседнем городе мы найдём таксиста, дизайнера и учителя пения. Стоящих учёных и тогда было трое на миллиард. Неоткуда им взяться. Это конечная остановка.

Мне хочется возразить, и я поднимаю руку.

– У тебя просто настроение плохое. Мы ещё повоюем. Разве сами не сможем стать учеными, если сильно припечет?

Будем разбираться, читать, учиться. Особых звёзд не нахватает, но на тихую жизнь хватит.

– Разве что на тихую, – успокаивается мужчина, – в очках и без света. Как Бог пошлёт. Но! – вдруг сказал он весело, – есть и хорошая новость. Чай получился просто шикарный! Разбирайте кружки.

Я отпиваю немного и ставлю чашку на подоконник. Слишком горячо.

– Как думаешь, а что было бы, не случись этого всего?

– Этот вопрос, – Олег улыбается, – задают во всех книжках про конец света. Вот так же, как мы, сидят возле костра и мечтают, что было бы. Только в реальности ответ совсем не хороший. Потому что неслись мы на космической скорости прямо в пропасть. Без вариантов. Либо ядерная война, либо голод и перенаселение. Выбирай сам, что больше нравится.

– А ты как думаешь?

– Думаю, что второе. Жили бы до тех пор, пока сами себя не съели. Или не вымерли бы от эпидемии.

– Что и произошло, – добавил я.

– Что и произошло, – согласился Олег.

– Это богатые во всем виноваты! – вступила в беседу Таня, – ради денег готовы на все! Убивали природу, и она отомстила.

– Да уж, Танечка, – Олег покачал головой. – Зато бедные были такими классными... Добрые, умные, благородные. Как из сказки. Ерунда! Все одинаковые. Люди, как лю-

ди. Ненасытные и мизерные в мечтах. Дом, бассейн и чтобы все уважали. Тьфу! Мышиные радости. Человека делает окружение.

Обычный человек он, как пластилин. Что вылепишь, то и получишь. Но так уж вышло, что наши кукловоды, и тут, Таня, я с тобой соглашусь, все как на подбор. Деньги и власть! Все, что им нужно. И люди тянутся. Бьются, как мотыльки об фонарик. А поставить бы во главу планеты учёных, тех, кто поглубже, помудрее и, глядишь, шанс бы появился. Но мудрый на то и мудрый. Во власть не полезет. Заскучает от зла и глупости. Замкнутый круг. Конечная остановка.

Все замолчали на минуту. Только кошка, пушистым комочком свернувшаяся на полу, тихо урчит. Думает о своем и даже как будто улыбается.

– А мне все равно нравилось! – Таня вытирает футболкой уголки глаз. – Вот бы вернуть все, как было. Я бы бегала по улицам, редела и просила всех, чтоб не ссорились.

– Да, Танечка, – Олег положил руку ей на плечо, – и все бы послушались и не ссорились больше никогда. Чтобы тебя не расстраивать...

Женщина улыбается и зевает, прикрыв рот ладонью.

– Ну что, ребята? Спать не пора?

Из разных углов комнаты доносится одобрителное "Угу".

Окно в комнате открыто. Луна подсветила крышу, на которой уютно, бок к боку нахохлились голуби. Вот уж кому

несладко. Сотни лет эти птицы едят только то, что дают им люди. Непонятно, чем они набивают животы сейчас. А будет только хуже. Если бы я был голубем, то сидел бы и горько плакал. Завтра покрошу им крупы на перекрёстке.

За ночь одеяло сползает на пол, и я просыпаюсь от холода. Заново укутавшись, согреваюсь и представляю себя медведем в берлоге. Будто бы вокруг снег, зима, а у меня в норке сухо и уютно. И обязательно есть кладовая. А в ней мед в аккуратных бочонках, и под потолком сушатся травы для чая. И вяленые гуси. Аппетитные тушки висят друг за другом и успокаивают. Мои дорогие припасы. Люблю это слово...

Просыпаюсь от звука хлопнувшей двери. Кричу не вставая:

– Ребята?!

– Все в порядке, – Таня отвечает из кухни, – Олег в машину пошёл за продуктами. Спи... На улице ливень. Пересидеть надо.

Я встаю, чтобы прикрыть окно, но не закрываю его полностью. Разве можно лишать себя шума весеннего ливня? Обожаю запах мокрой земли и зелени.

А сирень под дождём? Настоящий шедевр созданный природой.

Прекрасная прохладная атмосфера. Любимая для большинства писателей. Густые темные тучи раскрашивают го-

род в особенный цвет – такое освещение удаётся создать только дождю. Многие люди грустят в такие моменты – ждут, когда снова появится солнце. Жалко их. Они, как цветочки, небо синее и яркое – поднимают головы и веселятся; небо изменило цвет – прячутся и ждут. Мне повезло – я люблю по-всякому.

Мокрый город за стеклом машины. Он в буквальном смысле утопает в зелени. Клумбы и аллеи без заботы коммунальчиков превратились в пышные заросли. Высохшие фонтаны, пустые лавочки среди деревьев, хочется остановиться и отправиться гулять. Пулемёт, прикрытие снайперов на крышах и удобные кроссовки. Это все, что нужно для безмятежной прогулки.

Длинная алюминиевая лестница, привязанная к крыше бечёвкой, покачивается на поворотах, и мне приходится придерживать ее рукой. Мы потратили целый час, чтобы найти именно такую: легкую и надежную. Никак нельзя допустить, чтобы она свалилась по дороге.

Приехали!

Выгружаем вещи, готовимся штурмовать стену. Долгожданное покорение замка начинается.

Забравшись на забор и тщательно усевшись, чтобы не потерять равновесия, я осматриваю участок. Три построенных в одном стиле здания. Большое, видимо, основной дом; сред-

них размеров, похожее на мастерскую, и размером с добротный гараж. Между ними – просторный двор, большая часть которого накрыта навесом. Он не позволяет рассмотреть все, что происходит внизу и потому, спускаться в неизвестность немного тревожно. На помощь приходит Олег. Он переставил лестницу на метр левее, забрался ко мне и уселся рядом.

– Ну что? Затаскиваем? Готов? Давай..

Мы слаженно поднимаем легкую конструкцию и перекидываем внутрь.

– Кто первый? – спрашивает мой напарник.

Олег снимет с плеча ружьё и выключает предохранитель. Я ставлю ногу на верхнюю ступеньку и проверяю устойчивость. Можно начинать спуск.

Первое, что привлекает внимание, как только спустился на землю, это синеватый свет, пляшущий в дальнем конце двора. Пока я не могу рассмотреть источник, но очень похоже, что там работает телевизор. Я бы сказал, что это бред и что такого не может быть, но ведь своими глазами видел что-то подобное в ту ночь. Именно странный свет привлёк мое внимание в первый раз.

– Здравствуйте! – кричу я вглубь участка, а сам машу рукой Олегу. Тороплю, чтобы спускался быстрее. – Доброго дня! Есть, кто дома?!

Нет ответа...

Прохожу мимо белой хозяйской машины. Посмотрев на неё сбоку, не могу определить марку. Высокая, крупная, ка-

жется, вижу значок Тойота на капоте.

Розовые кусты вдоль забора. Крупные, красные цветы выглядят очень стильно на фоне белого кирпича. На секунду показалось, что искусственные... Нет, живые и дивно пахнут. Таня будет в восторге.

По левую руку голубая ель. Не вековая, но явно старше самого дома. Наверное, посадили уже взрослую. Под елкой кованая лавка с деревянной спинкой, представляю, как приятно дышится, сидя на ней.

– Чего застыл? – подгоняет меня Олег, – идём дальше. Потом налюбуйешься.

– Рассмотрел телевизор? – спрашиваю я, – интересно, откуда здесь электричество?

– Неужели не слышишь? – он замирает, подняв указательный палец, – дизель работает. Вон, и труба на крыше дымится. Видишь? Чёрная труба-дымоход.

Присмотревшись, я понимаю, о чем говорит мой друг. Все так и есть. Что ж, на одно чудо меньше.

Десять метров вперед, и мы видим хозяев дома...

На диване перед экраном метрового телевизора сидит мужчина. Кожи на лице не осталось, рот приоткрыт, словно он собирается начать беседу. Рядом, положив голову ему на колени, лежит ребёнок, похоже, что девочка лет 9. Длинные, кудрявые волосы и желтая куртка с весёлыми пони. Лица ребёнка, слава Богу, не видно, его скрывает рука мужчи-

ны. Они будто заснули во время семейного кинопросмотра. На кресле женщина. Укрыта по грудь одеялом, голова упала вперёд. В правой руке шприц, левая – плетью висит вдоль туловища.

– Отравились... – произносит Олег. Он показывает пустую капсулу, которую взял с журнального столика. – Здесь произошло семейное самоубийство. Видимо, мама – врач. Сначала сделала инъекцию мужу и дочке, а потом – сама... Умерли тихо, без боли. Не худшая смерть.

Я присматриваюсь к фильму на экране и по нескольким кадрам узнаю "Властелина колец". В гнездо телевизора вставлена флешка, выставлен режим автоповтора.

– Давай Таню во двор запустим? – предлагает Олег. – Как-то беспокойно. Мы здесь, она – там.

Мы подходим к раздвижным электрическим воротам и находим на столбе блок с двумя кнопками: чёрной и красной. Я нажимаю чёрную, и ворота мягко двигаются в сторону. Дорогой механизм. Никакой лишней суеты, никаких лишних звуков.

Ворота разъехались, и женщина радостно машет с водительского сидения. Заводит двигатель, подъезжает к нам. Я предупреждаю ее, чтобы не пугалась мертвецов, и Таня, основательно побледнев, сосредоточенно кивает.

– С чего начнём? – оглядываясь по сторонам, спрашивает Олег.

– Давай с улицы, – предлагаю я, – чтобы по порядку.

Таня подходит к садовому крану и вращает бронзовый вентиль.

– Вам же интересно? – спрашивает она, – что случится, если покрутить эту симпатичную штучку?

Маленькой струйкой побежала вода, и Олег спрогнозировал, что она просто скопилась в трубах, что поток вот-вот угаснет. Но проходит пять минут, а напор не ослабевает. Наоборот, становится сильнее и увереннее.

– Я ужасно боюсь сглазить, но если все будет продолжаться в таком духе... – Таня закатывает глаза и скрещивает пальцы, – вполне возможно, что мы тут найдём ванну... С горячей водой... Пожалуйста, господи! – женщина крестится, глядя в потолок навеса, а я смеюсь. Потом взгляд попадает на мёртвых хозяев, и улыбка проходит.

Осмотрев двор, мы заходим в помещения. Открываем двери самого маленького домика и получаем разгадку электрификации – в углу установлена серьёзная дизельная электростанция, выставленная на минимальную мощность. Ёмкость с дизелем – огромная, пластмассовая, заполнена лишь на треть. Рядом две пустые, такие же. Разбираться с устройством решили позже, сейчас хочется ответов на другие вопросы.

В средних размеров домике на первом этаже оказался птичник. Правда, от прежних жильцов остались только кучки перьев и солома на полу. Красивая деревянная лестница

приводит нас на второй этаж, где в мансардном помещении оборудована мастерская, совмещённая со спальней и кабинетом. Похоже, глава семейства любил уединяться и засиживаться допоздна. Воплощение мальчишеской мечты о собственном домике на чердаке, куда не может попасть никто, кроме тебя. Печь-камин в уголочке, аккуратные дрова возле нее. На полу медвежья шкура, вдоль стены стеллаж со множеством книг. Кресло-качалка, дорогой стол, крупный глобус на каменной подставке. Настоящая хижина в самом центре города. Хозяева умели жить интересно.

Оказавшись в большом доме, едва переступив порог, мы без остановки восклицаем и хвалим. Нравится буквально все. Огромный зал с высокими потолками, большим телевизором и камином. Он уставлен мягкой мебелью и застелен коврами. В дальней части зала несколько дверей, они ведут в просторную ванную, гардеробную и прачечную. Войдя в санузел, Таня вдруг начала кричать.

– Господи! Спасибо! Я не верю!

– Да ладно, – констатировал Олег, – горячая вода есть.

На втором этаже мы находим две спальни, в каждой из которых собственный туалет, правда, без воды. Видать, заглушили ради экономии. Тут же веранда с видом на сад, в ней организована теплица. Все растения давно погибли, а земля высохла, но это поправимо при желании.

Спускаемся обратно в зал и проходим на кухню. Большой обеденный стол, удобные стулья, работающий холодильник.

В морозилке полуфабрикаты, но что именно, разберёмся попозже.

Прямо из кухни устроен выход в сад, выйдя в который мы обалдеваем от красоты и запахов. Ровные грядки заросли сорняками, а несколько фруктовых деревьев в дальнем конце, так чудесно пахнут, что сложно поверить в реальность происходящего. Каждое дерево в цвету. Сказочный остров покоя, посреди хаоса и неустроенности.

– Абрикос, – предполагает Олег, а прошагав ближе к деревьям, с уверенностью уточняет, – абрикос, ребята. Правда, не факт, что будут плоды. Капризное дерево. Одна холодная ночь, и никакого урожая.

Сад вперемешку с огородом небольшой – от силы четыре сотки, но окружённый трехметровым забором, по-особому уютный. Как сад внутри крепости. Я понимаю, что это джекпот. Мы нашли идеальное место для переезда.

В кухонном шкафу растворимый кофе, чашки и сгущённое молоко. Электрический чайник кипит, Таня принесла из машины хрустящее печенье. Садимся на крыльцо в саду и молча улыбаемся. Олег ест сгущенку прямо из банки, выскребает ложкой по жестяному дну. Она так аппетитно пахнет, что я спрашиваю, нет ли ещё, там, где он ее отыскал. С чашкой ароматного кофе красота весенней природы значительно милее. Замечательный день.

Нужно что-то сделать с мертвецами. Каждый раз вспоминаю о погибших хозяевах, и становится неудобно. Стыдно,

что ворвались в их дом. Я предлагаю выкопать могилу в саду, в углу под абрикосовым деревом. Это их гнездышко, место, где они были счастливы, пусть остаются здесь навсегда.

Копаем широкую яму, на штык лопаты глубиной. Больше не нужно, ведь раскапывать, чтобы съесть некому, а гниение с запахом уже в прошлом. Отправляемся за телами и находим все три лежащими на полу и завернутыми в пледы. Рядом суетится Таня: "Я все подготовила, пока вы копали. Мебель лучше выкинуть, вряд ли теперь захочется на ней сидеть. Ну? Понесли?"

Проносим тела к могиле, аккуратно укладываем на дно. Дочка посередине, мама и папа слева и справа от неё. Олег предлагает, что-нибудь сказать, и я беру это на себя:

"Нам очень-очень жаль, что все так обернулось для вас. Мы искренне предпочли бы встретить вас живыми. Спасибо за чудесный дом. Торжественно обещаю относиться к нему с уважением. Не держите на нас зла. Гармонии вам и счастья в том месте, где вы сейчас. Мир и покой!"

Таня не удержалась и горько заплакала, Олег приобнял её за плечи.

Глава 15

Линия Арсена Пеликана

Встав на рассвете, Арсен с головой погрузился в решение задачи.

Наказание. Восстановление справедливости. Охота. Для него эти слова стали смыслом жизни. В первый раз было страшно, во второй и третий – чуть меньше, а сейчас он испытывал азарт или даже восторг. Иногда размышляя о том, что похож на маньяка, со своим хобби, успокаивал совесть тем, что обычных людей не трогает. Выбрав жертву, хотя сам Арсен предпочитал слово "цель", молодой человек преобразился. Любовь поваляться подольше в постели, уступала место бодрости и жажде действий. В голове бесконечно проигрывались варианты. Легкие и быстрые он зачастую находил слишком опасными, либо неосторожными и отметал. В итоге каждая экзекуция превращалась в безупречное действие, где каждый шаг был на своём месте, а результат заставлял гордиться проделанной работой.

Парень понимал, что иногда слишком осторожничает, что полиция способна ловить только дураков, но против себя не попрешь и потому, каждая месть была максимально проработана.

"Чтобы комар носа не наточил!"

Ну, может, кроме самой первой, самостоятельной, когда ему пришлось вступить за свою собаку.

Тогда он позволил себе спешку и избыток эмоций. В итоге, чуть не убил с помощью яда мужа, вместо жены, о чем очень сильно потом жалел, потому что это было "несправедливо".

С тех пор было ещё пара десятков экзекуций.

В школе, в университете, на работе – всегда находились персонажи, достойные наказания. Если бы не "правило отрезанного пальца", "целей" было бы гораздо больше. Но нестерпимая боль, которой нужно было заплатить за решение, отлично фильтровала то, что можно простить, а что – прощать никак не получается.

За пару часов раскопав в соцсетях все, что можно насчёт Антона, его друзей и привычек, Пеликан с сожалением констатировал, что информации откровенно мало. Может мажора научил папа, может, он и сам уродился таким продуцированным, но итог один: ни домашнего адреса, ни номера машины, ни постоянных мест пребывания установить не удалось.

Но зацепки все-таки есть... Выкладывая фотографии своей машины, Антон никогда не светил номеров, но цвет темно-синий, и модель БМВ х7 делали автомобиль довольно заметным.

Можно было бы наводить справки, выяснить общих знакомых, попытаться выведать больше, но Пеликан никогда так не действовал. Он предпочитал набраться терпения и тихо наблюдать. Такая тактика практически исключала случайных свидетелей или какие-то ниточки, которые смогут привести к самому мстителю.

Итак. Синий БМВ Х7. На зеркале брелок в виде боксерских перчаток. Кстати, непонятно зачем, ведь судя по фотографиям, боксом он никогда не занимался.

На одной из фоток был анонс концерта столичного музыканта. Концерт через неделю. Наверняка кто-то из друзей попросил выложить ради рекламы. Раз он согласился, скорее всего, тоже концерт не пропустит.

Через несколько секунд план на неделю был готов. Нужно купить маячок для велосипеда, который устанавливают от воров, прийти на концерт и установить его на Антонову машину. Дальше, если все получится, Пеликан раздобудет график перемещений "цели" по городу и тогда уже сможет закончить дело. Удовлетворённый проделанной работой, Арсен поставил на огонь чайник и, открыв браузер в телефоне, забил в строке поиска: "купить радио-маячок для велосипеда" ...

Несколько дней пролетели быстро. Палец, наконец, затянулся, и Арсен избавился от неудобного бинта. Сегодня вечером он идёт на концерт. Конечно, само мероприятие он

посещать не намерен. Даже не планирует заходить в здание. Ему нужна стоянка. И для чистоты результата он уже придумал себе алиби...

– Собака сорвалась с поводка! – Арсен потряс перед лицом крупного, бритого лысыо охранника пустым поводком. – Сюда на стоянку шмыгнула. Не знаю, как вы могли не заметить... Я найду, собаку заберу и сразу назад, – Пеликан протянул лысому сложенные в трубочку 20 долларов. – Никак нельзя без собаки мне. Жена домой не пустит.

– Да какие проблемы так-то, – здоровяк жестом отодвинул руку с купюрой, – я люблю собак. Понимаю, что нужно.

Автоматический шлагбаум поднялся, и Арсен, выражая мимикой озабоченность и страдание, зашёл на парковку.

– Чарли! Чарли! Вернись к папе!

Пробежав взглядом по длинным рядам припаркованных машин, он сразу отыскал нужную. Но пошёл не к ней, а к ближайшей из припаркованных, мало ли, кто за ним может наблюдать в камеры.

Арсен вставал на колени практически перед каждым автомобилем, заглядывал между колёс. Иногда дополнял сценку выкриками: "Чарли! Чарли!".

Добравшись до нужной машины и приклеив на днище снабжённый магнитом маячок, он так и не остановился, "осмотрел" ещё с десяток машин. С удручённым видом побрел к выходу, взял с охранника обещание, что если тот заметит собаку, приютит на пару часов в своей будке.

– Спасибо вам большое, – тоскливо проговорил Пеликан, – я на обратном пути загляну. Вдруг прибежит.

– Удачи тебе, мужик, – ответил лысый, и Арсен подумал, что внешность бывает обманчивой. С виду зверь-зверем, а в душе, гляди-ка, добряк.

Отойдя на несколько кварталов, Пеликан включил на телефоне приложение и проверил, что маячок исправно передаёт данные. Машина покорно ждала своего хозяина на парковке.

Незаметно пролетела неделя, и теперь у Арсена появился график. Каждую ночь автомобиль Антона проводил по определённому адресу. Логично предположить, что там находится его дом. Осмотрев место с помощью спутниковой фотографии, Арсен предположил, что "цель" до сих пор живет с родителями. Слишком уж большим был дом для молодого парня.

Сложно... Во время наказания легко намотать ненужных свидетелей. К тому же, учитывая, кем был Антонов папа, логично предположить наличие охраны. Пеликан испытал внутреннюю радость. Ему нравилось, когда сложно. Слишком лёгкие "цели" быстро заканчивались, и тогда в жизнь возвращалась скука.

Хаотичные ежедневные поездки, отмеченные на схеме, давали очень мало. Торговые центры, институт, парочка ресторанов – ничего удобного. Пеликан уже практически ре-

шился исполнить мщение в университете, но неясное чувство тревоги заставило отказаться от плана. Днём, при большом скоплении народа... Не в его стиле. Слишком грязно.

"Ну, главное, не спешить", – сказал он сам себе и продолжил наблюдение ещё на несколько дней. То, что было совершенно неясным в первое время, по истечении второй недели оформилось в некие повторения. Примерно дважды в неделю, "цель" заезжала по определённому адресу в спальном районе города. После этого всегда были кафе, полузаброшенный парк и наконец снова спальный район. Проведя нехитрый анализ, Пеликан предположил, что, скорее всего, "цель" забирает девушку, немного развлекает, потом уединяется с ней в парке и отвозит домой.

"Ну, вот ты и попался, карасик", – радостно констатировал мужчина. Ночное посещение парка – это прямо подарок на блюдечке.

Экзекуция входила в финальную фазу. Любимую. Предстояло продумать во всех мелочах, как Антону придётся заплатить за свои грехи.

Арсен не всегда убивал своих жертв, иногда он выносил более мягкие приговоры, но в этот раз, учитывая особую циничность преступления, а главное, почти стопроцентную вероятность повторения, Антон был приговорён к смерти. Ведь глупо рассчитывать, что одуревший от безнаказанности богатей именно с этого момента начнёт новую, добродетельную жизнь. Это невозможно. Скорее всего, ещё много боли

и горя принесёт окружающим это существо. А когда займёт пост? Ведь хороший папа не сделает свое чадо учителем начальных классов.

Нет.

Арсен решил.

Эта "цель" будет уничтожена.

Полностью и навсегда. Глядишь, и отец присмирееет.

"Закрытая машина. В машине парочка... Необходимо открыть окно или дверь. Вытащить их оттуда".

Пеликан вышагивал по комнате с чашкой свежего чая и размышлял вслух.

"Прикинусь попрошайкой. Буду жаловаться и раздражать. Клянчить деньги. Затем, когда машина откроется – баллончик со слезоточивым газом. Отлично!

Оба выскочат на улицу. Девку – дополнительно струей, чтобы подольше не видела ничего и пинком под зад. Убежит, никуда не денется. Его пару раз ударить. Оглушить. Затем уничтожить...

Нож? Подумают, что хулиганы. Нужно что-то более поучительное.

Огонь...

Отлично. Вырублю его, запихну обратно в машину, оболую бензином и подожгу. Вот это будет феерия".

Пеликан разнервничался. Знакомое чувство восторга наполнило душу и даже немного жгло. Его пугала эта жажда. В глубине сознания он понимал, что ненормальный человек.

"Но разве не нуждается наш мир в справедливости?" – так он спрашивал себя в минуты сомнений и всегда отвечал утвердительно: "Я нужен. Без меня нельзя".

Несколько дней Арсен дожидался пока синий БМВ появится на нужном адресе. У него давно все было готово, и он уже начинал переживать, что в маячке может сесть батарейка. Тогда бы пришлось устанавливать его по новой. Но в этот раз обошлось. Точка на карте уверенно двигалась в противоположный от Антонова район и в скором времени остановилась у знакомого дома на окраине. Пеликан взял рюкзак, в который раз заглянул в него, убедился, что все на месте. Подхватив за раму хороший горный велосипед, крикнул в неопределённом направлении: "Боцман, буду не скоро!" и шагнул за порог... Приключение началось...

Времени у него было достаточно, даже с избытком. Точка на карте совсем недавно остановилась у здания, значившегося как ресторан. Но хотелось получше изучить парк, посмотреть дополнительные пути отхода, чтобы быть готовым к любым неожиданностям. Если честно, Арсен уже ездил в парк с этой целью, но оставаться дома с таким избытком адреналина в крови казалось невозможной затеей. Куда приятнее колесить по ночному городу, вдыхать посвежевший к ночи воздух и просто ни о чем не думать.

Прикатив на место и расположившись на лавочке, Арсен достал из рюкзака потертый походный термос. Еще совет-

ский, с морально устаревшей стеклянной колбой – он делал любой напиток вкуснее. По крайней мере, душевнее. А если учесть, что в своё время этот термос принадлежал отцу... И он брал его на пикники... И они всей семьёй по очереди пили чай из удобной крышки... Арсен засопел и вытер рукавом набежавшие в глаза слезы. Ему не хватало родителей. Вместе с ними из жизни ушли уют и спокойствие.

Ослепляющий свет мощных фар выдернул его из ностальгических раздумий. Мужчина достал телефон и с удовольствием убедился, что точка Антоновой машины находится совсем рядом с ним.

Автомобиль перешёл на дальний свет и заставил зажмуриться.

"Нет, ну что за человек?! Он, как дерьма кусок, где появляется, везде умудряется испортить настроение". "Выруби фары!" – прокричал Пеликан, подкрепив требование взмахом ладони, но само собой, свет никто не выключил. Машина чинно проплыла мимо, удалившись вглубь посадки.

"Ну! За дело!" – произнёс мужчина. Поднялся с нагретого места, подхватил руль велосипеда и не спеша покатыл вслед за автомобилем.

БМВ, наконец, остановился... Включил габариты и затих, заглушив мотор.

Арсен пробирался к нему, лавируя колесом велосипеда между старыми деревьями. Видно было плохо, но куда идти и так понятно – машина освещала целую полянку перед со-

бой.

Встревоженная птица сорвалась с верхушки дерева и, один раз пронзительно вскрикнув, улетела прочь.

"Атмосфера, что надо" – пробурчал мужчина и оставил, наконец, велосипед, прислонив его к широкому стволу. Дальше нужно идти налегке...

Цель была в двадцати метрах, когда из кустов, сверкая зелёными глазами и громко урча, вышел кот...

"Ты-то что тут делаешь? Зачем пришёл? Ты ужасно не вовремя!" – мужчина присел на корточки и приласкал животное. Снял рюкзак, порылся в нем, пошуршал и вытянул бутерброд с маслом, которым собирался поужинать, когда завершит дело. Котейка терся об ноги и отчаянно мурлыкал, причём, делал это так настойчиво, что Пеликан заперживал, не услышат ли из машины. Оставив нового знакомого расправляться с угощением, мужчина осторожно продолжил движение к цели... Сердце ровно отбивало ритм, мышцы превратились во взведенные механизмы, готовые выстрелить в нужную секунду. Не дойдя пяти метров до поляны, Арсен встал в траву на колени и достал из рюкзака перцовый баллончик и металлическую гантель на 2 килограмма, с помощью которой планировал открыть окно, если не получится сделать это так, как запланировал сначала.

Тук-тук-тук!

Постучал костяшками в наглухо тонированное окно. Изменил голос до сипло-писклявого и пролепетал:

"Дайте на алкоголь денег немножечко!"

В машине засуетились.

Похоже, начали одеваться...

"Дайте, пожалуйста, я уйду сразу-сразу".

Суэта в машине продолжилась. Кузов качнулся особенно сильно, и Пеликану показалось, что он заметил мелькнувшую тень внутри салона.

Вперёд перелазит. Сейчас уехать попробует!

Мужчина поудобнее перехватил гантельку и нанёс удар.

Бах!

С первого раза прочное стекло не поддалось.

Бах!

Второй удар! Третий!

Послышался звук зажигания, и в салоне зажегся свет.

Стало видно, что парень, сидя в одних трусах, пытается завести двигатель. Машина завелась, но поздно.

Ещё удар, и стеклянная крошка брызнула внутрь. Водитель инстинктивно закрыл голову руками, и тут же получил хорошую струю перцового газа прямо в лицо. Раздался истошный крик...

Он все-таки успел дёрнуть до упора ручку переключения скоростей, нажал на педаль и с сильной перегазовкой стартанул с места.

Проехал несколько метров, врезался в дерево.

Судя по всему, перцовка добралась и до девушки, потому что теперь кричали уже оба. Арсен побежал к машине и,

поравнявшись с водительским окном, сильно ударил в него гантелей.

Бах!

В этот раз стекло лопнуло с первого раза...

Антон, сидя за рулём, выкрикивал что-то нечленораздельное. Крик срывался на плач. С заднего сидения свою лепту в истерику вносила девушка.

Он пытался включить заднюю скорость, но из-за сильно дрожащих рук промахивался. Включал нейтралку, газовал до упора и отчаянно ругался.

Пеликан метким движением ударил парня в челюсть, и он обмяк, наконец убрал ногу с газа. В округе стало чуточку потише...

"Одевайся. Быстро" – бросил Арсен на заднее сиденье, где заливаясь жалобным плачем сидела, схватив себя за плечи, худенькая девчужка. Она послушно натянула спортивный худи, затем нащупала и надела трико, а вот обувь найти у неё никак не получалось.

"Без обуви выходи", – мрачно приказал мужчина. Девушка покорно нащупала ручку двери и распахнула её так, что та со скрежетом оцарапала кузов.

"Сейчас я тебя отпущу... Иди подальше отсюда... Зови людей. Проси помощи... Ты мне не нужна...", – он говорил четко и медленно, стараясь придать голосу максимальную доброжелательность.

"Спасибо. Спасибо", – залепетала девчонка и осторожно,

ступая босыми ногами по земле, практически зажмурив глаза, которые ещё не отошли от газа, пошла прочь.

"Стой!" – окрикнул её Пеликан.

Она остановилась и снова расплакалась...

Он залез внутрь машины и, включив лампу над задним сидением, отыскал её обувь.

"Надень на ноги и иди", – сунул ей в руки пару кроссовок маленького размера.

"Ты мне не нужна... Ты не причём. Живи спокойно...", – сказал он девушке в самое ухо. Ему показалось несправедливым, что ей досталось столько страданий.

"Извини. Просто ты не того парня выбрала".

Девчонка, напялив кое-как обувь, медленно, словно не веря, что всё может закончиться для неё хорошо, ушла в темноту.

Антон застонал... Начал приходить в себя...

Пеликан подошёл к нему и спокойно, без лишней суеты, принялся поливать бензином. Тщательно облил голову, грудь, хорошенько полил сиденье и руль. Вытащил ремень безопасности и пристегнул молодого человека.

Запах бензина ему нравился. Нюхал бы и нюхал...

Антон полностью очнулся и начал тереть глаза...

Через секунду дёрнулся изо всех сил, словно вспомнил, что с ним происходит и вдруг тонко всхлипывая заплакал.

– За что? – мямлил он, – что я вам сделал?

– Мне ничего, – спокойно ответил Арсен, – я пришёл ото-

мстить за очкарика. Помнишь его?

– Что вы со мной сделаете? – голос из-за плача стал ещё более неразборчивым.

– Я сожгу тебя живьём, парень. Убью...

Пеликан достал коробок спичек и, вытащив одну, чиркнул. Сера с шипением разгорелась...

Антон, неестественно выпучив глаза, смотрел на огонь.

– Не надо... Пожалуйста... Я не хотел, чтобы так получилось...

Парень рыдал, давясь соплями, его рот дергался.

– Если хочешь, сучонок, чтобы я тебя понимал, заткни свой сраный плач и говори нормально. Арсен погасил спичку, дунув так, чтобы дым улетел плаксе в лицо.

– Я говорю, что мне жаль, что так херово с тем пацаном получилось. Я очень жалею! Я бы хотел все вернуть.

– Ты думаешь, я тебе поверю? – Арсен вытащил новую спичку, провёл ей по черкашу и щелчком пальца отправил внутрь салона. Спичка ударилась о второе сидение и погасла. Антон снова разрыдался.

– Ну я же не убил никого! Дима же не умер! Почему вы меня убиваете?

– Дима – это очкарик?

– Ну, а кто? – мажор продолжал всхлипывать.

– Странно, что ты знаешь, как его зовут.

– Я все знаю. Я хотел даже приехать к нему в больницу, извиниться. Но судья сказал нельзя... Что раз он, типа, ви-

новен официально, чтобы я так и вёл себя.

– Нихера не понял, если честно, – проворчал Пеликан.

– Запретили мне! Я делал то, что старшие говорили. Судья сказал, что никаких контактов и я не стал извиняться...

– Ну, допустим... Но бить его тебя кто заставлял? Ты пацана глаза лишил, калекой оставил.

– Я знаю! Я козел! Нельзя так. Настроение злое было в тот день!

– Ну, вот и прими, что должно.

Арсен зажег новую спичку, но Антон извернулся и ловко её задул. Перестарался и забрызгал лобовое стекло соплями.

Неожиданно для себя Пеликан рассмеялся.

Зареванный, измазанный Антон, не был похож на того самоуверенного болвана, с которым они встретились в кафе. И хотя, каждая "цель", каждый раз во время экзекуции подчистую утрачивала гордость, этот человек смог вызвать в нем жалость и заставить задуматься.

– Хорошо, Антон. Ты переубедил меня. У тебя появился шанс жить. Но очкарик стал инвалидом, и я возьму с тебя не меньшую плату.

– Пожалуйста, я буду хорошим теперь! Не нужно!... Вот увидите!

– Будешь, Антон. Но я тебе помогу...

Пеликан снова ударил парня, снова попав точно в подбородок. Тот захрапел и уронил голову на грудь.

Мужчина снял с плеча рюкзак и вынул из бокового кар-

мана перочинный ножик. Раскрыл его и зажал лезвие между пальцев так, чтобы оставался небольшой острый кончик. Приблизился к лицу жертвы вплотную и двумя резкими, быстрыми движениями ткнул остриём в каждое веко.

"Теперь в расчёте".

"И теперь у тебя новая жизнь".

Арсен вытер нож о штанину, подобрал с земли брошенную гантель и вместе с бутылкой от бензина спрятал в рюкзак. Затем присел на корточки, пошарил рукой по дну и отцепил радио-маячок, оставлять который было бы глупо.

Мажор застонал, просыпаясь, и потянулся руками к глазам, из которых тонкими струйками стекала кровь. Арсен остановил его.

"Не надо. Не трогай".

Затем он отстегнул тихо скулящего Антона и вынес из машины, оттащив от неё на десять метров. Вернулся и, подпалив спичку, кинул её на сидение. Ярко-оранжевое пламя разбежалось по ткани.

Пеликан зашагал вглубь леса. Туда, где был спрятан велосипед. Идти назад было легче, так как путь освещало зарево пожара. Где-то далеко стали слышны сирены полицейских машин.

Арсен сидел на диване, уютно укутавшись в плед, и бездумно нажимал кнопки на пульте в ожидании выпуска новостей. Ему не был важен канал, потому что новость о "звер-

ском покушении на жизнь сына окружного прокурора" была сейчас любимой темой каждого журналиста. Не без доли тщеславия мужчина выслушивал порой абсолютно фантастические версии случившегося, а также с удовольствием следил за ходом расследования. Вот и сейчас очередная крашенная блондинка с микрофоном в руках, неестественно округляя безразличные глаза, рассказывала, что "по прошествии недели можно смело сказать – жизни Антона ничего не угрожает", что "общество разделилось на две части. Тех, кто Антона поддерживает и тех, кто говорит, что он получил по заслугам"; "из столицы прибыла группа специального отдела расследований", а "киллер (почему-то львиная доля телевизионщиков называла исполнителя именно так) в ближайшее время будет найден"; "следователи изъяли у Димы, который так и находится на лечении в больнице, ноутбук и мобильный, чтобы в них отыскать следы нападавших".

Арсен слушал это без особого интереса, новости не были свежими. За Диму-очкарика он был спокоен, тот уже заявил в интервью, что полиция не нашла в памяти его гаджетов ничего подозрительного. В соцсетях у него образовался собственный фан-клуб. Причём, если раньше в нем состояли только жители родного города, теперь он вырос до масштабов страны.

Арсен был готов переключить раздражавшую своей наигранностью журналистку, но та решила украсить сюжет собственной изюминкой: "остаётся только гадать, не планирует

ли "киллер" следующей своей жертвой выбрать судью, который вынес такое спорное решение по этому делу". На экране появилось фото лысого розовощёкого мужчины, лицо которого показалось очень знакомым.

"Ничего себе! – вдруг сказал Арсен, обращаясь к ведущей, – ты нормальная вообще мне такие вещи подсказывать?"

Тем делом, корреспондент продолжала: "Известно, что у дома федерального судьи, имя которого не разглашается в интересах сохранения приватности, выставлен круглосуточный полицейский патруль. Хотя, конечно, сложно предположить, что кто-то решится напасть на служителя фемиды".

Выпуск новостей закончился, и Пеликан выключил телевизор.

Лицо судьи, столь кстати показанное на экране, не выходило у него из головы. Сделав несколько кругов по комнате, Арсен сумел сконцентрироваться и вспомнил, что видел этого мужчину на одной из фотографий на страничке Антона. Схватив телефон, он отыскал нужный снимок и принялся его рассматривать.

Судя по всему был запечатлён праздник. Длинный стол густо заставленный едой и алкоголем.

Нужный персонаж сидел, приобняв за плечи девушку, значительно моложе себя. На лице довольная улыбка. На лице девушки покорная. Присмотревшись, Арсен обратил внимание, что Антона, который также находился за столом, при-

мерно на такой же манер обнимает его отец. Очень похоже, что судья обнимает свою родственницу, скорее всего, собственную дочь.

Получалось логично. Отцы обнимают своих детей на праздничном фото.

В комментариях реплика Антона: "Отцы иногда умеют зажигать. Было весело". Следом ответ с женской страницы: "О, да. Особенно твой!".

"Что? Seriously? – разочарованно воскликнул Арсен, – пять минут работы, и я уже нашёл твою дочку? Видит Бог, было лень с тобой связываться! Но эта курочка сама попросилась в духовочку. Будем брать".

Профиль приватный. На аватарке девушка, лица которой не видно, она спрятала его, приподняв перед собой маленькую собачку. Кажется, это шпиц.

Молодой человек отложил телефон и снова принялся вышагивать по комнате размышляя вслух:

"С вероятностью 90 процентов, закрытая страница принадлежит дочери судьи. Изучить её не получится, мою заявку она скорее всего отклонит. Да и неаккуратно это, проситься к незнакомому человеку, когда его семья под полицейской защитой.

Нужно придумать что-то более осторожное".

Прошагав ещё несколько минут, Пеликан улыбнулся, взял со стола телефон и вбил в поиске "шпиц фото". Скачал пару десятков картинок с милыми собачонками и создал новый аккаунт, в котором на аватарку прикрепил уморительную щенячью мордочку. Название странице он придумал соответствующее: "клуб заводчиков элитных собачек. Если у вас шпиц – вам сюда", и теперь, для реальности картины, ему нужны были подписчики. Найдя по соответствующим тэгам подходящих людей, Арсен разослал заявки, и теперь оставалось только немного подождать...

К обеду следующего дня количество подписчиков достигло нескольких десятков, и молодой человек решил, что страница готова выполнить свою роль.

Послал запрос.

Обновляя информацию каждые десять минут, он ждал. Понимал, что созданная страница слишком грубая и что, скорее всего, приняв заявку, девушка быстро может кинуть его в черный список.

Пропустить момент было нельзя. Конечно, Пеликан придумал бы что-то другое, если бы этот способ не выстрелил. Но зачем усложнять, когда можно сработать проще?

Готово!

Вместо сообщения "профиль закрыт" на странице появились фотографии.

Не теряя драгоценных минут, мужчина принялся делать скриншоты всего, что попадалось на глаза. Изучать будет

позже. Сейчас нужен максимальный объём информации. Не дойдя даже до середины страницы, обновив её в очередной раз, он снова увидел надпись "профиль закрыт". Что ж, остаётся довольствоваться тем, что имеется.

Не откладывая, молодой человек принялся изучать материал. Селфи, фото собаки, еда. Все как всегда, все как у всех. Ничего полезного. Несколько снимков в кафе, на море – это тоже нельзя использовать. Было только одно изображение хоть с какой-то долей конкретики – новогодний салют, снятый с балкона частного дома. Зная свой город, Арсен быстро определил район, из которого велась съёмка. Дополнительной зацепкой был прямоугольный бассейн во дворе.

Сам дом, дорогой интерьер которого часто попадал в кадр, вряд ли мог принадлежать молодой девушке. Скорее всего, она, как и Антон, предпочитала жить с родителями. Ну что же, дочка больше не нужна. Дети не в ответе за своих отцов, а поиск нужного адреса теперь был делом техники. Закончив с фотографиями, Арсен открыл карты Гугл и перевёл их в режим "со спутника". Посидев пару часов перед монитором, он со стопроцентной точностью определил нужный дом, найдя его по синему прямоугольнику чистой воды бассейна.

"Вот ты и попался, розовощекий вершитель судеб!"

Мужчина улыбнулся и машинально коснулся правой рукой искалеченного пальца, мясо которого только-только

успело подзажить. "Сегодня снова придётся тебя потревожить, – произнёс он устало, – что поделать? Такая у нас работа".

Глава 16

Линия реального времени

Дневник.

Дорогой дневник. Ты меня ещё помнишь? Надеюсь, тебе так же комфортно в новом доме, как и мне...

Хороший день. Перевезли вещи из квартиры в крепость. Зачем тянуть, если здесь безопасно и комфортно?

Отыскали ключи от хозяйской Тойоты. Брелок от ворот. Эти ворота настоящая прелесть! Хочется сесть на них и кататься туда-сюда, пока электричество не кончится.

Посидел в квартире, попрощался. Десять лет все-таки, целая жизнь. Буду скучать по моему дивану! Мягкий, идеально продавленный именно под мой контур.

Забрали кошку! Очень соскучилась за день и урчала, как фермерский трактор. Совсем не боится машины. Ездит, как собаки. Встала лапами на стекло и крутила головой всю дорогу.

Вынесли со двора диван и кресло, на которых умерли хозяева. Отнесли на другой конец улицы, пусть обжорам будет удобно.

Проверил электростанцию. Автоматика перешла с минималки на среднюю мощность. Видимо, потому что включили бытовые приборы. Нацарапал черту на емкости. Буду следить, как быстро кончается дизель.

Сегодня по плану ужин, а дальше будем мыться и стирать. Странные слова...

Вроде знакомы, а что означают – не помню!

Завтра, как проснемся, сразу поедем в дом со свечой. Я запретил будить меня рано, объявил, что в крепости будильники вне закона. Уверен, что все равно разбудят. Олегу слишком скучно бродить одному по утрам.

Как же вкусно пахнет... Пойду проверю, что там готовят.

Божественный аромат жаренного на сковородке мяса. Пол блестит, словно в свадебном зале, и я снимаю обувь, чтобы зайти на кухню. Олег уже за столом, перед ним большая салатница, доверху наполненная жареными котлетами. Таня в уютном фартуке хозяйничает у плиты.

– Хотите обалдеть? – спрашивает она, вытирая руки кухонным полотенцем. Я, когда делала уборку, нашла кое-что. Посмотрите внимательно на эту фотографию...

Я рассматриваю картинку в деревянной рамке и вижу счастливую семью с маленькой девочкой на руках. Все беззаботно улыбаются, на заднем фоне красные розы и белый кирпичный забор.

– Хозяева?

– Да, Илюша. Но самого главного ты не разглядел. Смотри, на груди у дочки!

Присматриваюсь внимательнее и вижу серую кошку, которая словно обнимает малышку своими лапами.

– Ну, кошка, да. И что?

– Это та самая кошка, Илюша. Наша кошка... Я сверила, когда вы её привезли. Она у себя дома и мне кажется, что таких совпадений не бывает. Это судьба.

После плотного ужина Таня объявляет, что идёт мыться, а мы с Олегом выходим в сад и просто ждём своей очереди. Когда я, наконец, попадаю в ванну, жду, что из крана польётся лишь тонкая струйка, но и ей я буду рад, как сокровищу. Мощный напор горячей воды обжигает руку, и мне приходится добавить холодной. Я кричу от восторга и поливаю себя из душа, как цирковой слон из хобота! Мылю голову, во весь голос кричу развесёлые песни. Вместе с грязью смывается застарелый страх, превращаюсь из дикаря в драной шкуре обратно в человека.

Удивительно, но только тщательно помывшись, я могу ощутить, насколько дурно пахнет моя одежда. Вот уж, поистине, человек привыкает ко всему, лишь бы давали жить. Забросив грязное в корзину, надеваю халат из хозяйского шкафа и приглашаю к помывке Олега. Прошу его, как закончит, запустить стирку.

Перед сном выхожу на улицу развесить белье. Тишина и спокойствие... Небо чистое, чёрное...

Закрепляю прищепками вещи, а над головой миллиарды звёзд. Я остановился. Пытаюсь представить, что каждая это пылающий шар, мощь и жар со своими планетами, но вижу в них только мерцающие крапинки. Наверное, устал... Воображение не работает.

Ветерок раскачивает постиранное белье, по всему двору приятный аромат стирального порошка.

Что-то мягкое коснулось ноги, я подпрыгиваю от неожиданности. Кошка! Чуть не получила по носу, дуреха. Нагибаюсь, беру её на руки и, легонько поглаживая, прохаживаюсь по двору.

– Оказывается, ты тут хозяйка?

Кошка мурлычет, услышав мой голос. Разрешите нам, пожалуйста, пожить у тебя? Мы ничего не испортим, вот посмотришь. Кошка не отвечает, но я чувствую сердцем, что она не против. Кажется, крепость начинает нас принимать...

Мы въезжаем во двор многоэтажного дома и первое, что я вижу – моя брошенная машина, стоящая на том же месте, где я оставил её той ночью.

Мы паркуемся в метре от неё и, тщательно подготовившись, двигаемся в сторону подъезда.

Забежав на крыльцо, я проверяю замотанные скотчем ручки. Вижу, что лента выгорела, но потом её разорвали.

Значит, из подъезда кто-то вышел...

– Илья! Там записка на руле была! – Таня протягивает мне бумагу. Клетчатый листок из школьной тетради, свернутый в несколько раз. Разворачиваю... Читаю:

"ЗДРАВСТВУЙТЕ! Простите за неразбериху. Мы готовы встретиться. Ждем вас в квартире ровно над той, где горела свеча :)".

– Ну, вот скажите, это нормально? – Олег делает вид, что злится, но видно, что он не всерьез. – Кругом черт знает что творится, а наши потенциальные друзья ведут себя словно в фильме ужасов. Почему нельзя написать, кто вы? Как зовут?! Зачем столько таинственности? Встретимся у сосны на старом кладбище, когда прокричит одноглазый филин.

Ладно! Спишем это на шок и приобретённую диковатость. Спасибо, что "здравствуйте" написали.

Мы с Таней улыбаемся, но улыбки кривые, на душе опять беспокойно.

Договариваемся, что пойдём вдвоём с Олегом. Таня запирается в заведённой машине и в любую секунду готова принять нас на борт, умчаться назад в безопасность.

В сотый раз проверив боезапас, мы киваем друг другу и входим в здание...

Входная дверь, подгоняемая сквозняком, громко захлопывается позади, и я вспоминаю, какие же темные подъезды

в этом доме. Сделай на входе, пусть даже, маленькое окошко, и не придётся круглосуточно жечь электричество. И мы бы не стояли сейчас в оцепенении, не ждали, пока глаза хоть немного привыкнут к крошечной тьме.

– Совершенно не могу представить, что на тебя нашло. Зачем ты поперся сюда один? – Олег крутит пальцем у виска, – ещё и ночью. У меня от такого настолько все сжалось бы, что планета схлопнулась бы в чёрную дыру.

Мы оба нервно хихикаем.

Тыкая стволами в тёмные закоулки, добираемся до седьмого этажа. Я узнаю стены и расположение дверей. Тут я уже был, нам нужно на этаж выше.

Сердце стучит быстрее. В груди немного жжется от волнения.

– Что-то как-то страшновато, – полушепотом произношу я назад, через плечо. Ответом мне становится сухой щелчок снятого предохранителя. Да, все-таки вдвоём совсем другое дело.

Прямо передо мной нужная дверь. Остаётся только толкнуть или постучать. Выбираю второй вариант. Он кажется более дипломатичным.

Тук-тук-тук.

Звук разрезает тишину подъезда и добавляет в окружение мистики.

Проходит время, но реакции никакой. Я повторяю.

Тук-тук-тук.

На этот раз, кажется, я услышал что-то. Напрягаю слух до скрежета в черепе. Слежу за дверным глазком, забыв моргать. Светлая точка на секунду становится темной. Кто-то пытается меня рассмотреть.

Слышится мычание, затем быстрые, удаляющиеся шаги. Проходит ещё несколько секунд, и прежде чем я поднимаю кулак, чтобы повторить стук, дверь скрипит замком и открывается.

На пороге голова молодого парня. Волосы до плеч, борода.

– Привет, – просто произносит он и жестом приглашает войти.

Я захожу.

Олег, следуя уговору, остаётся снаружи. В любой момент он готов открыть огонь.

Через дверной проем замечаю, что в комнате ещё человек. Пытаюсь рассмотреть, не успеваю, парень заключает меня в объятия. Сжимает так крепко и так неожиданно, что я вскрикиваю и Олег, пинком распахнув дверь, врывается в прихожую.

– Все в порядке! – успеваю выкрикнуть я, и мы, все втроём, заливаемся смехом.

Знакомимся... Гриша, именно так зовут парня, рассказывает, что их всего двое, он и сестра Варя, которая от рожде-

ния слышит, но не умеет говорить.

Варя к нам не выходит, сидит в комнате на диване, и только внимательно смотрит на происходящее большими зелёными глазами. Я делаю шаг к центру комнаты, чтобы её поприветствовать, но она быстрым движением отодвигается, пересаживается на край дивана. Обе руки держит за спиной.

Гриша быстро подходит ко мне, берет за плечи и говорит, что все в порядке. Она не мигая наблюдает и глаза, до этого просто влажные, густо наполняются слезами. Варя всхлипывает, вытаскивает руки, в одной из них граната.

– Простите, – обращается к нам ее брат, – наша небольшая страховка.

Мы снова смеёмся, а девушка только легко улыбается. Тонкие руки мелко трясутся, глаза по-прежнему полны слез.

Мы слушаем, что ребята живут в этой квартире с самого начала, что иногда выезжают за провизией, что знают округу, как свои пять пальцев. Других выживших здесь искать бесполезно.

Гриша сказал, что уже видел меня пару раз, но что обстоятельства для знакомства были не подходящие. Я прошу объяснить, что он имеет в виду, но парень переводит тему и обещает сделать это позже.

В свою очередь мы рассказываем о крепости, о Тане, которая дежурит внизу и наверняка уже места не находит от переживаний. О том, что всегда рады новым людям и счастливы будем принять брата с сестрой в свою маленькую се-

мью. Гриша подробно выспрашивает, где мы живём, обещает уладить кое-какие дела и приехать в гости. Не позднее, чем завтра к обеду. На том и порешили. Интересно, конечно, что за важные дела могут быть у парня в мертвом районе, но я не спрашиваю, найдя это нетактичным.

Мы тепло прощаемся, обещаем друг другу скорую встречу.

Ворота закрылись. Мы снова внутри двора, и я усаживаюсь на лавку под елкой, чтобы немного подумать. Олег паркует машину и подробно, причём не в первый раз, рассказывает Тане детали встречи с новыми знакомыми. Я с первой минуты отстранился от этого процесса, сказав "завтра придут – сама посмотришь", и женщина плотно надела на более податливого Олега. Она взяла его за руку и не даёт выйти, задавая вопросы, ее голоса мне не разобрать, слышны только ответы.

– Высокий, – поддельно-раздражённым тоном рассказывает мужчина, – немного выше меня. Волосы тёмные, борода, как у геолога... Не знаю, почему не бреет... Молодой, на вид не старше 27. Она гораздо младше... Ну, не подросток. Может, лет 20... Он Григорий, а она Варвара... Этого не спрашивали... Худенькая... Светлые, не как у него... До плеч где-то... Он программист, она не знаю. Все, Танюш, я в туалет хочу, пойдём в дом?

Двери машины, наконец, открываются, и парочка, минуя

меня, проходит в сторону кухни.

Я, пожалуй, посижу тут ещё. Очень, уж, хорошо пахнет елочка.

Олег по-хозяйски: в халате и с кружкой сидит над раскрытой книгой. Силуэт Татьяны, через раскрытое окно, виднеется в огороде.

– Который час? – спрашиваю я, усаживаясь за стол.

– Пол второго... Слушай, у меня созрела идея. Что если нам, – Олег показывает рукой в сторону сада, – все это дело засеять? Без фанатизма. Что-то легкое и приятное. Укроп, петрушка, кинза. Ты только представь, какая прелесть получиться может.

– Так. Что для этого нужно? Сложно это все?

– Совершенно несложно. Раздобудем семена, посадим, а дальше только поливать через день и наблюдать, как растут витамины.

– Слушай, ну я обеими руками "за". Только командуй. Знаешь, где семена добывают? По домам пошарим, наверное?

Олег смеётся.

– Сразу понятно, что огород ты видел только проездом. Сейчас в любом строительном есть отдел "Сад и огород", а уж в нем, все, что нужно. Быстренько ломанём ближайший и можно начинать играть в ферму.

– Командуй, Олег! Я полностью в твоём распоряжении.

– Ну, давай тогда прямо сейчас и поехали, только переоденусь.

– Езжай в халате, какая разница? Переживаешь, что подумают о тебе обжоры?

– Ну, нет, – смеётся Олег, – просто не могу рисковать такой роскошью. Ты потрогай его...

Я касаюсь пальцами края полы. Густой махровый ворс оказывается настолько мягким и глубоким, что кажется, будто трогаешь облако. Хочется превратиться в Дюймовочку и поселиться в одной из складок.

– Там, где ты его нашёл, есть ещё? – спрашиваю я, блаженно улыбаясь.

– Если будешь себя хорошо вести – поищем. Давай, я расскажу Тане про выезд, переоденусь и приду в машину. Проверь пока все, что нужно, пожалуйста.

Встретившись на улице, мы решаем немного переиграть. Олег в одиночку отправляется за семенами, а я иду готовить грядки для посадки. Особой сложности в этом нет, нужно просто очистить от всего постороннего небольшой участок земли и хорошенько взрыхлить его, чтобы новым растениями ничего не мешало. Ночью прошёл небольшой дождь, и теперь почва мягкая и послушная. Горький аромат вырванных сорняков, запах цветов абрикоса... За работой я не замечаю, как летит время. Горка травы под забором, чистая земля под ногами.

К моменту возвращения моего товарища в саду появилось

не менее четырёх подготовленных участков, жаждущих принять свои семена.

– Петрушка... Укроп... – Олег деловито раскладывает пакетики передо мной, – базилик... С ним, к сожалению, будет много хлопот. Вряд ли получится урожай, но попробовать можно. А вот там – Олег неопределённо махнул рукой, – предлагаю соорудить грядку побольше и посадить лук и чеснок. Вот уж по-настоящему полезная вещь.

Я не собираюсь спорить с очевидными вещами и принимаюсь за работу. Высыпаю семечки из пачки, вдавливаю их в землю, присыпаю сверху рыхлым грунтом. Таня, не устоявшая перед нашим благим начинанием, помогает. Неторопливо поливает из яркой лейки свежие посевы.

– Вот так лежишь дома на диване, – размышляет вслух женщина, – хочешь свежих овощей и расстраиваешься, что лень идти в магазин. Даже не думаешь, что простой магазин – это высшая степень комфорта. Но теперь все не так. Теперь каждый шаг становится осознанным. Хочешь чего-то? Приготовься бороться. Вот уж воистину, что имеем не храним, потерявши плачем...

– Зато представь, как вкусно нам будет, когда что-то вырастет, – подхватывает Олег. Наша жизнь стала тяжелее, опаснее и, скорее всего, короче. Но зато ярче!

Спрыгнув со своих диванов, вынырнув из круга "дом-работа", мы получаем шанс. Пусть и принудительный! Прожить жизнь по-настоящему... Один умный мужик сказал: "У

нас у всех есть две жизни! Вторая начинается, когда понимаешь, что жизнь только одна".

Работа закончена. Вынеся из дома несколько стульев, мы сидим втроем и любимся результатом. Аккуратные чёрные прямоугольники радуют глаза и душу. Кажется, будто можно просидеть так до первых всходов, но солнце уже идёт на посадку, и приходит вечерняя прохлада. Мы идём на кухню и усталые от работы на воздухе пьём чай. Таня ещё днем бросила в раковину несколько больших свёртков с мясом, и теперь они разморозились, готовые к разделке.

– Завтра пожарим шашлык, – женщина не спеша нарезает мясные кусочки и складывает их в тазик, – по случаю пополнения в нашей команде. Устроим небольшой праздник?

– Я за то, чтобы устроить большой, – смеётся Олег и, подойдя к столу, принимается помогать хозяйке.

Уже не меньше часа я сижу на улице за воротами в ожидании приезда новых жильцов. Для удобства вынес стул, облокотился спиной о кирпич забора. Словно бабушка на завалинке, гляжу на дорогу, лениво покачиваю дулом ружья. Не хватает только семечек или вязания. Молодые зелёные листья светятся на солнце, как изумруды, деревья шумят, а в кустах возле дома напротив притаился обжора... Пялится не моргая, взгляд, как у зверя. Нет эмоций, только внимательность. Мне неприятно такое соседство, но стрелять я не стану. Выстрел, посреди настолько хорошего дня, может испор-

тить друзьям настроение. Пусть себе смотрит. Он напоминает кота, засевшего за диваном в засаде. Думает, что охотник, а сам лишь игрушка.

Шум машины!

В новом мире он разносится так далеко, что я узнаю о прибытии брата с сестрой ещё за несколько минут до их появления.

Наблюдаю, как на нашу улицу въезжает белая шкода и когда водитель, видимо, не узнав дом по описанию, проезжает мимо, выскакиваю на дорогу, прыгаю и машу руками. Гриша сдаёт назад, паркуется перед воротами и с широкой улыбкой выходит навстречу. Мы крепко жмём руки и обнимаемся. Я чувствую, что рад этому человеку.

Варя сидит на заднем сидении. Выходит только после того, как брат несколько раз стучит по крыше.

– Снова с гранатой на подстраховке? – улыбаюсь я, показывая на девушку. Она смеётся. Смех тонкий и деликатный. Приятный. Варя выставляет вперёд тонкие руки и поворачивает их вверх-вниз.

– Нет гранаты, – смеётся Гриша. В этот раз полное доверие.

Я стучу в дом, вызываю на улицу Олега и Таню. Люди знакомятся. Тёплые улыбки на лицах. В новом мире, где одиночество перестало быть дефицитом, но стало проклятием, человек искренне радуется человеку. Уж мы – точно.

Молодые люди с огромным интересом осматривают двор, дом, огород. Заметив чистое, пахнущее цветами белье, висящее на сушке в ванной, Варя теряет интерес к дальнейшей экскурсии. Увидев это, Таня смеётся и приглашает девушку следовать за ней. Они возвращаются с какими-то вещами в руках, и Варвара, обведя всех смущенным взглядом, убегает в ванну. Скоро оттуда доносится звук бегущей воды и довольный визг счастливой девчонки.

Я молча хожу за своим друзьями. Мне приятно наблюдать за неловкой суетой знакомства. Олег взял руководство экскурсией в свои руки, и теперь, по просьбе Григория, мы следуем в подсобку, чтобы посмотреть генератор.

Я нахожу свою отметку на баке с дизелем. Уровень понизился незначительно. Топлива хватит ещё на какое-то время. В очередной раз мысленно благодарю бывшего хозяина за его скрупулёзность. Он не скупился и выбрал надёжный, экономичный двигатель. Обсудив электроустановку, мы приходим к итогу, что гораздо спокойнее всем станет в том случае, когда все опустевшие баки снова заполнятся горючим. Принимаем решение не откладывая отправиться на разведку и поискать заправку, на которой можно разжиться дизельным топливом.

– Вы куда это собрались?! Только же приехали! – Татьяна, услышала звук заведённого двигателя и выскочила на улицу. – Совершенно без завтрака, без чая. Я никуда вас не отпускаю!

Олег пожимает плечами, глядит на нас и выключает зажигание.

– Таня, мы подчиняемся. Ты, как всегда, права!

– К тому же, – не успокаивается женщина, представьте, как испугается Варя, когда выйдет из душа и не найдёт брата.

Гриша округлил глаза и неловко улыбнулся. Он явно забыл про сестру.

– Спасибо вам. Это действительно неправильно с моей стороны.

Мы возвращаемся в дом и проходим на кухню. Чайник уже шумит, готовится закипеть. На столе дымящиеся оладушки и выложенное в красивую пиалу клубничное варенье.

Гриша нервно покусывает губы и громко сопит. Видно, что растроган приемом до глубины души:

– Спасибо вам, ребята. Вы представить не можете, как мне этого не хватало.

Наш автомобиль (а поехать мы решили на Гришином) движется на ближайшую заправку.

– Итак, – говорит Олег, – первая часть квеста завершена! Мы выехали. Пока все идёт не сложно, но как набрать солярку и как довезти её до дома?

– Думаю, что нужно раздобыть веревку, небольшое ведерко и канистры. Наполним их потихоньку и поедем.

Я поворачиваюсь к Грише, ожидая его одобрения, но по выражению лица понимаю, что идея ему не нравится.

– Ребята, там не меньше 4х кубов. В баках на станции. 4000 литров! Представьте, сколько мы будем дёргать ведёрко. А что, если нам, раз уже конкретно заморочились, найти бензовоз и выкачать сразу чёртову кучу дизеля! И уже тогда домой. Как победители! Гриша сделал пафосное лицо, и все рассмеялись.

Несколько секунд мы размышляем. Каждый прокручивает в голове свой сценарий.

– У тебя есть мысли, где взять рабочий бензовоз? – спрашиваю я.

И парень, поучительно подняв вверх указательный палец, рассказывает:

– Думаю, что нужный агрегат мы найдём на нефтебазе. Там, откуда привозят бензин на заправки. В теории там же можно их и заполнить, но на практике подозреваю, что все на компьютерах. А они без электричества.

Гриша достаёт из кармана телефон и включает путеводитель. Мы с интересом наблюдаем, и он поясняет, что загрузил карты в память, ещё когда переехал в город.

– Кажется, повезло, – он подносит к моему лицу экран, – вот тут, на этом конце города, база.

Я притормаживаю у обочины и внимательно изучаю маршрут. Вспоминаю, что десятки раз проезжал мимо этого сооружения, просто никогда не обращал на него внимания.

Через полчаса мы уже у ворот. Они закрыты, но к всеобщему облегчению не заперты.

– Электричество отрубили, и замок разомкнулся, – объясняет Гриша. Откатив воротину в сторону, мы заезжаем внутрь.

Сразу замечаем длинный ряд новеньких бензовозов. Они стоят-красуются, играют на солнце блестящими цистернами, словно намекают, что мы все делаем правильно.

Дергаем дверные ручки нескольких грузовиков, но ни один не открывается. Решаем, что ключи, однозначно, должны быть тут же, на базе и, отыскав небольшое одноэтажное здание, первым делом идём к нему. Заходим, выстрелив в замок, и Олег ещё с минуту трёт правое ухо, помогает ему вернуть слух.

Внутри здания удобные диванчики, большой телевизор, а в углах высохшие в горшках фикусы.

Бинго! На стене аккуратными рядами развешаны ключи с одинаковыми брелоками. Каждый со своим номером.

Набираем в карманы целый урожай и, звеня при каждом шаге, возвращаемся к машинам.

Выбор огромный. Осталось только решить, насколько велика наша жажда. Есть машины на 8 кубов и на 30. Те, что побольше, займут своим мощным телом половину квартала. Если такой рванет, история нашего бытия тут же закончится. Возьмём восьмерку. Страх смерти побеждает жадность.

– Какая первой откроется, на той и поедем, – заявляет Олег.

– Хорошо, – отвечаю я, – только пусть, пожалуйста, пер-

вой откроется та, на которую я покажу. Так для всех будет лучше.

Отыскав нужный ключ, мы забираемся в кабину и, повернув зажигание, восторженно кричим, услышав шум зарывавшего мотора.

– Ребята, кажется, у нас джек-пот, – говорит Олег и показывает на табло бортового компьютера. – Если я правильно понимаю эту надпись – цистерна полна. Остаётся только выяснить чем!

Мы выскакиваем из кабины и осматриваем машину снаружи. Отыскав лестницу, я собираюсь подняться на верхушку цистерны и уже ставлю ногу на первую ступеньку, когда мой напарник кричит:

– Готово! Нашёл бирку.

Я спрыгиваю, и он показывает опломбированную табличку с надписью "95".

– Эта малышка, – Олег хлопает блестящую бочку по брюху, – доверху наполнена 95 бензином! Удачный день.

– Вы ещё не знаете насколько! – Гриша стоит около соседнего грузовика и улыбается, как Александр Македонский, завоевав Египет, – В этой бочке дизельное топливо, – поясняет он, – полчаса дел, ребята, и большой вопрос закрыт на несколько месяцев.

Немного утомившись, я отпрашиваюсь посидеть на диване и, добравшись до него, прыгаю на сиденье со всего размаха. Беру со стеклянного столика глянцевый журнал. Укра-

шения, одежда, интервью с успешными людьми. Их имена я уже начинаю забывать. Потухшие звезды угасшего мира. Все это уже не имеет смысла.

– Попался! – голос Олега выводит меня из полудремы, и я быстро растираю уши ладонями, помогая себе стряхнуть сонливость.

– Очень удобный, – говорю я, хлопнув диван по подлокотнику, и Олег, бросив ключи на столик, устраивается рядом. Через секунду в зал заходит наш новый товарищ и, пройдя к автомату, торгующему снэками, просит заткнуть ладонями уши. Ударом ноги разбивает стекло и принимается аккуратно, чтобы не порезаться об осколки, вынимать шоколадки.

– Варя очень любит, – объясняет он, – и Таня, думаю, не откажется.

– Никто не откажется! – улыбаюсь я, – бери побольше и садись рядом.

Разобрав со столика журналы, мы начинаем их изучать.

– Новый элитный дом на Парковой улице... – по-дурацки копируя рекламного диктора, начинает читать Олег, – для людей, не желающих жить обычной жизнью!

– А желающих жить жизнью зомби, – вставляет Гриша. – Купите квартиру в нашем доме и бродите вокруг него. Пожирая друг друга...

– Туалетная вода "Блюдешанель", – продолжает Олег.

– Оботрись ей, и никто не почувствует, что ты не мылся

уже полгода, – снова перебивает его Гриша.

Мы дружно хохочем, и я прошу почитать ещё.

Лицо Олега становится серьезным. Он указывает пальцем куда-то на улицу:

– Это что за херня?!

Я смотрю в указанную сторону, и мне тоже больше не смешно. Не меньше десятка больных ходят рядом с нами. Кто-то прячется за машинами, кто-то пытается заглянуть в окно. Один, большого роста мускулистый мужчина, останавливается рядом со входом и сильно толкает дверь, не догадавшись потянуть ее за ручку.

Больные не видят нас.

Окна зеркалят снаружи.

Зато мы видим их просто отлично, и это зрелище пугает. Никогда я ещё не наблюдал за обжорами так близко, так четко и долго.

Их поведение напоминает стаю хищников на охоте.

Они бесшумны.

Если выходят на открытое пространство – стараются стелиться к земле. Внимательно смотрят, нюхают воздух, задирая головы. Совсем, как животные.

– Вот, сука! Лысый! – громко прошептал Гриша. Он показывает на мужчину, который до этого ломился к нам в дверь, – пришла беда, откуда не ждали. Охренеть... Ещё лысый! – голос Гриши прозвучал так, словно ему было больно.

– Что значит лысый? – шепотом спрашиваю я, – почему

это плохо? Какая разница?

Гриша не отвечает. Он подошёл вплотную к окну и сосредоточенно рассматривает гостей.

Лысый обжора действительно выглядит непохожим на остальных. Вряд ли он сумел научиться брить голову, а значит волосы его выпали самостоятельно. В отличие от остальных, передвигаться он предпочитает на четвереньках. Только изредка поднимается в полный рост, чтобы осмотреться. Тело выглядит сильным, поджарым. Мышцы крепкие и непрестанно сокращаются, будто он играет ими, показывая другим. Обжоры явно избегают с ним сталкиваться, разбегаются в стороны при приближении.

Вот один зазевался, пытаясь заглянуть в окно, и лысый схватил его двумя руками, легко поднял в воздух и отшвырнул от себя на два метра...

Больной гулко ударился о бочку бензовоза и свалился на асфальт, свернувшись клубочком. Заскулил. Лысый моментально, в два прыжка, подскочил к нему и, схватив за голову, прокрутил её два раза вокруг шеи. Мерзкий хруст ломающегося позвоночника мы слышали даже через закрытые окна.

Бросив убитого, вожак скрылся за бензовозом, и через минуту к мертвому товарищу начали стекаться остальные члены стаи. Одна самка принялась слизывать кровь с разбитого лица, а самец засунул в рот пальцы умершего. Попытался разгрызть их задними зубами. Сразу пятеро обжор вылезли из-под машины и тоже поспешили примкнуть к пирше-

ству. Места для всех не хватило, и через мгновение завязалась шумная, визгливая драка...

Спрыгнув на асфальт откуда-то сверху, лысый оскалился и беззвучным рыком заставил всех отбежать от мертвого. Вслед за ним спрыгнула женщина. Тоже лысая. Похожая повадками на него самого. Она делает короткое указующее движение, и вся стая, забыв о пище, перемещается обратно к нашему укрытию. Охота продолжается.

Я, обалдев от увиденного, нервно стучу по карманам штанов, пытаюсь сообразить, сколько патронов у меня в распоряжении. Сердце выпрыгивает из груди, я собираюсь подойти к входной двери, чтобы запереть ее, но вспоминаю, что мой товарищ оставил на месте замка дыру.

– Вы это в-видели?! – Олег, вдруг начавший заикаться, произнёс последнее слово не с первой попытки.

– Я видел такое, – грустно подтвердил Гриша, – у нас серьёзные проблемы, ребята.

Он рассказывает, что давно пытается изучать больных, насколько это возможно. И что в последние месяцы ему начали встречаться особи, у которых выпадают волосы. Они всегда значительно сильнее и гораздо опаснее целой стаи обычных обжор.

– Я, хер его знает, почему все так и что с ними делается, – подытожил свой рассказ парень, – и как мы будем выбираться отсюда, я тоже пока не представляю.

– Ну, подожди, чего ты паникуешь?! – Олег приподнял в воздух ружьё, – патронов у нас не бесконечно, но даже если много раз промахнуться, мы все равно сможем всех перестрелять!

– Перестрелять?! – Гриша нервно засмеялся, но тут же сам себе закрыл рот рукой, испуганно оглянувшись на дверь, – перестрелять, значит?! Прямо тут, на нефтяной базе? С заправленным бензовозом на выходе? Ты видел когда-нибудь, что остаётся от людей после взрыва бензовоза? Загугли. Белые, аккуратные скелеты. К тому же, тут по цепочке взлетит вся округа. Выжить шансов не будет никаких.

Мы с Олегом переглянулись.

Я, стараясь не позволять начинаться панике, обхожу в здании все помещения и убеждаюсь, что выход из него только один. Даже на крышу выбраться нет никакой возможности. Если будем пытаться вылезти из окна, больные, скорее всего, услышат, а значит нужно придумывать что-то совершенно альтернативное.

– Есть какие-то идеи? – спрашиваю я.

Мои товарищи молчат.

– Значит есть только один вариант. Прорываться в рукопашную!

Я ругаю себя за беспечность. В который раз приходится горько жалеть, что поленился взять шашку. Ружьё волшебным образом превратилось в бесполезную палку, а с пусты-

ми руками, чувствуешь себя просто голым.

Олег достал из-под штанины охотничий нож и подкидывает его на ладони. Примеряет наиболее удобный хват.

– Как-то слишком коротко, – говорит он, – хочется причинять вред с более безопасного расстояния!

Нервно смеётся.

Нам с Гришей совсем не до смеха. Нет даже ножа.

– Я там видел скотч. Пойду примотаю нож к стволу.

Олег скрывается в соседней комнате, а мы растерянно смотрим по сторонам, суетливо соображая, что можно использовать в качестве оружия.

Ножка от стола?

Кажется, наши мысли сходятся...

– Давай, помоги перевернуть стол! Гриша схватился за край и щупает рукой под столешницей... Открутить или выломать?

– Ребята!! – кажется, что на крик Олега повернули головы даже обжоры, – сюда скорее!

Мы бросаем стол и, столкнувшись в узком проеме, вбегаем в соседнее помещение.

– Есть шанс! – Олег показывает на стену, увидеть которую можно было только войдя, – пожарный стенд!

Приятное чувство нарастающей уверенности наполняет меня, когда я беру в руку тяжелый топор. Красная рукоятка, стальная голова, чёрная у основания, задорно блестит острым лезвием.

Гриша срывает с заржавевших держателей длинный пожарный багор. Загнутый крюк, наподобие рыболовного, за просто превратится в опасное орудие. Было бы в кого втыкать.

– Теперь совершенно другое дело! – в голосе Григория я снова слышу улыбку, – теперь можно попробовать.

Вернувшись к двери, ведущей на улицу, мы понимаем, что выходить, даже имея в руках оружие, не хочется совершенно.

Дёрганные морды обжор хищно принохиваются, вслушиваются и всматриваются в нас. Вожак не дал им доесть товарища, и теперь они, раззадоренные мясом, стали ещё агрессивнее.

– Короче! – я пытаюсь взять ситуацию в свои руки, – выходить на улицу слишком страшно. Я не буду выделяться и говорить "опасно", "нецелесообразно". Говорю как есть. Страшно!

Предлагаю альтернативу. Нужно разбить к херам самое большое окно и дразнить обжор. Кто будет к окну кидаться – будем колотить, рубить и резать. Там дальше посмотрим... Как вам идея?

– А что, если они всей толпой ломанутся? Давайте на этот случай, – Олег проходит в дальний конец комнаты, – я будут тут стоять и их отстреливать. Строго внутри помещения!

– Давай, – соглашаюсь я, – только отстреливай их. Не отстреливай нас. Пожалуйста.

Гриша хватает с пола цветочный горшок и, не давая времени морально подготовиться, швыряет его в окно.

Звон битого стекла и громкий хруст сломанной рамы становятся нашим сигналом к началу боя.

Рог протрубил!

Вместо ожидаемого рева кинувшихся в атаку чудовищ нас встречает тишина. Очевидно, что испугавшись неожиданно-го шума, больные вместо нападения разбежались.

Выглянув в окно, я вижу их силуэты за бензовозом. На бензовозе. Поодаль от него.

Десятки глаз внимательно следят за мной. Страх мешает им принять решение, но тут слева от окна я слышу легкий шорох, будто кто-то слишком сильно оттолкнулся ногой от асфальта и проскользнул по нему. Краем глаза замечаю очень быстрое движение... На уровне интуиции чувствую приближение ко мне чего-то очень опасного и резко отпрыгиваю внутрь здания.

Лысый больной с тихим рыком пролетает мимо оконного проёма и, упав куда-то вниз, исчезает.

Три секунды тишины...

Пронзительные крики раздаются с улицы. Сразу несколько обжор, крича и повизгивая, бегут в нашу сторону.

– Начинается!! – кричу я, но, понятное дело, что мои ребята и сами в курсе, что начинается.

Первый обжора с разбегу запрыгивает в комнату и тут же получает багром в голову. Железный крюк с неприят-

ным гулким звоном отскакивает от прочных костей черепа, и Гриша тут же, не успевая прицелиться, бьет обжору в туловище. Крюк по самое основание уходит в грудину. Напитанный адреналином, Григорий слишком много силы вложил в этот удар. Он тащит вперёд нанизанного на копьё врага и заваливает его на пол. Заваливается рядом с ним. Не желает выпускать из рук крепко застрявшего в рёбрах оружия.

Я бегло смотрю на Олега. Выпучив глаза, он смотрит на происходящее, в любую секунду готовый выстрелить.

– Я тебя прошу, – кричу я, – внимательнее с ружьем! Не пристрели меня!

Сразу три головы появляются в окне, и я, из-за невероятного возбуждения не способный прицелиться, бью топором, куда получается. Получается отрубить нападающему ухо и щеку. Покалеченное лицо уходит вниз, а я, не сбавляя темпа, наношу новые удары. Либо размах, либо скорость. От страха я выбираю скорость и потому, луплю топором без разбора, нанося уродливые, но не смертельные раны. Как легко в фильмах сносят головы, разрубают напополам, отрубают конечности. В жизни все не так. Лезвие отскакивает от черепа, как от камня, застревает в мясе, цепляется за крепкие жилы.

Бьешь в мягкое плечо, топор погружается полностью, а ты все равно не доволен! Когда дерёшься за жизнь, хочется убивать с одного удара, но враги почему-то очень живучие. Убить наповал в плечо или ключицу невозможно.

Тем не менее, получив моего топора даже по разу, за до-

бавкой никто не обращается. К тому же, рядом на помощь приходит Гришин багор, и, кажется, что ярость атакующей стаи спадает. Визги и плач раненых сбивают злой задор с тех, кто ещё не получил рану, и уже через полминуты, атаковать через окно становится некому.

– Ну, ни хрена ж себе! – только и могу произнести я.

Бой длился не больше минуты, а вся одежда мокрая от пота.

Руки и ноги трясутся. Голос дрожит, а мысли скачут. Если сейчас мне померить давление, будет, наверное, 400 на 200!

Олег смеётся от нервов, Гриша, словно не слышит ничего вокруг. Стоит перед окном, намертво зажав свой багор, и готовится снова тыкать им, куда получится. Стоны и крики раненых делают атмосферу особенной, чувство уверенности в себе нарастает с каждой минутой.

Вдруг на улице раздаётся вопль. Затем хрипы. Через несколько секунд все повторяется. Потом еще крики и снова хрип.

Наконец наступает тишина.

От былой уверенности не остаётся и следа. Вместо неё внутри снова тревога и страх.

– Как думаете, почему замолчали? – Олег выходит из угла и нерешительно пытается разглядеть хоть что-нибудь, стоя посередине комнаты.

– Я не думаю, а точно знаю, почему замолчали. Гриша зачем-то отходит от окна в сторону и прислоняется к стене

спиной, – вожак убил раненых. Лысые ненавидят шум. Особенно, на охоте. Раз снова тишина – значит охота продолжается.

Мягко стукнувшись об оконный проем, внутрь нашего укрытия, залетает мертвое тело.

Гриша и Олег, предусмотрительно стоящие немного в стороне, испуганно отпрыгивают, зато я, беспечно не изменивший своего положения, оказываюсь прямо на линии огня. Крупный мертвый мужчина ударяет меня всем весом и, сбив с ног, тяжело заваливает на бетонный пол.

Удар получается таким сильным, что я оглушён.

Пытаюсь подняться, но труп придавил меня к полу, встать не получается. Адреналин в крови закончился, а вместе с ним и супер-силы.

Резким, очень быстрым движением с улицы в комнату запрыгивает поджарый силуэт. Сразу за ним ещё один чуть поменьше. Оба без волос на голове.

Гриша громко визжит и зачем-то бросает багор в одного из них, вместо того, чтобы просто уколоть. Вожак лёгким движением уходит в сторону, и грозное орудие пролетает мимо, упав под ноги обалдевшему Олегу. Я наблюдаю за происходящим словно в замедленном кино. Вижу, как повернувшись к врагу спиной, Гриша бежит в угол комнаты. Вижу, как перекосило от ужаса лицо Олега.

– Стреляй! – кричу я ему, – херли застыл, сука!

Олег на секунду переводит взгляд на меня, и глаза его

становятся более осмысленными. Ствол ружья, вместе с намертво примотанным ножом поднимается кверху...

Раздаётся оглушительный грохот...

Голова самки превращается в ничто, а на стене появляется огромное пятно мяса.

Обезглавленное тело ещё не успевает осесть на пол, а второй лысый, осознав степень опасности, уже выпрыгивает обратно на улицу. Ствол ружья дергается ему вслед, и я, что есть мочи, словно стараясь докричаться через оглохшие уши, кричу: "Не надо!", "Сгорим к херам!", но вторая фраза уже лишняя. Олег вспомнил о главной нашей проблеме и опустил ружьё к полу.

– Помогите же мне выбраться! – я кричу, и ребята одновременно бросаются ко мне. Быстро поднимают мертвеца и бросают в сторону к стене.

– Что это было? – Олег кричит мне в лицо, но я толькожимаю плечами. Гриша трясётся крупной дрожью и, просменив в другой конец здания, подбирает брошенный багор.

– Простите меня! – говорит он, – мне так страшно в жизни не было.

Слух, хоть и не в полной мере, возвращается через несколько минут, и мы, обсудив произошедшее, приходим к выводу, что все не так уж плохо. Обычные обжоры боятся соваться в окно. Лысый, отведав ружья, тоже. Самое страшное позади, но и хорошим наше положение назвать никак не

получается. Больные по-прежнему караулят на улице, стрелять нельзя и выходить страшно.

– Есть одна идея, – поправив очки, произносит Олег, – не знаю, насколько это будет действенно, но попробовать можно. Там в туалете, – он махнул рукой на одну из дверей, – перегородки в полкирпича. Можно их рушить, запасти камни и закидать ими обжор.

Как вам такое?

Мы подтверждаем, что звучит это странно, но лучше плана пока все равно нет и потому, стоит попробовать.

Через 20 минут возле окна ждёт приличная куча битого кирпича, и мы выхватываем кусочки и швыряем их в прячущиеся силуэты. Кидаемся мы самозабвенно, но попадаем крайне редко. Пыл убавляется. Силы тоже.

Куча не уменьшилась даже наполовину, но уже понятно, что победы таким способом не добиться. Мы с Олегом прекращаем кидать, но Гриша пока не сдаётся. Периодически с улицы доносится крик очередного ушибленного.

Бах!

Рядом с моей головой об стену, рассекая штукатурку и брызгая красной крошкой, стучается кусок кирпича. Я отпрыгиваю подальше от окна, и вовремя. Сразу несколько кусков с силой бьются о стену.

– Эволюция, елки-палки! – без улыбки кричит забившийся в угол Олег. – Кажется, нам в ответ платят той же монетой!

Несколько следующих минут мы находимся под обстре-

лом. Большая часть камней не попадает даже в окно, а те, что залетают, особо не пугают, но осознание того, что противник растёт в развитии, заставляет тревожиться. Наконец, град стихает, и мир снова погружается в тишину.

– Долбанная тишина, – нервно произносит Олег. Подбирает с пола ружьё и добавляет в него один израсходованный патрон. – У нас серьезная проблема, господа. Больные не уйдут. Уходить должны мы.

Разложив происходящее по полочкам и тщательно взвесив все возможные варианты, мы намечаем план действий. Олег выносит из недр здания ещё два мотка скотча, и мы плотно, на несколько слоёв, перематываем запястья и предплечья. У наших врагов нет в арсенале ничего острого, так что от укусов хватить должно. Я продолжаю изобретать и, выдернув подушку из спинки дивана, обматываю ее клейкой лентой несколько раз, чтобы получить некое подобие щита. У моих напарников оружие двуручное, а мне с топором в самый раз.

Посидев пять минут на дорожку, мы встаём и подходим к двери. Она даже не заперта. Защищает нас только формально.

– Олег, а ну-ка дай ленту, – я беру с пола кусок толстого стекла и крепко приматываю его к головке топора. Мне сильно не хватало такого в моем оружии. Рубящий удар наносит серьезную рану, но отнимает много времени. Иногда

очень важно нанести быстрый колющий удар, пусть и менее смертоносный, но своевременный.

– Илья, возьми, пожалуйста, мой нож, – Олег засуетился, отрывая его от ружейного дула, – моя главная задача открыть дверь машины. Мне некогда будет им размахивать.

Я принимаю оружие и, сжав его в ладони, ощущаю прилив сил. Правда, теперь передо мной становится выбор: щит или нож. Поколебавшись пару секунд, я бросаю подушку на пол. Теперь буду только разить. Моей защитой становится нападение.

– Я читал, – голос Гриши срывается, и он, откашлявшись, начинает заново, – кхм... Я читал, что страшнее рукопашной схватки ничего на свете не бывает. Ветеран, прошедший Вторую Мировую, это рассказывал. Говорил, что все страшно... И бомбежка, и перестрелки. Но рукопашный бой совершенно особенный. Ты выходишь на линию атаки и бежишь со своим штыком наперевес. А тебе навстречу враг. Такой же, как ты человек. На твоей линии. И ещё метров за 50, до того, как вы сцепитесь, вы смотрите другу другу в глаза. И понимаете, что останется жить только один. Эти 50 метров, они как целая отдельная жизнь. Есть обычная жизнь, а есть та, которую прожил во время боя. И иногда она даже ярче всей оставшейся... Фух! – парня передернуло, – все готовы? Вперёд?

Мы киваем и шагаем на улицу...

Пройдя несколько шагов к машине, не встречаем атаки.

Больные окружили нас плотным кольцом, но приближаться ближе, чем на 10 метров не решаются.

Встав спина к спине, мы продвигаемся к ближайшему бензовозу. Олег в одной руке сжимает ружьё, в другой держит наготове брелок с ключами. Гришу вместе с багром трясёт крупной дрожью, и со стороны может показаться, что он мелкими ударами колет невидимого противника. Нервы это замечательно. Это плюс 100 к силе и скорости.

Не встретив сопротивления, мы доходим до машины, и Олег тут же начинает подбирать ключи. Я стою спиной к нему, но отлично слышу, как ключ, не желающий попадать в замочную скважину, царапает металл обшивки.

Больные смыкают круг.

Чертова куча внимательных, недобрых глаз следит за каждым нашим движением. Пока они не решаются, но стоит одному дернуться, и все начнётся.

Очень хочется крикнуть, чтобы Олег старался скорее, но мы сразу, ещё внутри, строго договорились, что не будем его отвлекать. Ему сейчас хуже всех.

Страшнее, чем нам.

Он стоит спиной к происходящему.

Его жизнь в наших руках. Даже не представляю, как ему сейчас хочется бросить все и развернуться лицом к опасности.

Я делаю шаг назад, чтобы прикоснуться спиной к другу,

чтобы он почувствовал прикрытие, и в этот момент отчетливо слышу, что ключ юркнул, наконец, в скважину.

Щелчок срабатывания центрального замка и вожделенный звук открывающейся двери. Олег запрыгивает на подножку, прыгает внутрь кабины и, не рассчитав силу, увесисто бьет меня соскользнувшей ногой по спине. Я пошатнувшись шагаю вперед и обжоры нападают.

Молча. Без криков, рычания и визгов. Как настоящая стая волков.

Я отчетливо слышу шуршание множества ног по асфальту. Оглядываюсь, понимаю, что мне ни за что не успеть спрятаться в кабине. Теряю на это движение драгоценные доли секунды и начинаю падать на землю, сбитый первым достигшим меня противником. В полёте выставляю правую руку, пытаюсь смягчить удар, роняю топор и с огромной силой падаю спиной на асфальт.

Сразу несколько обжор напрыгивают сверху.

Один из них натывается на выставленный кверху клинок и, серьезно порезавшись, с визгом отскакивает, внося сумятицу в ряды своей стаи. Микросекунды хватает, чтобы втянуть под себя ноги, сжаться в пружину и перехватить поудобнее нож. Больше всего на свете мне хочется, чтобы он был не в левой руке, а в правой. Но такая роскошь, как переброс оружия совершенно недоступна. Чувствую, как по-звериному сильные руки хватают меня за ноги, за пояс, за живот. Чувствую резкую, острую боль сразу в нескольких местах.

Словно через мышцы пропускают ток.

Видимо, меня кусают...

Тем не менее, в область головы и шеи никто пока не сунется, и пусть это "пока" длится каких-то три секунды, для меня это время превратилось в целую жизнь со своими этапами и отдельными периодами.

Пока идёт период пожирания моих ног, я ещё поживу! А это значит дела у меня идут отлично.

Резкая тяжесть обрушивается сверху, лишая возможности нормально вдохнуть. Я вижу прямо перед собой красные глаза и лысую голову. Отчетливо понимаю, что беспечное время ног закончилось. Начались настоящие проблемы.

Лысый, издав победный визг, сцепляет руки наподобие молота и наносит сокрушительный удар мне в грудь.

В глазах темнеет, дыхание останавливается, и организм из последнего загашника выплёскивает в кровь все остатки адреналина.

Я выворачиваю правую руку и бью вожака в голову.

Удар получится смазанным, совершенно безболезненным, но лысый вцепляется зубами в запястье, снова даруя мне несколько лишних мгновений.

Его зубы соскальзывают со скотча, он рычит, пытается укусить снова, и в это время моя левая рука с ножом начинает движение к голому, бледному животу врага.

Он понимает мой манёвр, я читаю это по выражению его лица, пытается спрыгнуть с меня, но это не получается из-за

навалившейся сзади стаи. Нож стремится к нему, и больной, достигнув предела перемещения назад, начинает втягивать живот.

Время растягивается для нас, и кончик ножа гонится за живой кожей, стремительно ее догоняя.

Больше втягивать некуда, и сталь входит внутрь, не встречая сопротивления. Вожак кричит, усиленный болью, сбрасывает с себя соплеменников и дергается в сторону. Я твёрдо держу лезвие, и оно продолжает рассекать ткани, давая свободу спрятавшимся в глубине внутренностям.

Бах!

Бах!

Бах!

Сразу три подряд выстрела приносят мне несказанное облегчение. Я снова могу дышать.

Снова могу двигаться.

Рёв заведённого мотора, захлёбывавшегося мощными перегазовками, пугает больных больше, чем выстрелы, и вскоре на площадке грузовиков никого не остаётся.

Я переворачиваюсь со спины на живот. Осторожно встаю на четвереньки.

Рядом появляется Олег и настойчиво щупает ноги, голову, туловище.

Сквозь пульс в ушах доносятся слова "везунчик", "только ушибы и царапины", "до свадьбы заживет". Облегчение расслабляющей волной накрывает сознание, и я продолжаю

сидеть на земле, жду, пока пройдёт легкое головокружение. Через пару минут рядом паркуется Гришин автомобиль. Он выносит из него воду и шоколадки. Подкрепившись, я ощущаю прилив сил, и мы, перекинувшись несколькими фразами, принимаем решение уезжать отсюда. Валить, пока есть такая возможность.

Фааааа-фааа!

Звук гудка огромной машины слышно даже в соседнем городе.

Два бензовоза, по самую макушку наполненные топливом, друг за другом встали на дороге. Этих запасов хватит надолго. Даже если совсем не экономить. А закончится – наберём заново. Схема теперь отработана.

Грязные и потрепанные, мы заходим на кухню. Таня ругает за внешний вид, говорит, что мы, как дети, вышли погулять и испортили кучу одежды. Спрашивает, как дела, и Олег отвечает, что все хорошо, прошло без происшествий. Мы с Гришей молча улыбаемся и киваем.

Наша хозяйюшка открывает кастрюлю с маринованным мясом, и щемящий душу аромат наполняет меня до самой крышечки.

Мясо и лук. Рецепт старый, как мир.

Вспомнилось, как читал где-то, что большинство людей на планете считает самым вкусным блюдом именно мясо, при-

готовленное на углях. Что десять тысяч лет назад, что сейчас.

Ничего не изменилось.

Можно сколько угодно придумывать, смешивать, усложнять... Но будучи голодным и, почуяв примитивный, доисторический аромат жареного мяса, человек всегда выберет именно его.

После нескольких чашек чая со сладостями на меня наваливается вековая усталость. Не хочется больше ничего. Ни еды, ни участия в беседах. К тому же, начала болеть голова. Я спрашиваю у Олега, что он может порекомендовать, и доктор, порывшись в аптечке, протягивает мне несколько таблеток. Объясняет, что тут успокоительное, обезболивающее и противовоспалительное, чтобы поскорее проходили гематомы. Настоятельно рекомендует мне отправляться спать, и я повинуюсь. Заваливаюсь на диван, укутываюсь для уюта толстым одеялом и через мгновение засыпаю.

Глава 17

Линия реального времени

Ночь.

Всего несколько раз за всю жизнь я засыпал до заката и ни разу не проспал до утра. Так и сейчас – проснулся за полночь и лежу на спине, смотрю на луну через занавески. Ровный тембр приглушенной беседы доносится с первого этажа, похоже, что ребята ещё не спят, засиделись после ужина.

– Всем привет, – говорю я, присаживаясь за стол, – почему без света?

– Хозяйка отключила, – с улыбкой отвечает Олег, – Таня спать пошла и выключила, чтобы долго не болтали.

– Но так даже интереснее получилось, – добавляет Гриша. – Вот и сидим в темноте, говорим о жизни.

– Есть будешь? – Олег подошёл к холодильнику и распахнул дверцу, наполнив помещение жёлтым светом. – Шашлык холодный, морс из варенья...

– Не продолжай! – останавливаю его я, – уже уговорил.

Передо мной стальная кастрюля с жареным мясом, я выбираю куски, где поменьше жира и с удовольствием отправляю в рот.

Гриша наскоро закончил рассказ, начала которого я не слышал, и ребята повернулись ко мне.

– Столько всего пропустил, – Олег положил подбородок на ладонь и говорит по-ночному лениво. – Представь, Гриша разобрался с бензовозом и заправил баки на станции.

– Ну, ничего себе! – удивляюсь я, – прямо все баки?

– Все до одного! – гордо подтверждает наш новый друг. – Почитал документацию... Разобрался... Если гонять электричество на средней мощности, должно хватить на полгода. Классно, правда?

– Обалдеть! – искренне подтверждаю я, – что ещё?

– Есть одна новость. Точнее предложение. Выяснили за ужином, что у всех маловато одежды. Ходим, как елочки, и зимой, и летом. А ведь столько хорошего есть вокруг. Только поискать! Ты не будешь против, если завтра мы посетим торговый центр?

Я собираюсь выказать одобрение, но Олег торжественно поднимает ладонь, показывает, что главное он ещё не озвучил.

– Наберём одежды, полезного всякого и... Рванем на море! На секретный пляж! Костер, рыбалка, сон в палатках... Что скажешь? Все "за". Только тебя уговорить осталось.

– Уговорить? – я искренне удивляюсь, – если вы вдруг передумаете, я вас сам уговаривать начну.

В моей руке недоеденный кусочек, и я ищу взглядом кошку, спрашиваю ребят, где она.

– Вышла в сад, вместе с Варей, – рассказывает Олег, – поддержать решила, наверное. Расскажи ему, пожалуйста, – мужчина зачем-то касается Гришиной руки, – Илья должен знать эту историю.

Я пока ничего не понимаю, смотрю внимательно и парень, немного нехотя, начинает рассказ.

– Варя так делает иногда, – он говорит, глядя в стол, не поднимая глаз, – иногда сидит одна и слушает записи. Это их разговоры. В то время, когда все было хорошо.

Я собираюсь спросить, уточнить, что он имеет ввиду, но Олег прикладывает палец к губам, показывает, чтобы я подождал. Просто слушал.

Гриша ещё больше ссутулился. Видно, что рассказ даётся ему не легко.

– У Вари был жених. Когда ещё не началось. Первый раз, до этого она ни с кем не дружила из-за проблем своих... Из-за того, что не может говорить. В школе дразнили, она стеснялась, даже подруг никогда не было. Познакомилась с ним в интернете, и столько было счастья, столько веселья. Переписывались. Он хоть и русский, но жил в Японии. По работе туда переехал. Однажды он ей предложил созвониться, и Варя чуть не умерла от переживаний. Никогда не видел ее такой напуганной. Придумал сказать ему, что телефон не работает. Что, мол, динамик работает, а микрофон сломался. Что он ей может звонить, но она будет только слушать. Ответы писать сообщением. И началось... Каждый день по

несколько часов у них беседы. Думал, что пальцы сотрёт об экран! День и ночь! Особенно ночь! У них получилась традиция, говорить, пока она не уснёт. Варя лежит в наушниках, улыбается и слушает. А он рассказывает что-то, пока она отвечать не перестанет. Каждый раз какие-то сказки для неё придумывал, истории сочинял волшебные. Сестра говорила, что Витя однажды станет писателем, что я ещё услышу про него. Виктор. Так его звали.

Однажды позвонил и предложил Варе встретиться. Рассказал о чувствах, признался в любви. Вы бы видели ее в этот день... Больше счастья на земле не бывало. Оставалось только одно – признаться в своей немоте. Само собой, я говорил постоянно, что это ерунда, что не надо бояться. Что если любит – обязательно поймёт. Но Варя испугалась. Испугалась его потерять и начала придумывать поводы отложить встречу. Потом ему предложили работу. Переехать на остров в новый город. Представляете? Тот самый, что строил миллиардер... Уже забыл его фамилию... Он прошёл тесты и его пригласили. И все, встреча отложилась сама собой...

– Он что, ее бросил? – я представляю на секунду, как бедная девушка горько плачет, и самому на душе становится тошно.

– Нет, не бросил, – Гриша прервал трагичную сцену в моей голове, – просто просил подождать. Пока не разведает все на новом месте. Также звонил перед сном. Варя стала записывать их разговоры. Днём скучает, грустит, слушает записи.

Вечера ждёт, чтобы снова беседовать...

А потом в один день телефон отключили. И все закончилось. И любовь, и сказки на ночь, и Витя. Я через месяц разобрался со связью, соорудил спутниковый телефон, и мы ему позвонили...

Гриша внезапно охрип и закашлялся, выпил воды из стакана, продолжил.

– Мы звонили ему через месяц, но вызов не прошёл. Видимо, новый город погиб вслед за всем человечеством. До звонка сестра каждый день молилась, берегла надежду, потом перестала. Только плакала, что не успели увидеться. С тех пор вот так. Если становится очень больно – слушает старые разговоры и жжет свечу, чтобы осветить дорогу своему Вите...

– Куда дорогу? Сюда? – я не очень понял и потому уточняю.

– Туда! – Олег смотрит на меня укоризненно, – освещает ему путь там, где он сейчас.

Я отодвигаю занавеску и смотрю в сад. Тонкий силуэт в больших наушниках, худенькое лицо и пляшущий свет огня. Она держит в руке фотографию, а другой гладит кошку, свернувшуюся в клубок на коленях. Мне становится грустно, и я отворачиваюсь.

– Ваша свеча в окне? Она для него? Не для нас?

– Она для жизни, – Гриша, наконец, улыбается, – по-другому объяснить не могу!

Торговый центр совсем не такой, к каким мы привыкли. Без света, без музыки, без людского гомона.

Раньше торговцы были готовы на многое, чтобы переступая порог, мы испытывали ощущение праздника. Ведь в праздник гораздо проще сказать себе: "Сегодня я буду тратить деньги! Буду баловать себя".

Не сегодня...

Медленно, подпрыгивая от собственного шороха, готовые стрелять в любую секунду, мы продвигаемся вглубь здания. Вооружённые до зубов, с полными карманами патронов, готовы дать отпор любой опасности. Воистину, кто один раз обжегся, ещё долго будет дуть на все, что может быть горячим. Больше нет беспечности. Трезвый расчёт и безопасность.

Гриша угадал, что будет темно и сейчас достает припасенный фонарик, без которого сразу можно уйти, даже не пробовать.

– Слушайте, как-то слишком тут мрачно, – тихим голосом говорит Таня, – может, другое место попробуем? Поищем, чтобы крыша была прозрачная.

– Бесполезно, – Олег неловко поворачивается и задевает меня стволом. Хватает за руку, беззвучно извиняется, продолжает, – так вот, говорю, бесполезно. Я думал об этом. Даже если на центральной аллее, где крыша из стекла, будет светлее, то внутри магазинов все равно тьма египетская...

Смотрите лучше туда! – он указывает вперёд, – если я правильно рассмотрел логотип, впереди супермаркет "для загородного отдыха".

Оказывается, что мы давно идём мимо витрин этого магазина, просто он такой огромный, что впору вызывать такси.

Зашли.

Оказывается, что до этого момента, мы вообще не представляли, что такое "жутко".

Таня тихонько хнычет, Варя сжала губы и схватила брата за локоть. Гриша в полной темноте, похожий на локомотив поезда, разрезает единственной фарой ночную тьму, уверенно ведёт караван к самому сердцу пещеры сокровищ.

Когда идёшь по темным коридорам, думаешь только о том, чтобы поскорее вернуться на светлую улицу. Но оказавшись между стеллажами огромного супермаркета... Начинаешь сильно скучать по коридорам.

– Обычно, в таких магазинах есть отдел электротоваров, – говоря это, Григорий оборачивается и ослепляет весь отряд ярким лучом. Направляет его к потолку, ждёт, пока мы проморгаемся и потрём глаза, – думаю, нужно начать с него. Больше фонариков! Вот, что нужно для комфортного шопинга!

Робкие смешки немного снимают напряжение. Мне кажется хорошей эта идея.

Бесконечные ряды резиновых сапог и ботинок, портативные радио, маленькие телевизоры, грелки, чайники, ган-

тели... Наконец, Гриша останавливается где-то впереди, а вслед за ним по цепочке все остальные.

– Нашёл! – парень снова разворачивается с фонарем, и Олег перехватывает его руку, чтобы отвести луч от глаз. – Извините... Целая стойка осветительных приборов... Запасайтесь, пожалуйста. Скоро будет светло, как в полярный день.

Я отхожу на два шага в сторону и становлюсь в дозор. Прикрываю спины ребятам, пока они шуршат картоном, рвут упаковки и по очереди просят "подсветить"

Таня роняет на пол ружье, ругается, снова шуршит. Гриша ворчит, что нет батареек, хоть и должны быть, и тут вдруг становится светло... Сначала мне показалось, что включили верхний свет, но это не так. Варя разобралась с содержимым одной из коробок, и теперь у неё в руках мощный подвесной фонарь, наподобие тех, что мастера используют при ремонте машин. Его мягкий свет равномерно расстилается вокруг и согревает наши души. Словно колдун с волшебным посохом, Варя разгоняет мрак. Не хватает только плаща и серой шляпы с острым концом.

– Гномы копали слишком жадно, – говорю я пафосно.

Гриша повернулся на мой голос и смеётся.

– Разбудили древнее зло, – добавляет он.

– Бегите, глупцы, – Таня щёлкает выключатель на своём фонаре, и мир из зловещего и чёрного окончательно становится знакомым и понятным.

Раздобыв тележки, мы ставим в них фонари и, толкая перед собой, освещаем пространство. Мне попалась разбитая, ехать прямо не хочет, приходится задирать её перед и постоянно подруливать. Старая проблема всех магазинов досталась по наследству новому миру.

Многое из того, что есть в округе может нам пригодиться. Посоветавшись, мы берём две большие палатки, надувные матрасы и подушки к ним. Несколько легких раскладных кресел и раскладной стол. Таня советует обратить внимание на надувную мебель для кемпинга, и я выбрасываю раскладные кресла в пользу надувных. Так сэкономим немного места в машине. Шикарный разборной барбекю с кучей всяких палочек-хвatalочек отправляется в мою тележку под ободрительные возгласы соседей. Гриша сообщает, что взял несколько хороших раций, и я радуюсь про себя, что наши мысли сходятся. Прошу Олега, в тележке которого все ещё куча места, положить для меня бинокль, а он, заметив на прилавке настоящий телескоп, добавляет и его. Сейчас, когда искусственное освещение вымерло вместе с людьми, с помощью этого малыша можно увидеть много интересного на ночном небе.

Варя колотит по Гришиному плечу, лопочет что-то возбуждённо, указывает на один из стеллажей.

– Она спрашивает, можем ли мы взять парочку салютов, – парень наводит луч на вывеску "Отдел пиротехники", – в

детстве очень любили такое. Запустим? Что думаете?

Даже с нескольких метров, разделяющих нас, видно, как блестят у девушки глаза. Очевидно, что такое развлечение доставит ей неподдельную радость.

– Не понимаю, – улыбается Олег, – Варя, ты зачем вообще спрашиваешь разрешения? Хочется стрелять салютом? Кидай в тележку!

– Просто очень воспитанная у меня, – Гриша обнимает сестру за плечи, но она, фыркнув, сбрасывает руку, – и всегда стесняется, – добавляет парень, и мы дружно смеёмся, помогаем девушке выбрать из длинного ряда коробок самый лучший салют.

Закончив с магазином, мы оставляем полные тележки в коридоре. Заберём их на выходе. Переставляем фонари в пустые и катим дальше навстречу приключениям. В магазине бытовой техники Гриша забирает красивую белую коробку с ноутбуком, объясняет, что в старом немного хуже держит батарейка. Набирает каких-то компьютерных приблуд, приговаривает, что в хозяйстве пригодится. Варя задерживается в отделе музыкальных товаров, и мы терпеливо светим ей, дожидаясь, пока она выбирает портативную колонку и беспроводные наушники. Огромный аппарат, похожий на туземный барабан, виснет на тонкой шее, и довольная девушка показывает знаками, что все "окей"! Можно двигаться дальше. Таня забрасывает в телегу самый дорогой из имеющихся фо-

тоаппаратов. "Буду вас фотографировать!" – зачем-то объясняет она и, видимо, решив, что мы недостаточно хорошо поняли, жеста имитирует съёмку, показывает, как будет это делать.

Следующий отдел заинтересовал женщину ещё больше. "Всегда мечтала поиграть в приставку на большом телевизоре!" – Таня сгребает половину стенда с игровыми дисками, сверху кладёт коробку с игровой консолью. Затем, собирая удивлённые взгляды, закидывает гироскутер, сообщает, что будет кататься по двору. Или по кухне. От плиты до холодильника.

После посещения магазина постельных принадлежностей, в коридоре появилось ещё несколько заполненных тележек. Настроением прониклись все. Полные руки шикарных шелковых простыней, дорожные подушки из перьев фантастических птиц, лёгкие и тёплые одеяла, волшебные на ощупь халаты.

Все успели настрадаться.

Все соскучились по комфорту.

Хотя, зачем я обманываю? Чтобы соскучиться, нужно знать о чем речь, а никто из нас впредь такой роскоши не пробовал.

Следующая остановка – бутик нижнего белья. Целых двадцать минут мы стоим вздыхая, дожидаясь, пока женщины закончат своё сафари.

Затем Олег обращает внимание на мужской отдел, предла-

гает заглянуть в него на минуточку, и скука сменяется азартом. Новые трусы из приятной эластичной ткани, белые майки и комфортные носки, все эти вещи обязательно поднимут настроение когда придёт их время.

Переходя по светлomu, с большими окнами, переходу из одного корпуса в другой, мы натываемся на аптеку, и Олег, напомнив, что он врач, подробно расспрашивает каждого о хронических болезнях, склонностях ко всевозможным расстройствам и недугам. Набирает целый пакет таблеток, шприцев, коробочек и баночек. Гордо поднимет свою добычу над головой, заявляет, что теперь наша средняя продолжительность жизни существенно увеличивается. Мы смеёмся, а он добавляет, что лишь бы срок годности подольше не подвел.

Идею заглянуть в магазин с лаконичным названием "Часы и украшения" поддержали все. Уснувшие без внимания сокровища, оживают в лучах фонарей. Бриллиантовые кольца и серьжки. Циферблаты часов, горящие на свету не хуже драгоценных камней, все это странным образом возбуждает. Кажется бы, совершенно бесполезные предметы, а желание обладать ими совсем не угасает. Я вспомнил об одной забавной теории, согласно которой тяга к золоту и драгоценным камням заложена в человеке на генетическом уровне. Что сделали это инопланетяне ради того, чтобы мы все эти материалы усиленно добывали. Для них, разумеется. А они прилетят и все изымут, когда придёт время. Я улыбаюсь и, предупредив

друзей о том, что сейчас будет громко, бью прикладом по одной из витрин. Золотые ролексы приятной тяжестью ложатся на ладонь. Я кручу заводную головку, несколько раз встряхиваю корпус, и секундная стрелка оживает, начинает бежать по кругу. Массивный золотой браслет надежно защелкивается на запястье, и мне страшно подумать, сколько стоила эта вещица. Гораздо дороже, чем вес того золота из которого сделана. В разы дороже. У меня есть часы. Весьма неплохие IWC из обычной нержавеющей стали. Я храню их среди важных вещей, но никогда не ношу. Надевал только на встречи, но так и не привык носить постоянно. Гораздо удобнее смотреть время на экране телефона. К тому же, механические часы не очень точные. Даже самые продуманные модели вечно убегают вперёд или отстают на пару минут в месяц. И это считается нормой. Но как же, скажите, быть тем, кто оказался с такими часами на необитаемом острове? Через год другой, вместо времени, стрелки начнут показывать погоду, и толку от них будет очень мало. То ли дело электронные модели. Непромокаемые, точные, как лучший компьютер, с батареей, которая держит 20 лет...

– К моему новому трико! – Олег выдергивает меня из раздумий и суёт под нос руку с новенькими Вашерон Константин, – у главного врача в моей больнице были похожие! – объясняет он. – Мы, медики, любим хорошие часы. Только мне до таких пришлось бы работать до самой пенсии.

– Вот видишь, не пришлось, – подыгрываю я, и мы идём

к остальным, которые обосновались в другом углу зала.

– Я вот, что себе выбрал, – Гриша медленно вертит ладонь в свете фонарика. На одном из пальцев изящный перстень из белого золота с крупным зелёным камнем. – Печатка, из платины с изумрудом. Стоит, как все квартиры в подъезде, где мы живём. Хотел взять часы, но для них места не будет, – парень демонстрирует старые "Кассио" на резиновом ремешке, – отец подарил когда-то. У сестры такие же, только поменьше. Для меня они дороже всего магазина. Всех торговых центров всей планеты. Его глаза заблестели, а Варя, подойдя сбоку, обнимает брата и нежно целует в щеку.

– А я вот! – переводит внимание Таня. На её шее красуется тонкое ожерелье, – я теперь, как королева!

– Ваше величество, – Олег услужливо кланяется, – вы королева кулинарного мира. Об этом знает каждый, кто хоть раз отведал ваших замечательных оладушек!

С дружным смехом мы выходим в коридор и толкаем тележки дальше.

Олег сидит, устроившись прямо на полу. Гриша балуется фонариком, пробуя различные режимы подсветки. Уже тридцать минут мы караулим на входе в бутик женской обуви и сумок. Периодически, откуда-то из глубины, раздаются восторженные возгласы, больше похожие на заклинания.

"Биркин"!

"Миу миу"!

"Шанель"!

Очевидно, что нам придётся подождать ещё.

– Как же долго, – грустно говорит Гриша. – Даже если бы я был черепахой и жил 300 лет, все равно было бы жалко тратить время на такое.

Я сочувственно киваю, а Олег, придвигается поближе, чтобы его лучше было видно.

– А вы в курсе, что фактически черепаха не живет дольше? – спрашивает он, – она живет как бы медленнее. Есть такая штука, – Олег пощелкал пальцами, помогая себе вспомнить название, – критическая частота слияния мельканий! Не вспомню точных подробностей, но суть в том, что для различных живых существ она разная. У мухи, например, в четыре раза выше, чем у человека. Поэтому ее так трудно поймать. Мы для неё, как в замедленном кино. А у черепахи, наоборот, в четыре раза ниже. Где для нас четыре часа, для неё только час, понимаешь?

– Убедил, – соглашается Гриша, – когда женщина выбирает сумку, мы не долго ждём. Мы просто мелькаем по-разному...

Свершилось!

Кажется, им надоело.

Абсолютно счастливые Таня и Варя выходят. Каждая держит в руках целый ворох пакетов.

– А что?! Буду носить! – с вызовом произносит Таня, – в

огород... На драку с монстрами... Но в лабутенах! Я женщина, черт возьми...

Никто из нас не решается спорить.

– Ого! – Гриша машет рукой, приглашает сестру выйти на всеобщее обозрение. На голове у неё бриллиантовая диадема.

– Варя, тебя сороки в гнездо не утащат? С такой красотой на макушке.

Девушка улыбается и кокетливо поднимает брови, украшение ей к лицу. В нем она похожа на принцессу нового мира. Синие рваные джинсы, старая футболка и драгоценная корона в кудрявых волосах.

Всё!

Мы закончили.

Выкатив награбленное на улицу, с большим трудом рассовали по машинам. Некоторые вещи пришлось избавиться от упаковки, чтобы сэкономить место, иначе кому-то из нас пришлось бы бежать за машиной.

– Варенька предлагает, раз уж есть такая возможность, зайти воооон в то здание, – Гриша указывает на небольшой деревянный домик, – это, ребята, парикмахерская. Помните ещё, что значит это слово? Девушка помогает брату и с серьёзным лицом показывает пальцами ножницы, символически отстригает себе кудрявый локон. У неё такое грустное

и сосредоточенное лицо, что отказать не поднимается язык и мы, переехав поближе ко входу, заваливаемся всей компанией в просторную комнату.

Варя быстро берет дело в свои руки. Раскладывает ножницы и бритвы, вытаскивает, не пойми откуда, флаконы со специальными средствами.

Находит на одной из полок электрическую машинку для стрижки и радостно смеётся, когда слышит её зазорное жужжание. Батарейка ещё жива.

– Ммм... – девушка жестом указывает на кресло. Показывает один палец.

– Кто будет первым? – переводит брат.

Первой вызывается Таня.

– Мне с боков покороче, сзади покороче и челку подровнять, чтоб в глаза не лезла, – женщина рассматривает своё отражение в зеркале и добавляет, – пожалуйста!

Варвара заливисто смеётся, вытаскивает из рюкзака огромную портативную колонку и с помощью разноцветного шнура подключает ее к айфону. Через мгновение пространство наполняется ритмичной музыкой.

Боже! Как давно в моей жизни не было ничего подобного.

Девушка, пританцовывая, приближается к сидящей в кресле Татьяне. Щёлкает в воздухе ножницами.

Раз!

Первый кусочек волос строго под ритм отделяется от шелюры.

Раз!

Вслед за ним на пол летит ещё один и ещё.

Чувство непонятной радости наполняет меня, и я выпускаю в себя музыку. Начинаю топтать ногами, двигать в такт стволом ружья. Ко мне присоединяется смеющийся Олег. Начинается весёлое безумие...

Через час мы, мокрые от пота, раскрасневшиеся от смеха вываливаемся из парикмахерской.

Я теперь короткостриженный. Гриша тоже. Олег и женщины с аккуратными прическами. Садимся по машинам, продолжаем хихикать. Теперь уже точно поедем прямо домой.

– Как слышите меня? Приём!

Где-то в бардачке шипит рация. Не с первого раза разобравшись с новой игрушкой, я отвечаю:

– Слышу вас хорошо! Прием. Приём!

– Есть предложение не засиживаться сейчас дома. Следовать плану. Выпить чая и на море. Что скажете? Приём.

Я оглядываю своих спутников. Все выражают одобрение.

– Согласны, Гриша. Приём.

Таня выхватывает рацию из моих рук, тараторит:

– Скажи Вареньке, что я в восторге от своей стрижки! Спасибо! Приём!

– Она услышала. Увидимся в крепости... Приём.

В нескольких кварталах от дома я нажимаю на кнопку, и тонированное окно плавно уезжает вниз. Выставляю руку на

улицу, медленно кручу запястьем. Собираю солнечные блики. Золотой браслет моих новых часов блестит так ярко, что иногда приходится жмурить глаза.

Еще час назад меня это радовало. Теперь я чувствую только неприятную тяжесть. Снимаю часы и разжимаю пальцы. В новую жизнь хочется идти налегке...

Доверившись рассказам Олега про райское место с шикарным пляжем, два с половиной часа мы проводим в дороге.

Удобный съезд к самому морю, чистый, желтый песок и редкие каменные валуны размером с человека. Пожалуй, это место можно назвать идеальным. Наверняка раньше этот уголок забивали с зимы и дежурили, чтобы никто не занял. Теперь здесь никого.

Стащив в небольшую кучку прибитые к берегу за зиму пластиковые бутылки, мы принимаемся разгружать машины и обустривать лагерь. Стоять здесь будем несколько дней, благо вещей, чтобы обеспечить комфорт, хватит с головой.

Через десять минут коллективной работы на пляже красуются две чудесные палатки, просторные и яркие. Между палатками и морем организовали кострище, выложили кругом тяжелые морские камни и подтащили несколько крупных брёвен. Потом разберёмся, сидеть на них или сжигать.

Распаковали новенькие подстилки, чтобы не лежать на песке, припечатали их камушками, чтобы не улетели. Наду-

ли матрасы, выгрузили еду и питье. День выдался жаркий и потому, бутылки мы побросали в садок для рыбы, закинули его в воду – пусть остывают. Через пятнадцать минут лагерь полностью готов, и теперь пришла пора искупаться.

Я смотрю на море и размышляю, откуда у человека такая тяга к нему? Почему большинство людей мечтает быть рядом с ним? Видеть его, ощущать?

Интересно, эта любовь была всегда или родилась в современном мире? Может быть, это вообще навязанный стереотип, чтобы недвижимость стоила подороже. Завтра, когда дома у моря закончатся, нас научат любить реки и пруды. Почему нет?

Порция холодной воды окатывает меня с ног до головы. Лирическое настроение уходит, и с диким воплем я несусь в воду. Кричу радостно:

"Вот сволочи!" "Ну, ничего!" "Я вам это припомню!".

Далеко мы не заплываем. Во-первых, вода ещё холодная, а во-вторых, у самой кромки берега, прислонённые к серому камню, стоят наши ружья. Никакой больше беспечности! По крайней мере какое-то время.

– Ребята, смотрите! – Таня указывает куда-то в море и, приглядевшись, на стыке неба и воды, я вижу яхту. Длинная голая мачта без паруса и белые округлые бока. Странно, что мы не заметили её раньше.

Хотя, ничего странного. Она пряталась за каменным выступом на берегу и видна стала только, когда мы зашли в во-

ду.

– Я говорил! – Олег закашливается от попавшей в горло воды, – я говорил, что здесь рядом яхт-клуб. Наверное, она оттуда. Больше неоткуда.

На судне не видно людей, не видно вещей и утвари. Очень похоже, что оно пустое.

– Похоже, что она пустая, – словно прочитав мои мысли произносит Таня, – давайте надуем лодку и сплаваем на неё? Интересно до дрожи! Что скажете?

– Думаю, что сплаваем, – соглашается Олег, – только не всей компанией. Мы с Ильей поплывём, а вы нас тут подождёте, под Гришиной охраной. И так уже, сплошное нарушение техники безопасности. Ружья побросали. Дозор не выставили. Не дожить нам до старости, запомните мои слова!

Закончив надувать лодку, мы вооружаемся и даже берём, на всякий случай, бутылку воды и консервы. Усаживаемся прямо дно, резиновое, скользкое. Сидеть на нем мягко и прохладно.

Олег прикручивает вёсла к бортикам и автоматически получает должность гребца. Я обещаю сменить его на обратном пути, и мы, получив ускорение от подтолкнувшего нас Григория, выплываем.

С берега яхта казалась гораздо ближе. Мы плывем уже полчаса, а продвинулись не более, чем на половину.

– А ты понимаешь, что если сейчас ветер начнёт дуть от

суши в море, нас понесёт так быстро, что никакие вёсла не помогут? – Олег говорит медленно, чтобы не сбивать дыхание.

– Не понимаю, – честно признаюсь я, – но теперь задумался. Нас даже спасать будет некому. А ты почему об этом говоришь?

– Говорю потому, что мы быстрее начали плыть. Тревожно немного. Может в течение какое-то попали.

Я обращаю внимание, что за несколько минут, которые я провёл в задумчивом созерцании, мы очень существенно отделились от берега. Теперь тревожно и мне.

– Может, ну ее, эту яхту? Гребите к берегу?

Но Олег и сам уже работал только одним веслом, разворачивал лодку в обратную сторону.

Через две минуты становится понятно, что и к берегу мы не приближаемся. Более того, несмотря на прибавленные усилия, нас уносит в море.

– Теперь только один вариант, – голос у Олега хриплый от волнения, – подгребаем изо всех сил в сторону. Немного везения, и течение само выбросит нас на яхту. Давай-ка смени меня!

Олег бросает вёсла и медленно, враскорячку, чтобы не упасть, ползёт на мое место.

– Не вздумай вставать на дно всем весом! – командует он. – Порвёшь днище, и тогда все, приплыли.

Я встаю на колени и стараюсь максимально распределять

вес, не давить на одну точку.

Мы поменялись.

– Фух, руки устали! Прямо гудят! – Олег растирает плечи и садится повыше, чтобы смотреть поверх моей головы. – Я буду указывать направление, а ты подруливай. И навались! А то проскочим мимо яхты и в открытое море! Всего самого доброго. До свидания.

Я гребу, что есть мочи, и через несколько минут стараний Олег подбадривает меня.

– Хорошо идём! Правильно. Ещё чуток, и можно сбавить темп. Течение все сделает за нас.

Тревога не уходит, но это и хорошо. Страх – лучший источник силы.

– Приготовься! – Олег переходит на крик, – давай! Пошёл! Полное ускорение!

Я наваливаюсь на вёсла всем телом, гребу сильно и четко. Делаю, что могу.

Удар!

Мягкий резиновый нос с силой врезается в твёрдый деревянный борт. Олег, выгнувшись по-кошачьи, отталкивается от баллона ногами и, зацепившись руками за трос на боку судна, повисает над водой, образуя мостик.

Успокаивает сам себя: "Без паники! Аккураааатно! Подтяяаяягиваем лооодочку..."

Лодка приближается к борту, я бросаю вёсла и следую примеру товарища.

Все!

Цель достигнута!

Нет теперь на море такой силы, которая смогла бы нас от яхты оторвать.

Вылезаем на палубу и вытягиваем за собой резинку. Привязываем её к канату, на всякий случай и, достав со дна ружья, выходим на разведку.

Яхта небольшая, метров девять в длину. На палубе чисто, нет никаких вещей, паруса аккуратно прибраны и запакованы. Иллюминаторы и люки закрыты, так же, как и единственная дверь, через которую можно попасть в каюту.

– Слушай, Олег, ну, вот приплыли мы, а дальше что? Как обратно мысли есть?

– Пока нет. Но мы теперь в относительной безопасности. Если все плохо, сможем продержаться пару дней. А за это время ребята придумают, как нас вытащить. В хорошем случае я подгоню посудину ближе к берегу. Но для этого мне нужно пробраться внутрь. Зажми уши. Выстрелю в замок...

Бах!

Вместо ручки теперь дырка диаметром 20 сантиметров. Белая дверь с деревянными кишками посередине, гостеприимно распахнута.

До того, как моя нога ступила на верхнюю ступеньку, первым внутри побывал ствол ружья.

Пусто.

Внутри очень чисто и никого. Прибрано, застелено, упа-

ковано по полочкам.

Олег говорит, что, скорее всего, хозяева покинули судно на наш манер, с помощью надувной лодки. Само собой, они рассчитывали вскоре вернуться, иначе не бросали бы такую дорогую игрушку в море.

Но что-то у них не срослось.

В шкафах мы находим мужские и женские вещи, приличный запас консервированных продуктов, книги и тетради для судовых заметок.

Перерыв все, мы, наконец, обращаем внимание на стены. На самом видном месте, рядом с большим, круглым иллюминатором, висят ключи.

Повезло!

На таком месте могли бы и не отыскать, ведь самое очевидное зачастую и самое недоступное.

С помощью звенящей связки нам удаётся отпереть моторный отсек и не с первой попытки, но все-таки завести дизельный двигатель.

– Курс на мель! – радостно командует Олег.

– Нет! – кричу я, – стоп машина! А как же якорь, капитан? Давайте сначала поднимем его...

Мы изучаем подъёмное устройство. Олег крутит ручку и разбухший от воды трос наматывается на блестящий никелированный барабан. Якорь успел обрасти ракушкой и, поднимаясь, зацепил со дна пучок зелёных водорослей. Глядя на него, я думаю о старых мореходах, весёлых пиратах и сун-

дуке с сокровищами.

Шум запустившегося двигателя выводит меня из дрёмы. Яхта, выпустив струйку чёрного дыма из застоявшихся труб, начинает плыть.

Мы учимся рулить, держим курс к месту, от которого отплывали. Уже отчетливо видно, как наши друзья прыгают на берегу, машут руками.

– Жаль, что нет алого паруса, – шутит Олег.

– Или пиратского флага, – подыгрываю я.

Чтобы не сажать судно на мель, мы выключаем двигатель, дожидаемся замедления хода и бросаем якорь. Дальше доберёмся на лодке.

– Хоть бы погудели в какой-нибудь гудок! Мы так вас встречали, – картинно обижается Таня.

Она хватает верёвку и помогает причалить, подтаскивает лодку на песок. Мы рассказываем, как нас тянуло в море, все охают и ахают. Гриша говорит, что это, на самом деле, было ожидаемо, и тут же получает от сестры подзатыльник. Ненатурально морщит лицо от боли и обещает больше не умничать. Таня спрашивает, можно ли сплавить на яхту сейчас, когда она так близко и Олег, на правах опытного морехода, соглашается свозить всю компанию на экскурсию. Помахав отплывающим, я заползаю в палатку. Ранний подъем, три часа дороги и отчаянные упражнения с вёслами дают о себе знать. Я зеваю и заваливаюсь на надувной матрас. Слушаю

легкий плеск морской воды. Где-то далеко кричат ненасытные чайки. Мне хорошо и спокойно. Я засыпаю.

Навязчивое жужжание мягко будит меня. Оно аккуратно проходит в сон и начинает толкаться, стараясь пролезть поглубже. Ленивый покой нарушен, сладкая дрёма покидает голову, и я отодвигаю ткань палатки, закрываясь ладонью от солнца, всматриваюсь в море.

На полной скорости, вздымая вверх гроздья соленой пены, к берегу мчится белый катер.

За рулём Олег, рядом, ухватив его под локоть, стоит Татьяна. Домчав до самого берега, судно залихватски разворачивается на 180 градусов, Олег кричит:

"Скорее на борт! Прокатимся. Я что-то покажу!"

Катер несётся так, что приходится держаться за сидения. Кажется, что ветер сейчас выбросит в воду, а из-за шума мотора никто даже и не заметит. Дурацкая улыбка не сходит с моего лица. Похожим образом я выглядел, когда в первый раз сел за руль мотоцикла. Оглядев товарищей, замечаю, что все улыбаются примерно также.

Мы летим в ста метрах от суши, и я чувствую приятный холодок, представляя подводный камень, на котором мы подскочим, словно лыжник на трамплине и перелетим по воздуху через море, прямо в жаркую Турцию.

Впереди можно рассмотреть прибрежную базу в малень-

кой бухте. Под защитой бетонных волнорезов множество яхт и катеров стоят бочком друг к другу. Видимо, так и должен выглядеть морской клуб, ни в одном из которых я пока не бывал.

– Был здесь несколько раз! – старается перекричать шум двух мощных двигателей наш рулевой, – у меня у товарища тут свой катер. Потом он его продал. Были нужны деньги, – Олег красноречиво пожал плечами, мол, всякое случается. – Мы, кстати, на его бывшем катере и едем. Он называется "Белууугаа"!

На слове "белуга" новоиспеченный капитан опускает рычаг газа до упора, и катер, издав по-настоящему животное рычание, становится на дыбы. Нас вжимает в кресла, и я наблюдаю, как сильно побледнели все пассажиры.

Олег, видимо, чувствует, что перегнул палку и заметно сбавляет скорость. Путешествие вновь становится приятным.

Через несколько минут мы уже гуляем по пристани. К моему большому удивлению, оказывается, что яхт-клуб – это очень скучно.

Небольшое здание ресторана, гостиная с белыми диванами, туалет, административное здание, вот, собственно, и все, что можно отыскать в этом учреждении. Конечно, помимо самих яхт и катеров. Некоторые из них очень красивые, но абсолютно все оказались заперты, а выламывать двери, разрушая красоту, без необходимости не хочется. Также, как и

искать ключи.

– Можно завтра сюда опять приехать, – Олег по-хозяйски шарит за барной стойкой. – О, коньяк! – он вынимает из шкафчика две бутылки Хеннесси, – предлагаю сегодня вечером отметить! Пару бокалов за наше коллективное вступление в этот клуб.

– Только давайте, пожалуйста, не будем напиваться, – Таня решительно забрала из рук Олега одну из бутылок и поставила обратно в шкаф, – целой бутылки нам вполне себе хватит. Чтобы культурно отметить. Мужчина не стал спорить.

Варя отыскала где-то коробку полную фисташек, очистила парочку, картинно пережевала, всячески показывая, как ей вкусно и подняла вверх большой палец. Все набрали орешков по карманам, проголодались.

– Ну что? Как вам клубная жизнь? – Олег поднял со столика оставленную кем-то капитанскую фуражку и водрузил на голову.

– Чудесная! – отвечает Гриша, – но вспоминается анекдот. Типа, угадайте два самых счастливых дня в жизни любого владельца яхты? Первый – это день ее покупки, а второй – это день, когда удалось ее продать. Яхта хороша, когда она чужая. Покатался и домой.

– Да уж, – соглашается Олег, – это как с камином. Пока жил в квартире, всегда о нем мечтал. Представлял, как буду сидеть возле огня, читать книгу. Какао пить. Но вот постро-

или родители дом и в нем камин за кучу денег. Зажгли его на Рождество и на Новый год. Всё!

Оказалось, что неудобно. Пока горит – жарко. Потушишь – холодно. Горелым пахнет, все вещи провонялись. Дрова быстро прогорают, нужно постоянно подкладывать. Куча дел.

Батареи и свечи! Вот выбор современного человека. Жизненный опыт рождает тягу к комфорту!

Мы усаживаемся в катер. Перед тем, как наш капитан снова завёл двигатель, Таня подходит к нему и проникновенным голосом сообщает, что если он снова намерен так гнать, она с этого дня, всегда будет пересаливать ему еду.

До базы мы доезжаем без эксцессов.

Когда все, кроме Олега, оставшегося за штурвалом, выбирают на берег, он отгоняет катер на глубину и, заглушив двигатель, спрыгивает рыбкой в воду. Доплывает до берега, выливает соленую воду из фуражки и, приняв торжественную позу, кричит в сторону моря:

"Спасибо тебе за все, верный друг! Ты подарил мне множество добрых моментов. Мы с тобой уже прощались один раз, во время продажи, но видишь, как в жизни бывает".

Отложив суету, мы с интересом слушаем. Пытаемся понять, к чему это представление.

"Плыви, мой друг! Теперь ты свободен. Найди себе хорошенькую катериху. Постройте вместе уютный причал в жи-

вописной бухте. Прощай!"

Олег прикрывает глаза ладонью, а сам глядит украдкой на нас, смотрим ли.

– Это все к чему? – сдерживая смех, спрашивает Таня.

– Да у него дизель кончился, – будничным тоном отвечает мужчина. – Кому он теперь нужен, заморачиваться.

Немного перекусив чипсами и орешками, мы решили рыбачить. Ужинать консервами никому не хочется. Я проникновенно описываю, как вкусно можно приготовить свежую морскую рыбку на костре, и все переполняются мотивацией. Даже Варя выискивает себе удочку и жестами просит умелую в делах рыбалки Таню, помочь прицепить снасти.

Снова тишина и плеск воды.

Все погрузились в процесс... Разбрелись по берегу в поисках рыбного места.

Кто-то следит за поклёвкой, кто-то вращает катушку спиннинга. Каждый думает о своём.

Мне показалось, что дёрнулся поплавок.

Белый пузатый бочонок с длинной красной мачтой. Он наклоняется в такт волнам и вдруг резко уходит в воду.

Клюёт!

Я быстро дергаю вверх удилище и с восторгом кричу "Ура!". Рыба совсем не крупная, с ладошку размером, но она первая. И она словно передаёт всем сообщение от моря, что если постараемся – будем с уловом.

Я насаживаю искусственного морского червячка, красного и упругого, и забрасываю удочку целясь в это же место – всем известно, что рыба зачастую приходит с компанией.

– Ребята, – кричит откуда-то сбоку Таня, – у меня не клюёт. Я на яхте пару удочек забросила, поплыву проверю, как там дела.

– Такая прямо вся рыбачка, – раздаётся ворчливый шёпот Олега, – а кричишь! Рыбу распугиваешь. Плыви себе тихонечко!

– Тань, подожди, – встрепенулся Гриша, – с тобой поплыву.

Я смотрю то на поплавок, который больше не желает нырять, то на уплывающую лодку. Солнце отражается в каждом всплеске. Лето наступило во всей своей красе.

По прошествии получаса я так и не поймал ни одной дополнительной рыбки.

Откладываю удочку, укрепляю ее камнем потяжелее и спускаю ноги в воду. Прохладно, щекотно, хорошо...

– Тащи! Тащи! Выводи к борту! – Танины крики заставляют всех обратить внимание на яхту. – Сейчас сорвётся!! Просто огромная!

Гриша суетится на палубе, бегает, очевидно не понимая, как можно помочь. Наконец, кричит, что придумал, хватается что-то чёрное, и вдруг раздаётся выстрел.

Один, второй, третий.

– Попал!! Попал! – голос женщины надорвался и перешёл

на визг. Таня прыгает в воду, за ней, не теряя времени, прыгает Гриша. Оба кричат, поднимают кучу брызг. Наконец, парень вытаскивает из воды что-то действительно крупное. Держит двумя руками, пытается забросить на палубу. Рыба подпрыгивает и, лихо закрутив хвостом, вырывается. Все повторяется заново.

Через минуту добыча поймана окончательно.

Гриша тут же забрасывает её в лодку, прыгает вслед за ней, и вот уже мы всей компанией любуемся на огромную, килограммов на 8-9 севрюгу.

Олег говорит, что это невозможно, выловить здесь настоящую севрюгу. Что, скорее всего, это просто сбой в матрице, и сейчас рыба рассыпется на квадратики, нули и единицы, но этого не происходит, и тогда мужчина предполагает, что это из-за того, что люди исчезли. Что браконьеры больше не промышляют.

В море возрождается рыба.

Природа побеждает. Возвращает потерянное.

После такого улова продолжать рыбалку нет никакого смысла. Если бы был холодильник, ещё можно подумать, а так, просто жалко. Все, что не съедим за вечер, утром испортится.

Достав из машины новенький, острый, как бритва нож, Олег на правах знакомого с таким видом рыбы человека приступает к разделке. Срезает плотные костяные пластинки, выбрасывает их в море. Когда рука становится слишком

скользкой от слизи, долго полощет её в соленой воде, затем продолжает.

Мы тоже не теряем времени. Гриша с женщинами отправился собирать по берегу дрова, а я достаю из сумок утварь для готовки. Приготовил чашки, вилки, пластмассовые тарелки. Ополоснул это все от пыли и разложил на пледе возле будущего костра. Подтаскиваю поближе брёвна, разворачиваю так, чтобы удобнее было сидеть, в общем, занимаюсь обустройством уюта. Увидев, что Олег уже закончил с чешуей и приступает к потрошению, я приношу ему большую разделочную доску, захваченную накануне в магазине и несколько глубоких мисок. Через пять минут разделанная на ровные стейки, немного прислонённая рыба готова к жарке.

Ребята вернулись с дровами. Охапки веток и палок, вынесенных морем на песок, уже отлично высохли на солнце, и стоило только выложить их в кострище и поднести спичку, как тут же получился замечательный походный костёр. Мы решаем экономить дрова и закидываем в огонь мешок угля в брикетах. Когда он разгорится, можно начинать готовить.

Вся наша маленькая компания расселась вокруг огня. Ветра практически нет, и дым плотным белым потоком уходит в небо. Запах костра, треск горящих поленьев и тонущее в море красное закатное солнце. Несколько минут никто не произносит ни слова. Мы слушаем и смотрим.

– Тааак, – вдруг нарушает молчание Олег, – может, настало время пустить по кругу бутылочку? Он поднимает в

руке коньяк и, сорвав с него пробку, наливает себе в чашку несколько капель, – попробуем! – Медленно, не торопясь принохивается, выливает в рот и держит немного на языке. Глотает. – Вкуснятина! Кто следующий?

Руки поднимают все, и мужчина идёт по кругу, начисляет каждому по 50 грамм.

– Ну! За отдых на море!

– За новых, друзей!

– За то, чтобы все у нас было хорошо...

Коньяк обжигает язык, и сладким теплом проваливается вглубь. Моментально становится спокойнее и веселее. Одновременно чувствуется прилив сил и расслабление...

И голод!

– Так! Все! – говорю я, – ставлю рыбку на угли. Кому сколько кусков?

– Нужно пожарить всю, что есть, – говорит Таня, – иначе и до утра не дотянет на такой жаре.

Гриша подходит к миске с шампуром и помогает насаживать:

– Я очень голодный. До утра тут ничего не останется.

Не слишком приятный запах сырой рыбы моментально становится чудесным ароматом жареной, стоит только очередному кусочку окунуться в жар костра. Рыба жирная, куски нагреваются, и сок капает на угли. Сгорает и поднимается белым дымом, запах которого заставляет живот сжиматься. Я протыкаю один из кусочков ножом, мясо легко отстаёт от

косточки.

Готово!

Поднимаю первый шампур и с помощью ножа снимаю сочные, шкварчащие куски в тарелки друзьям.

Раздаётся одобрителное мычание и причмокивание. Мы ужинаем.

Жар от углей просто замечательный. Жаль, если прогорит. Я ставлю миску со своей порцией в сторону и начинаю нанизывать новую партию.

Есть последним – вечный удел главного по готовке.

Новая партия шипит и румянится. Я приступаю к еде...

Все наелись и теперь лениво жуют, запивая газировкой, любуются светом исходящим от углей. Олег поднимает бутылку и, собрав порцию одобрителных кивков, проходит от одного к другому, пока коньяк не заканчивается.

– Предлагаю выпить за нашего шашлычника! – говорит он и направляет чашку в мою сторону.

– Предлагаю выпить за наших добытчиков, – парирую я и навожу чашку то на Таню, то на Гришу. – Гриша – хороший стрелок! Три выстрела в рыбину, а лично мне не подалось на зуб ни одной дробины.

Мы дружно смеёмся и выпиваем.

– Блин, – неожиданно громко произносит Таня и неловко бьет себя по лбу, – я такая дура! Зачем запретила брать вторую бутылку?! Так хорошо пошло...

– Оп! – Олег жестом фокусника, достающего из шляпы цветов, поднимает из-за бревна новую, непечатую бутылку.

Громкий хохот снова накрывает нашу полянку.

Всех расслабило и потянуло на разговоры.

Сначала мы обсудили, как нам повезло встретиться и что неплохо было бы отыскать ещё кого-нибудь. Потом вывели дополнение, что новые люди нужны только при условии, что они будут "вот прям вообще хорошими и душевными".

Сходив в машину, Таня принесла баночку сгущенного молока, пачку молока пастеризованного и заявила, что хочет, раз уж мы пьем хороший коньяк, удивить нас вкуснейшим коктейлем, но вот только забыла точные пропорции. То ли один к трём, то ли два к шести. Все снова засмеялись, а Гриша сказал "сейчас посмотрим" и полез зачем-то в рюкзак.

Я смотрю на показавшийся над морем месяц. Он большой и четкий – скоро станет полной луной. А ещё просто замечательно видно звезды. Сегодня на небе ни тучки, искусственного света нет не просто в радиусе скольких-то километров, а вообще больше нет на земле.

Наверное, так хорошо было видно звезды только во времена динозавров. Млечный Путь такой очевидный. Не размытый, как раньше, а действительно похожий на рассыпанную по чёрному столу мелкую крупу. Господь бросил жменьку, а мы теперь любимся.

Звёзд на небе столько, что не верится. Я не узнаю это небо!

Получается, что избавившись от людей, Земля раскрыла свою красоту по-новому. Очень красиво, Земля! Продолжай удивлять.

Варя, проследив направление моего взгляда, показывает большой палец. Проводит ладошкой широкую дугу над головой и собирает пальцами знак сердечка. Ей тоже нравится небо. Драгоценная диадема в её волосах блестит при свете огня. Бриллианты переливаются разными цветами, играют ярче полярной звезды.

Красота!

Я замечаю на футболке у девушки интересный значок – золотая ладонь в металлическом круге. Собираюсь спросить, что это значит, но Гриша перебивает меня:

– Нашёл! – говорит он деловым тоном, – 100 грамм молока, две столовых ложки сгущенки, 40 грамм коньяка!

– О! Спасибо, дорогой, – Таня приветственным жестом подняла пустую чашку. Её голос немного ведет от выпитого. – А это у тебя там что? Справочник рецептов?

– Да, нет! – Гришино лицо озарено синим светом работающего монитора, – в интернете посмотрел.

Первым переварить услышанное смог Олег:

– Где, прости, посмотрел?

– В интернете, – будничным тоном повторил парень, не отрывая головы от экрана. – Там же, где смотрел, как управляться с бензовозом, чтобы слить дизель в котельную. Ты

думал, я сам такое знаю?

– Да я как-то не думал, получается, – Олег встаёт и подходит к товарищу, – покажи, ты нас не разыгрываешь?

Мы с Таней тоже встаём с брёвен и подходим поближе. Только Варя остаётся сидеть на месте с отрешенным выражением лица.

– Ребята, тут нет ничего интересного, – Гриша разворачивает ноутбук так, чтобы всем было видно, – Интернет совершенно не такой, каким был раньше. Он теперь... Ммм... Что-то типа нашей компании. По сравнению со всем человечеством. Очень мало всего осталось... И искать долго.

Следующие несколько минут мы наперебой задаём вопросы и получаем ответы.

Узнаем, что почти сразу, как перестал работать домашний провайдер, Гриша начал искать возможность подключиться к спутниковому. Собрал нужное устройство, вышел на связь и обнаружил, что все основные сайты, к которым привыкло человечество, отключились.

Тогда он написал простую программу, которая круглосуточно искала и запоминала все работающие страницы. Это тоже оказалось пустой работой. Сегодня программа вылавливала сотни тысяч живых сайтов, а через два дня, пробежавшись по ним заново, выдавала ноль.

Интернет погибал, а самые живучие странички тянули свои последние часы. В общем, через пару недель остался только один работающий сайт. Поисковик из малоизвест-

ных. Довольно популярный в своё время, но выброшенный на обочину пришедшими на рынок гигантами. По какой-то причине он не отключился и через месяц, и через два месяца, и через полгода.

Гриша перестал заходить в сеть. В ней просто нечего больше было ловить. Какой смысл в единственном поисковике, которому нечего больше искать?

Но однажды, от нечего делать, он все-таки вбил запрос и получил на него ответы. Правда, не в виде ссылок на сторонние сайты, а внутри самой системы. Оказалось, что там можно найти практически любую информацию. Она выдавалась в виде скриншотов страниц или даже видео, пусть и в очень низком разрешении. Получается, что кто-то сделал, Гриша долго не мог подобрать подходящее слово, и ему помогла Таня: "Резервную копию интернета, да?".

"Очень примерно, но, пожалуй, можно сказать и так!" – обрадовался рассказчик.

– В общем, – подвёл он итог, – Интернета больше не существует. Но есть его отражение. По крайней мере, той его части, которая несла хоть какую-то смысловую нагрузку.

Это как рулетка! Когда Таня спросила про свой коктейль, я совсем не был уверен, что такая информация сохранилась. Но она есть!

Видимо, хранитель этого поисковика посчитал когда-то, что коктейли – это достойный сохранения человеческий опыт.

Несколько секунд уходит на осмысление услышанного, и на Гришу снова сыпятся вопросы.

Олег спрашивает про медицину, Таня про кулинарию, я про технику и географию.

Гриша печатает запросы и показывает ответы.

Каждый раз, когда ответ находится, мы радостно кричим. В тех же нечастых случаях, когда ответа нет, просто молчим и задаем следующий вопрос. Например, компьютер выдаёт: "нет данных по вашему запросу", когда Таня просит инструкцию по применению крема, который накануне утащила в торговом центре. А я получаю отказ по запросу "местонахождение правительственных укрытий".

Зато на вопрос "Как построить дом?" находится больше двадцати тысяч вариантов ответа.

Вдоволь наигравшись и наудивлявшись, мы возвращаемся на свои места, а у Олега созревает актуальнейший тост: "за сохранённую информацию!"

Вторая бутылка уменьшилась наполовину, но спать по-прежнему не хочется.

– У кого-нибудь есть лист бумаги? – спрашивает Гриша.

Все вяло оглядываются вокруг, но откуда взяться бумаге в песке на пляже.

– Не надо искать! – успокаивает он, – и так объясню. Слышали когда-нибудь, что лист формата А4 невозможно сложить руками больше, чем в 7 раз?

Не найдя отклика, парень оживляется и продолжает:

– Да нет. Это, правда, интересно. Если сложить лист 23 раза, то его толщина будет уже с километр! А если 30 раз, то вы уже в космосе. Представляете?

– Ты же сказал, что нельзя, – неуверенно, чуть-чуть пьяным голосом возражает Таня.

– Что нельзя?

– Ну, лист твой сложить нельзя! Ты сказал семь раз. А тут уже 30.

– Я сказал, что руками нельзя. А мы гипотетически. Чем угодно уже складываем. Понятно?

Таня кивает и смотрит в костёр.

– Так вот... – продолжает Гриша, – сложим лист в 30 раз, и мы уже в космосе. Все! Улетели! А если 42 – то можно забраться на Луну. Но нам все мало. Мы продолжаем складывать и на 51 разе добираемся до Солнца. Свернём этот же самый, простейший листик 103 раза и окажемся за пределами наблюдаемой Вселенной. Офигеть можно, да? Каждый раз, когда об этом думаю – удивляюсь. Но суть не в этом...

Ребята! – Гриша закрывает, наконец, слепящую крышку компьютера, чтобы увидеть наши лица в темноте, – есть ещё один, так сказать, живой момент в интернете.

Рассказываю сразу, чтобы потом не обвиняли, что скрывал!

Все снова поворачивают головы в его сторону. Пламя костра между нами, и чёрная темнота за границами круга со-

здают особую атмосферу.

– Я переписываюсь в интернете с одним интересным человеком!..

– Кто-то выживший из другой страны? С соседнего континента? – предполагает Олег, на что Гриша неопределённо качает головой.

– И да, и нет. Этот человек американец. Он работает в НАСА, – Парень делает паузу, чтобы все успели подготовиться и продолжает.

– Этот человек работает в НАСА оператором космической станции... Иными словами, он работает космонавтом...

И он прямо сейчас на орбите Земли! Насладившись тишиной, которую вызвали его слова, Гриша продолжает. – На самом деле, мы общаемся уже давно. Я фолловил его в соцсетях ещё до того, как все произошло. Задавал вопросы, а он отвечал. Не так уж много людей сейчас интересуется космосом. Поэтому я как-то не затерялся в массе. Он меня запомнил и однажды пригласил общаться в специальный мессенджер, чтобы всегда быть на связи. Он уже почти два года летает.

Олег нервно трёт лоб и встаёт на ноги.

– Не понимаю, если честно. А как он собирается возвращаться на землю?

– Это грустная история, – отвечает Гриша, – на Землю вернуться он не может...

Когда все началось, Центр Управления Полетами просто

перестал выходить на связь. Всем стало не до него. С тех пор он летает там один, и его единственный друг и собеседник это я...

Кстати, я ему рассказал про вас всех! Рассказал, как мы сейчас проводим время.

Он просит передать привет и говорит, что больше всего на свете хотел бы оказаться сейчас с нами...

Таня издаёт хлюпающий звук, кашляет и, наконец, захочется плачем:

– А что? – спрашивает она, – почему он не может прилететь обратно?

– Думаю, это связано с тем, что его полет необходимо корректировать с Земли, – хриплым голосом говорит Олег и подходит к компьютеру.

– Напиши ему, что мы от всей души желаем удачи! Напиши, чтобы не сдавался! Чтоб не сидел сложа руки и придумывал, как можно себя спасти, – он откашливается в кулак и добавляет, – скажи, что это ему говорю я – его новый друг! Слова мужчина произносит нечётко, коньяк есть коньяк, но чувствуется, что все это от сердца.

– Написал, – с улыбкой отвечает Гриша, – обычно он очень быстро отвечает. О! Уже печатает...

"Рад знакомству. Я, Том из Колорадо. Как вас зовут? Буду пролетать над вами через 2 часа 24 минуты (плюс минус 3 минуты), могу попробовать сделать манёвр, чтобы отразить корпусом солнце. Может быть будет видно. Делать?"

Теперь уже все вскакивают на ноги. Возбуждение, в которое нас привело это сообщение, трудно описать словами.

– Гриша! Пиши! – Олег встаёт у него за спиной и начинает диктовать:

"Май нейм из Олег. Ниа виз ми Таня, Илья и Варя! Ждём вспышку на небе через 2 часа! 23 минуты. Очень ждём, Том", – Олег обводит нас взглядом, его глаза влажно блестят из-под очков. – Мы же ждём, да? Гриша, ты там переведи, что надо...

Давайте, ребята. Подставляйте кружки!

Последняя бутылка разошлась по стаканам. Мы встали кругом возле огня и соединили чашки.

– У меня есть тост! – говорит Таня. Она все ещё плачет и потому, Олег, который сам собирался что-то сказать, уступает ей. Показывает рукой, чтобы продолжала.

– Я хочу выпить за тех... – женщина запинается, слёзы сдавили ей горло, – за тех, кого с нами нет. Тех, кто погиб. Мы их никогда. Понимаете?! НИКОГДА больше не увидим... Боже мой! – женщина некрасиво морщит лицо, – я так скучаю по маме! Никого нет ближе её. А она умерла!.. Мамочка моя, – Таня поднимает голову к небу, – я знаю, что ты сейчас смотришь на нас. Чувствую это. Ты теперь звёздочка наверху! Грешь меня! Стараешься дотянуться теплом... Я все это чувствую.

Давайте выпьем за тех, кого мы очень любим. Будем жить,

чтоб они не переживали.

Кружки бряцают соединившись, и по очереди раздаются голоса:

– Мамочка, за тебя!

– За тебя, Папа! За тебя, Мама!

– Мама... Бабулечка... Деда... за вас! Спасибо за все! Еще обязательно увидимся.

Купаться!

Мы бежим купаться в ночное море... Вода очень тёплая несмотря на то, что стало прохладнее.

Наверняка могло бы быть страшно, если бы не алкоголь. Мозг воображает акулу, подплывающую в темной воде, но сам себя успокаивает. Говорит, что мы ей дадим в нос ногой, и она уплывет. Вот уж, правда, пьяному море по колено.

Олег начинает подбивать всех кататься на катере. Кричит, что нужно уехать подальше от берега. Что там будет лучше видно космический корабль.

Мы напоминаем ему, что в баке не осталось топлива, и он ворчит, что "вечно все кончается на самом интересном месте".

Вдоволь наплескавшись, мы практически приходим в себя. Хороший коньяк быстро усваивается организмом. Таня приглашает пойти обратно к костру – греться и пить кофе. Изрядно озябшие, мы с удовольствием соглашаемся и через пару минут уже сидим на брёвнах, укутавшись в пледы.

Молча глядим на чайник.

Я смотрю, как пламя щупает его блестящее дно, заглядывает, словно хочет посмотреть на своё отражение. А чайник и не против, сейчас он звезда всеобщего внимания.

– Как считаете, почему все так произошло? – я первым нарушаю молчание, и взгляды ребят по очереди обретают осмысленность. Все возвращаются из своих размышлений. – Как так вышло, – уточняю я, – что даже в космос наши корабли летали, а сейчас не осталось ни хрена?

Повисла недолгая пауза.

– Может быть, Бог наказал нас за грехи? – робко предполагает Таня. – А вы что думаете?

– Я думаю, что вряд ли, – отвечает Олег. – Ну, не сможет любящий отец убить своих детей. Даже за очень плохое поведение. Земные отцы, мягко говоря, не самые качественные, такого не сделают, а тут отец небесный, – Олег поднял руки кверху. – Каждый папа всегда жалеет своего ребёнка. Верит материнским сердцем, что все наладится. Пройдёт само собой.

– Тогда, значит, Дьявол! – продолжает предлагать Таня, но Олег снова с ней не согласен. Он улыбается и поднимает указательный палец:

– Если отнестись к твоей теории серьезно... Игнорировать то, чего добилась наука за всю историю и представить, что дьявол существует, то почему он не уничтожил людей

раньше? Зачем терпел столько времени?

Получается, что ему это не под силу. Может быть, Бог не разрешает. Как раз потому, что любит нас.

Кажется, Варя хочет подключиться к беседе.

Она стукнула брата по плечу и быстро плетёт тонкими пальцами затейливые фигуры.

– Варя говорит, – медленно переводит Гриша, – что нас уничтожила Природа. Сама планета. Разочаровалась и просто стряхнула, как паразитов.

Варя смотрит на нас и для особой выразительности стряхивает с плеча несуществующий мусор.

Мне тоже хочется высказать свои мысли и я, словно на уроке в школе, поднимаю вверх руку.

Все смотрят, и я даже чувствую легкое волнение:

– Мне кажется, что человек не есть создание природы, – говорю я тихо.

– Что кажется? – переспрашивает Олег и я, прокашлявшись, повторяю громче:

– Кажется, что это не природа сотворила человека.

Посмотрите сами, как у неё все гладко и продумано. Каждая травинка, каждый жук на своём месте. А человек не вписывается. Он как бы сам по себе. Чужеродный. Никакой пользы. Один только долбанный вред. Мне кажется, природа с самого начала хочет от нас избавиться, но не может! Просто ждёт, пока человечество пройдёт само собой.

Варя выдаёт новую порцию знаков, но теперь делает это

более эмоционально. Гриша переводит:

– Если не природа создала людей, то кто это сделал?

– Точно не знаю, – отвечаю я, – но много думал об этом. Даже написал рассказ "Университет сотворения жизни" и опубликовал в интернете. Там речь идёт об инопланетном университете, в котором ученики занимаются разработкой земных форм жизни. То есть сначала придумывают какую-то новую зверушку, расписывают внешний вид, функционал, место в пищевой цепочке. Затем, допустим, на курсовой работе, разрабатывают взаимодействие со всеми остальными живыми существами. Придумывают смысл для своего творения. Потом выпускают и смотрят. Как себя ведёт, как приспосабливается. И если все хорошо – оставляют.

А если все плохо – ученикам двойки, а зверушке вымирание и доработку. И вот только когда все готово, когда система работает как часы, запускают венец творения – человека. По своему образу и подобию. И уж он сам волен выбирать, как ему жить. Созидать преумножая или разрушать.

– То есть выходит, что Бога нет? – подключается к дискуссии Олег.

– Почему это? – удивляюсь я, – даже рядом не говорил ничего подобного.

– Но если нас создали инопланетяне? Ты же сам сказал! – Олег явно немного завёлся.

– Не спеши, – с улыбкой говорю я, – дай закончить!

Мужчина делает приглашающий жест, и я продолжаю.

– Они создали нас. Их тоже кто-то создал. Откуда мне знать? Ты хочешь, чтобы я открыл тебе тайну мироздания, но я не смогу этого сделать. Очень уж ограничен в интеллекте. Для того, чтобы продвинуться дальше, понять больше, нужен уровень выше. Возможно, этот уровень ждёт нас после смерти, если хорошо себя вёл. Кстати, на эту тему я тоже написал рассказ. Про разные планеты для разных степеней развития. Может, прочитаю когда-нибудь, если будет в тему.

Варя снова показывает что-то брату. Увидев это, Олег, открыв было рот, осекается. Показывает жестом, что пусть говорит девушка:

– Но кто же тогда инопланетяне... Стоп! Варя! Ну, ничерта не понимаю! – Гриша мягко хватая руки сестры и спокойным голосом просит не торопиться, а то он не поспекает. Девушка вздыхает, закатив глаза, и продолжает медленнее:

– Кто они, наши создатели? Какие версии?

– Да те же мы, например! – отвечаю я, – только старше, как цивилизация. Лет эдак на 10.000. Я не знаю, Варя. Это просто ещё одна теория.

– А я считаю, что никакие они не мы! – это сказал Гриша, и я подумал, что он продолжает говорить за сестру, но руки девушки опущены, она задумчиво смотрит на костер. – Уж точно не мы через 10.000 лет. Не было бы нас через такое время! Даже через 1000 лет уже бы не было.

Посмотрите сами, мы же шли в никуда. Не было у нас шансов дозреть до великой цивилизации. Мы либо сгорели бы

к чертовой матери в ядерном огне, либо сожрали друг друга от злости.

Я когда был маленьким, все время думал: "Почему в мире такой бардак? Куда смотрят взрослые?". Потом становился старше, но вот взрослым так себя и не чувствовал!

И тут до меня дошло, что и у других так же. Что взрослых-то и не бывает. Этих чудесных, умных, рассудительных взрослых. Людей, которым не все равно. Для которых порядок и правила важнее всего на свете.

Кругом только дети!

У них взрослые игрушки, серьезные лица, но никто ни черта не понимает, как это – правильно жить! Все живут, как могут. Как трава. Куда ветер дует, туда и клонится.

Гриша закончил, но ещё не успокоился. Ёрзает на бревне, поправляет на плечах плед.

Мне нравится его речь. Кажется, я уже слышал что-то подобное.

– Ребята! Осталось 8 минут до контакта с космосом!!

Олег вскакивает с места и начинает бегать по полянке.

– Как лучше смотреть?! Стоя или лёжа? Гриша, туши костёр! Пусть глаза к темноте привыкают!

Я решил, что буду смотреть лёжа. Устроился на мягком пледе, положил под голову надувную подушку и люблюсь небом.

Второй раз за вечер восхищаюсь ясностью звёзд. Гадаю,

где может показаться космическая станция.

Гриша кричит: "Смотрите, вон там левее! Это не он?!"

Но это падающая звезда, и я, пока горит её хвост, даже успеваю загадать желание.

Олег сообщает, что осталась одна минута, и тут все случается!

Абсолютно явно, каждый из нас видит вспышку. Словно кто-то далекий, сидя на собственной планете, пускает в нашу сторону солнечного зайчика. Мы вскакиваем на ноги и, обнявшись, начинаем прыгать. Словно сумасшедшие. Как будто это не короткая вспышка на небе, а божий знак, которым нам сообщают, что жизнь продолжается.

Варя с силой тащит брата из круга и, ударив его по плечу так, что он вскрикнул, начинает что-то "говорить". Она делает это ритмично и четко, будто играет перед его лицом в "камень, ножницы, бумага".

Когда Гриша понимает смысл ее послания, он визжит от восторга: "Салюты!! Нужно скорее запустить салюты! Он может увидеть наш ответ!"

Мы все помогаем расчищать площадку, и через полминуты Варя, стоявшая наготове с горящей палочкой, поджигает фитиль.

Весело смеясь, все разбегаются в разные стороны, и в небо устремляется первый залп.

– Эх! – кричит Олег, – надо было на вершине горы запустить!

Но делать это в любом случае поздно. Поэтому мы просто стоим и, задрвав головы, наслаждаемся. Разноцветные букеты раскрываются, как зонтики. Ночь отступила, отошла в сторону и смотрит красоту вместе с нами.

Праздник сегодня! Замечательная ночь!

Посреди всеобщего ликования и нескончаемого грохота рядом появляется Гриша.

Он зачем-то больно бьет меня локтем и, резко схватив за голову, громким шепотом цедит в самое ухо:

– Медленно! Слышишь?!

Медленно отходи спиной к воде...

Затем садись в лодку...

Он, словно исподтишка, протягивает мне ружьё. Толкает в сторону моря. Отпрыгивает от меня. Подбегает к Тане.

Сердце стучит.

Мне очень страшно от этого шепота. Но главный страх от того, что я совершенно не понимаю, что происходит.

Медленно, как и наказывал Гриша, я дохожу до лодки. В ней уже сидят Олег и Варя.

– Что, блин, происходит? – тихо спрашиваю я, нащупывая ногой резиновый борт.

– Садись скорее, – отвечает Олег, – сейчас дождёмся остальных и отплываем.

– Что...сука...происходит? – повторяю я, и Олег, взяв меня за голову ладонями, резко разворачивает в левую сторону.

ну. Шепчет в ухо:

– Дождись залпа и внимательно смотри в темноту.

Я, вытаращив глаза и боясь моргнуть, жду.

Наконец пышная гроздь салюта раскрывается на небе, и в это самое время в лодку запрыгивают Таня и Гриша. Я на секунду отвлекаюсь на них, и Олег отталкивается веслом от берега. Мы начинаем уплывать от стоянки.

Я снова смотрю...

Залп уже почти догорел, но теперь я вижу...

Сотни пар блестящих глаз буквально повсюду.

Они на склоне горы, за камнями, в траве...

Последний выстрел салюта догорает, и мир снова погружается в темноту.

– Их там несколько сотен, – говорит Олег. А может, и тысяча.

Уплываем на яхту. Здесь нам делать больше нечего.

Глава 18

Линия Арсена Пеликана

Десятое число!

Как же все-таки хорошо, что фестиваль геймеров, а не фермеров. Фермеры, безусловно, во сто крат полезнее, и к ним у Пеликана всегда особое уважение, но зато геймеры спят до обеда. Их фестиваль начинается вечером, и работать на нем одно удовольствие.

Арсен – до мозга костей сова. Совершенно не переваривал ранние подъемы. Полчаса недоспал и весь день примороженный. Тут посидел, там постоял, хочется только лениться и думать о бесполезном...

Сегодня не так. Сегодня он выспался до полной батарейки. Жажда действий в груди, радость от предстоящего приключения.

Собрал инструменты в рюкзак, нарядился в строгие брюки и цветную рубашку. Вызвал такси, тут же отменил и выкатил велосипед. Очень хотелось, чтобы день стал особенным...

На педали пришлось поднажать. Арсен засиделся перед телевизором и вышел на семь минут позже, чем планировал. Досматривал передачу про японских макак. Просто не смог

выключить. Круглые шерстяные попки, красные мордочки, ловкие лапки. Такая умора! Вот бы хоть раз их увидеть вживую! От него до Японии далеко, как до Марса, но если однажды вписать в план потребностей эту поездку... Немного попотеть, постараться... Все может случиться, было бы желание.

Щелк!

Цепь зажевала штаны и слетела со звездочки. Мужчина дернул ногой, соскользнул с педали, разодрал об шипы лодыжку.

"Черт! Черт! Черт!" – Он ругался шёпотом и катил велосипед за руль. Нужно было уйти с дороги, чтобы вдобавок не попасть под машину. Нога горела от боли. Любой, кто катался, знает, что такое рана от педальных шипов. Брюки порваны, домой возвращаться нет времени. Нужно добраться до ближайшей лавочки и побыстрее сообразить насколько все плохо.

Бииип!

"Козлина! Перекрыл полдороги со своим драндулетом!"

Крепкий мужчина за рулём чёрной машины поравнялся с Арсеном и, спустив окно, кричал на него. Жилы на лбу надулись, глаза круглые от злости. Непонятно, откуда взялось столько ярости.

В парках нужно кататься! Выкрикнул он напоследок, но заметив кровь на порванной штанине, немного смягчил лицо и проехал вперёд на корпус. Встал ровно впереди.

"У...135...ТУ... – зашевелил губами Арсен, – 135... УТУ..."

Багажник впереди осветился красным, замигала аварийка, машина остановилась...

Звук открывшейся дверцы. Невнятное бормотание.

Пеликан положил велосипед на газон, снял рюкзак и нащупал внутри крестовую отвертку. Завертел головой, намётанным глазом выискивая камеры. Много машин вокруг. Нехорошо. Свидетели, регистраторы, комары с наточенными носами...

Отвёрткой нельзя. Не сейчас...

Просто закончить конфликт. Уехать. Остальное потом, на холодную голову.

Водитель, наконец, вылез на улицу и теперь пошёл в его сторону, сжимая в руках белый свёрток.

"Мужик! Извини! – громко сказал он, – стыдно! Честное слово! Обругал. Настроение испортил. Вёл себя, как скотина. Ты садись на бордюр, давай посмотрю, обработаю рану".

"Неожиданно, – первая мысль, что пришла Пеликану в голову. – Может, шутит так? Что-то задумал? Не похоже..."

Лысый мужчина улыбался смущенно, видимо, делал это не часто и рукой приглашал на бордюр. Тряс бинтом, демонстрировал тюбик с зеленкой.

– На работе проблемы, – все так же неловко продолжил он, – еду злющий. Тут ты... Думаю, вот обнаглевший. Кати свою тележку и ехать мешает. А у тебя авария! Извини.

Нехорошо получилось.

Он заставил Арсена присесть и быстро, уверенно обработал рану. Кровь уже не текла, боль утихла, вернулось спокойствие.

– Как зовут? – вдруг спросил мужчина и, получив ответ, крепко пожал руку. – Я, Сергей. Старший лейтенант в полиции. Представляешь, сегодня добавили дело. С тем мажором, что в парке прихлопнули. Видел, наверное, по телевизору? Будто мне больше делать нечего. Как там ловить? Ни одной зацепки... Только девка в соплях и рассказы про страшный голос. Ни лица, ни примет только голос, как фильмах ужасов. У меня уже было подобное в практике. Дохлый номер, искать бесполезно. А у нас раскрываемость! В этом месяце премий не будет. Спасибо большое.

Пеликан обратил внимание на служебные брюки с красной полоской и простую футболку с сюжетом из мультика. Интересный наряд для офицера полиции.

– Очень жаль, что искать бесполезно, – ответил он, – а какая премия?

– Тысяча! Вроде не много, но когда зарплата, как у мышки хвостик, всегда пригодится. Да, ладно. Прорвёмся. Ты как? Ехать сможешь? А то подвезу. Закинем коня в багажник, и все. Время есть. Целых сорок минут до конца обеда.

– Спасибо, не надо, – Арсен улыбнулся и поднял велосипед. – И так уже много сделали. Ваше извинение очень много для меня значит. Справедливо получилось. Все ошибаются,

но не все признают. Спасибо, что живете по совести.

– На визитку, – Сергей протянул кусок картона, – всякое в жизни бывает. Запомни номер. Там мобильный, всегда на связи. Удачи тебе, Арсен. Будь здоров.

Пеликан бодро крутил педали и довольно смотрел по сторонам. Настроение стремительно улучшалось.

Передряги случаются и проходят. Проблема, она ведь только на десять процентов проблема. Остальное – наше к ней отношение.

Мужчина закатал штаны, чтобы не видно было рваного и решил, что вполне сгодится. Выглядит, конечно, немного странно, но он все-таки инженер-электроник. Ему по закону положено выглядеть эксцентрично!

Ха! Кажется, первые игроки. Группа ребят, очевидных школьников, спешили именно на фестиваль. Ну, а куда ещё?

Длинные рубашки на выпуск, новые кроссовки с чистенькими шнурками, их явно берегли до особого случая. Один с аккуратной прической, остальные лохматые, но каждый локон небрежно на своём месте. Строгий хаос, мамина рука. Пеликан улыбнулся по-доброму, вспомнив себя в этом возрасте.

Внутри огонь, восторг и трепет, а на лице скупая серьёзность – верный спутник комплексов и неуверенности. Все пройдёт вместе с юностью. Миллиарды раз проверено взрос-

лыми.

Почти приехал. Повернуть за квартал, и на месте.

Сотни людей, может быть, даже тысячи. Собрались возле входа и ждут открытия. Гомон, смех все сливается в гул, как на празднике. С высоты наверняка похоже на песочные часы, где одна половина стремится просыпать песок, а другая его не пускает. Ничего. Так всегда интереснее. Добытое без борьбы – пресно на вкус.

"Ничего себе, – рассмеялся под нос Пеликан, – нормально придумал. Надо запомнить".

Девушка хостес в костюме стюардессы из "5 элемента" поднесла к губам рацию и вызвала Гошу. Коротко объяснила ситуацию, получила ответ и выдала бейджик на яркой ленте. Теперь можно ехать на чёрный вход и приступать к работе.

Интересно, фильм "5 элемент" до сих пор популярен у молодежи? Или просто образ, а что конкретно никто и не знает?

Обалдеть.

Арсен остановился, не дойдя до двери несколько метров, и просто смотрел, стараясь успокоить поскакавшие в голове мысли. Высокий, с большими мышцами человек, в футболке с надписью "охрана", стоял на проходе и беззаботно улыбался, глядя в экран телефона. Пеликан не боялся, он умел контролировать страх, но чувство тревоги, мерзкое, скользкое

заползло в живот и осталось, оживляя в памяти разные истории, о которых, казалось, давно забыл. Захотелось развернуться, как делал в детстве, встать на педали и ехать, пока не вернётся гармония. Но разве так можно? Взрослый мужчина смотрит проблеме в глаза, иначе он до сих пор ребёнок.

– Привет, Андрей! – Пеликан постарался придать интонации максимальную непринуждённость, но этого не получилось. Фраза прозвучала хрипло и неуверенно.

Молодой охранник, продолжая улыбаться, поднял на него взгляд и вдруг начал смеяться. Громко, неуместно, в голос.

– Арсен! Бродяга! Ну, ничего себе! – он убрал телефон в карман синих джинсов потянулся, чтобы обнять, словно встретил старого друга. – Рад тебя видеть, дружище! Как ты? Столько лет!

– Нормально, Андрей, – Арсен сконфуженно принял объятие, похлопал в ответ по спине и сделал шаг в сторону входа, – вот пришёл по работе. Буду помогать с аппаратурой. Как ты? И в школе был силачом... а теперь, вот, ещё больше, – на слове "силач" мужчина замялся на мгновение, словно примерял, будет ли оно уместным.

– Ха-ха, – добродушно рассмеялся здоровяк, – ну, не сижу на месте. Качаюсь. Вкладываю в себя. Так сказать, делаю инвестиции в тело, – на этой фразе он поднёс сжатый кулак прямо под нос Арсену, и тот с полуулыбкой отодвинул его в сторону, – а вот ты не меняешься. Каким тебя видел в школе, таким и остался. Ха-ха. Как наши? Видел кого?

– Нет. Не видел, – ответил Арсен, а про себя подумал, что вопрос очень глупый. Не было у них никогда никаких "наших". Люди с разных планет. Скромный мальчишка и хулиган-задира с деликатностью крокодила и умом карася. Столько детского горя, тихих слез на его совести. Даже хотелось его убить, был момент, но отрезать палец не получилось. Обида была недостаточной. В любом случае, кроме проблем, от этого одноклассника он ничего не получал и потому, видеть его было неприятно. Воспоминания испортили настроение. – Я пойду, – сухо сказал Арсен. – Мне пора приступать к работе, а тебе легкой смены. Будь здоров.

– Не грусти, Пеликанчик, – подмигнул Андрей, – если, кто обидит, зови меня. Рад помочь старому другу!

Длинный коридор, влево и вправо чёрные пятна закрытых дверей. Мужчина катил велосипед и думал о том, что время все-таки меняет людей. Ещё десять минут назад он считал Андрея козлом, а теперь похоже, что ошибался. Значит он повзрослел, отрастил мозги, стал вполне себе удобоваримым. Это хорошо. Все пророчили ему только тюрьму. Удивил. Не бандит, а спортсмен, трудяга, обычный парень...

Две девчонки навстречу и снова хостес. Голубые короткие юбки и блузки с глубоким вырезом. Одна улыбнулась, посмотрев на Арсена, и он смутился, ближе прижал велосипед, чтобы не увидели брюки, подкатанные почти до колена.

Проходя мимо них, поднабравшись храбрости, захотел

улыбнуться в ответ, но взглянув на девушку вдруг, увидел испуг вместо радости. Она смотрела ему за спину и словно видела там опасность. Начала прикрываться руками, закрыла глаза, отвернулась в сторону.

Удар!

Прилетело в затылок.

Так сильно толкнуло вперёд, что Арсен, запнувшись об велосипед, растянулся по полу. Потерял ориентацию, голова поплыла, но осталась на месте. Легкий нокдаун. Через мгновение все восстановится...

Тонкие ноги перед лицом, голубые гольфы и белые туфли. Интересно, в фильме все так же или схалтурили? Нужно будет пересмотреть...

Ноги исчезли из поля зрения, вместо них он увидел пластмассовую бутылку. Из пробитого бока вытекала вода, видимо, лопнула от удара. Это ей, что ли, в меня прилетело?...

Что это было, черт возьми?!

Голова прояснилась, Арсен торопился встать, и сзади раздался крик:

"Пеликанчик! Прости, дружище! Хотел пошутить и не рассчитал! А-ха-ха!"

Перед ним появился Андрей и, еле сдерживаясь от смеха, протянул руку, чтобы помочь подняться.

"Блин! Неудобно получилось. Не рассчитал... Жить будешь. И не такое выдерживал". Мужчина все же не сдержался и брызнул смехом. Бил себя по колену, покраснел от на-

туги, прижался к стене, обессилев от истерики.

Пеликан, наконец, поднялся. Велосипед поднимать не стал. Снял рюкзак и нащупал на дне отвертку. Рассмотрел под потолком целых две камеры и застыл, ожидая, пока схлынет приступ ярости. Вдыхал через нос, выдыхал сделав губы трубочкой.

Вдыхал... Выдыхал...

Девушки хостес исчезли, хлопнув одной из дверей, мужчины остались в коридоре вдвоём.

"Ты дыши, дыши, – справившись со смехом, заговорил Андрей, – бедолага. Так испугался. Ничего, шас пройдёт. Жить будешь!"

Это стало последней каплей.

Пеликан быстрым движением подскочил к обидчику и, не вынимая руки из рюкзака, сильно прижал отвертку прямо под левую грудь.

– Дёрнешься, сучка, проткну твою сиську. Понял?

Смех на лице великана, моментом сменился на страх. Он кивнул.

– Сука... – шипел Пеликан, – как я тебя ненавижу! В детстве меня достал. И теперь нашёлся. Думаешь, самый классный? Это не так.

Один тоненький инструмент, иголочка... и вся твоя груда мышц превратилась в бесполезное говно. Обидно, да? – Пеликан сильнее прижал рукоять, – я тебя спрашиваю! Обидно?

Андрей быстро закивал, на глазах проступили слёзы.

– Важно только то, что в башке. Только дух!

Больше меня в три раза, а скукожился. Чувствуешь смерть и дерьмом воняешь. Ссаное мясо...

Ты бройлер! А я мясник...

Ты видишь мышцы, а я еду...

Арсен неожиданно улыбнулся. Ему снова понравилась собственная фраза. – Я тебя отпущу. Но запомни, что если дёрнешься в мою сторону, ты умрешь. Я клянусь тебе...

Брысь отсюда!

Он убрал рюкзак, и Андрей расслабился, опустился вниз, словно растерял последние силы. На белой футболке, прямо под буквой "а" в слове "охрана" появилось маленькое, красное пятно.

Добравшись до нужной комнаты, Пеликан без стука, чтобы не мешать, отворил дверь. Несколько кресел, стол, пол-стены увешано мониторами. Гоша размешивал сахар в чае и готовился укусить бутерброд, но увидев друга, проявил уважение и встал поздороваться.

– Пять минут до начала, – поведал он, – все успел, все решил. Кроме завтрака... Осмотрись вокруг, чтобы было ясно. Посидишь сегодня на камерах. Просто смотри в мониторы и если увидишь странное, сообщай по рации. Ну и будь готов. Если что-то сломается, по твоей профессии, призовём на службу! Все понятно? – Гоша уже начал жевать, и комна-

та наполнилась запахом варёной колбасы, – захочется чая-кофе – кипяток в кулере. Пряники в пакете. Как включается рация, разберёшься сам. Я пошёл! Не скучай, амиго.

Дверь за Гошей закрылась, и Арсен запер ее на ключ. Так спокойнее.

Кресла были разные, и он присел в каждое, выбрал самое удобное. Впереди целых 5 часов вахты. Нужно расслабиться и получить от работы удовольствие.

Прошло 3 часа. Одинаковый, черно-белый фильм продолжался на всех экранах. Суета без сюжета. Мелькающие силуэты, головы игроков, подсвеченные мониторами. Никаких проблем и никаких происшествий.

Впрочем, на один телевизор все-таки было интересно поглядывать... Каждый раз, попав на него глазами, Пеликан поджимал губы и морщил лоб.

"Может, переборщил немного?" – спрашивал он себя и тут же без раздумий отвечал, что Андрей получил по заслугам. В следующий раз будет думать, все-таки взрослый мужик. Бывший одноклассник вышагивал возле входа, словно волк в зоопарке. Намотал за три часа несколько километров. Нервничает, наверное. Не каждый день получаешь отпор от того, перед кем привык доминировать. Маленький мозг пытается поскорее забыть унижение, пищевая цепочка ломается, хищник спускается вниз на одну ступеньку. Черт с ним... Жить будет!

Прямо на этой мысли в кадре появились двое мужчин и подошли к охраннику. Коротко поздоровались, обнялись, и Андрей распахнул перед ними дверь, пропустил внутрь здания. Все втроём они двинулись вперёд по коридору, и Арсен вдруг заерзал, почуял неладное. Жесты, походка, мимика, все рассказывало о том, что мужчины пришли за ним. Битая собака, позвала на подмогу вожака стаи, и теперь легким фокусом с отвёрткой уже не отделаться.

"Значит будем тоже просить подкрепления" рассудил Арсен и схватил со стола рацию, простоявшую всю работу без дела.

"Дверь закрыта. Сломать ее быстро не выйдет. Пара минут, и прибудет охрана. Значит, просто сидим и просто смотрим. Интересное приключение!"

"Гоша! Гоша! Это Арсен. У меня неприятности. Нужно охрану. Несколько человек. В комнату наблюдения. Срочно".

Рация зашипела, подоспел ответ. Голос не Гошин. Гораздо глубже, взрослее.

"Принял. Выходим. Скажите, охрана рядом. Пускай не балуются".

Ну, вот и нормально. Теперь только ждать, и проблема решится чужими руками. Не лезть на рожон, потушить пламя и потом уж, без суеты заняться наведением порядка. Впереди

намечается что-то серьезное... Ему нравилось такое. Отработает судью и не будет скучать без дела. Разборки со шпаной. Ух! Целое приключение!

Пеликан поднялся из кресла, направился заварить себе кофе. Не удержался, подскочил к двери и убедился, что она надёжно заперта. На ключ. Изнутри. Трое громил в закрытом пространстве на него одного... Это не аккуратно. Даже если получится победить, будет слишком много беспорядка. Просто ждём. Для атаки не время.

В дверь постучали...

Арсен отхлебнул из кружки, с улыбкой посмотрел на монитор. Три фигуры у входа. Движения дерганные, жесты агрессивные, явно на взводе.

– Не могу открыть, – крикнул он, – нет ключа! Приходите позже.

– Открывай, сучара! – Андрей визжал, как поросёнок на бойне, – я знаю, что ты там! Выходи! Все равно достанем.

– Хорошо! – прокричал Пеликан, – уже иду. Ключи ищу и открываю.

Мужчины на экране немного расслабились. отошли от двери, начали разминаться, видимо, готовясь к драке.

"Идиоты, – подумал Арсен, – словно дети малые... Ползвилины на одно полушарие".

По коридору спешил человек. Невысокий и щуплый, никак не похожий на сотрудника безопасности.

Гоша... Видимо, слышал призыв и спешит на подмогу. Зараза! Как же не вовремя. Я же сказал, охрана! Не Гоша! Проблема становилась сложнее. Возможно, принцессе придётся покинуть свою неприступную башню.

"Смотрим ещё две секунды... может, ещё обойдётся..."

Гоша подходит к мужчинам, задаёт вопрос и тут же получает удар, от которого падает вниз, как одежда, из которой вдруг вынули человека.

Нехорошо!

Плохо!

Пеликан вскочил и начал искать ключи. Сунул куда-то и теперь, на самом деле, не может открыться.

Гоша попробовал встать, получил кроссовком в лицо и теперь залёг основательно, потерял сознание. Видимо, чтобы выпустить пар, один из бандитов продолжил его пинать. Замах ногой, как в футболе, взгляд на камеру и удар! Замах и удар!

"Это для меня представление. Выманивает зараза".

"Выхожу! – заорал Пеликан, – правда, выхожу! Уже открываю!"

Ключ в руке, процарапал гнездо, щелкнул, замок открылся.

"Сообщить что-то странное. Удивить. Сбить настрой и внимание..."

– Осторожно! – закричал он, как только открылась дверь. – У меня здесь кошка рожает! Семь котят!! Не шуметь! Все горит! Пожар!!!

Наводнение!!

Первый шаг удался. Атаки нет, стоят и слушают. Только бы без ножа!

Теперь следующий ход. Здравый смысл...

– Скорее бежать! Облава!! – продолжил он, – полиция во дворе! Повсюду камеры! Это тюрьма! Сто процентов!

Парни переглянулись. По-прежнему не кидаются. Неужели сработало?

– Ну, куда вам спешить? – закреплял эффект Пеликан. – Все известно! Найдёте позже. Куда он денется? Я... Куда Я денусь! Угу?

Гоша начал вставать, и Арсен подошёл, придержал его, чтоб остался лежать. Будет только мешаться.

– Они тебя ищут, – тихо сказал он, – помоги встать. Будем драться...

– Будем, – сказал Пеликан. – Обязательно будем! Тигр! Мой друг! Но не сейчас.

Всем лежать! Рожи в пол! Работает ОМОН!

Прозвучало настолько убедительно, что абсолютно все, включая Пеликана, поспешили присесть на корточки и прикрыть голову руками.

– Ты смотри, не растерял ещё голоса! – коренастый мужчина, с круглым пивным животом, быстро шёл по коридору. Вслед за ним поспевали ещё несколько, все большие, серьёзные, с хмурыми лицами.

– Кто тут у нас балуется? Кого закрыть на 15 суток? Андрюха, ты что устроил? Почему посторонние на объекте?

Разглядев, что ОМОН не настоящий, хулиганы поднялись на ноги и злобно озирались, прикидывая, есть ли шанс победить в предстоявшей схватке. Видимо, разгадав их мысли, начальник охраны улыбнулся недобро и объяснил ситуацию:

– Подполковник ОМОНа в отставке. Семён Анопко. Сам башку проломлю и ещё позвоню коллегам, чтоб срок пришили. Спектакль закончен. Все втроём на выход. А ты, Андрюша, завтра ко мне на ковёр. Буду спрашивать, как с понимающего. Помогите бандитам, ребята. Покажите, где улица.

Молчаливый помощник заслонил собой Гошу и указал Андрею на выход, прошипел сквозь зубы: "Давай, дуй отсюда!"

Проходя мимо Пеликана, один из бандитов остановился и посмотрел ему прямо в глаза. Взгляд недобрый. Нехороший человек.

– Привет, Арсен, – весело сказал он и подмигнул, – представляешь, а у меня дар! Я могу предсказывать будущее. Вижу, смерть впереди. Никогда не ошибся! Спроси на районе за Чёрного. Каждый раз, как гадаю – случается... Будь здоров, пока можешь. Увидимся!

Пеликан не ответил. Зачем?

Очень скоро они оба узнают, чем все закончится. Чёрный... Белый... Ещё один самоуверенный дурачок не понимает, что бежит по лезвию.

– Гоша, родной! Прости! – Семен Анопко смущенно отряхивал своего нанимателя. Было видно, что ему искренне неудобно за произошедшее. – Мой косяк! Нанял дебила из местной банды. Я ж не знал. На лице не написано. 30 процентов скидка! Прямо сейчас. Меньше на треть сегодня заплатишь! Сколько раз работали – все хорошо. У меня ж репутация. Ты нормально?

Гоша кивнул, показал большой палец.

– Все нормально, Семен. Нет претензий. Возвращайтесь, пожалуйста, в зал. Дальше сами справимся.

Полицейский в отставке ещё раз на закрепление виновато улыбнулся и, уже уходя, посоветовал Пеликану не оставлять угрозы хулигана без внимания.

– Неприятная личность, – сообщил он. – Этот действительно может подкараулить. Напиши заявление. Это мой совет.

"Вот это денёк, – прошептал Арсен, – вновь усаживаясь перед мониторами, – нормальный получился фестиваль геймеров... На всю жизнь хватит, – грустно улыбнувшись, мужчина посмотрел на часы и высчитал, что до конца работы

осталось ещё два часа. – Ну-ка, что там за пряники? – потянулся к пакету и вытащил целых два, проголодался от нервов. Откусил половину, запил, проглотил. Сунул руку в рюкзак и достал из кармашка визитку.

"Старший лейтенант полиции Сергей Дименков, – прочитал он, – рабочий номер и личный... Выбираю личный".

Ввёл цифры в свой телефон, но не нажал "позвонить", выбрал "пополнить счёт" и отправил тысячу.

"Теперь справедливо, – заключил Пеликан, – когда зарплата, как хвостик у мышки... Всегда пригодится!"

Глава 19

Линия реального времени

Надувные баллоны скрипят под нашим весом. По документам лодка рассчитана только на двоих. Кажется, что дно сейчас прорвётся, и мы провалимся в воду, но все к этому готовы, главное, добраться поскорее до яхты.

Помогаем взобраться на палубу женщинам, выбираемся сами и начинаем ждать.

Делать что-либо в полной темноте, как минимум, опасно.

Никто не может уснуть. Мы вглядываемся в берег, стараемся различить движения, слушаем каждый звук.

Звуков доносится много.

Кажется, будто на пляже собралась невероятных размеров стая шакалов. Они без остановки дерутся друг с другом, рычат, тьякают и визжат. Нам всем очень страшно. Невозможность увидеть, чем занимается враг, пугает больше всего. В нашем арсенале два гладкоствольных ружья и не меньше трёх десятков патронов. Наверное, этого должно хватить против безоружных тварей.

Гриша и Олег сидят, свесив ноги с бортика, караулят, не пытается ли кто-то доплыть до нас.

Всплески воды раздаются постоянно, но все они вдалеке.

Видимо, обжоры боятся плавать и потому особенно не лезут в море. Ситуация не меняется уже несколько часов, и страх понемногу сменяется тревогой.

Чтобы разрядить обстановку, я спрашиваю Гришу, ответил ли космонавт. Видел он салют или нет? В ответ Гриша грустно рассказывает, что в суматохе оставил рюкзак с техникой на пляже.

На часах четыре утра. Через полтора часа рассвет, тогда и решим, что делать дальше.

Небо начинает сереть, потом становится светлее, из-за горы появляется солнце. Теперь видно берег, и мы наблюдаем, как несколько десятков обжор рыщут по песку в поисках еды. Видимо, темнота мешала видеть не только нам и потому, исследовать оставленные вещи они начинают только сейчас. Все, от чего пахнет едой, потрошится и разрывается на части. За каждую вещь они цепляются между собой. Добыча всегда достаётся самому сильному. Нужно признать, что особого вреда в таких стычках они друг другу не наносят. Стоит только сильнейшему повалить соперника на землю и прижать своим весом, как тот начинает жалобно повизгивать, и поединок прекращается.

"Как стая собак", – подмечает Гриша, и мы с ним соглашаемся.

У нас осталось ровно 34 патрона. Все они заряжены средней дробью, а значит бить ими издалека нет никакого толка. Олег предполагает, что есть смысл подплыть на резиновой

лодке поближе к берегу и метров с тридцати открыть огонь. Он уверен, что хватит нескольких выстрелов, чтобы обратить больных в бегство. Большинство соглашается с его планом, и мы аккуратно, стараясь не издавать шума, спускаем лодку на воду. Гриша нашёл в трюме багор и готовится держать оборону, если кто-то все-таки разглядит яхту и попробует до неё доплыть. Парень поднимает ступеньки, которые сейчас опущены в воду, и судно превращается в неприступную крепость. Попасть на него из воды теперь невозможно.

Чем ближе берег, тем страшнее.

В теории, стрельба с тридцати метров казалась безопасным занятием, но на деле каждый гребок вёслами отзывается болью. Чтобы удобнее было перезаряжать, я раскладываю патроны перед собой и готовлюсь залечь в удобную для стрельбы позицию.

Олег бросил грести, но лодка, подгоняемая мелкой волной, тянется к берегу.

– Так дело не пойдёт, – шепчет мой напарник и возвращается на вёсла, – а если они сейчас ломанутся? Ни за что не успеем уплыть целыми!

– Какие предложения? – так же тихо спрашиваю я, выцеливая больного, похожего на вожака.

– Давай так. Ты раз лежишь – лежи. Начинай аккуратно стрелять, а я буду вместо мотора. Не дам лодке выплыть на сушу и увезу нас отсюда если потребуется.

Я выбираю новую цель. Вожак ушёл за камень и не появ-

ляется.

Лысый, агрессивный обжора выбегает на середину пляжа. Для ходьбы он использует все четыре конечности, в отличие от тех, кто ещё не утратил волосы – они предпочитают ходить ногами, хоть и пригнувшись.

Бах!

Выстрел вздымает столб песка возле его ног, и он падает на землю притаившись. Пытается разобраться, откуда исходит опасность.

Бах!

Второй выстрел проходит точнее, и на бледном боку появляется несколько маленьких дырочек, из которых в ту же секунду начинает вытекать кровь. Обжора подпрыгивает метра на полтора в воздух, визжит, как побитая собака и, расталкивая соплеменников, несётся подальше от пляжа. Я выцеливаю очередную жертву и, подобрав, как мне кажется, лучший вариант, луплю пучком свинцовой дроби прямо в брюхо.

Он, невезучий, задумал посмотреть на нашу лодку и подошёл к самой кромке воды. Снова целая россыпь маленьких отверстий, снова визг, крики и бег с заносами по желтому песку.

Сразу несколько обжор замечают лодку и, подбежав к воде, начинают подпрыгивать на манер встревоженных обезьян. Они кричат и оглядываются, словно призывают на помощь всю стаю. И стая отзывается.

Отовсюду в нашу сторону бегут больные. Они появляются буквально ниоткуда, и с каждой секундой их становится все больше. Некоторые из них бросаются в воду, и я слышу, как начали хлопать вёсла, кажется, нервы у моего напарника сдали. Он решил уплыть.

– Подожди! Кричу я ему, дай влеплю по ним весь магазин! Хлопанье замедляется, и целиться становится удобнее.

Бах! Бах!

Сразу два выстрела достигают цели. Дробь, выпущенная в тело с расстояния в двадцать метров, всегда находит, куда попасть. Хоть одной крупинкой, но зацепится за жертву.

Один больной с разбегу напарывается грудью на выстрел. Со стороны может показаться, что он врезался в невидимую стену, упал навзничь и даже не шевелится. Второму несколько дробинок угодили в лицо, лишив глаз, уха и желания продолжать атаку.

– Ты охренел так мазать?! – кричит на меня Олег, – у них бошки на части должны разлетаться! А ты еле задеваешь!

В этот раз, целясь основательнее, я делаю подряд три выстрела, и три обжоры валятся на землю, корчась от лютой боли и зарываясь в песок. Крики раненых приводят стаю в замешательство. Все, кто бежал к воде останавливаются, а те, кто уже успел окунуться, разворачиваются и, преодолевая сопротивление воды, брызгаясь и спотыкаясь, пытаются выбраться на сушу. Одному из них я попадаю в спину и, видимо, перебиваю позвоночник, потому что он молча уходит

под воду, напоминая о себе только крупными пузырями на поверхности и расплывающимся красным пятном.

Следующему выстрел залетает в затылок. На момент попадания он в 15 метрах от кончика моего ствола, и этого расстояния достаточно, чтобы дробь вошла в полную силу, не успев по пути ее растерять. Голова больного взрывается, как арбуз. Красные мясные ошмётки летят вперёд, и некоторые из них даже умудряются долететь до суши.

Ну, хоть какая-то его часть успела выбраться из воды.

Я вынимаю из ружья рожок и трясущимися пальцами закидываю в него патроны. Вставляю обратно, выпускаю весь боезапас по тем врагам, кто ещё не успел сообразить, что пора прятаться и убиваю ещё четверых. Снова заряжаю и снова стреляю. В этот раз стараюсь попасть в тех, кто прячется за камнями.

Наконец, опустив руку, я не нахожу ни одного патрона и понимаю, что пора сбавить обороты.

– Олег, есть, чем стрелять?

– Осталось штук десять. Не помогает! Смотри, они попрятались за камнями и смогут прятаться там ещё неделю. Ты просрал 20 патронов, а убил их не больше десятка. Никуда они не разбежались! Наш план – кусок дерьма.

– Можно подумать, что если бы я убил 20 штук, что-то бы изменилось, – ворчу я, но понимаю, что Олег абсолютно прав. Так как мы задумывали, на берег нам не прорваться.

Молча мы доплываем до яхты. Ребята сбрасывают трап и

помогают забраться на палубу. Они ничего не спрашивают. И так все понятно.

Крики сотен обжор на берегу становятся ещё громче.

– В общем, план такой, – сурово произносит Олег после того, как допивает не отрываясь, полную бутылку воды, – сейчас снимаемся с якоря. Заводим посудину и уходим поглубже. Метров на 200-300. Чтоб животным глаза не мозолить. Затем... Мужчина вдруг замолкает, не закончив и перегнувшись за борт, начинает полоскать в воде ладошки. – Затем идём вдоль берега. До яхт-клуба. – И это... – добавляет он, вздохнув, – все это время не перестаём молиться. Богу... Природе... Инопланетянам-создателям...

Потому что у нас 10 патронов и несколько литров дизеля. Так что, если эти твари, – он махнул рукой в сторону берега, – за нами начнут охотиться – нам конец.

Перед отплытием мы забрасываем в резинку всякого хлама из каюты. Формируем что-то похожее на человеческие фигуры и толкаем лодку в сторону берега. Пусть животные, всем понравилось новое название, отвлекаются на приманку. Лишнее время нам пригодится.

Всей команде легко и радостно. У нас снова маленький праздник. Мы отплыли уже на 5 километров от места ночной стоянки, и за нами никто не гонится. Мы проплываем яхт-клуб, но решаем не заходить в него. Машин там нет, оружия тоже.

Олег вспоминает, что где-то неподалёку должен распола-

гаться небольшой курортный городок и предлагает доплыть до него, если хватит топлива. Если же не хватит – будем высаживаться на берег и топтать вдоль моря пешком.

– А все-таки яхта стоящая вещь, – говорит Таня с сожалением, – как легко и приятно плыть вот так по морю! Ни забот, ни хлопот.

– Это пока ветер не поднялся, – возражает Олег, – первый шторм, и вся твоя романтика исчезнет, словно не бывало. Я для себя вывел, что если уж ты богатый и хочешь иногда гулять по морю на собственной посудине, лучше брать мощный катер. Такой, чтоб с каютой, с палубой. На нем раз! И ты в море. А потом – раз! И ты снова на суше. А все эти яхты – сплошная морока. Поднять паруса... Спустить паруса... Свистать всех наверх. Тьфу!

Таня ничего не ответила, но вдруг замычала Варя, указывая куда-то в сторону берега. У меня внутри екнуло. Подумал, что появились обжоры, но оказалось, что она заметила аккуратный маленький домик. Мы доплываем до него и видим ещё один в отдалении. А потом ещё и ещё.

– Приплыли, – констатирует Олег, – не помню названия этого города, но помню, что он очень маленький. И очень скучный.

– Эй, капитан, – обратился он к Грише, который встал полчаса назад за штурвал, – давай-ка, двигай на мель. Постарайся, чтобы мы вышли прямо к той лестнице, – он указал на

длинное железное строение вскарабкивающееся по горе, – по ней можно подняться прямо в центр. Надеюсь, нам хватит патронов, чтобы живыми найти машину в этой глуши.

Мы изучаем улицы города, который оказался на редкость милым и уютным. Дома, по большей части, походят на поздравительные открытки. Цветные стены и причудливые крыши, заборчики на любой вкус. Только лужайки напоминают о том, что мир перевернулся с ног на голову. Некошенная трава местами доходит до пояса. Получившие право на жизнь сорные растения стараются наверстать упущенное. Мы ходим от дома к дому своим небольшим караваном, и в каждом дворе нас ждёт разочарование. Ничего полезного. Ни одной машины.

Такое впечатление, что жители вообще ими не пользовались.

Попасть внутрь дома тоже оказывается непростой задачей – все двери закрыты металлическими роллетами, а на окнах решётки. Олег объясняет, что здешние дома, в основной своей массе, являются сезонными. Что с наступлением осени улицы пустеют, а зимой вообще сложно встретить даже собаку. Он указывает на торчащую между крыш красно-белую вышку и предлагает пройти к ней, там маяк и метеостанция. Может, и найдём что-то полезное.

Через полчаса хода, конфетно-пряничные домики начинают раздражать. Совершенно одинаковые, несмотря на раз-

нообразии, они похожи на жизни своих хозяев. Люди работают и копят, хитрят и бесчинствуют ради бутафорской мечты. Получают ее и не знают, что делать дальше. Живут в ожидании чуда, вместо того, чтобы поискать счастье внутри себя. Не снаружи. Разве важно, сколько спален на твоей даче? Восемь или одна? Главное, чтобы сны были добрыми и приводили за руку в доброе утро...

Мы по очереди перелезаем через невысокий кирпичный забор и оказываемся внутри двора полностью застеленного асфальтом. Двухэтажное здание метеостанции выглядит пустым и покинутым. Одно из окон разбито, возле него рассыпавшийся от дождя стол. Похоже, что кто-то использовал его, чтобы забраться внутрь.

Олег начинает ворчать, потому что машины на парковке мы не находим.

– Что ж, – говорит он, – значит пойдём до дома пешком. Думаю, что к концу лета... – он задумался, – будем на середине пути!

– У меня идея! – говорит Гриша и показывает на вышку, – помогите разобраться, как её залезть, и я посмотрю с высоты. Поищу транспорт.

Лестница на вышку заперта металлической дверью, и нам приходится выломать замок. Гриша оказывается внутри и ловко карабкается вверх, приговаривая по дороге, что всю жизнь боялся высоты и что это его реальный шанс со своим

страхом справиться.

Преодолев две трети, он останавливается, смотрит на нас и кричит, что голова кружится, мы предлагаем ему спускаться, а он вместо ответа решительно продолжает подъем. Забравшись на самую макушку, парень смотрит в разные стороны, но порадовать нас хорошей новостью не торопится.

– Гриша! – кричу ему я, – не томи! Рассказывай, что видишь!

– А ничего не вижу! В одном дворе стоит катер!

– Угу, – язвительно замечает Таня, – но на катере по асфальту медленнее, чем на ногах. Гриша! – кричит она, – смотри внимательнее. Мы, если ты забыл, в безвыходном положении!

Я удивляюсь, откуда у женщины настроение для шуток и показываю ей большой палец. Она улыбается.

– Посмотри внимательно, – снова орет Таня, – нет ли поблизости чего-нибудь, напоминающего магазин!

– Посмотрю, – отвечает парень, – пока не видно! Тут в паре кварталов на асфальте нарисован крест. Будто кто-то краской намалевал... Магазинов нет!

– Ладно! – кричит Олег, – слезай уже! Будем думать, что делать дальше.

На срочном консилиуме мы приходим к мнению, что ситуация сложилась нехорошим образом. Город пустой, делать в нем нечего, а соседний черт знает, где отсюда. Решаем, что

лучше всего будет выйти на трассу и осторожно, стараясь не отвечивать, двигаться по ней, пока не раздобудем автомобиль.

Мы просим Гришу обозначить примерный маршрут по направлению из города и начинаем движение.

– Давайте, пожалуйста, сделаем небольшой крюк. Глянем одним глазком, что за крест, – прошу я, и Гриша, возглавивший нашу процессию, просто молча поворачивает, куда я его попросил.

К моему большому сожалению, крест на асфальте оказался пустышкой. В душе я надеялся, что этот рисунок может быть чем-то вроде моих надписей, которые я рисовал по городу, что кто-то приманивает, как я приманил в своё время Олега. Но нет.

Только крест и никакой больше информации.

Робкая надежда кольнула грудь, когда я увидел неподалёку лист бумаги, приклеенный к стене под защитой конька крыши. Тоже пусто. Верх размыло косым дождём, а внизу только еле различимый адрес. Стандартное объявление из прошлой жизни. Я срываю бумажку, комкаю и в сердцах швыряю на землю: "Предложение больше не актуально!"

Через секунду нагибаюсь и поднимаю мусор с асфальта. Доношу до ближайшей урны.

Настроение отвратительное. Мы грустно бредём по дороге, размышляя каждый о своём. Была мысль вернуться обратно на берег, дойти до яхт-клуба и на каком-нибудь катере

доплыть до города побольше, но взвесив все за и против, мы пришли к выводу, что это не будет безопаснее. В большом городе будут такие же обжоры, и мы ничего не выиграем.

На стене одного из домов я снова вижу объявление. Оно вызывает во мне злость.

Кто-то приклеил его, где попало. Прямо посреди стены чужого дома. Этот жест, словно девиз, с которым закончило свой век человечество: "Мне нужно – значит можно!"

Я не ленюсь сделать несколько шагов в сторону, чтобы сорвать его и сделать наш новый мир чище.

Глаза выхватывают на листе слова "люди", "ждём", "помогите".

Сердце начинает разгоняться, и я пытаюсь сообразить, что это может значить... Листок кажется мне знакомым, и наконец приходит озарение.

– Чертово объявление! – кричу я, – все за мной! Бежим обратно к кресту!

Я делаю это так резко и громко, что бедная Варя, запутавшись в ногах, валится на землю.

– Пожалуйста, – добавляю я, – все в порядке! Идемте! Только скорее!

На все вопросы, сыплющиеся мне в спину, я отвечаю только "сейчас" и "подождите". Добежав до нужного перекрёстка, с разгона ныряю в урну и среди полуистлевших отходов сразу нахожу выброшенный ранее клочок. Разворачиваю его,

читаю адрес: "Янтарная 13, пересечение с ул. Персиковой".

Сравниваю объявления и радостно кричу, что почерк одинаковый. Разворачиваюсь к друзьям, объявляю, что планы меняются. Нужно заскочить на один адресочек.

Мы рывком по городу в поисках Янтарной либо Персиковой, что попадётся раньше, но пока успех не пришёл. Олег ворчит, что там уже никого не будет, что объявление старое и что мы просто теряем световой день. Я, остановившись на секунду, спрашиваю его, действительно ли он готов уйти, даже не проверив, и мужчина соглашается со мной, просит прощения за сварливое поведение. Наконец, в расположении улиц удаётся разглядеть логику. Недавно была Садовая, потом Яблочная, потом Грушевая. Похоже, что если просто двигаться прямо, мы наверняка дойдём и до Персиковой.

Так и случается. Теперь найти нужный дом дело техники.

Основательный, сложенный много лет назад из красного кирпича дом стоит за глухим каменным забором. Вековая сосна накрывает зелёными лапами, половину двора.

Попасть внутрь можно либо через железную калитку, либо через ворота, на которых красной краской, очень похожей на ту, которой рисовали на асфальте крест, намалёвано число 13.

– Ну, что? Стучим? – зачем-то решил посоветоваться Гриша и несколько раз ударил прикладом ружья.

Ответа нет.

Олег подтягивается на заборе, заглядывает во двор и рас-

сказывает, что видит:

– Никого нет. Вход в дом запущенный. Дверь давно не открывали. Похоже, что мы опоздали. Месяцев на несколько. В любом случае, нужно лезть, раз пришли. Подсадите!

Мужчина спрыгивает на заросшую темным мхом плитку и долго щёлкает чем-то, после чего калитка распахивается, и он галантным жестом приглашает нас внутрь.

Двор выглядит мрачно, но уютно. Пахнет хвоей и сыростью. Если закрыть глаза, покажется, что оказался в лесу.

Пройдя вдоль дома, мы приходим в сад. Ровными рядами, ветка к ветке стоят друг за другом старые яблони. Между рядами, чтобы не пачкать обувь во время дождя, выложены дорожки из той же плитки что и на входе.

Я решаю дойти до конца сада и прохожу ещё метров сорок, после чего деревья заканчиваются, и начинаются грядки. Аккуратные рядки с посаженным укропом, зелёным луком и чесноком. Среди зелени нет ни одного сорняка.

– Стучите в дверь снова! – кричу я друзьям. Хозяева или не слышат, или скоро вернуться.

Возвращаясь к дому, я гляжу на окна второго этажа и, заметив за стеклом движение, останавливаюсь, чтобы рассмотреть не показалось ли.

Штора отъезжает до упора, и я четко вижу два силуэта.

Один большой и статный, другой – едва выше пояса.

Я неуверенно машу, но мой жест остаётся без ответа.

Закинув ружьё за спину, машу двумя руками.

Кажется, наконец заметили.

Рука высокого человека поднимается вверх, и штора задергивается обратно. Сейчас будут встречать.

Я подхожу к дому, и дверь, ведущая в сад, распахивается. На крыльцо, широко улыбаясь, выходит пожилой мужчина. Он молча осматривает нас по очереди, спускается на одну ступеньку и, развернувшись вполоборота, кричит куда-то в дом: "Енот! Вылазь. Помогай говорить!"

Сразу после этого слышатся торопливые шаги, и на пороге появляется парнишка, лет девяти, похожий на обычного мальчика, а не на енота.

– Здравствуйте вам! – говорит он и зачем-то кланяется. – Как вас называть? Что вы хотели бы?

Мальчик выговаривает стараясь каждую фразу, а женщина, словно проверяя его на словесном экзамене, после каждого слова одобрительно кивает головой.

– Здравствуйте, – говорю я, на всякий случай закрепив приветствие ответным поклоном. – Мы друзья!

Я оборачиваюсь на своих товарищей и вижу, что лица у них сосредоточенные, а Олег зачем-то поднял правую ладонь. – Мы друзья, – повторяю я. – Между собой и для вас!

Мальчик на этой фразе смотрит на деда, и тот, будто хочет успокоить, кладёт руку ему на макушку.

– Мы попали в беду! – продолжаю я. Слова, на всякий случай, произношу медленно и четко. – На нас напали больные. Остались без машин. Помогите, пожалуйста.

В конце фразы я, войдя в роль мореплавателя, приветствующего туземцев, бью себя в грудь кулаком, но мальчик, повторяет мое движение. Видимо, хочет показать, что понимает меня.

– Заходите в дом, – говорит мужчина и, развернувшись, скрывается в прихожей, утаскивая за руку парня.

Мы переглядываемся с друзьями, и я вижу, что некоторые, глядя на меня, хихикают.

– Ты всегда быть в моем сердце, – тихо дразнит Татьяна и, заливаясь беззвучным смехом, бьет себя в грудь, – заходи давай!

Внутри дома чисто и уютно. Полную тишину нарушает только громкое тиканье старых, видимо ещё советских, часов, прибитых к стене.

Мы проходим через гостиную и оказываемся на кухне, где, сидя за широким дубовым столом, нас уже ждут хозяева.

Они молчат и улыбаются. Мы улыбаемся в ответ.

Наконец все расселись за стол, и дед, произнося слова абсолютно обычно, спрашивает: "Голодные? Есть хочется?"

Некоторые кивают, и тогда он коротко бросает мальчику: "Енот, тарелки".

А сам тянется под стол и вытаскивает оттуда блестящую кастрюлю. Мальчишка чинно поднимается из-за стола и вынимает из шкафа нарядные тарелки, расставленные за стеклом. Ставит перед каждым по одной и садится обратно.

Дед смотрит на него с улыбкой и, отвесив лёгкий щелбан, добавляет: "Енот, приборы!"

Парнишка непонимающе смотрит на него большими чёрными глазами, и тот беззлобно разъясняет: "Ложки, вилки... Приборы".

Положив каждому в тарелку по две вареные картошкины, приправленные свежим укропом, дед рассказывает, что "только утром варили" и просит объяснить подробнее, откуда мы и как здесь оказались.

Услышав каким образом нам удалось их отыскать, он вдруг мрачнеет и строго кричит: "Роберт! А-ну, быстро сюда".

Кажется, теперь понятно, почему мальчик выскользнул из-за стола, когда наш рассказ дошёл до места, где мы увидели на дороге крест.

Очевидно, что это его рук дело. Причём, дело не согласованное со старшими.

– А почему, – тихо спрашивает Таня, – вы его сейчас Робертом назвали, а до этого все время звали Енотом?

– А потому, – мужчина говорит совершенно серьезно, – что вам только кажется, что это мальчик! А на самом деле, это помесь обезьяны с котом! И собакой, – он складывает пальцы перед глазами, изобразив очки и добавляет, – этим енотам сама природа выдала масочки вокруг глаз. Как у бандитов... Хулиган мой Роберт! Вот, почему.

За столом раздаётся дружный смех.

В это время Роберт-Енот заходит на кухню. Очень грустно, шаркая ногами и не поднимая головы, подходит к лавке и усаживается рядом с дедушкой.

– Знаешь, что хочу тебе сказать? – спрашивает хозяин строго.

– Пока не знаю, – покорно отвечает мальчик, по-прежнему чеканя каждое слово.

– Я хочу тебе сказать, что ты у меня большой молодец! И уже совсем взрослый!

Парень недоверчиво поднимает голову, вытирает кулаком проступившие слёзы и, словно маленькая молния, вскакивает, чтобы повиснуть у дедушки на шее.

– Не послушался деда и оказался прав! А дед оказался не прав! Молодец!

Мальчик все-таки расплакался, а дедушка продолжил, обращаясь уже к нам:

– Это он сам придумал. Крест – чтобы вертолёт увидел. Объявления – чтобы те, кто прилетят, поняли, где искать. А я запретил. Я сказал, что ничего не получится. Что нет больше никого, кроме нас.

Варя, глаза у которой тоже на мокром месте, спрашивает через брата, почему мальчик так странно разговаривает. Дед внимательно смотрит на неё и отвечает, что в следующий раз она может обращаться к нему напрямую.

– Не нужно через брата, – добавляет он, – я знаю язык жестов. У меня на нем внук разговаривал. Его лицо на миг

мрачнеет, но быстро возвращается обратно, – он не странно разговаривает, он просто учится говорить. Он нерусский. У него другой язык родной. А нашему, я его как могу, обучаю. Стараюсь говорить проще, без сложностей, и тогда он все понимает. Но ведь одно дело понимать, а самому говорить всегда сложнее. Иногда забывается и начинает тараторить по-своему. Ни слова тогда разобрать невозможно.

– А какой язык у него родной, дедушка? – задавая этот вопрос, Гриша утягивает из тарелки сестры недоеденную картошку и быстро отправляет в рот.

– Так английский. Роберт у нас потомственный американец.

Заметив интерес к своей персоне, Енот отлепляется от деда и кокетливо посматривает в нашу сторону.

– Я раньше каждый день выезжал из дома. Ездил по соседним городам и посёлкам. Стоял где-нибудь бибикал, ждал, чтобы кто-нибудь отозвался. Два месяца этим занимался. Потом нашёл его, – он гладит мальчика по чёрным волосам, – так спокойнее мне стало, – голос мужчины дрогнул, – в общем, с тех пор вдвоём и живём. Он сначала вообще меня не понимал. Ну, вот и пришлось учиться, чтобы выходить из ситуации. Йес, олл корректли? – неожиданно перешёл он на английский, – мне тоже пришлось пару слов выучить. Так сказать, чтобы сократить пропасть непонимания.

– Извините, пожалуйста, – Олег, поднял руку, – но я до сих пор не знаю, как вас зовут!

– Меня зовут Андрей. Если неудобно Андреем, седина смущает и все такое, зовите дедом Андреем, или дедушкой или вообще, дедом. Мне все нравится. А вы, дайте-ка повторю, – он поочередно указывает на нас пальцем, – Олег, Варя, Таня, Гриша и Илья! У меня память хорошая. Если запомнил, то навсегда.

Дед Андрей рассказывает, что недалеко от того места, где мы встали на морскую ночевку, практически перед самым концом затеяли большую стройку. Несколько тысяч строителей согнали. Построили для них свою маленькую деревню из бытовок и лёгких домиков. Он наблюдает за ними иногда, у них там теперь свой мир. Отдельная цивилизация. Лучше обходить их стороной.

Дедушка предполагает, что мы своим визитом привлекли их внимание и что он давно хотел с ними разобраться, но все руки не доходили. К тому же, сюда они не ходят. Им тут есть нечего.

– Как вы думаете, – спрашиваю я, – можно ли как-то вернуть наши машины?

– А тут и думать нечего, – отвечает дед, – сегодня все и вернём.

Закончив обед, мы благодарим за угощение. Рассказываем, что никто уже и не помнит вкуса овощей.

Хозяин довольно улыбается и объясняет, что сам все вырастил и что мы ещё местных яблок не пробовали. Пригла-

шает осенью сюда наведаться и оценить, что такое настоящий яблочный сад.

Мы спускаемся в мастерскую. Оборудованная в подвале, она прекрасно освещена, причём, свет исходит откуда-то с потолка, но не имеет электрической природы. Заметив наше изумление, дедушка объясняет, что подвал освещается солнцем, с помощью системы линз и зеркал. Солнце светит на крышу, попадает на специальный уловитель, и уже некуда ему деваться, отправляется работать на благо изобретателя.

Он подводит нашу делегацию к большому деревянному ящику. В нем, как спички в коробке, охотничьи ружья. Пахнет машинным маслом и заводским пергаментом. Этот запах возвращает веру в себя. Заряжает энергией для предстоящего приключения.

– А это специальный лот нашего аукциона! – дед Андрей разворачивает зелёный армейский брезент и вынимает автомат Калашникова, – игрушка для самых маленьких!

Мы немного ошарашены, и хозяин подвала объясняет, что ружья для ребёнка пока великоваты, но укорочённый автомат в самый раз. Просит, чтобы мы не переживали, что мальчик стрелять из него обучен и в подтверждение своих слов даёт Роберту два автоматных магазина, скреплённых между собой изолентой.

Енот ловко всаживает рожок на место, передёргивает затвор и, сопровождая свои действия голосовой озвучкой, пускает по стене импровизированную очередь.

Тра-та-та-та!!

Затем также отработанно вынимает рожок, выдергивает затвором пущенный в ствол патрон, ловит его на лету и добавляет обратно в магазин. Поворачивается к деду, говорит: "нельзя ходить, пока заряжен" и под сопровождение наших отвисших до пола челюстей, гордо уходит наверх по лестнице.

– Если готовы, – дедушка Андрей стучит ногтем по ружью, – пойдёмте в гараж, будем заводить машину. Хотя, – тут же добавляет он, – вы, наверное, выходите лучше на улицу. А то места маловато. Гараж старый, машина большая, на много людей не рассчитан.

Оказавшись на улице, мы толпимся возле ворот. Рассматриваем ружья, поудобнее рассовываем по карманам патроны. Раздаётся глухой щелчок, плохо смазанные петли скрипят так громко, что Таня зажимает уши. Мы отходим, чтобы дать место открывающимся створкам и слышим, наконец, звук проснувшегося мотора.

Внутри темного, как пещера, гаража зажигаются два синеватых глаза фар. Словно зверь, выпрыгивающий из логова на охоту, издав мощный рык, на свет божий вырывается Мерседес Гелендваген последнего поколения.

– Дедушка Андрей! – кричит Гриша, – ну, нифига ж себе, на самом деле! Откуда?!

– Нормально, – отвечает из кабины водитель, – позаимствовал у нашего мэра. Хоть какая-то польза для народа.

Усадив Енота на переднее место, Андрей предлагает занимать оставшиеся, и когда последняя дверь захлопывается за последним пассажиром, мы срываемся с места.

– Простите, – застеснялся водитель, – я не подросток, чтобы так гонять, просто педаль мягкая, а движок мощный. Скоро привыкну!

– Мы вам так за все благодарны, – Олег подвигается вперёд, чтобы его было лучше слышно, – вы нас просто спасли! Спасибо большое.

Двигатель снова рычит, и отброшенный на сидение мужчина нервно ищет рукой, за что схватиться.

– Карма в действии! – заявляет Таня, – помнишь, как пугал нас на катере?

Вселенная приготовила обратку.

Мы смеёмся.

Через десять минут езды по отличному асфальту мы съезжаем на грунт и несёмся, рассекая кустарники, в сторону моря.

– Если я все правильно понял, – дед машет рукой куда-то вперёд, – те машины должны быть вашими!

Мы дружно поворачиваем головы в указанную сторону, и действительно стоят родные бочком друг к другу, никуда не делись.

– Я сейчас медленно подъеду, и мы пойдём тихо-тихо выглянем на пляж с горы. Там поймём, что делать дальше. Приготовьте оружие!

– Очень жаль нас немного, – вступает в беседу Енот, – страшно! У меня дома не страшно. Людей много, – посмотрев на деда, он добавляет, – думаю так.

– Почему ты так думаешь, малыш? – уточняет Таня, и мальчик, развернувшись к ней рассказывает, что у них в Америке у многих семей бункеры. Что многие наверняка спаслись, а здесь бункеров нет и потому, больных много, а здоровых немного.

– Не поровну, – продолжает Енот и

Дед жестом просит его замолчать. Пора сосредоточиться на деле.

Машина на самых низкий оборотах подбирается к стоянке, и мы, не закрывая двери, выбираемся из неё. Формируемся в цепочку и, пригнувшись к земле, приближаемся к краю склона.

Пляж уже видно и даже беглого осмотра достаточно, чтобы понять – больные ушли. Присмотревшись внимательнее, я все-таки замечаю два силуэта, согнувшиеся в тени большого камня. Они глодают кости и делают это очень увлечённо, постанывая и причмокивая от удовольствия.

– Падальщики, – шепотом объясняет дедушка, – дно пищевой цепочки. Вы утром настреляли еды, но этим всегда достаются только объедки. Они сами почти еда. Первые претенденты. Самые слабые. – он достаёт из-за пояса охотничий нож и передаёт его Олегу. – Нужно их тихо убрать. Чтобы не позвали остальных вернуться... Я для таких дел старый,

а Енот молодой.

– Смотри, – ловит на ходу ситуацию Гриша, – если мы сейчас вон там спустимся, они нас из-за камня не увидят. Подкрадёмся ближе, я их отвлеку, а ты зарежешь. Пойдём?

Олег тяжело и часто задышал, махнул напарнику, чтобы двигался за ним и спрыгнул на склон.

– Отлично, – сказал Андрей, – будем прикрывать отсюда, если все пойдёт через задницу.

Словно из зала кинотеатра, мы наблюдаем, как ребята спускаются вниз. Как Гриша, добравшись до места стоянки, роется в наших вещах и, наконец, победно дёрнув кулаком в воздухе, демонстрирует нож с широким лезвием. Я, приподнявшись, показываю ему большой палец вверх, очень переживаю, но сразу принял решение, что помощь там не нужна, задача как раз для двоих.

Ребята обходят камень с двух сторон, двигаясь навстречу друг другу. Больные лежат на песке, выгрызают зубами мясо, оставшееся на костях в неудобных местах. Гриша уже видит Олега и перестаёт пригибаться. В полный рост резко выскакивает перед обжорами, и те, подпрыгнув от страха, пятятся назад. Олег делает два длинных быстрых шага им наперерез и четкими движениями всаживает нож по самую рукоять сначала в одного, потом в другого. Обжоры, будто и не было нанесённых ран, разворачиваются к нему, и той секунды, в которую они думают куда бежать, Грише хватает,

чтобы подскочить и ударить их ножом ещё по разу. Один из больных падает на четвереньки, закрывая голову руками, а другой, несмотря на то, что из него обильно вытекает кровь, последним рывком сбивает Олега с ног и, не разобрав направления, бежит в море. Забегает почти по грудь, понимает ошибку, обреченно скулит и, преодолевая сопротивление воды, оставляя кровавый след, видный даже с нашей позиции, бредёт к берегу. Силы оставляют его, и он оседает. Просто держит голову над водой и вяло перебирает руками. Ему, как и его товарищу, осталось совсем не долго.

Гриша мечется среди растерзанных куч, бывших когда-то нашими вещами. Поднимает, смотрит, в сердцах бросает обратно на землю. Откопав из-под заваленной палатки свой рюкзак, он лихорадочно ощупывает его. Забирается внутрь, ищет там что-то и, наконец, воздев руки с рюкзаком к небу, начинает кружиться и скакать.

– Видно цела его аппаратура, – мудро замечает Таня, – а на остальные вещи плевать. Пока сами целы, ещё раздобудем.

– Вы представляете, какая удача, – Гриша сильно запыхался, поднимаясь в гору, и теперь стоит на коленях, стараясь отдышаться, – нашёл свой рюкзак! – он, сплевывает и добавляет, – а в нем ключи от машин!

– Твою налево! – стукнув себя по лбу, произносит Олег. – Долбаные ключи! Шли за машинами, а что ключи на пляже оставили, забыли.

Он достаёт из закрытого на липучку кармана звенящие

связки и бросает их мне.

– Давайте, наверное, убираться отсюда. Купаться тут больше никто не захочет!

– Ребята, – Андрей хватает Гришу за локоть, – а как же остальные обжоры? Давайте-ка, раз уж подготовились, их навестим? Тут рядом совсем. На все про все не больше получаса.

Я смотрю на лица своих друзей и вижу, что у них настроение не столь воинственное. День выдался тяжелый, да и страшно соваться в самое логово. Но дед и внук тут живут и не помочь им избавиться от постоянной угрозы, как минимум, неблагоприятно.

– Заедем, конечно, дедушка Андрей! Вы только покажите, куда и командуйте.

Ехать, действительно, оказалось недалеко. На дне не слишком глубокого песчаного карьера, была устроена рабочая деревушка. На площадке сто на сто метров уютно, стенка к стенке, стояли в два этажа строительные бытовки. Мы стараемся не высовываться, осматриваем округу и насчитываем две сотни больных, копошащихся перед жилым комплексом. Остальные, видимо, спят внутри.

– Ну, что ж, – заключает наш полководец, – мешать им спать мы никак не намерены. Чем крепче сон, тем легче нам в бою. Айда за мной ребята!

Он подводит нас к багажнику своего автомобиля, показы-

вает чёрный деревянный ящик и гладит его ладонью.

– Ф1, – говорит дед нежным голосом, – это название вам о чем-нибудь говорит?

– Примерно, – нервно сглотнув слюну, отвечает Олег, – а можно посмотреть?

Андрей открывает шпингалет и откидывает крышку. Двадцать новеньких, похожих на аппетитные лимоны, гранат спокойно лежат в удобных гнёздах. Смотрят на нас, потревоживших покой и просятся на ручки.

– Значит так, – дед берет в руку одну из адских машинок и показывает, – эти усики разгибаем... Крепко, но не перебарщивая, там сила не нужна, зажимаем этот рычаг. Фильмы видели про войну когда-нибудь? Тут все так же. Когда готовы бросать – бросаете. Рычаг отпускается, и начинается отсчёт. Примерно три-четыре секунды. Потом рванет.

Я хочу, чтобы каждый из вас взял по гранате. Разойдёмся по верхушке и окружим карьер. По моей команде все бросим вниз гранаты и сразу, – он погрозил тяжёлым кулаком, – сразу падать на землю. Потом уши разжимаем и встаём с ружьями. Дальше все, как на сафари...

– Я думаю, Варя не справится, – говорит Гриша, – у неё руки слабые, – но девушка решительно поджимает губы, показывает брату несколько жестов и первой берёт из ящика лимонку.

– Правильно, девочка, – смеётся дедушка, – так его! Но тем не менее, он прав. Концепция меняется! Вы, с ружьями

наготове стоите возле машины и ждёте моей команды. Когда позову – поможете мне добивать этих тварей. Все понятно? – мы молчим, – ну, тогда я пошёл.

Дед Андрей вынимает тяжелый ящик из багажника и тащит его к самому краю карьера. Не теряя времени, вытаскивает две гранаты, разгибает усы, выдергивает чекушки и, встав в полный рост, швыряет их вниз.

Кричит нам "зажимайте уши", и начинается ад. Я и не думал, что в жизни может быть так громко. Когда обе гранаты рванули, сливаясь в один большой взрыв, все мы, как по команде падаем на землю. Дед, наоборот, вскакивает на ноги и, выхватив из ящика ещё два подарка для врагов, забрасывает их к цели. Снизу после первого взрыва доносятся истошные вопли, но второй взрыв перекрывает их шум. Дед повторяет процедуру снова и снова, а я настолько уже породнился с землёй, на которой лежу, что встать не хочу совершенно. Во рту песок, в глазах песок, но Андрей кричит "пора", и все мы вскакиваем и подгоняемые лютым адреналином бросаемся ему на помощь. Внизу картина, как в масштабном фильме. Вместо аккуратных домиков – покорёженное горящее железо. Десятки больных кричат, мечутся, сталкиваются друг с другом. Они обезумели от страха, но большая часть уже мертва. Сотни покалеченных тел, некоторые из которых ещё движутся, выстилают дно карьера, остальных, видимо, не видно под завалами разрушенных бытовок.

– Что раскисли? – кричит нам дед, который все это вре-

мя не перестаёт стрелять, – помогайте! Кончайте их. Рядом со мной раздаются спокойные, ровные автоматные очереди. Маленький Енот старается не расходовать патроны вхолостую и тщательно, как учил дед, прицеливается. Я присоединяюсь к нему и отправляю вниз выстрел за выстрелом. Периодически сбиваю с ног очередного противника. Наконец, патроны заканчиваются, и я кричу "пустой!". Отхожу к машинам, и по одному ко мне подтягиваются остальные.

Настроение поганое, чувствую себя мясником. Оглядевшись вокруг вижу, что мои товарищи испытывают что-то похожее. Варя и Таня вытирают слезы и сопли.

– Большое дело сделали! – дед Андрей подходит к нам и присаживается на землю рядом. – Жалко, что гранаты закончились. С ними спокойнее живётся.

– Вы знаете, – Таня убирает слезы кулаком, – так нельзя делать, как мы сейчас делали. Это неправильно! Ведь они тоже живые. Им больно!

Мне кажется, что все, кроме Енота, который влюблёнными глазами смотрит на деда, поддерживают эту мысль.

– Конечно, неправильно! – Андрей медленно встаёт, кладёт ружьё в багажник и, усевшись обратно, продолжает. – Я понимаю, что у тебя это первый раз. Потому, не обижаюсь. Но вот скажи, кто, по-твоему, должен был это сделать?

Я?

Чтобы тебе настроение не портить? Или, может, Роберт? Вы сами только благодаря чуду сейчас сидите живые. И

жалеете их? Думаете, надо было просто уехать, и потом хоть трава не расти? А то что теперь тут, – старик махнул рукой в сторону моря, – можно будет купаться спокойно? Что никто больше в ловушку не попадёт? Разве это не важно?

Вы себя ведёте как ребёнок, барышня...

Мясник плохой! Мясник убивает зверушек.

А потом идёте в магазин за вкусной курочкой, как будто она там и выросла.

Прям в коробке с надписью "куриные крылышки".

Нет!

Кто-то должен брать на себя ответственность. Делать грязную работу. Вокруг нас дерьмо! Но мы можем сделать доставшийся нам мир немного лучше.

Дед закончил говорить и, устало привалившись к машине, попросил подать ему воды. Олег и Гриша одновременно вскочили на ноги, но маленький Енот уже протягивал бутылку.

– Вы не обижайтесь на нас, пожалуйста, – сказал я, – спасибо вам большое за порядок. За равнодушие. Думаю, мы научимся все делать правильно. Со временем разберёмся.

Подготовившись к отъезду, мы выходим из машин, чтобы попрощаться.

– Вы обязательно отыщите нас в городе, – Таня говорит, не поднимая глаз, – ещё стыдится своей недавней претензии, – я оладушек напеку, чая попьём.

К тому же, мальчику, – она треплет Енота по мягким темным волосам, и он довольно жмурится, – мальчику полезно расти в обществе. У нас места на всех хватит, правда ребята?

Мы одобрительно киваем и поддакиваем.

– Нам нужен такой человек, как вы, – добавляет Олег, – и вам скучно не будет. А яблоки, – добавляет он секунду подумав, – особого ухода не требуют. Приедем осенью – соберём урожай!

Андрей улыбается. Видно, что ему приятны наши уговоры.

– Обязательно приедем, – говорит он, – в самое ближайшее время. А там уж на месте разберёмся.

Мы жмём друг другу руки и обнимаемся. Маленький Роберт ещё и целует каждого из нас в щеку. Рассаживаемся по машинам и выезжаем колонной в сторону асфальта. Посигналив друг другу на прощание, разъезжаемся в разные стороны и ещё долго обсуждаем, как здорово было бы объединиться. Что очень повезло встретиться и бросать на самотёк это не стоит.

Из бардачка раздаётся характерное шипение, и Варя, достав рацию, передаёт ее мне.

– На связи! Приём! – говорю я.

– Приём! Это Таня!

– Понял, Таня! Чего хотите?

– Мы с Олегом спрашиваем, цел ли Гришин компьютер!

Парень кивает, и я отвечаю: – вроде цел! Приём!

– Как там космонавт? Как Том? Отвечает?

Гриша резко нажимает на тормоз и, остановившись на обочине, одним прыжком перелазит ко мне на заднее сидение. Вынимает из багажника рюкзак, из рюкзака компьютер и с минуту что-то там набирает.

– Таааак. Сейчас, – он заметно нервничает, – Том написал: "Видели меня? Разглядели?" следующее сообщение:

"Черт возьми! Вы что, запустили салют? Готов поклясться, что вижу салют!" "Связь пропала, спасибо за все, свяжемся позднее".

– Он все видел! Гриша хватает сестру за голову и смачно целует в щеку, – это все благодаря тебе, мой маленький любитель фейерверков!

А я в это время беру рацию и сообщаю:

"Том в порядке! Наш салют видел! Продолжаем общение!"

Глава 20

Линия реального времени

Последнее приключение так утомило нашу компанию, что хочется только лежать, сидеть и есть. Больше не хочется ничего. Таня предлагает состряпать вареников с вишней, и все соглашаются, остаётся только ее раздобыть. Мы живём в чудесном южном городе, и спелая вишня растёт прямо на улицах. Любой желающий всегда может нарвать сколько хочется, просто проходя мимо, увидев ничейное дерево.

С помощью детской считалочки роль добытчиков выпадает мне и Олегу. Захватив ружьё, два ведерка и небольшую лесенку, мы отправляемся за урожаем. Первое вишнёвое дерево растёт у ворот соседнего дома, и Олег, как человек более легкой комплекции, принимается собирать плоды. Я стою внизу, готов забрать наполненное ведро и подать пустое, озираюсь по сторонам, наслаждаюсь замечательным летним днём.

– Как тебе машина у деда Андрея? – пробует завязать беседу Олег. Его голос доносится с самой верхушки, хотя ещё минуту назад он был на нижней ветке.

– Слушай, ты бы не лазил так высоко, – отвечаю ему я, – вареники это чудесно, но если ты покалечишься, ни у кого

не будет аппетита!

Олег улыбается и продолжает ритмично стучать по дну ведра, бросая в него спелые ягоды.

– Вишню не хорошо так бросать! Она же давится.

– Я уже набрал на вареники. А в компот любая сгодится, – мужчина упрямо швыряет ягоды. Ему просто лень тянуть руку.

– Хорошая машина, – я меняю тему, понимая, что спор не стоит усилий, – думаю, нам тоже нужно заморочиться. Обновить автопарк.

– Именно к этому я и клоню, – радостно сообщает Олег, – предлагаю заняться этим вопросом. Когда все устанут от отдыха... Слушай, – его тон вдруг становится задумчивым, – все эти дни не даёт покоя одна мысль, – мужчина спускается с дерева, и я принимаю ведро. Помогаю спрыгнуть.

– Маленький Роберт, когда мы ехали на пляж, сказал, что у них в Америке многие построили бункеры и спаслись, помнишь? – я киваю. – А помнишь, мы с тобой, уже как будто тысячу лет назад, нашли у губернатора карту? – я снова киваю. – Так вот. Я вообще не понимаю, как мы, до сих пор, даже не задумались о том, чтобы проверить этот бункер?! Там же могут быть люди. А мы можем помочь. – он весело смотрит мне в глаза и добавляет, – да и просто, блин, интересно! Ты когда-нибудь был в бункере? Вот я, никогда не был...

– Это действительно странно, Олег. Но объяснить можно. Ты посмотри, как мы живем в последнее время! Каждый

день веселей предыдущего. Вроде стало потише, теперь можно и бункер.

Взяв по ведерку, мы отправляемся в сторону дома. Мой напарник, закидывает в рот несколько вишен и кривится от кислого вкуса.

– Никогда не любил вишню, – признаётся он, – с сахаром или в пироге нормально. А вот так, без ничего – редкостная гадость... Ну, а кроме шуток, предлагаю поднять вопрос перед всеми. Думаю, можно разведать, что там на карте. От нас не убудет.

От большой фарфоровой миски замечательных ароматных вареников осталась только кучка темных вишневых косточек. Таня налила всем горячий компот, и мы пьём его вместо чая. Гриша принёс ноутбук, поставил во главе стола, чтобы всем было видно, а Олег подключил к нему флешку, найденную в кабинете у местного главы. На самом деле, флешку мы подключили просто для наглядности, чтобы добавить затее интересности, нового на ней не появилось, а старое мы и так помнили наизусть.

– Если сравнить эту карту с теми, что есть у меня, – рассуждает Гриша, – эта метка указывает на один из пирсов, уходящих в море. – он открывает спутниковую карту местности и тыкает пальцем в чёрную, асфальтовую дорогу, выходящую прямо к воде. – Видите? Гора, дорога, море. Вроде, как и нет больше ничего, но если присмотреться... – он

берет в руки нож и самым его кончиком, не касаясь экрана, указывает на серый ровный прямоугольник, – вот эта штука-ковина, похоже, сделана из бетона. А если в горе есть что-то из бетона... – он дает нам время помочь ему закончить фразу, но никто не может догадаться, что сказать. – А если в горе есть бетон, – заканчивает Гриша, – то в ней наверняка спрячется серьезное строение.

– На самом деле, – вступает в разговор Таня, – тут нет никаких сложностей, съездить туда и проверить. Часов пять пути в одну сторону. Если поспешить, одним днём можно управиться.

– Хорошо, – пытается резюмировать Олег, – как считаете, что нужно для этой поездки?

– Расслабиться! – весело вставляет Татьяна, – выспаться хорошо, да и ехать. Не усложняя.

– На самом деле, – Гриша, поджав губы, смотрит на сестру, – я бы хотел, чтобы ехала только мужская часть группы. Если начнётся заварушка, будете больше мешать, чем приносить пользу. Уж простите за откровенность. Предлагаю дождаться Андрея с внуком и попросить его остаться до нашего возвращения. И тогда уже со спокойным сердцем выдвигаться.

Мы с Олегом согласно киваем, а женщины картинно обижаются, хотя, конечно, понимают, что Гриша прав.

Наконец в качестве примирения Таня говорит, что не очень-то и хотелось, что у девушек и по дому дел найдётся,

наливает всем ещё по кружке компота, и мы сидим за столом до самого вечера, уютно обсуждаем все на свете.

На следующее утро я решаю не валяться в кровати и встаю пораньше. Дохожу до кухни и с удивлением замечаю, что все остальные приняли точно такое же решение. На столе большое блюдо, доверху наполненное горячими оладушками. На плите в глубокой чёрной сковороде дожаривается очередная порция омлета.

– Ты следующий в очереди, – Таня указывает на меня лопаткой, блестящей от подсолнечного масла. Я благодарю её за заботу и выясняю, что моя доля завтрака будет готова через десять минут. Объявляю, что иду поливать посадки, на что сидящий в махровом халате Олег сообщает, что смысла в этом нет, что он все уже сам полил и ждёт от меня "спасибо".

– Спасибо?! – говорю я подчёркнуто удивлённым тоном, – ты лишил меня утреней радости! Я обожаю поливать чертов укроп.

Олег с фальшивым удивлением смотрит на меня, приспустив очки и отложив журнал многолетней давности, делает предложение:

– Давайте тогда делить грядки! Вам, Илюша, так и быть, достанется укроп. Я же, как умеющий уступать мудрец, возьму себе кинзу, лук и петрушку.

Обалдев от такой наглости, я обдумываю, что можно ответить, но тут Варя, взяв листок бумаги и ручку, пишет на

нем "кинза", "петрушка" "возьму я". Пока мы приходим в себя от нового поворота, в игру вступает Таня и, поправив на груди кухонный фартук, говорит, что:

"Раз девочка хочет поливать, то пусть она и поливает. А мы, если хотим вкусно жрать, должны найти себе занятие соответствующее своим размерам и силе".

Мы все дружно хохочем, а Варя, снова схватив листочек, пишет на нем "спасибо".

Хороший, солнечный день.

Когда на улице, прямо под нашим забором, раздаётся резкий автомобильный гудок, мы с Гришей, вышедшие во двор и только что расставившие на доске шахматные фигуры, натурально подпрыгиваем, а черный король падает с доски и катится по плитке. Я кричу в сторону дома "Андрей приехал!", поднимаю с земли фигуру и бегу открывать ворота.

Черный Гелендваген чинно закатывается во двор. Из него, не дожидаясь полной остановки, вылетает маленький Енот. Так как я оказываюсь на его пути первым, запрыгивает на меня и целует в щеку.

– Рад тебя видеть, малыш, – чуть смущаясь, говорю я, а мальчишка, забыв ответить, уже скрывается внутри дома.

– Привет, Илюша, – дед Андрей подходит и протягивает руку. Рукопожатие у него, как у железного робота, видимо, приходилось в жизни поднимать что-то потяжелее ключей от Мерседеса.

– Здравствуйте, Андрей, – отвечаю я , – заходите, пожалуйста, в дом. Все очень рады вас видеть. Вы не поверите, но у нас уже есть к вам новая просьба. Я смущаюсь своей наглости и добавляю, – но все просьбы после приветственного чаепития! У нас тут вообще, без чаепития ни один вопрос не решается.

Конечно же, он соглашается. Даже не дослушав до конца, говорит, что "все правильно, надо ехать" и "не волнуйтесь, мы с Енотом обо всех позаботимся".

Я смотрю на кухонные часы, сообщаю Грише с Олегом, что ещё только полдесятого и что целый день впереди. Они оба кивают, и мы решаем не откладывать.

Тойота Рав4 шелестит резиной по горячему асфальту. На спидометре 150, но по хорошей дороге скорости не чувствуется. Пристегнувшись, мы расслабляемся в удобных креслах, вертим головами, наслаждаемся сочной зеленью вокруг.

Симпатичная плетёная корзина с едой, собранной в дорогу, наполняет салон соблазнительным ароматом. Хочется поскорее отыскать достойную полянку и устроить пикник.

Машина до упора заправлена, в багажнике две канистры на всякий случай.

Несколько часов дороги пролетают незаметно, и теперь, прочитав название одной из проносящихся мимо деревень, мы узнаём, что половина пути уже пройдена.

Я давно для себя решил, что быть пассажиром гораздо приятнее и потому каждый раз, когда Олег и Гриша спорят, кто будет сидеть за рулем, тихонько радуюсь.

Я снова на заднем сидении, мирно смотрю в окно и удивляюсь, скольких вещей не видишь, пока крутишь баранку. Радостно и страшно подмечать, как быстро заживляет природа, оставленные человеком раны. Широкие поля, на которых раньше созревала пшеница, отвоёваны полевой травой. Она долго ждала своей очереди пожить и теперь старается утолить накопившийся голод. Только-только ушла в расход человеческая цивилизация, а природа уже прячет, замечает под ковёр следы её пребывания. Буйная трава не растёт только на асфальте, но и это вопрос времени. Наберется сил – скovyрнёт и его. Пройдёт каких-нибудь сто лет, совершенно незаметных для планеты, и словно и не было никогда человека. А сколько было разговоров... Сколько любования собственной важностью!

Правильно говорил Джордж Карлин: "Давайте называть вещи своими именами. Мы засоряем Землю и думаем, что ей скоро конец. Но это не ей конец. Это нам конец!".

Олег резко сбавляет скорость. Присматривается куда-то вдаль и понемногу полностью останавливается. Глушит мотор.

– Ребята, – говорит он радостно, – смотрите внимательно вперёд! Сейчас будет шоу.

Мы впиваемся глазами в дорогу, и вскоре, осторожно раздвинув носом траву, на асфальт выходит упитанная хрюшка. Пятна на боку и темные полосы на спине напоминают мне рисунки в школьном учебнике – перед нами настоящая лесная свинья.

Гриша в порыве охотничьего азарта опускает окно и, протянув руку между сидений, пытается нащупать ружьё.

Олег хватает его и, сделав круглые глаза, шипит:

– Это не еда, парень! Подожди ещё две секунды...

Свинка разворачивается обратно, тычется в заросли розовым носом и вдруг, весело повизгивая, один за другим из кустов появляются поросята! Все как один маленькая копия мамки, они бегут через дорогу, быстро постукивая чёрными копытцами. Деловито перехрюкиваются, стараются не отставать.

Когда оригинальная процессия заканчивает своё гордое шествие, Олег трогается с места и, сияя от восторга, заявляет:

– Шестнадцать замечательных свинят и красавица-мама! Ну, разве не чудо?

Через несколько километров мы подъезжаем к мосту через мелкую горную речку и очарованные окружающей красотой решаем устроиться на пикник именно здесь. Шелест воды, текущей по камням, птичьи переклички и ласковая прохлада способствуют аппетиту. Мы съедаем большую часть

запасов, приготовленных для нас Таней. Пирожки с консервированной ветчиной, соленые огурчики и большая банка холодного сладкого вишневого компота восхитительно дополняют красоту горного леса. Вытащив из лукошка очередной пирожок, Гриша обнаруживает листок бумаги, сложенный в несколько раз. На нем, крупным неаккуратным почерком написано: "Очень хочу сюрприз! Пожалуста. Конфеты сладко чтото поиграть!!

С уважением Роберт".

Вдоволь наумилявшись таинственному посланию, мы решаем, что бедный Енот действительно заслужил чего-нибудь детского в своей неоправданно взрослой жизни, и что мы обязательно выполним его просьбу. Умывшись после обеда ледяной горной водичкой, продолжаем движение. Ещё час, от силы полтора и будем на месте.

Проезжаем через мертвый прибрежный город. Олег отчаянно сигналил на каждом перекрестке, а мы внимательно смотрим по сторонам, не найдётся ли знаков присутствия здоровых людей. Пока ничего. Похоже, здесь никому не удалось сохранить разум. Заметив магазин с вывеской "детский мир", притормаживаем. Выбив ногами пластиковую дверь, заходим внутрь и через минуту разочарованные уезжаем – магазин оказывается пустым. То ли не успели завезти товары, то ли оптимист хозяин решил их спрятать, надеясь, что все когда-нибудь уляжется.

За все время нам не встретилось ни больных, ни собак и, честно говоря, это вселяет в нас тревогу. Хочется выехать поскорее из города, не смотреть на чужие, мертвые дома, словно загоняющие нас в ловушку. Оказаться на просторе и прибавить скорость.

Проезжаем перекинутый от горы к горе мост, город остаётся позади, но облегчения не приходит, возвращаться, в любом случае, предстоит этой же дорогой. Гриша включает ноутбук, сверяет местоположение с картой и просит, чтобы Олег приготовился свернуть с дороги в лес, на ближайшем асфальтовом повороте. Поворот этот оказывается перекрыт мобильными ограждающими блоками из металлической сетки. Нам приходится серьезно постараться, чтобы растащить преграду и организовать дыру для проезда.

– Как думаете, зачем это все? – Гриша заваливает в траву очередную стойку.

– Чтоб такие, как ты, тут не ездили! – Олег делает удивленную гримасу, – сам что ли не смог отгадать?

Гриша смеётся:

– Я не точно выразился! Зачем мы этим занимаемся? Что нам здесь надо?

– Ну, просто мы с Ильей, – Олег снова серьёзен, – пришли для себя к выводу, что странно будет не попробовать. Ответь сам себе честно, сможешь ты жить спокойно, зная, что рядом есть неизведанный бункер?

Или чем, по-твоему, нам ещё заниматься теперь?

Петрушку посадили, топливо запасли...

– Да, – отвечает Гриша, – глупый вопрос. Это, наверное, от того, что мне как-то тревожно. Предчувствие дурацкое. Как будто ничего хорошего нас впереди не ждёт!

– Гони это, Гриша, – Олег по-отечески кладёт руку ему на плечо, – в тебе говорят стереотипы. Мир погиб... Пробираемся в секретный бункер... Чего тревожиться? Рутина...

Мы едем по горе, заросшей лесом, и дорога постоянно уходит в крутые повороты. Чтобы не вылететь с трассы, наша скорость не больше 20 километров в час.

Периодически, на обочине встречаются дорожные знаки, смысл которых понять можно, но внешний вид для нас не знаком. Гриша предполагает, что так как это военная дорога, ведущая к спецобъекту, знаки, скорее всего, тоже военные. Мы сходимся на мнении, что в экзаменах на права таких знаков точно не было.

Выезжаем на большую стоянку. В дальнем конце виднеется несколько машин и будка зелёного цвета, похожая на КПП.

Останавливаемся.

Олег сигналит несколько раз громко и протяжно, ведь если на проходной есть солдаты, пусть нервничают поменьше. Увидят нас издалека.

Ноль реакции.

Тихим накатом, слушая и озираясь, движемся дальше. Каждый раз когда мне удаётся не таращиться испуганно вперёд, а посмотреть направо в боковое окно, я вижу море. Оказывается, мы спустились на самый берег. Чистая синяя вода в двадцати метрах манит и успокаивает.

Пост охраны совсем близко.

Теперь уже очевидно, что он пустой.

– Обалдеть, твою мать, – ругается Гриша, – посмотрите на эти машины! В каждой сотни дырочек! Я даже небо сквозь них вижу!

На парковке пять или шесть дорогих автомобилей, каждый из которых похож на решето.

В нескольких можно рассмотреть силуэты человеческих тел, но они сильно тоньше, чем привыкло сознание, явно давно мертвы и даже успели высохнуть.

– Видимо, огонь вели прямо отсюда, – Олег указывает на площадку возле проходной, которая полностью усеяна гильзами от патронов.

– Тела не съедены, – добавляю я, – похоже, что здесь никогда не было обжор. Но что же тогда случилось?

– Скоро узнаем, – перебивает меня Олег, – а пока, предлагаю придумать, как открыть эти ворота, – он машет в сторону перекрывающего проезд сеточного ограждения.

– Есть одна идея, – говорю я и демонстративно пристегиваю ремень безопасности, – делов-то! Отъезд обратно и протарань.

– У дураков мысли сходятся, – сосредоточенно отвечает водитель и, откатившись на 20 метров, нажимает газ в пол. Мы влетаем носом в ограду, выбиваем искры и с громким скрежетом тащим по асфальту зацепившуюся за днище сетку.

Чтобы избавиться от противного, царапающего звука, Олег съезжает одним боком с дороги и старается наехать на какой-нибудь куст. Наконец, слышится глухой удар, машина подпрыгивает и оставляет позади кусок покорёженного металла.

– Я думал, мы уже в бункере, а мы только первый КПП проехали, – Гриша разочарованно кривит губы и полностью открывает пассажирское окно. – Хочу купаться! – громко кричит он, высунувшись из машины практически наполовину.

– Перенервничал парень, – спокойно замечает Олег и, нажав кнопку на своей двери, пугает Гришу начавшим подниматься окном.

За очередным поворотом мы снова на стоянке, где помимо десятков дорогих гражданских авто, припарковано несколько военных джипов. Есть даже бронетранспортёр с пулеметной башней на крыше.

Увидев мощный бетонный тоннель, построенный прямо в горе, мы понимаем, что достигли цели. По обоим краям тоннеля расположены бетонные дзоты, из которых в нашу

сторону, вызывая холодок в груди, смотрят дула крупнокалиберных пулеметов. Олег останавливает машину и по сложившейся традиции несколько секунд жмёт на сигнал.

Ни одного движения.

Ни шороха, ни тени.

Мы выходим из машины и вооружаемся самым ответственным образом. Топаем в сторону тоннеля, огибаем неаккуратно припаркованные Тойоты, Мерседесы, Лэндроверы. По слою пыли, покрывающей краску, можно предположить, что стоят они не один месяц.

Дойдя до входа в бункер, мы видим огромные металлические ворота, а в них небольшую дверь, которая приоткрыта и будто приглашает посмотреть, что внутри. Заглянув в один из дзотов, я не могу удержаться от соблазна впервые в жизни подержаться за рукоятки настоящего военного пулемета. В него заправлена патронная лента и, видимо, если нажать на один из крючков, он начнёт стрелять!

Стрелять из пулемёта!

Восторг!

На полу бетонного укрытия, в котором прохладно даже несмотря на жаркий день, стоит несколько ящиков, в которых укутанные в промасленную коричневую бумагу мирно лежат крупные патроны.

– Ну-ка, дай-ка, – теснит меня плечом Олег и, схватившись за рукоятки двумя руками, некоторое время водит стволом по сторонам, словно выискивая цель. Большим

пальцем отщёлкивает что-то, бросает через плечо: "Сохраняйте спокойствие", – и начинает стрелять!

Та-та-та-та-та!

Размеренно выкрикивает машина, и здоровенные гильзы выпрыгивают в воздух. Звона их падения совершенно не слышно, потому что мы буквально оглохли от грохота и волнения. Олег направляет вздрагивающий ствол в сторону леса, и стволы деревьев разлетаются на крупные щепки. Затихает на секунду.

Переводит дуло на море, и вот уже на воде вздымаются высокие блестящие фонтанчики.

Наконец, последний патрон, скрывшись в стволе, вылетает из него огненной вспышкой и пулемёт замолкает.

– Просто охренеть! – кричит в нашу сторону Олег. Лицо у него красное, а руки дрожат. – Не зря, получается в армии служил!

Гриша, словно выброшенная на берег рыба, беззвучно и широко открывает рот, видимо, хочет вернуть слух, а я озабоченно озираюсь вокруг, проверяя, не сбежался ли кто на звуки нашего представления.

– В армии же что?! – продолжает кричать Олег, – в армии в основном теория! Тут вот так будет, там вот так... Ну, в лучшем случае, дадут из автомата несколько раз пальнуть и кинуть бутафорскую гранату. Дорого, видите ли, на настоящих боеприпасах учиться.

– Зато тут оторвался, – говорю я, и он живо кивает, выпу-

чив глаза. Видно, что очень доволен.

Наконец, чувство ориентации в пространстве приходит в норму, и мы решаем не нырять в темень укрытия, ожидающую нас за дверью, а сначала обойти гору вокруг, сколько получится. Осмотреть местность.

Движемся по бетонному полу в сторону моря и оказываемся на большой смотровой площадке, часть которой укрыта сверху естественным каменным козырьком. В самом конце замечаем что-то темное и квадратное, решаем подойти и осмотреть поближе. Вскоре становится понятно, что это кресло. Большое кожаное кресло, развёрнутое в сторону моря. Я делаю ещё несколько шагов и вижу, что в кресле сидит человек...

Его тело практически высохло, глазницы пусты, но густые чёрные волосы все ещё крепко сидят на черепе. Кости бывших пальцев обильно нашпигованы крупными золотыми перстнями. Одна рука, в которой зажат блестящий военный пистолет, лежит на груди, а вторая, высохшей палкой опускается вниз, где, словно шкура медведя возле камина, лежит нечто в прошлом бывшее немецкой овчаркой.

– Нихера себе сцена! – шепчет обалдевший от увиденного Гриша и осторожно, разогнув мертвецу пальцы, вынимает пушку.

– Сушенный капитан Крюк, собственной персоной, – добавляет он и проверяет, есть ли в магазине патроны.

– Я, похоже, догадываюсь, что нас ждёт внутри, – Олег за-

думчиво смотрит в море, словно хочет примерить, что видит мертвец, сидя в своём кресле. – Выживших мы тут точно не найдём. Но наверняка найдём что-то полезное...

Вернувшись к воротам, мы достаём и включаем светильники. Натерпевшись темноты в торговом центре, теперь мы во всеоружии. На головах налобные фонарики, в руках обычные, переносные. Я переступаю порог между светом и тьмой первым, и, оказавшись в просторном помещении, которое, по сути, просто продолжение тоннеля, отхожу в сторону, давая место друзьям.

Лучи фонарей выхватывают множество дверей, уходящих вдаль, на каждой табличка с надписью.

Прочитать можно только ближайшие: "Вахтенная"... "Склад"... "Управление"... "Оружейная" "Молельная"...

– Что? – мысленно спрашиваю сам у себя и, прошагав к двери, на которой помимо надписи прикреплён небольшой крест с Иисусом, тяну ее на себя. Тяжелая металлическая дверь бесшумно распахивается, луч выхватывает золотой алтарь и многочисленные иконы, мерцающие на стенах.

– Здравствуйте! Прости, Господи, – шепчу я и жестом подзываю на подмогу друзей.

– Обалдеть, – говорит Гриша. Это точно военный бункер? А то Капитан Скелет на парковке и этот, – он подбирает слово, – церковный филиал, выглядят так, будто мы участвуем в программе "Розыгрыш".

Вернувшись в начало пути, мы осматриваем "Вахтенную"

и обнаруживаем в ней, помимо уютного диванчика и телевизора, множество автомобильных ключей, заботливо подписанных и развешенных на стене.

"Прям, как в автосалоне, – бурчит под нос Гриша и, сняв один комплект с крючка, заключает, – от Гелендвагена! Один в один, как у деда Андрея".

Пройдя дальше, мы пытаемся открыть дверь в комнату с заманчивой вывеской "Оружейная", но у нас ничего не выходит. Расстроенные мы возвращаемся и ищем ключ в "Вахтенной", потом в комнате "Управление" и даже, по моей придумке, осматриваем мертвеца. Вдруг он таскал с собой связку ключей на большом железном кольце! Чтоб уж совсем, как в сказке.

Но нет. Ключей нет нигде.

Гриша предлагает протянуть трос к двери и попытаться вырвать её машиной, но трос нужно за что-то завязывать, а тут только обычная дверная ручка...

Мы бросаем попытки раздобыть военное оружие, договорившись, что на обратном пути заберём с собой пулемёт, который на улице.

Открываем дверь с табличкой "Общий зал" и ожидаемо попадаем в огромное помещение с высокими потолками. Вдоль стен расставлены кресла и диваны, на деревянной тумбе внушительных размеров телевизор, а в углу установлена трибуна для выступлений.

– Комната политической агитации, – язвительно коммен-

тирует Олег, – здесь планировалось вещать, что страна мертва, но не опускает мозолистые руки. Дело партии живет и возродится вновь. Прямо из этого сраного бункера!

– Не думаю, что тут были у кого-то особенные мозоли, – в тон добавляет Гриша, – пересчитывая деньги, сильно руки не сотрёшь.

Увидев на двери надпись "Столовая", мы решаем не заходить внутрь. Вилки и ложки у нас хватает, а надежда на то, что в темноте уютного зала нас ждёт горячий ужин... слишком мала.

Заходим в комнату "Детская игровая" и видим стеллажи с игрушками, расставленные вдоль стен. Машинки, плюшевые мишки и зайчики, игровые наборы и конструкторы напоминают нам о просьбе Роберта, и мы практически в один голос говорим: "Енот". Смеёмся и договариваемся набрать здесь чего-нибудь перед отъездом.

Дальше начинаются жилые комнаты. Они подписаны просто: "Комната номер 1", "Комната номер 2" и так далее. Мы заглядываем в каждую и в основном находим только скучные кровати, шкафы и тумбочки. Часто в них царит беспорядок, видимо, владельцам некогда было заниматься уборкой.

В комнате под номером 12 вместо привычных предметов мебели стоят длинные вешалки, заполненные всех видов шубами и платьями. То же мы видим ещё в нескольких помещениях. Олег предполагает, что это гардеробные жён особенно важных чиновников и мы, найдя это единственным

логичным объяснением, соглашаемся. В комнате 34 вместо мебели и шуб стоят горшки с цветами. Конечно, цветы давно превратились в гербарий и от легкого сквозняка, созданного открытой дверью, некоторые даже рассыпались в прах. Олег предполагает, что местные таким способом пытались выращивать полезные растения, а Гриша уверен, что это чья-то престарелая мама заехала в бункер вместе с цветами и кошками.

В комнатах 36 и 37 поселились священнослужители. Мы узнали это по золоченым нарядам, развешанным на специальных поддерживающих устройствах. Плотная, тяжелая хламидия, состоящая из нескольких слоёв, и богатая поповская шапка, напоминают скафандр. Я живо представляю резвого седого старичка, впрыгивающего в костюм, когда пора на службу и выпрыгивающего из него по вечерам. Ещё и рабочий офис похож на космический корабль! Со своими куполами и башнями. И связь нужно налаживать с тем, кто на небе. Реально, филиал НАСА...

В общей сложности мы обнаружили около сотни жилых комнат, а когда они закончились, начались помещения женских и мужских душ и туалетов.

Последняя в коридоре дверь имеет вывеску:

"Лестница. Спуск на нижний уровень". Мы открываем её и спускаемся на несколько пролетов под гору. Оказываемся в новом коридоре, который гораздо уже и ниже предыдущего.

Неприятный запах застарелой тухлятины и общее ощущение, что находишься глубоко под землёй, сильно портят настроение. Мои спутники молчат, видимо, чувствуют что-то подобное.

Первую дверь, попавшуюся нам на глаза, украшает табличка "Спецсвязь".

Внутри, на крепком, зеленого цвета столе, лежит карта. Ещё несколько развешаны по стенам. Я прошу Гришу сфотографировать их, а сам поднимаю трубку мощного военного телефона, слушаю несколько секунд, жму на кнопку сброса, но не слышу ничего, кроме шуршания ног и собственного дыхания.

– Связь, конечно, не работает, – сообщаю я, и Олег только коротко кивает, увлеченный чтением какого-то документа.

– Что-то интересное? – спрашиваю я, и он отрицательно мотает головой.

– Так, залип немного. Отчеты о завозе провизии на склад. Кстати, – Олег трёт себя в районе желудка, – уже давно пора подкрепиться. Предлагаю нанести визит в местную продуктовую лавку.

Наконец Гриша говорит "Готово!", прячет в рюкзак телефон с фотокамерой, и мы продолжаем движение по тёмному коридору.

Открыв дверь в "Санитарный блок", Олег быстро закрывает её обратно, а потом, отойдя на пару шагов сгибается, словно его сейчас вырвет. Не понимая, что происходит, я де-

лаю шаг в его сторону, и в нос бьет жуткий запах. Он такой сильный, что я буквально ощущаю на языке вкус гнилого мяса. Это похоже на запах целой тысячи сбитых собак, полувысохших на солнце у дороги.

Я снимаю футболку и, свернув ее в несколько слоёв, обвязываю нос. Легким жестом подвигаю все ещё не пришедшего в себя друга в сторонку и захожу внутрь.

Сам не понимаю, откуда у меня столько смелости. Я иду между длинных рядов узких лазаретных кроватей. Фонарным лучом выхватываю из темноты иссохшиеся трупы. Вдруг в помещении становится светлее и, обернувшись, я вижу Гришу, который последовал моему примеру и, обмотав лицо майкой, пришёл мне на помощь.

– Не понимаю, что тут случилось, – делюсь я мыслями, – если все они заболели, то почему лежат целые? Где обжоры?

Гриша ничего не отвечает, и мы продолжаем осматривать все вокруг. Возле некоторых кроватей я нахожу шприцы. Иногда больничное белье измазано засохшей кровью.

Кажется, я начинаю видеть кое-какую логику и делюсь наблюдением с напарником:

– Смотри! Если на кровати или возле неё шприц – труп лежит чистый, аккуратный. Если же шприца нет, то простыня запачкана кровью, и поза всегда неестественная.

Будто одни засыпали, а другие – мучались.

– Может быть, – подключается к аналитике Гриша, – одних умертвили с помощью инъекции, а других попросту за-

резали? Возможно, изначально всех хотели отравить, но яд закончился. И тогда в дело пошёл скальпель!

– Ого, – удивляюсь я ходу его мыслей, – а как их всех удалось сюда затащить?

– Зачем тащить? – не понимает Гриша, – они сами приходили. Это же лазарет! Все эти люди были на пути превращения в обжор. Помнишь симптомы? Слабость, головокружение, сонливость. Человек чувствует недомогание, спускается в санитарный блок и занимает койку. Судя по количеству машин на стоянке, в убежище должна быть пара сотен человек. А тут только несколько десятков.

– И что? Я по-прежнему не могу уловить суть.

– Люди заболевают, – Гриша говорит чётче и медленнее, – приходят сюда лечиться. С каждым днём все больше и больше. Некоторые превращаются в больных, и их утилизируют сразу, – Гриша осмотрелся вокруг, но не нашёл ничего подходящего, – ну, например, сбрасывают в море! А другие продолжают лежать, доходить. В итоге, в больнице оказывается вся полностью популяция бункера, и самый выносливый, наш знакомый Мистер Мертвец, перед тем, как отправиться в последнее плавание, ходит тут и жалит всех ядовитыми уколами. А потом они кончаются! Или он просто устаёт каждый раз заморачиваться. Короче, остальных он дорезает ножом.

Я представляю эту картину и мне становится зябко.

– Хорошо тут только то, что все пациенты, – Гриша обво-

дит фонарем кровати, – в полумертвом состоянии. Вряд ли, кому-то было больно.

– Ладно, – говорю я, – пора уходить отсюда. Пока лёгкие не забились частицами трупов. Хорошо бы, конечно, порыться в местной аптечке. Все-таки армейский медицинский запас, но без Олега как-то не хочется.

Мы выходим из лазарета и свежий, пусть и подвальный воздух, кажется настоящим нектаром.

Олег спрашивает нас, что мы видели и просит прощения за временную слабость. Поговорив и вдоволь отдышавшись, мы продолжаем идти, но тоннель внезапно заканчивается. На последней двери табличка "Выход на причал".

Гриша открывает её, и запах морской воды подсказывает, что надписи можно верить.

Мы выходим на самый нижний уровень, где вдоль бетонных бортов стоят на привязи армейские катера с мощными подвесными моторами. К каждому ведёт металлическая лестница. Возле каждой лестницы деревянный стенд с привязанными спасательными жилетами.

В конце длинного канала с полукруглым бетонным потолком виден дневной свет. Гриша говорит, что уже успел соскучиться по нему.

Я спрашиваю ребят, как они насчёт небольшого морского путешествия, но никто на него не соглашается. Олег голодный, а Григорий просто хочет отдохнуть. Он достаёт из кармана телефон и фотографирует все подряд. Объясняет, что

остальным будет интересно посмотреть.

Поднявшись обратно на верхний уровень, мы решаем не планировать дел, пока не устроим экскурсию на склад продовольствия. По дороге Олег сильно переживает, ворчит, что дверь, по закону подлости, окажется закрытой, но все обошлось. Лёгкое нажатие и мы внутри.

В первые секунды я ощущаю себя шестилеткой, забравшимся под новогоднюю ёлку. Бегаю от одного стеллажа к другому, разрезаю бока картонных коробок. Только вот подарки не радуют! Крупы и консервы, банки с соком и брикеты с киселем... Сложно понять, что именно я надеялся отыскать, но явно не это.

– Вот, почему Капитан Скелет застрелился, – Гриша залез на верхнюю полку и сбрасывает на пол коробки, – не выдержал местного меню!

– Да уж, – соглашается Олег, – я, признаться, ожидал большего от этого склада. Где, я не понимаю, крабы? Где икра и шампанское? Уверен, что эти стены не в первый раз слышат подобные вопросы!

Мы дружно смеёмся и хватаем, что придётся. Распихиваем по карманам консервы, засовываем за пояс сухой паёк.

– Стоп! – вдруг произносит Гриша, – а что, интересно, за той дверью? – он указывает лучом фонарика в дальний угол, где осталась не замеченной отдельная комната.

Роняя консервы, мы добираемся до неё и, осветив небольшое помещение, восторженно замираем.

От пола до потолка комната заставлена оружейными ящиками. Выбросив все из рук, мы подбегаем к первому контейнеру, и он являет нам то, что так долго берег – новенькие автоматы Калашникова.

Открываем следующий, и он полон блестящих автоматических пистолетов, один в один похожих на тот, что забрал у мертвеца Гриша. Мы находим патроны и магазины. Пулемёты и гранаты. А в одном, словно для интриги, спрятанном в самом углу ящике – настоящий гранатомёт. Тот, что в народе называют "гномом".

Мы счастливы, словно дети на заводе мороженого, хватаем и дергаем, примеряем и складываем. Хочется занять все и сразу. Олег нашёл на верхнем стеллаже снайперскую винтовку и теперь мучается в трясущемся свете фонаря, пытается прикрутить к ней оптический прицел. Гриша не выпускает из рук "гнома".

– Есть предложение! – Олег сияет, как сказочный самовар, – что, если нам все это богатство вытащить на улицу и хорошенько пострелять?

Идея приходится по вкусу, и в следующие 20 минут мы таскаем, помогая друг другу, тяжёлые ящики и расставляем их возле входа. Также, не забыв о необходимости ужина, тащим туда же коробки с тушенкой, сухими пайками и несколько банок абрикосового сока. Гриша открывает ножом тушенку и, поковырявшись в ней кончиком лезвия, ставит на землю:

– Есть невозможно! Мерзкий белый жир повсюду. Я схожу до деревьев, поищу дрова, а вы организуйте тут что-нибудь типа печки. Будем греть!

Парень уходит, а мы с Олегом спускаемся к морю, чтобы набрать на берегу камней для очага.

Когда печка готова, бежим на помощь товарищу, чтобы встроём, за один раз, принести побольше сухих веток.

Прошло всего несколько минут, а тусклое пламя уже облизывает край первой банки. Мясо нагрелось, и замечательно пахнет. Не выдержав, я макаю пресное галетное печенье в бульон и с аппетитом жую, мечтая о том, как зацеплю вилкой кусочек тушеной говядины.

Олег смотрит на часы, показывает их нам и, стукнув ногтем по сапфировому стеклу, сообщает, что время уже 19.20. Что до заката осталось полтора часа и пора бы уже определиться с отъездом и ночевкой.

– Да, Олег, – Гриша хитро улыбается, – заметить, что дело идёт к вечеру, можно и не глядя на твой золотой Вашерон Константин.

В банке отчаянно шипит забытая на огне тушенка, и я сбрасываю её на землю, прихватив нижним краем футболки. Уже пятая банка отправляется на костёр, а мы расспрашиваем Олега, единственного из нас, побывавшего в армии, как заряжать оружие и как из него стрелять. Эта наука оказывается совершенно не сложной. Стоит один раз разобраться и уже никогда не забудешь. Прямо скажем, не высшая математика.

тика. Я срываю крышку деревянного ящика с патронами калибра 5.45 и, вытащив из него один из двух прямоугольных цинков, вскрываю специальным консервным ножом.

– Да, – отшучивается, наш наставник, – армейская жизнь, она вся состоит из консервов. Сок в консервах. Мясо в консервах. Даже патроны приходится доставать открывашкой!

Наконец, я закончил. Положил на колени новый, пачкающий маслом руки АКС-74У, что расшифровывается как "Автомат Калашникова складной укорочённый" и принялся набивать рожок новенькими патронами. Аккуратно и вдумчиво, чтобы понять и запомнить последовательность, привожу оружие в боевую готовность. Выпускаю долгожданную очередь, и мои друзья, не ожидавшие такого шума, зажимают уши ладонями.

– Охренеть! – кричит Гриша, оторвавшись на секунду от изучения гранатомёта. Он почтительно вжимает голову в плечи и показывает жестами, что автомат – это сила.

Боеприпасы, выпускаемые длинной очередью, заканчиваются неожиданно быстро, и вот я снова сижу с магазином на коленях. Снова глухо стучат друг о друга патроны, наполняя рожок.

Прежде чем нажать на спуск, я сменяю режим стрельбы, на короткую очередь. Та-та-та!

Та-та-та!

Пули уносятся в сторону моря, с каждым разом ложась все ближе к выбранному мной камню.

На десятом рожке я ощущаю уверенность. Управляюсь с оружием, словно знаком с ним очень давно. Не зря говорят, что проще и надежнее, чем автомат Калашникова оружия ещё не придумано.

Хватаю успевшую остыть до нормальной температуры банку и цепляю крупный кусок говядины голыми пальцами. Отправляю его в рот, измазав губы горячим соком, и с наслаждением жую.

Длинный сегодня получился денёк. В который раз...

– Ну! – громко выкрикивает Гриша, – пришло мое время!

Он направляет в сторону леса дуло своего Гнома и силится удержать его одной рукой. Похожий на гигантский револьвер гранатомёт слишком тяжёл для этого и провисает дулом, не желая подниматься.

– Ты идиот! – беззлобно говорит Олег, – убери палец со спуска. Сейчас хернешь нам под ноги, и учения закончатся.

Гриша перехватывает оружие второй рукой, и вдаль со свистом, похожим на кипящий чайник, улетает первая граната. Раздается сухой, не слишком громкий взрыв, и средних размеров дерево, шелестя листвой, заваливается набок. Парень, выкрикивая что-то гортанное, выпускает в эту же сторону ещё пять гранат. Взорвавшись друг за другом, они оставляют в лесу маленькую плешь метра в четыре, и Олег ворчит, что там, между прочим, мог жить безобидный барсук.

Гриша трясущимися от перевозбуждения руками заряжа-

ет в барабан новые выстрелы и язвит, что если барсук там и жил, то давно сдох при обстреле из крупнокалиберного пулемёта.

Я шлифую плотный ужин персиковым соком и возвращаюсь к автомату. С удовлетворением выясняю, что в ящике ещё почти две тысячи патронов и продолжаю упражняться в стрельбе.

Мы палим по сторонам уже не меньше часа. Целых деревьев в округе становится все меньше, и я даже испытываю стыд, но он запросто глушится громкими выстрелами, и мы продолжаем придумывать новые мишени.

– Все! – Олег ставит винтовку СВД к стене, – я устал. Вы, конечно, можете продолжать, но время, – мужчина снова поворачивает к нам часы, и они хищно сверкают на закатном солнце, – но время, – смеясь, продолжает Олег, – уже двадцать минут до заката... Настаиваю, что нам нужно определиться, где мы будем ночевать.

– Ехать домой по ночной трассе, как-то стремно, – честно размышляю я. – Предлагаю уже тут и ночевать.

– Угу, – Гриша кладёт "Гнома" обратно в ящик, – мило пожелаем друг другу спокойной ночи и разойдёмся по комнатам! Что-то это как-то страшнее, чем ночная трасса, не находишь? А что если, – парень картинно подпирает подбородок рукой, – нам переночевать в машине? Каждому в своей. Что, если каждому переночевать в своей собственной, новой машине?!

Мы, не стовариваясь, смеясь и отталкивая друг друга, бежим к стоянке.

– Чертов Ниссан Патруль в последнем кузове! – кажется, Олег нашёл себе что-то по вкусу, — всегда хотел этот автобус! Белая кожа, деревянный руль, хрен знает, сколько лошадей под капотом, – мужчина, словно школьник на выставке, прижимается лицом к затонированному окну, – будешь моим, конем? – спрашивает он, понизив голос и не дождав-шись ответа, быстро идёт в сторону бункера, – сейчас найду от тебя ключи и будем знакомиться!

Я спокойно хожу между машин, тихо говорю сам с собой, пытаюсь сделать окончательный выбор.

"Седаны сразу нет. В новом мире низкая машина может погубить. Как минимум, больным в ней будет проще до меня дотянуться. Этот крузак хорош, но на крыше нет люка... А хотелось бы. Из него можно будет стрелять..."

Мой взгляд останавливается на огромном, шикарном внедорожнике Лексус. Кажется, он полностью подходит под мои запросы. Остаётся только отыскать ключ, посидеть внутри, чтобы понять атмосферу и можно брать. Я запоминаю автомобильный номер, состоящий из повторявшихся цифр и иду в сторону убежища. Мне навстречу торопится довольный Олег. Он хвастливо трясёт в воздухе ключом и показывает большой палец.

"Хороший день – думаю я, – продуктивный".

Выставив выбранные машины так, чтобы удобно было загружать в них ящики, мы суетимся, сталкиваясь и мешая друг другу. Принято решение успеть загрузить все полезное до наступления темноты, чтобы утром, как проснемся, сразу выехать.

Каждый раз, выходя из бункера на улицу, я радостно отмечаю, что наш новый автокортеж смотрится крайне внушительно. Гриша выбирал себе коня дольше всех, дольше всех искал ключи, которых не оказалось вместе с другими, но зато теперь, он гордый обладатель мощного Гелендвагена редкого бордового цвета. Выставленные в ряд наши новые автомобили выглядят так, будто мы не испуганные маленькие люди среди погибшего мира, а киношные боссы мафии, собравшиеся на совет.

Заполнив все три багажника ящиками с оружием и патронами, мы закинули ещё немного армейской еды и наконец набрали для Енота разных игрушек. Разложив салон так, чтобы можно было лечь спать, я нахожу его не слишком удобным и не ленюсь, вооружившись фонариком, сходить в жилые комнаты за матрасами и подушками. Конечно же, я беру их на всех... Друзья умиляются моей заботе и обещают когда-нибудь отплатить тем же.

Наконец, все приготовления закончены. Я укладываюсь на постель, в который раз проверяю, закрыл ли двери на центральный замок и, немного полежав, открываю на четверть окно для проветривания. Под боком уютно пристро-

иля прохладный автомат, подушка попалась мягкая и приятная.

"Спокойной ночи!" – кричу я.

"Спокойной ночи..." – отвечают в унисон ребята.

Какое-то время я рассматриваю звезды через прозрачную крышу и потихоньку сладко засыпаю.

Наступило утро.

Гриша, проснувшийся первым, решил, что сегодня не тот день, когда можно спать долго и включил в машине музыку. Распахнув все двери и заставив нас с Олегом слушать спрoсонья романтические баллады, он ушёл купаться в море, а нам пришлось экстренно выходить из режима сна и присоединиться к нему. Прохладная вода отлично настраивает на трудный день.

Мы на скорую руку завтракаем и, посоветовавшись, приходим к выводу, что к обеду будем уже дома.

В последний момент перед выездом, отправившись поглядеть, не осталось ли чего важного в его старом Рав4, Олег вдруг сильно расчувствовался и даже попросил помочь перетащить вещи обратно, в свою старую машину. Рассказал, как много лет назад ему подарили ее родители. Как они, будучи людьми небогатыми, долго копили и потому, подарок получился особенно неожиданным. С влажными глазами Олег вспоминал, как отец, до конца жизни проездивший на старых жигулях, иногда просил сына прокатить его и сидел гор-

дый на переднем сидении. Жутко переживал и без остановки комментировал дорогу. Мы с Гришей стараемся успокоить друга, но признаться, делаем это с трудом. Каждый вспоминает о своём, и в груди моментально что-то сжимается и ноет. Я говорю Олегу, что сейчас отец будет гордиться им ещё больше и что старенький Рав никто не выбрасывает. Предлагаю запарковать его под навесом и однажды приехать посмотреть, как у него дела.

Олег собирает себя в кучу, говорит: "Важно не на чем ты едешь, а куда и с чем внутри!". Смотрит куда-то в небо покрасневшими глазами, бьет себя в грудь кулаком. После этого, показав большей палец, даёт понять, что готов ехать...

Сохраняя дистанцию в 10 метров друг от друга, мы едем по родному городу, приближаясь к дому. Едем медленно, отвыкаем от быстрого темпа трассы. Две чёрных машины по краям и бордовая в середине. Я хотел бы посмотреть, как мы выглядим с воздуха.

Моя рация шипит и мигает лампочкой. Я делаю ее потише и вскоре слышу голос Гриши:

– Ребята! Приём! Вы помните, что эта улица, по которой мы едем, впереди перекрыта нашими бензовозами?

Олег, возглавляющий кортеж, отвечает:

– Как раз собирался сворачивать! Приём. Гриша, а что это постоянно пищит, когда ты говоришь?

– Не знаю. Приём. Компьютер показывает, что я не при-

стегнут и пищит. Приём. А я пристегнут. Не знаю короче.

Олег молчит пару секунд, размышляя и продолжает:

– Посмотри справа от себя. Приём. Что видишь?

– Вижу на сидении два ящика патронов. Приём.

– Пристегни их ремнём, Гриша. Не будь сухарем! Патронам страшно.

– Какого хрена?! – Гришин голос кажется удивленным, – перестало пищать. Как ты это сделал, Олег?! Я всю дорогу слушал чертовы пiski!

Голос Олега смеётся:

– Магия, Гриша! Приём.

Удивлён, что в свои 28 ты не знаешь таких простых вещей.

Приём.

– Мне 27. Конец связи.

Шипение прекращается.

Глава 21

Линия Милли Фассбендер

На следующее утро Милли снова забежала в любимую булочную и, взяв на завтрак пару ватрушек, традиционно обнялась с хозяином лавки. Девушка спросила его, не знает ли он, кому может пригодиться в помощники хороший мастер по дереву. Показала на экране телефона сохранённые фотографии и, получив обещание повспоминать, какие знакомые имеются в этой сфере, радостно продолжила пробежку. Настроение вновь было замечательным.

Второй тур в "МВФ"!

А если об этом страшно было даже думать, удастся пройти весь отбор? Придётся бросить все и уехать...

"Где там они собираются строить этот город будущего? На каком-то острове? Я и сейчас на острове, – проговорила Милли и улыбнулась. – И прекрасно себя чувствую. Главное, что будет шанс прожить действительно полезную жизнь".

За этими размышлениями она добралась до рабочего места и, нарушив привычный распорядок, не съела, как обычно, булочку, а сначала включила компьютер и полезла в почту. Конечно, она могла посмотреть письмо и в телефоне. Но разве так интересно? Интересно было волноваться и ждать.

Есть!

Письмо от "МВФ"!

Первое в длинном списке полученной корреспонденции.

Пришло ещё вчера.

Почти сразу после письма от африканца.

"Дорогая Милли, напишите, пожалуйста, какой профессией вы обладаете (если обладаете). А также, что помимо основного навыка (если он есть) вы умеете делать хорошо. Отвечайте коротко и по делу. Спасибо".

Милли начала вспоминать, прищёпывая вслух:

"Специалист по интернет-продажам, знаю голландский, английский и японский. Нет! Японский не знаю. Только учу.

Фехтование самурайским мечом? Разве можно сказать, что я умею это хорошо? Наверное, даже мой учитель не сказал бы о себе, что он хороший фехтовальщик.

О! Может написать, что я неплохо разбираюсь в садоводстве? Наш с мамой сад весьма разнообразный. Но разве это может заинтересовать глобальную корпорацию?"

С каждой минутой настроение становилось все хуже. Былая уверенность почти улетучилась. Ей на смену пришли сомнения и самобичевание.

"Ну, как так можно жить? 25 лет, а до сих пор ничего толком делать не научилась. Может, соврать и приукрасить?"

Девушка, и без того шептавшая, сделала голос ещё тише.

"Это глупости. Даже если и поможет пройти отбор, сразу вскрыется при начале работы. Потерять мечту, шагнув за по-

рог, очень неприятно. Лучше вообще не открывать дверь".

Находясь в этих размышлениях, Милли автоматически открыла следующее письмо. Начала читать и сбилась.

В этом письме ей предлагали записаться волонтером в летний лагерь. Бесплатная еда, проживание и купание на специальном пляже, а взамен работа с детьми, имеющими отклонения в развитии. В течение трёх часов в день. Что-то среднее между аниматором и старшим бойскаутом. Продолжая вариться в собственных мыслях, девушка нажала "стать волонтером", и на экране появилась фотография группы детей с синдромом Дауна. Они улыбались и показывали большой палец вверх. Надпись под фото гласила: "Спасибо! Ждём тебя летом!"

Милли чертыхнулась.

"Ну вот зачем я это нажала? Я же не смогу летом туда поехать!"

Отложив остальные заботы, девушка начала искать почту организаторов лагеря. Найдя онлайн-чат для помощи волонтерам, написала, что к огромному своему сожалению не сможет помочь этим летом и что согласилась, не подумав. На что администратор тут же ответил, что, мол, ничего страшного. Так часто бывает. И что спасибо за то, что такая ответственная.

Почувствовав ещё большее неудобство, Милли отыскала на сайте раздел "донат" и, немного поколебавшись, вбила в строку "пожертвовать" 1000 иен. Через секунду изменила

1000 на 3000 и нажала на отправку. Только теперь её совесть замолчала.

Вернувшись к письму от "МВФ", девушка написала свою текущую профессию, а про навыки честно ответила, что не считает, к своему стыду, что умеет делать что-то действительно хорошо.

Отправила письмо.

Закрыла почтовый ящик и приступила к работе. И так уже уйму времени потратила на личные нужды.

Расположение столов в корпоративной столовой было организовано таким образом, чтобы можно было обедать либо вдвоем, сидя за маленьким столом, либо огромной компанией в пару десятков человек, сидящих друг напротив друга.

Либо приватная беседа, либо компанейский птичий щелбет.

Обычно Милли обедала за маленьким столом, чаще всего одна, но сегодня захотелось послушать, чем живут сослуживцы.

Как и предполагалось, почти все разговоры были о "Менсфилд Ворлд Фэмили".

Ичико не соврал, казалось, будто вся Япония живет только мечтой об этой работе. Милли представила, что будет, если об этом ажиотаже узнает руководство компании. Может, даже дело дойдёт и до харакири. Девушка улыбнулась, но по-

думав над этим ещё пару мгновений, решила, что не так уж это и смешно. Зная, с каким трепетом глава их корпорации относится к своему детищу, могло случиться все, что угодно.

– Целыми днями обновляю почту, – жаловалась молоденькая японка, в излишне обтягивающем деловом костюме.

– Все время кажется, что телефон заглянул. Что письмо пришло, а он не показывает.

Все одобрительно засмеялись. Явно не она одна столкнулась с таким неврозом.

– Может, мне уже кажется, – продолжала девушка, заручившись одобрением публики, – но такое ощущение, что поток спама на почту увеличился в разы. Понимаю, что раньше я его просто не замечала, но теперь я вздрагиваю от каждого уведомления, а это очередной мошенник о чем-то просит.

И фильтры жёстче не настроишь. Страшно же, что нужное письмо в отстойник отправит.

– Да-да! – подтвердил явно симпатизирующий ей молодой человек, – мошенники реально активизировались. Мне тоже за последние несколько дней чего только не приходило.

– А почему вы решили, что это именно мошенники? – заинтересовалась Милли. Но её вопрос затерялся в очередной волне дружного гомона и остался без ответа.

– Привет Книжным Котятам! Тут свободно? – Лилли втиснулась рядом, основательно подвинув в сторону сразу несколько человек. – Я такая счастливая! У меня столько новостей.

Улыбнувшись в качестве приветствия, Милли жестом предложила Лилли продолжать.

– Во-первых, я прошла во второй тур... – девушка перешла на шёпот, прикрыв рот пухлой ладошкой, которая, под стать лицу, была в ярких веснушках. – Представляешь? Почти сразу мне ответили, что я прошла. А во-вторых, – она зачем-то сделала голос ниже, – мой парень... Ну, я так его называю! Ну, чтобы позитивно мыслить и все такое, понимаешь... Сегодня в 20.00 пригласил меня на свидание!!

Милли так искренне обрадовалась этой новости, что бросив полную ложку пудинга прямо на стол, кинулась рассказчице на шею. Та немного обалдела, не ожидав такой бурной реакции, но через мгновение расслабилась и разревелась.

– Милли, я такая счастливая... Мне так все нравится! Я его ещё ни разу не видела, а уже влюбилась. Он сказал, чтобы я раздобыла костюм мышки. Представляешь? Сказал, что мы пойдём на настоящий карнавал! Прямо сегодня! И он тоже будет в костюме!

Милли удивила эта часть истории. Перестав улыбаться, она спросила, почему так мало информации об этой встрече. Что неужели он даже не оставил номер телефона? На что счастливая влюблённая ответила, что он обещал сюрприз и что так гораздо интереснее.

– Кажется, впервые в моей жизни все налаживается. Мне 25 лет, Милли, а я даже ни разу не целовалась... А что, если меня возьмут на остров, а его не возьмут? – девушка испу-

ганно округлила глаза. Видно было, что эта мысль застала её врасплох.

– Ну-ну! Не стоит переживать заранее, – Милли провела рукой по густым рыжим волосам, стараясь успокоить, – вдруг этот бойфренд окажется таким классным, что уже и никакой остров не захочется? Вытирай слезы, мой американский друг, и настраивайся на позитив. Сама видишь – это работает.

Закончив с обедом, Милли поспешила к компьютеру. Убедившись, что свежих писем нет, она пробежала глазами заметки: не упустила ли какое-нибудь дело, отмеченное на сегодня.

Абдул!

Нужно написать, что дело сдвинулось. Что она старается ему помочь. Подбодрить человека!

"Дорогой, Абдул" пальцы ловко постукивали по клавишам. Ещё в школе девушка освоила технику слепой печати, и это уже не раз выручало ее, давая преимущество.

"Я буду помогать тебе. Ты написал по нужному адресу, и я не оставлю тебя с твоей проблемой. Сегодня поговорила с одним человеком. Он поговорит с другими"

Она специально выбирала слова попроще и делала предложения покороче.

"Одному японцу очень понравилось твоё мастерство. Если он не найдёт для тебя работу, будем искать дальше! Не

теряй надежды"

Милли отправила послание и откинулась в кресле. Работать сегодня катастрофически не хотелось и, наверное, будь она на службе где-нибудь в Европе, точно расслабилась бы и бездельничала. Только вот в Японии, казалось, сам воздух пропитан моралью и дисциплиной. Каждый человек здесь, пока шло рабочее время, становился чем-то вроде робота. Полностью отказывался от собственных проблем и забот. Во время перерыва – пожалуйста, думай о чем пожелается, но как только время отдыха закончено, будь добр, работай, позабыв про себя. На первом этаже их офисного здания, недалеко от входа, висела табличка. Причём, написана она была на двух языках:

"Каждая рабочая минута, потраченная на личное – это деньги, украденные у компании".

Глянув на часы и убедившись, что есть ещё целых десять законных минут оставшихся от перерыва, девушка решила почитать о том, кем же все-таки является этот загадочный мистер К. Менсфилд.

Она вбила его имя в поисковик.

Милли не любила брать информацию из верхних, самых востребованных предложений. Ей казалось, что забравшись поглубже, отмотав подальше, она найдёт что-то более сокровенное. То, чего не нашли другие. Понимая, что это, скорее

всего, глупо, тем не менее, каждый раз она отправлялась сразу на какую-нибудь четырехтысячную страницу и чувствовала себя в этот момент настоящим археологом...

"Интересные факты из жизни К.Менсфилда. Основателя МВФ" гласил заголовок одного из сайтов. Девушка не раздумывая зашла на страницу и начала читать обычный текстовый файл, напечатанный мелким шрифтом...

...когда родился доподлинно не известно... родители неизвестны... умерли, когда ему было 20 лет...вступил в наследство... отражено в архиве...дом и небольшой участок в Новой Зеландии... продал...потратил на консультации у ведущих мировых ученых в разных научных областях... взял в банке кредит... нанял одного из этих ученых... создали первый продукт... взлетел на европейском рынке... сделал Менсфилда миллионером...

Девушка выяснила, что все поступающие деньги, он вкладывал в работников. Перекупал выдающихся ученых, но чаще, как рассказывали они сами, заманивал именно перспективами захватывавшей деятельности.

В интервью один из работников корпорации рассказывал, что Менсфилд считает, что по-настоящему талантливых работников нельзя заполучить только с помощью денег. Необходимо обеспечить человека мечтой. Дать ему путь для жизни, и тогда он останется с тобой до конца...

...известно, что много лет увлекается йогой... любит при-

роду...не светится в прессе...

Пиип!

Оповещение о входящем письме заставило Милли бросить чтение и открыть ящик.

"МВФ"!

"Дорогая Милли Фассбендер, с радостью и уважением сообщаем, что вы прошли в следующую часть отбора. Теперь вас ожидает онлайн-собеседование.

Если вам удобно, в 19.30 по местному времени, просто зайдите на наш сайт. Интервью начнётся автоматически. Если не удобно – предложите свои дату и время.

Важное требование!

В течение всего собеседования вы должны быть одна.

Разговору не должны помешать непричастные.

Спасибо, что стараетесь стать частью "МВФ"!"

Закончив рабочий день в полной прострации, отвлекаясь столько, что наверняка похитила у компании целый миллион долларов, Милли, ровно в 19.00 уже сидела перед настроенным телефоном и всячески пыталась справиться с волнением.

Девушка сняла отдельную кабинку в кафе неподалёку от офиса и, заплатив вперёд гораздо большую, чем положено сумму, попросила ни при каких обстоятельствах её не беспокоить.

С помощью чашки и блюда она установила телефон таким образом, чтобы хорошо было видно её лицо.

Не понравился фон.

Пересела.

Настроила заново.

Вроде нормально.

Ещё целых 20 минут до начала!

Взяв себя в руки, девушка занялась дыхательной практикой, которую показал ей учитель фехтования. Обычно, успокоить сознание получалось самым замечательным образом, но сегодня все было не так.

"Ты чего так переживаешь? – шепотом спросила девушка сама себя. – Тебе что, больше всех надо в эту компанию? Жила столько лет и не знала вообще, что такое бывает, а тут, смотри, распереживалась".

Милли встала. Обошла вокруг стола.

В сотый раз поправила прическу.

"Да! Мне действительно больше всех надо, – сказала она решительно. – Не знаю почему, но я чувствую, что это очень важно. Самое важное, что вообще со мной случилось за всю жизнь".

Посмотрела на часы.

19.29!

Сейчас начнётся!

– Гоедэнавонд... ху гат эт эрме?

Приветствие на чистейшем голландском языке настолько смутило девушку, что она скупно ответила "здравствуйте"

и на пару секунд замолчала, обдумывая, что нужно сказать ещё.

– Я вас смутил? Простите... средних лет мужчина харизматично улыбнулся и помахал рукой в экран, – вы указали родным языком голландский и потому, вашим куратором выбрали меня. Я тоже этнический голландец.

– Гоедэнавонд... – несмело ответила Милли, – простите меня, я довольно сильно нервничаю сейчас. Но очень скоро смогу взять себя в руки.

– Ничего страшного, Милли. Это совершенно нормально. Меня зовут Ари. Я работаю на "МВФ". Сейчас я задам вам 30 вопросов. Ваша задача отвечать поменьше раздумывая и максимально честно. Если не знаете ответа на вопрос или сомневаетесь – так и говорите, и мы перейдём к следующему. Вам все понятно, Милли?

– Понятно, сэр. Я готова. Начинайте, пожалуйста.

– Итак. Вопрос номер один. Почему вы считаете важным попасть в наш проект?

– Ну... Я мечтаю стать частью чего-то стоящего. Хочу заниматься не просто работой... Хочу работать на компанию, которая не просто зарабатывает деньги для владельца. Хочу прожить жизнь более полезно. Для всего мира. Не только для себя.

– Это отличный ответ, Милли. Правильное начало. Хочется вас подбодрить, сказать о замечательных шансах на успешный конец.

Милли густо покраснела несмотря на то, что это не было ей свойственно, и только коротко кивнула:

– Спасибо.

– Если вы готовы, я перехожу к следующему вопросу. Итак, продолжим...

В течение следующих 40 минут Ари задавал вопросы, ответы на которые каждый раз заставляли девушку задуматься. Каждое задание казалось легким, но ответ никогда не лежал на поверхности.

Ей приходилось возвращаться в детство, вспоминать разных людей, который встречались ей по жизни. Некоторые вопросы ставили ее перед непростым выбором.

В один момент Ари перестал называть порядковый номер, и очень скоро Милли сбилась со счета.

– Итак. Следующее задание. Могли бы вы порекомендовать кого-то из своих знакомых для принятия в компанию. Напомню, что нам не слишком важна профессия. Как вы знаете, вам придётся сообща строить новый город, поэтому пригодиться может любой.

Милли, вошедшая было в колею и успокоившаяся, снова заволновалась.

– Минуточку, сэр. Нужно подумать. Девушка положила ладонь на мокрый лоб и немного помассировав его, закинула волосы назад, испортив зализанную лаком деловую прическу. Так-так-так...

Мама не захочет, это точно. Она слишком привязана к своему дому, саду. Здешние коллеги и так поголовно прошли тест и ждут результата. Из двух подруг оставшихся на родине одна в положении, а другая готовится замуж. Им явно не до этого...

– Есть! – наконец, практически выкрикнула девушка. – Есть отличный плотник. Такие золотые руки сто процентов пригодятся в новом городе. Он настойчивый, вежливый и кажется хорошим человеком. Я пришлю вам адрес его почты, хорошо?

– Конечно, Милли. Компания будет признательна, если он нам подойдёт.

– Мы почти закончили. Осталось совсем чуть-чуть.

– Скажите, пожалуйста, в каком году основана "Менс-филд Ворлдс Фэмили"?

В глазах у девушки потемнело.

Она не знала ответа на этот вопрос. Имея опыт общения с японскими работодателями, Милли знала, что такие вещи, как имя главы, год основания, девиз, являлись практически священными знаниями, и работник, не способный ответить на подобный вопрос, мог быть запросто уволен за неуважение к ценностям компании.

Так хорошо все началось...

Глаза у девушки начали мокреть, и она закусила нижнюю губу, чтобы не расплакаться...

– Я... я...

Экран телефона вдруг почернел и тут же включился вновь. Ари озадаченно повернулся куда-то, а затем набрал что-то на своем ноутбуке.

– Милли, у меня проблемы со связью. Вынужден отключить звонок. Будьте добры, подождите несколько минут. Сейчас я все налажу, и мы закончим собеседование.

Прежде, чем девушка успела что-то ответить, на экране телефона появился рабочий стол.

Милли продолжила думать.

"Я же только пару дней назад читала историю компании. Вспоминай!! Там должны были быть числа!..."

В голову ничего не приходило.

В один момент появился соблазн воспользоваться гуглом, раз уж появилась такая заминка, но начинать новую жизнь с вранья она не хотела. "Ничего" прошептала девушка.

"Ари не японец. Извинюсь. Скажу, что забыла. Что мне очень жаль!"

Телефон зазвонил, и Милли, испугавшись, что звонок может помешать собеседованию, быстро сбросила звонящего.

Через пару секунд вызов повторился. Звонил Ичиико.

Странно, что второй раз подряд. Его никак нельзя было назвать назойливым.

Милли снова сбросила и принялась наливать в стакан минералку, смочить пересохшее горло.

Когда Ичиико позвонил в третий раз, девушке стало тревожно.

Это не может быть просто так. Наверное, что-то на работе!

Она решила, что успеет быстро спросить и вернуться к ожиданию.

– Да, Ичико! Что? Что стряслось?

– Привет, Рыжая... голос звонившего был откровенно пьяным.

– Ты смотришь наше шоу сейчас??

– Какое ещё шоу, Ичико? Я очень занята. Ты не мог бы...

– Ты не смотришь шоу?! – коллега практически перешёл на крик. – Ты сумасшедшая! Это же главное событие года. Рирри...

Он произнёс это имя ещё раз, стараясь выдать из себя букву "л", но ему не удалось:

– Наша толстуха из офиса уже почти звезда!!

– О чем ты говоришь? Мне совершенно некогда, и я ничего не понимаю.

– Наша Рирри. Она попала в розыгрыш трёх больших офисов. В каждом офисе выбрали главного урода, и сейчас они столкнутся между собой на площади. Весь Токио смотрит, кроме тебя.

Сердце у Милли бешено заколотилось. Неужели это и есть то самое "свидание", на которое отправилась ее новая подруга?

– Ичико, я не понимаю. Зачем это все? Кто это сделал?

Вместо ответа в трубке послышался истерический смех. Показалось, что мужчина уронил телефон на пол.

– Ичико! Что происходит. Объясни!

– Я не могу! – мужчина буквально умирал от смеха.

Это самая жирная мышь, что я когда либо видел!

Боже, как смешно!

Связь разъединилась.

Милли трясущимися руками схватила телефон и набрала номер Лилли.

Шли гудки, но ответа не было.

Девушка бросила трубку на стол и схватилась за голову.

"Господи, как не вовремя. Как же не вовремя", – повторяла она.

Решительно собрав разложенные на столе личные вещи, Милли вызвала официанта и расплатилась "без сдачи". Снова взяла телефон и, выбрав в качестве адресата куратора от "МВФ", написала:

"Извините. Я не знаю, когда основана ваша компания. Я не могу закончить собеседование. Спасибо, что уделили мне время. Мне очень очень жаль". Нажала отправить и убежала из кафе.

Увидев Лилли, сидящую неподвижно на асфальте она поняла, что опоздала.

Гигантский жёлтый кусок надувного бутафорского сыра валялся перед ней. Нос был раскрашен в чёрный цвет, на щеках нарисованы усы, а в густой рыжей шевелюре торчали покосившиеся мышинные ушки. То, что по началу можно было

принять за расплывшийся макияж, оказалось засохшей размазанной кровью. Девушка невидяще смотрела перед собой. Её губы шевелились, будто она напевала беззвучную песенку.

– Лилли, девочка моя. Как мне жаль, – Милли подошла к ней и осторожно взяла за плечи. – Что с тобой? Почему ты в крови?

– Я говорила, что у меня счастливая полоса, помнишь? – Лилли нервно кашлянула, и из носа тут же маленькой струйкой потекла кровь. Она смахнула её ладонью, как дети вытирают сопли, но стало, разумеется, только хуже.

Моя жизнь кончена. Меня никто не любит... На работу возвращаться нельзя... Мне так больно внутри, как будто я сейчас умру...

Она положила руку себе на грудь:

– Меня снова предали... Это несправедливо.

– Лилли, девочка моя. Ну, что ты говоришь. Все наладится! Фраза прозвучала очень фальшиво и, поняв это, Милли усилила напор. Мы сейчас с тобой встанем... Пойдём домой! Ляжем спать!

Она потянула несчастную вверх, и та покорно поднялась. Как только Милли на секунду отпустила ее, она с размаху упала обратно на асфальт, не издав при этом даже стоны.

– Может быть, позвать помощь? – глаза у Милли наполнились слезами. – Давай я вызову врачей?

– Некого звать, – Лилли улыбалась. Кровь попала с губ

на зубы, и улыбка получилась страшной. – Они все смеются надо мной. Ха-ха. Жирная Рирри оделась как мышка. Ха-ха. Жирная Рирри бежит на свидание, – она издала хлюпающий звук, будто сейчас разрыдается, но вместо этого только снова оскалила зубы. – Они и сейчас ещё смотрят. Ждут, что я буду делать, – девушка протянула Милли телефон, на экране которого шла прямая трансляция. Она увидела их обоих сидящих прямо посреди площади. Снимали откуда-то сверху, видимо, подключились к уличной камере.

– Посмотри, сколько человек за нами наблюдают. Только посмотри число! Я всегда хотела стать знаменитой, и вот судьба дала мне это. Лилли снова улыбнулась и помахала вымазанной кровью рукой в небо.

– Всем привет! Спасибо за внимание!

Милли увидела на экране число 50,000 и не сразу сообразила, что это количество просматривающих онлайн.

У нее закружилась голова...

– Вы! Проклятые суки! – закричала она, вскочив на ноги. – Бездушные мрази! Сволочи!

Выкрикивая это, она подпрыгивала от ярости.

Её кулаки были сжаты, голос был чужой, низкий и хриплый от волнения.

– Ненавижу вас! Суки! Суки!

Не понимая, что творит, она швырнула телефон в предполагаемую камеру, и он, ударившись о стену здания, разле-

телся на мелкие кусочки.

Сзади раздался смех Лилли.

Милли осознав, что разбила чужой телефон, разревелась в голос, и только теперь ее подруга вышла из оцепенения:

– Ладно тебе. Черт с ним с этим телефоном. Мне теперь некому звонить. Сама собиралась так сделать.

– За что они так с тобой? Что ты им сделала? – рот девушки некрасиво перекосило, из носа потекли сопли. – Я так... радовалась... за тебя... сегодня. – из-за спазмов выговорить фразу целиком никак не получалось. – А теперь... из-за них я ещё... провалила собеседование...

Лилли не слышала её, глядя куда-то в сторону.

К ним подошла группа молодых людей. Некоторые из них плакали.

Все начали говорить утешающие фразы. Предлагать воды. Кто-то вытер лицо влажными салфетками. Лилли немного пришла в себя и попросила Милли проводить её до такси. Когда они собрались уходить, один молодой человек поднял с земли надувной сыр и протянул его Лилли. Она с улыбкой взяла его, вынула затычку и, дождавшись, когда выйдет воздух, сунула в урну.

– Милли, пойдём отсюда, прошу тебя.

Когда девушки снова остались наедине, Милли протянула подруге свой телефон:

– Возьми его, пожалуйста. Тебе сейчас нельзя оставаться

без связи. Я вставила твою симку, достала из разбитого.

Толстушка машинально взяла телефон и сунула в карман. Они подошли к стоянке такси, и в этот момент на неё заехала освободившаяся машина. Из неё вывалились двое немолодых, явно подвыпивших мужчин, и один из них, заинтересованный странным нарядом Лилли, захихикал.

– Девушка, вы говорите по-английски? Замечательный костюм! Вам очень идёт. Не могли бы вы ответить на один простой вопрос? Вы бы очень помогли нам с коллегой разрешить спор.

Лилли безучастно смотрела на говорившего, дожидаясь, когда можно будет сесть в машину.

– Видишь, Кэтти? – он обратился к своему худощавому спутнику, – сейчас девушка нам поможет.

Просто скажите: ДА или НЕТ? ДА... или НЕТ...?

– НЕТ!!! – Лилли закричала неожиданно громко.

НЕТ! Ты понял?? НЕТ НЕТ НЕТ!!! – скрутившись пополам от рыданий, девушка завалилась на заднее сидение, а Милли, сев на переднее, попросила водителя просто ехать прямо...

Проснувшись на час раньше установленного будильника, Милли больше не уснула. Как только она открыла глаза, в голову тут же заползли тревожные мысли. Вчера она довезла подругу до ее квартиры, завела домой и взяла обещание, что завтра они увидятся на работе. Долго повторяла, что такие

вещи не конец света. Что через пару дней никто не вспомнит об этом. Пообещала заняться обустройством личной жизни и предложила начать вместе бегать по утрам. Очень хотелось позвонить, узнать, как у неё дела сегодня, но свой телефон Милли оставила ей, а ближайший другой, запасной ждал ее на работе в ящике рабочего стола.

Накормив котёнка отварной курицей, его любимым лакомством, девушка гораздо раньше обычного выбежала на работу. Заскочила в булочную, с огромной радостью выяснила, что работами Абдула-плотника заинтересовался один крупный столярный цех. На радостях, помимо традиционных объятий, чмокнула пекаря прямо в губы и на целых 40 минут дольше бегала вокруг офиса в ожидании его открытия.

Добравшись, наконец, до рабочего места, Милли вставила симку в телефон и обнаружила, что он полностью разряжен. Сходила на соседний этаж, попросила у начальника, использовавшего такую же модель, зарядку и по дороге, встретив несвежего и мрачного Ичико, прошла мимо него молча. Не поздоровалась.

Включила компьютер, зашла в почту, увидела свежее письмо с заглавием "от МВФ".

Сердце сжалось в нехорошем предчувствии, и рука не поднялась открыть послание.

Наконец, из-под стола заиграла тихая мелодия – телефон зарядился. Милли схватила трубку и набрала Лилли.

Долгое время на звонок никто не отвечал, но вот раздался писк, и грубый мужской голос на японском попросил назвать имя. Милли представилась. Голос спросил, зачем она звонит на этот номер, и девушка объяснила. "Значит хозяйку телефона зовут Рирри?" – уточнил он.

Милли подтвердила.

"Рирри мертва. Мне очень жаль. Спрыгнула с моста. Самоубийство сегодня ночью".

Девушка выронила трубку из руки. Молча уставилась в экран компьютера. Машинально ткнула в верхнее письмо.

На мониторе появился текст, смысл которого она никак не могла ухватить.

"С радостью сообщаем, что вы успешно прошли отбор. Отныне вы член нашего проекта. Добро пожаловать в компанию "Менсфилд Ворлд Фэмили". Добро пожаловать в семью.

P.s. Дату основания компании вы знать и не могли. Она не указана в официальных источниках. Ари".

Глава 22

Линия реального времени

Мы меняем маршрут, но меня это не заботит. Всю дорогу я еду последним и просто покорно повторяю, что требуется...

Услышав на улице хлопок, сбавляю скорость, открываю окно. Вслушиваюсь, но звук не повторяется.

Зашипела рация, голос Олега звучит взволнованно:

– Ребята! Кажется, выстрелы. Кто-то слышал?

Я беру аппарат, нажимаю кнопку:

– Приём. Что-то слышал.

Бах!

Бах!

Два ружейных подряд...

Следом короткая очередь из автомата.

Нарастает тревога.

– Олег! Видишь что-то?

Не отвечает. Его машина заметно ускорилась, и я давлу на газ, чтобы не остаться позади.

До дома остаётся меньше трёх кварталов, когда я вижу в кустах засаду.

Больных не больше десяти и, пригнувшись к земле, они

жмутся в траву, надеясь остаться незамеченными. Проезжаю мимо дома с заваленным забором, краем глаза замечаю во дворе суету. Несколько десятков обжор, замерев на месте, с любопытством провожают меня взглядом.

Машина впереди останавливается. Я подъезжаю сбоку и показываю Грише, чтобы открыл окно:

– Понимаешь, что происходит?

Резкий удар в стекло заставляет меня подпрыгнуть на сидении.

Правой рукой хватаю автомат, вижу перекошенное лицо обжоры. Бьется головой в окно, не может сообразить, что вцепиться в меня не получится.

Левой рукой щупаю кнопки открывания окон, истерично рву их кверху. Моторчики жужжат, стёкла и так закрыты до предела. Обжора бьёт снова и снова, на окне начинают оставаться кровавые следы. Кожа на лысом черепе морщится от натуги, он скалит белые, обломанные зубы, напоминающие из-за неровности клыки хищника.

Я больше не хочу проверять прочность стекла и потому, включив заднюю скорость, стартую с места совершенно не глядя назад. Раздаётся мягкий удар, за ним ещё один. Посмотрев на экран заднего вида, вижу больных разбегающихся в стороны. В конце квартала разворачиваюсь, уезжаю подалее. Смотрю в зеркало, ребята делают то же самое.

Паркуем автомобили бок о бок. Откроем окна и сможем

говорить, не выходя на улицу.

Вижу, как Олег кричит что-то в рацию, но не слышу его. Странно... Моя почему-то не работает. Проверяю кнопки, включаю обратно, видимо, зацепил когда суетился.

– База! База! Таня! Андрей! – без остановки повторяет мужчина. Руки дрожат, видно, что сильно волнуется.

– База! Таня! Андрей! На связь! Это Олег. Что у вас происходит?

Я собираюсь спросить, а не далеко ли мы для приема отъехали, но вспоминаю, что Моторола бьет на 15 километров по кругу.

Надеюсь, что просто не слышат.

В образовавшейся тишине Танин голос:

– Что тут нажимать-то? Приём! На связи. Вы где? – голос её звучит ровнее, чем можно было ожидать, и меня это успокаивает.

– Таня! Мы рядом. В нескольких кварталах! – Олег торопится, говорит невнятно. – Что случилось? На нас напали! Как вы?

– Понятно, что напали, – рация шуршит, видимо, женщина отвлеклась на что-то. – На нас тоже напали... Ещё вчера.

Мы стреляем, как получается. Но они прячутся. Почти не попадаем. Ночью страшно было. А сейчас ничего. Терпимо!

– Танечка, вы держитесь! – Олег переходит на крик, – мы вернулись, и у нас много оружия. Передай всем, что мы при-

думаем! Мы поможем!

Таня снова не отвечает несколько секунд, и мужчина кричит:

– Приём?! Как поняли?

– Поняли, – произносит Таня, – ждём.

На заднем фоне слышатся два трескучих выстрела.

Договорились проехать во двор многоэтажки на углу квартала, забраться на крышу с винтовкой, хорошенько почистить с высоты.

Гриша предложил пострелять из любимого гнома и сам же сообразил, что это опасно. Мало ли, как осколок от взрыва ляжет. Нас ему не достать, а друзей в крепости запросто может ранить. Будем действовать аккуратно.

Много целиться, мало стрелять. Благо патронов много, а закончатся, так найдём ещё. Схема теперь отработана.

Несколькими ударами высадив дверь, ведущую на крышу, поднимаю за ручки оставленный на полу ящик боеприпасов. Мокрый от пота Олег протискивается передо мной, первым выходит на закатанную рубероидом поверхность.

– С этого угла удобней всего, – он машет рукой, показывает, где положить вещи. – Давайте, чтоб все по-серьезному. Как на войне!

Если я снайпер, вы – группа прикрытия. Я стреляю, а вы прикрываете зад.

– От кого? – уточняет Гриша.

– Мало ли, от кого! Может, больные на шум придут. Может быть, хищник ко мне подкрадётся. Ваша задача прикончить всех, кто посмеет тревожить. Все понятно? Вопросы есть?

– Только один! Дяденька снайпер, какой у вас боевой стаж?

– Два часа! – не теряется Олег. – 54 выстрела и 15 покровенных деревьев. Может, ещё барсук. Но его убийство осталось не подтверждённым...

Уже 10 минут наш стрелок без перерыва ведёт огонь. Гриша занял пост у входа и после каждого нового выстрела, эхо от которого разносится по всему кварталу, вслушивается в тишину подъезда. Нет ли гостей?

Пользуясь тем, что тыл надёжно прикрыт, я лежу с Олегом и смотрю вниз. За все время ему удалось пристрелить только двух обжор, но минуту назад, закончив второй рожок, он, наконец, заявил, что пристрелялся. Теперь дело пойдёт скорее. И действительно, к концу четвёртого магазина, на дороге сереет не менее 8 мертвых тел.

Снова шипит рация, на связь выходит Дед Андрей:

– Приём! – говорит он, – спасибо за помощь. Все делаете правильно. С крыши, что справа жарите? Угадал?

– Приём, дедушка Андрей! Это Илья. Верно. Мы жарим с крыши! Корректируйте огонь.

– Как в советском кино! – смеётся Гриша, – первый-пер-

вый! Я гнездо. Требую поддержку с воздуха!

– Нет, – вставляет слово Олег, – у них там было опасно. А у нас, как в тире на ярмарке.

– Ребята! – раздаётся из рации Танин голос, – вы, наверное, голодные? Что хотите на ужин? Щас! Вы подумайте! – дед Андрей трубку вырывает.

– Забыл рассказать. Сад напротив, через дорогу. Бейте туда. Там они от наших ружей попрятались. Не жалейте. Они бы нас не жалели. Раз пришли, то придут ещё. Уж проверено. Чем серьезней лупить, тем надольше отобьёт охоту. Зря, ребята, вы место для них рассекретили. Будет теперь словно медом намазано!

Я сооружаю из нескольких кирпичей подобие подставки и устанавливаю на нее дуло автомата. Начинаю посылать одиночные выстрелы, тщательно смотрю, куда попадаю. Полный рожок отстрелял и вроде нащупал, как нужно целиться. Через несколько минут в саду появляются мои первые, собственные трупы.

– У нас теперь два снайпера, – говорю я Олегу, а он и не против, благодарит за помощь и просит продолжать.

Оказывается, что автоматная стрельба с такого расстояния занятие интересное. Враг совершенно не в курсе, что происходит, прячется черт пойми как, ведёт себя очень предсказуемо. Я навожу дуло на обжору, выцеливаю на два

пальца выше головы, и вот, он уже танцует и извивается. Пытается заткнуть дырку в плече.

"Недолет", – констатирую я, и при следующем выстреле беру на два пальца и ещё половинку.

Если удаётся прострелить кому-нибудь голову, начинается настоящая охота. Почувствовав смерть товарища, животные облепляют его со всех сторон и принимаются жрать. Дальше остаётся только не лениться, палить и заряжать патроны. Самое интересное, что больные, похоже, в принципе не способны наесться досыта. Вроде только что жрал, а свалишь новый кусок мяса – обязательно прибежит попробовать. Я вывел теорию, что это из-за зубов, не приспособленных к поеданию сырого мяса, и Олег заинтересовался, даже убрал глаз от прицела, чтобы на секунду взглянуть на меня:

– Думаю, что-то в этом есть, – сказал он задумчиво, – сырое жёсткое мясо очень трудно отделять человеческими зубами. А ещё сложнее пережевывать. Вот они и мучаются над угощением.

– Я, если честно, – вступил в диалог Гриша, – вообще удивляюсь, как они такую пищу переваривают.

– А если даже и плохо переваривают, – Олег снова прикнул к прицелу, – других вариантов у них нет. А, как говорится, жить захочешь... – конец фразы заглушает очередной выстрел.

Вскоре начинает казаться, что запах крови, смерти и боли

все-таки вызывает в больных головах смутные подозрения. Я все чаще вижу, как очередной обжора, вдруг сорвавшись с места, начинает бежать, не разбирая дороги. Бессознательный страх, инстинкт подсказывает решение. Если час назад мы только и делали, что заправляли патроны в рожки, теперь большую часть времени проводим в поисках цели.

– Кажется, все, – говорит Олег, – думаю, можно спускаться. В этот раз победа за нами...

Ворота медленно отъезжают в сторону, и внутри двора мы видим всех его обитателей. Они стоят, выставив ружейные дула, готовые отражать возможную атаку. Мы медленно, привыкая к габаритам, один за другим заезжаем на парковку. Гриша, немного поспешив, цепляет зеркалом край ворот, и оно со звонким щелчком сворачивается. Ничего, такой вывих легко выправить обратно. Места едва хватает, и это несмотря на то, что свой мерседес дедушка Андрей загнал на клумбу, вынужденно придавив мой любимый розовый куст.

– Солидный автопарк! – восхищается Таня, и как только я покидаю кабину, занимает мое место. К ней тут же запрыгивает Роберт, и теперь они охают и ахают из машины на два голоса.

– Для вас привезли кое-что интересное, – говорю я Андрею, молча стоящему в сторонке, – как вы тут? Ничего? Жить будем?

Старик, тяжело ступая, медленно идёт в мою сторону.

– Поживем ещё маленько. Устали только... Это ж мы уже целые сутки в обороне стоим. Не спали. Не ели толком. Я для таких поворотов старый...

Именно на этих словах он доходит до открытого багажника и, бросив в него беглый взгляд, моментально преобразается:

– Это что? Гранатомёт? Ну-ка дайте посмотреть! А выстрелы к нему есть? Может шарахнем напоследок? – старик гладит матовый металлический ствол, в глазах горит азарт словно у мальчишки, —ладно... Успеем ещё шарахнуть... Хорошая вещь. Молодцы. С ней-то жить гораздо спокойнее.

Наблюдая за этой сценой, я успокаиваюсь. Побегает ещё дедушка, повоюет! Просто нужно хорошенько выспаться.

Когда Роберт замечает, сколько мы ему привезли игрушек, он напрочь забывает все русские слова. Схватив яркую коробку с надписью "Лего. Звёздные войны", мальчик бежит с ней по кругу, целует и прижимает к груди. Похоже, что с этим подарком мы попали в точку.

– Робик, иди сюда на минуточку! – Олег силится вытащить из салона огромного медведя, ростом который может даже повыше будущего владельца. Мишка круглобокий, горчичного цвета, очень напоминает диснеевского Винни-пуха.

– Смотри, – Олег ставит игрушку на землю рядом с мальчиком, – енот!

Роберт задумывается на секунду и серьезно отвечает:

– Медведь!

Тогда Олег засовывает пальцы в выхлопную трубу и мажет их сажей. Рисует медведю широкие круги под глазами и повторяет:

– Енот!

Роберт снова размышляет какое-то время и, подойдя к мужчине, вырывает игрушку из его рук:

– Панда! – заключает он, и округу наполняет дружный, уносящий напряжение смех.

Гриша, захватив с собой автомат, залазит на крышу котельной и долгое время внимательно изучает окрестности.

– Больных нет, – заключает он. – Думаю, что мы их распугали. На сегодня можно расслабиться.

– Вы, наверное, голодные? – рассеяно спрашивает Таня. Она сняла с плеча ружьё, и теперь пытается поставить его, прижав к забору. Ружьё скользит стволом по кирпичу и заваливается на землю. Бросив его в таком положении, женщина уходит в сторону дома:

– Пошла ставить чайник. Чтобы всем хорошо спалось, спилите, пожалуйста, дерево возле забора. Если по нему опять кто-то залезет – я застрелюсь.

Рубить соглашается Гриша. Вооружившись топором и охраной в виде Енота с автоматом, он отправляется за ворота.

Я, Андрей и Олег сидим прямо на клумбе и молча слу-

шаем мерный стук ударов топора. Наконец, делегация лесорубов возвращается, и мы всей компанией отправляемся на кухню, гадая по пути, что на этот раз Таня придумает к чаю.

Мы сидим за столом.

Гриша не поленился подключить телефон к монитору ноутбука и теперь показывает фотографии, которые нащелкал в бункере. Слайды сопровождаются авторскими комментариями, и все с интересом слушают.

– Если бы знал, что там будет так интересно, попросился бы с вами, – дед Андрей отхлёбывает чай и заедает ложкой варёной сгущёнки.

Кошка, которой второпях насыпали столько корма, что даже взрослый лев отложил бы половину, закончила ужин, запрыгнула на колени к Роберту и уютно урчит. Мальчик нежно чешет её за ушком и так сразу не разберёшь, кто из них получает большее удовольствие.

Варя смотрит фотографии по новому кругу и, желая привлечь внимание брата, делает ему щелбан. Показывает что-то пальцами, а тот, с ленивой улыбкой, терпеливо "выслушивает": Варя просит передать, что в следующий бункер поедет вместе с нами. Выражение его лица немного меняется:

– В какой следующий, Варя? Что ты имеешь в виду?

Девушка показывает на одну из фотографий и быстро собирает пальцами комбинации.

– Это понятно, – перебивает ее Гриша, забыв перево-

дить, – почему ты решила, что есть ещё?

Варя снова что-то показывает и снова "говорит". Гриша придвигает монитор поближе, тщательно всматривается, и вдруг его глаза становятся круглыми от удивления и восторга.

– Ребята! – парень подвигает компьютер так, чтобы было видно всем.

Тыкает пальцем в экран, – тут и тут!

А вот ещё один!

Это все долбанные бункеры...

Когда волна всеобщего интереса, наконец, схлынула, мы приступаем к обсуждению деталей. Таня, обнаружив, что возле каждого бункера мелким шрифтом прописан какой-то номер, предполагает, что это телефон спец-связи и что из каждого убежища можно вызвонить все остальные.

Всем совершенно очевидно – нужно ехать. Всем этот план очень нравится.

– А чем нам ещё заниматься? – резонно ставит вопрос дед Андрей. – Конечно, самое правильное это искать себе подобных. Семь человек – это прекрасно! Но у меня вот, – он кладёт руку на плечо мальчика, – внук. И через несколько лет ему понадобится подружка.

– Девчонка что ли?! – Роберт краснеет и строит презрительную гримасу, – обойдусь как-нибудь, деда! Спасибо не надо! Обойдусь.

Все за столом смеются, а маленький Енот вспыхивает, не слишком аккуратно перекладывает задремавшую кошку со своих колен на Варины и, резко выскочив из-за стола, кричит:

– Смотрите, чтобы учиться!

Хватает с пола пластиковую бутылку, вручает ее сидящему ближе всех Олегу и, показав жестом, чтобы тот не двигался, с разворота, быстрым движением ноги мастерски выбивает ее. – Понятно? Всем понятно?

Он с вызовом оглядывает присутствующих.

– Всем все предельно ясно, Роберт! – Олег умиротворяющим жестом поднимает вверх ладони, – никаких тебе девченок! Ты для этого слишком серьёзный парень!

Когда большая часть компании разбрелась по дому, готовясь ко сну, мы с Андреем выносим в сад два стула и удобно усаживаемся, выставив босые ноги в мягкую траву. Прохладный ночной ветер тихо шуршит листьями на деревьях, из дома периодически доносится легкий смех.

На душе, наконец, покой и умиротворение.

– В интересном месте нам повезло оказаться, – говорит старик. – Ещё недавно эта планета казалась такой скучной. До невозможности банальной и потрепанной. А теперь, смотри, какая красавица! Совершенно новая история, будущее, которое невозможно спрогнозировать. Будто мы уже и не на Земле. Где-то на другой планете...

– Не уверен, что правильно понимаю, о чем вы сейчас, – я смотрю на соседа, – но мне интересно. Объясните, пожалуйста.

– Планета наша, – продолжает Андрей, – словно срезала с себя тяжелую опухоль. Из глубокой старухи превращается в молодую невесту. Посмотри вокруг!

Все теперь по-другому. Пару лет назад мы неслись в дырявом вагоне к прогнившему мосту! А сейчас... – старик шмыгнул носом, чувствовалось, что слова даются ему нелегко. – Мы вдруг – раз! И вместо того вагона – на дивном, новом корабле, плывущем в интересное будущее.

Понимаешь?

Я внимательно слушаю

– Ты представляешь, сколько рыбы через пару лет будет в океане? Каким чистым станет воздух? А самое главное, что можно все начать заново. Попытайся строить без ошибок...

Об одном жалею, – глаза моего собеседника заблестели, – что мне так мало осталось. Не увижу самого интересного!

Андрей, заметив, что я потянулся к нему, чтобы подбодрить, положить руку на плечо, делает останавливающий жест.

– Не утешай! Не устраивай глупостей. Ты же не Господь. Сам не представляешь, что будет даже в следующую секунду. Может, я лично тебя, ещё на 10 лет переживу. Андрей по-доброму улыбается, посмотрев мне в глаза. Показывает, что несмотря на колкие слова, настроен дружелюбно.

– Я не жалуясь... Мне несказанно повезло. Я как будто сидел в кино и смотрел нудный, однообразный фильм с очевидным финалом, а вдруг – РАЗ! И оказалось, что вообще не угадал. И стало вдруг так стыдно перед режиссёром. За свою гордыню, за глупое скучание. За то, что не верил в замысел мастера... А теперь так вообще, новая серия! И мне в невероятном малом числе избранных удастся посмотреть трейлер. Узнать, что будет дальше. Этого вполне достаточно. Особенно, если хватает мудрости понять, что жизни всегда будет мало.

– Знаешь, – дед Андрей вдруг встаёт и хватается меня за руку, словно собирается сказать, что-то особенно важное. – Многие говорят, что жизнь слишком коротка. Это не так! Жизнь не коротка. Она драгоценна! Поэтому, будь нам отмерено вместо, допустим, ста лет целая тысяча – все равно будет мало! Все равно будет казаться, что не наелся.

Старик замолчал. Отпустил мою руку и устало уселся обратно.

– Прости меня. Прицепился к тебе со своими рассказами стариковскими.

Он снова остановил жестом мои возражения.

– Ты, все это почувствуешь сам. Когда придёт твоё время.

– Таааня... Таня!

Я держу рацию перед собой и монотонно повторяю это имя, уставившись в заднее стекло автомобиля. Уже больше

трёх минут Татьяна не отвечает на вызов. В машине, которой она управляет, громко играет музыка, и я наблюдаю, как женщина, не зная о слежке, танцует, сидя за рулем.

– Дааа! – весело комментирует с переднего сидения Гриша, – пошла баба в отрыв.

Он почувствовал, что эта фраза слишком едкая и тут же исправляется:

– Говорю по-доброму! Со всем уважением к частной жизни! И любовью к музыке.

Пять минут назад едущий во главе нашего каравана Андрей передал по радиации, что знает одно хорошее место.

Предложил съехать через 5 минут на гравийку, чтобы оказаться в дивном маленьком лесочке, на берегу озера. Наша машина, идущая в центре, поддержала предложение. После 3 часов безостановочного пути всем хочется размяться.

Таня, замыкающая цепь на своём Ниссане, вызова по радиации не слышит. Она сразу, ещё за день до выезда предупредила, что собирается слушать любимые песни. Танцевать и подпевать. По этой причине попросилась ехать одна в отдельной машине, чтобы никого не смущать и самой не смущаться.

– Ничего, – шепчу я сам себе, – сейчас главное попасть в паузу между песнями. И Таня ответит. Никуда не денется.

Через пару минут, замигав аварийкой, Андрей начинает уходить вправо. Гриша перестраивается вслед за ним и тут, наконец, осознав, что пропускает что-то важное, на связь вы-

ходит Татьяна.

– Ребята, приём! Что происходит? Зачем останавливаемся?

– Все в порядке! – отвечаю я, – съезжаем с асфальта и едем в лес на озеро.

Таня пару секунд соображает и просит нас остановиться, забрать ее к себе в машину. Объясняет, что Ниссан слишком большой, что не чувствует габаритов и ехать не по шоссе боится. Мы забираем женщину и она, усевшись рядом со мной, бьет Гришу по плечу:

– У вас есть Queen? Давайте споём? Увидев наши испуганные взгляды, Таня смеётся и добавляет, что пошутила.

– Стойте, вдруг кричит она, – я ключи в машине забыла! Гриша, надавивший было на тормоз, снова начал разгоняться.

– Таня! – нарочито серьезно говорит он, – думаю, что тебе не стоит переживать. Трафик на дороге минимальный. Уровень преступности даже не нулевой... А скорее, отрицательный. Все будет хорошо!

Андрей не ошибся. Встав в тени высоченных столетних тополей, мы оказались на песчаном берегу небольшого озера. С громким визгом, на ходу выпрыгивая из штанов, мимо нас проносится Роберт и извергая море брызг, забегает в воду. Через минуту мы всей компанией брызгаемся вместе с ним, а я, как самый высокий, назначаюсь главным трампли-

ном, и Енот, скользя и срываясь, безостановочно влезает мне на плечи и ныряет.

Влезает и прыгает.

– Смотрите все, что нашёл! – Андрей кричит нам, забравшись на высокую толстую ветку, раскинувшуюся над водой, – тарзанка! Все ещё целая! – он сбрасывает вниз, привязанное прочной верёвкой колесо, и мальчик, в ту же секунду забыв обо мне, бежит к берегу, чтобы его опробовать. Старая тарзанка будит в каждом из нас позабытый детский восторг и потому, к ней выстраивается целая очередь. Доводы рассудительного Енота о том, что это для детей, что он должен первым качаться сколько ему захочется, остаются без внимания. Даже дед Андрей, дождавшись своего раза, встает на колесо ногами, раскачивается и с отчаянным криком улетает чуть ли не к центру озера.

– Подождите секунду! – Таня пытается перекричать всеобщие визги и крики. – Подождите секунду! – повторяет она, но всем по-прежнему не до неё.

– Да тихо вы! – с двойной силой кричит женщина, и только тогда, наконец, наступает тишина.

– Прислушайтесь! Слышите?

Я вытряхиваю воду из ушей и напрягаю слух.

Легкий гул, нарастающий с каждой секундой.

Олег указывает куда-то рукой и бежит в ту сторону, откуда мы приехали. Мы все бежим вслед за ним. За это время гул превращается в рокот. Он наполняет собой все окружа-

ющее пространство. Это так необычно, что мне становится страшно. Наконец, добежав до места, где деревья не мешают смотреть вдаль, мы останавливаемся. Не сговариваясь, приседаем на корточки. Таня берет Олега за руку, а Гриша, чувствительный к громким звукам, закрывает ладонями уши.

В небе над линией горизонта появляется темное пятнышко. Сначала оно похоже на арбузное семечко, а через пару секунд уже напоминает птицу. Военный истребитель на экстремально низкой высоте, проносится мимо нас в нескольких сотнях метров. Пыль, поднявшаяся с земли, собирается в небольшое облако и мешает обзору.

Рокот не уменьшается, а наоборот, нарастает.

Пыль немного осела, и мы видим ещё два истребителя, идущих крылом к крылу.

Вдруг один из них отклоняется от курса, качнувшись в нашу сторону, выравнивает полет вдоль трассы и выпускает из-под крыла белое облачко дыма.

Резко уходит в высоту.

Мы, пригнувшись к земле, заворожённо наблюдаем, как вспарывая небо, словно торпеда в воде, посверкивая неярким пламенем, вдоль дороги идет боевая ракета. Проходит три секунды.

Олег визжит: "Ложись!".

Небо озаряет ослепительная вспышка. Вместо машины, оставленной Таней на обочине, образуется море оранжевого огня...

Взрывная волна, заминая кусты и траву, молниеносным цунами докатывается до нас и валит с ног. Вслед за ней поспекает звук, разрывающий перепонки, и только после этого снова возвращается мир.

Я лежу на земле и смотрю в синее небо.

Облако, проплывающее прямо надо мной, напоминает голову хищной птицы.

Глава 23

Линия Арсена Пеликана

Тёплый луч солнца удобно расположился на лице Пеликана. Молодой человек моргнул, дернул рукой, стараясь защититься от света и, наконец, прснулся.

Спустив ноги на пол он чуть не наступил на дремавшего возле кровати пса. В зубах у него был поводок, видимо, он хотел предложить хозяину прогулку, но не решился будить и уснул сам.

"Боцман! Дружочек. Моя старая собака! Как я рад тебя видеть. Наконец-то слез со своего кресла".

Арсен потрепал пса по чёрной с проседью голове, и тот поднялся, завивая всей задней частью. Со щенячьего возраста до самой старости так и не научился вилять одним только хвостом.

"Давай, иди жди в прихожей. Сейчас надену что-нибудь и пойдём погуляем. Хороший Боцман. Сейчас приду".

Мужчина поднялся с кровати, потянулся, выглянул в окно и отметил полусшепотом:

"Погода отличная. То, что надо. Буду делать сегодня".

Маршрут прогулки не был обычным. Арсену необходимо было проверить кое-что в местной парикмахерской и пото-

му, совмещая приятное с полезным, он решил прогуляться туда вместе с собакой.

Боцман ловко скакал на трёх лапах, постоянно натягивал поводок и старался утянуть хозяина то в кусты, то в лужу. Ему снова все было интересно.

Отметив неделю назад, что пора бы подстричься, Арсен никак не мог попасть в свою любимую парикмахерскую. Уже несколько дней она была закрыта. На стекле с обратной стороны приклеена записка:

"Улетела в Москву на повышение квалификации. Через неделю парикмахерская продолжит работу в обычном режиме".

Убедившись, что "неделя" все ещё не прошла, и двери заведения по-прежнему закрыты, Арсен почему-то не расстроился, а наоборот, обрадовался. Опустился на колени перед Боцманом, почесал ему шею и сказал:

"Все складывается удачно. Ты меня сегодня вечером не жди".

Вернувшись домой, Пеликан пожарил себе яичницу с помидорами, мамино любимое блюдо, заварил свежего чая и принялся за работу.

Открыв ноутбук, он напечатал: "Твоя жена не в какой не в Москве. А с любовником. Если хочешь её застать, приходи сегодня по адресу ... Не раньше часа ночи. А то спугнешь.

Доброжелатель". Распечатал этот текст на принтере и, надев перчатки, свернул листок в несколько раз. У него были сомнения, не опасно ли печатать на собственном принтере, готовя покушение на федерального судью и чтобы эти опасения развеять, он одолжил принтер у знакомого, сказав тому, что его собственный в ремонте.

Допив ароматный чай, Арсен включил радио и под весёлую музыку приготовил комплект чёрной удобной одежды, разложив её на кресле. Проверил велосипед, подкачал колеса, на всякий случай, заклеил синей изолентой раму, чтобы средство передвижения никто не смог опознать. После этого, взяв пакет с мусором, он вышел на улицу и, проходя мимо старенького соседского форда, вдруг остановился. Аккуратно огляделся, убедился, что нет прохожих, надел перчатку и сунул распечатанную записку под дворник.

После этого спокойно дошёл до мусорных баков, избавился от пакетов и вернулся домой. Теперь оставалось только дожидаться вечера.

День пролетел незаметно. Человеку, у которого есть интернет, всегда найдётся, чем заняться. Арсен смотрел видео-урок по истории Древнего мира, когда будильник тонким писком напомнил, что время операции пришло. Пеликан прошлепал в тапках на кухню и, вооружившись обыкновенной картошкой, вышел на балкон.

На улице уже давно было темно, и фонари заливали двор

уютным жёлтым светом. Бабушки, каждый вечер собирающиеся на лавке, давно покинули пост, и теперь во дворе оставался только рыжий кот.

"Кис-кис-кис!" – не удержался Пеликан. Кот лениво поднял пушистую мордочку, потянулся, выгнул спину и, бросив презрительный взгляд тому, кто зовёт, но не кормит, ушёл за гараж.

Все... Больше свидетелей нет.

Мужчина подбросил в руке картошину, привыкая к ее весу, внимательно посмотрел на красный фورد, припаркованный в 30 метрах от дома и, коротко размахнувшись, швырнул корнеплод, стараясь попасть по крыше.

Бум!

Картошка гулко ударилась об капот и отскочила в траву. Машина несколько раз мигнула аварийкой, затем фарами и, наконец, словно просыпаясь после долгого сна, по нарастающей, заголосила сиреной.

Пеликан вернулся в комнату, включил свет, надел халат и не спеша вышел обратно на балкон. Многие окна, до того мирно светившиеся синим светом включённых телевизоров, теперь были распахнуты. Практически в каждом виднелся рассерженный силуэт.

"Что там происходит?!. Отключите чёртову сигнализацию!" – начинался стандартный в такой ситуации ропот. Наконец из подъезда выскочил невысокий мужчина в белой майке, ткнул кнопку на пульте, и во дворе снова стало тихо.

Он подошёл к машине, тщательно её осмотрел со всех сторон, заметил и вытащил из-под дворника записку.

"Что там, Андрей?" – выкрикнул кто-то из окна. "Все в порядке. Отдыхайте. Дети, наверное, балуются".

Андрей зашёл обратно в подъезд, и через пару минут продолжавший стоять на балконе Пеликан услышал громкий крик: "Сволочь! Потаскуха!"

Арсен улыбнулся. Пока план работал, как хорошие часы.

В половину первого ночи, шумно стукнув ручкой по стене, дверь подъезда распахнулась. Темный силуэт вышел на улицу и неровной, пьяной походкой прошёл к автомобилю. Ревнивец вступил в игру.

Арсен удовлетворенно кивнул и навалился на педали, нужно было обогнать Андрея и приехать к дому судьи до того, как он начнёт в него ломиться, отвлекая на себя охрану.

Без сомнения, его арестуют. Наверняка даже посадят на пятнадцать суток. Но местному выпивохе это только на пользу – целых полмесяца без попок.

Впереди нужный дом. Тишина и уют дорогого района. Если все получится, это место будет гудеть как улей. Если нет, Пеликан подождёт и попробует снова. Это всего лишь хобби, а не работа, и процесс должен давать удовольствие.

Велосипед спрятан в надёжных кустах. Черный капюшон и повязка до самых глаз. Мужчина попрыгал на месте и убедился, что лишнего шума не издаёт, присел на корточки.

Времени без пяти час.

Красный фورد появился на горизонте. На приличной скорости он пронёсся мимо притаившегося Арсена и умчался вдаль. Видимо, ищет нужный адрес... Действительно, в конце квартала машина остановилась и резкими рывками, выполнив разворот, врубив фары на дальний свет, поехала обратно. Остановившись у нужного дома, фورد с пробуксовкой сдал назад, взял короткий разгон и влетел на зелёный судейский газон, затормозив в нескольких сантиметрах от ворот. Дверь распахнулась, на дорогу вывалилось пьяное тело и, отчаянно рыча, ринулось на ворота.

"Алиииина!Алина-сука! Выходи".

Мужчина долбил в железную дверь, которая довольно быстро распахнулась, и из неё появились двое полицейских. Ревнивец кинулся на них, тут же был завален на землю, руки ему скрутили, и один из охранников уселся на спину.

Андрей рычал, матерился, но служители порядка знали своё дело. Один из них передал в рацию: "Пост 18. Попытка проникновения. Нарушитель задержан".

В кармане завибрировал телефон. Как не вовремя!

На экране короткая надпись: "Лора!".

Мужчина сбросил звонок, но тут же поступил новый. В обычной ситуации такого быть не могло, наверняка у подружки что-то случилось.

– Лора! Очень неудобно говорить... Я работаю.

– Пеликанчик, родной, я на минуту! Прости, что настаиваю, просто я в аэропорте. Через пять минут мой рейс на Дамаск. Звоню попрощаться.

– Как же так, Лора? Я думал, вы ещё не скоро полетите. Хотел проводить.

– Так вышло. Сегодня уже буду в Сирии. Завтра поеду в "Добро. Восток". Пеликан, послушай меня одну минуту. Пожалуйста. Нужно сказать тебе что-то важное.

На конце квартала завывла полицейская сирена, подъезжал наряд. Мужчина уселся на траву, стянул с лица мешавшую говорить повязку.

– Слушаю очень внимательно. Рассказывай.

– Пеликан, приезжай ко мне! Я надолго уехала. Может быть, вообще навсегда... Ну что тебя там держит? Тут найдём тебе хорошую девушку. Обязательно найдём! Тут очень много хороших людей...

Кстати, ты слышал, как наказали Антона? Все-таки есть на свете справедливость! Это не ты его случайно? – девушка рассмеялась, – ладно, прости! Больше не буду подкалывать!

Я должна тебе сказать кое-что очень-очень важное... Ты слушаешь??

Внутри у мужчины стало тревожно, он сильно прижал трубку к уху.

– Слушаю, Лора. Говори, пожалуйста.

– Арсен, раз я уезжаю, значит, есть хороший повод сказать тебе... Сказать, что я не буду встречаться с Колей. Он очень

хороший, но... Я ни с кем больше не буду встречаться!

Я люблю тебя, Арсен! С самого детства. Всю жизнь убеждала, что люблю, как брата, но это не так. Я люблю тебя, как мужчину. Ты – самое дорогое, что есть в моей жизни... Фух! Как же это трудно, говорить такие вещи. Ты только, пожалуйста, сразу не отвечай! Подумай!

Голос диктора, объявляющий проход на посадку, заглушил ее слова.

– Лора! Моя хорошая! Что же тут думать?!

– Арсен, я не слышу тебя. Бегу в самолёт! Напишу, через неделю-другую, как обустроюсь! Я люблю тебя! До связи!

Пеликан поднялся на ноги и вдруг начал приплясывать. Он скакал, словно сумасшедший и колотил кулаками воздух.

Наконец взял себя в руки, натянул на лицо маску и, ловко перепрыгнув забор, оказался во дворе дома.

Всюду были развешены камеры, но его это не волновало. Просто человек в чёрном... Ни примет ни зацепок... Подойдя к окну, Арсен бесшумно вынул москитную сетку, подтянулся на подоконник и легко соскользнул в комнату. Это был большой зал с белыми стенами, огромной люстрой и светлой мягкой мебелью. Мужчина притаился за одним из кресел и прислушался... На улице во всю продолжалась возня. Были слышны крики Андрея, резкие приглушённые комментарии полицейских. Видимо, они боялись разбудить своего подопечного. Широкая витая лестница вела на второй

этаж. Наверняка хозяйская спальня там... Сейчас главное действовать решительно... Зашёл, сделал дело и обратно в окно. Сердце бешено колотилось. Адреналин, азарт и где-то далеко страх. Каждый раз, как первый раз...

Телефон дернулся в кармане. Коротко, только одним сигналом.

"Сообщение от Лоры, – подумал мужчина и не удержался, потянулся, чтобы прочитать. – Странно, – проговорил он одними губами, – номер незнакомый..."

"Привет, Арсен! Теперь я ещё ближе. Помнишь мое предсказание? Скоро все сбудется..."

"Вот скотина, – улыбнулся Пеликан, – я уже думал позабыть про тебя. Ладно, Черный, или как тебя там... Займусь на новой неделе". – он спрятал телефон и сосредоточился на происходящем.

Где-то рядом послышалось недовольное рычание, а затем лай. Сначала негромкий, неуверенный, но с каждой секундой нарастающий.

Чертов шпиц!

Арсен поцокал языком, но собака вместо того, чтобы затихнуть пришла в ярость, однозначно, перебудив весь дом.

На лестнице показалась фигура. Кто-то спускался со второго этажа. Слишком большой. Скорее всего, хозяин дома... Мужчина грузно топал по ступенькам, сопя спросонья.

"Чапи! Шерстяной кусок говна! Заткнись"

Мужчина вошёл в пятно лунного света, и Пеликан с внут-

ренным облегчением узнал в нем судью. Собака наконец замолчала и, взвизгнув, поднялась в воздух – хозяин дома взял её за шкуру...

Понёс в сторону открытой двери, продолжая сыпать себе под нос ругательства.

"Сиди на кухне, тварь. Вздумаешь нагадить – утоплю".

Судья был огромным. Рост не меньше 190 сантиметров. По фото понять этого было никак нельзя.

Понимая, что может не справиться с разъярённым мужчиной, Пеликан решил действовать хитрее. Он аккуратно снял рюкзак – шуметь пока было нельзя и вынул из него средних размеров нож...

Сталь хищно блеснула поймав на себя свет...

Достал небольшой пистолет и положил в левую руку. Закинул рюкзак за плечи, нож крепко зажал в правой руке и двинулся в сторону кухни.

Остановился в проходе и направил пистолет на жертву...

На самом деле это был муляж, ненастоящий пистолет, но разве мог кто-то догадаться в такой ситуации?

– Медленно развернись. Брось собаку. Иди ко мне, – голос прозвучал уверенно и строго.

Судья замер.

– Медленно развернись. Иди ко мне. Или выстрелю.

Мужчина бросил собаку на пол... Пёс взвизгнул и, громко стуча коготками по плитке, отбежал в угол.

– Это ограбление... Я не собираюсь тебя убивать... Сей-

час тихо пройдем туда, где ты хранишь деньги... Я их заберу... И уйду... Ты мне не нужен.

Даже в темном помещении было заметно, что жертву бьет крупная дрожь. Выброс адреналина... Сейчас его тело способно пробежать по потолку.

– Успокойся – ровным голосом проговорил Пеликан. – Дай мне деньги и я уйду.

Кажется, звериный ужас сковавший жертву, начинал отступать. Хриплым, свистящим голосом, так бывает от пересохшего горла, он спросил:

– Сколько вам нужно денег?

– Не тормози..., – медленно, словно гипнотизёр, произнёс Арсен. – Все, что есть дома... И я уйду. Всего лишь обычный вор. Не нужно бояться.

– Деньги в прихожей, в портфеле – наконец выдавил судья и неровной походкой, его колени периодически подгибались, двинулся в сторону выхода. Когда расстояние между ними сократилось до метра, Арсен, не переставая держать пистолет так, чтобы его хорошо было видно, приставил нож к голому животу жертвы.

– Не дури. Рыпнешься или закричишь – выстрелю... Подними руки вверх.

Мужчина послушно задрал руки.

– Молодец. Я тебе ничего не сделаю. Забираю деньги и ухожу.

Раз!

Резким, глубоким движением Пеликан полоснул острым, как скальпель, ножом от солнечного сплетения – вниз, до самого паха. Толстое брюхо, словно переспелый арбуз, разошлось на две части... Судья вскрикнул от неожиданности и прыгнул на шаг назад. С мокрым шлепком его кишки выпали на пол... Он опустил на корточки и с остервенением принялся собирать свои потроха, стараясь запихнуть их на место.

– Правильно, – спокойно произнёс Пеликан. – Хорошо зажми рану и останешься жив... Это твоё наказание..., – голос Арсена стал веселым.

За то, что предал правосудие и преумножал горе.

Судья сидел на полу в луже собственной крови и двумя руками кряхтя изо всех сил зажимал рану. От потери крови его движения замедлялись. Мужчина умирал.

– Я пойду за помощью, – сказал Пеликан.

Вызову скорую... жди....

Выйдя из кухни и вдохнув свежий воздух полной грудью, Арсен избавился от подступившего спазма – вонь на месте убийства стояла неимоверная.

"Чем ты питаешься, свинья?" – прошипел он злобным шепотом и, закинув в рюкзак нож с пистолетом, перепрыгнул через подоконник.

Соскочил на землю, осмотрелся, в два прыжка добрался до забора и покинул территорию...

"АААААА-ЫЫЫЫЫ-АААА!!!" – вой, наполненный отчаянием и лютым ужасом донёлся из раскрытого окна.

"Помогите! ПОМОГИТЕ!!!"

"Кажется, очнулся поросёнок, – улыбнувшись, сказал Пеликан, – Ааа! ЫЫЫ! Аааа... – выпучив глаза, передразнил он. – Умирай скорее и становись деревом. Человеком быть ты не умеешь".

Легкий велосипед набирал скорость, ночной воздух выветривал из ноздрей крепко засевший смрад. Небо позади ритмично освещалось синими вспышками полицейской сирены.

Дело было сделано.

Глава 24

Линия Кэтти

"Плывёшь со мной или вылезаеть? – Кэтти вопросительно посмотрел на енота, – если плывёшь, учти, халявы не будет. К острову я на вёслах, а обратно грести будешь ты!" После этих слов зверёк, внимательно следивший за мужчиной, цокая когтями взобрался со дна лодки на край и, не сбавляя хода, прыгнул в озеро. Быстро барабаня по воде передними лапами добрался до берега, тщательно отряхнулся и, даже не обернувшись на прощание, ускакал в сторону дерева.

"Правильное решение, – сказал ему вслед охотник, – остаёшься в лагере за старшего".

Лодка невесомо заскользила по ровному, как зеркало, озеру. Кэтти мерно опускал лопасти весел в воду, оглядывался через плечо, проверяя курс. С каждой минутой остров становился ближе, а мужчине совершенно не хотелось торопиться. Сердцем он понимал, что ничего хорошего там его ждать не может.

Когда лодка тихо хрустнув, уперлась носом в берег, дым над островом уже рассеялся. Кэтти выскочил на сушу и первым делом осмотрел окрестности через прицел ружья. Совершенно точно, что людей, кроме него, там не было. Даже

постоянные жители, птицы, видимо, напуганные недавними посетителями, летали над верхушками немногочисленных деревьев или покачивались на воде, отплыв на приличное расстояние. Приметив догорающую дымовую шашку, привязанную к стволу дерева, охотник двинулся в ее сторону и тут же был атакован с воздуха. Разгневанная чайка, отважно попыталась клюнуть в голову незваного гостя. Была бесцеремонно отброшена в сторону, взвилась в небо и тут же повторно спикировала для новой атаки!

Кэтти закрылся локтем и яростно шикнул на отважную, но глупую птицу:

"А-ну, пошла отсюда! Брысь! Брысь!"

В первую секунду был соблазн подстрелить наглеца, но мужчина быстро сообразил, что перед ним скорее всего, не хулиган, а хулиганка, которая таким образом пытается защитить спрятанное поблизости гнездо.

Добравшись наконец до нужного дерева, Кэтти сорвал, примотанную обычным скотчем дымовую шашку и потушил ее, сунув в землю. Увидел армейский сундучок, стоявший на земле и, закинув на плечо ружье, поднял его. Очевидно, что это и есть послание...

Вернулся в лодку, прикинул, что скоро начнёт смеркаться, навалился на вёсла.

Энергичная гребля отлично помогала справиться с волнением. Один раз Кэтти даже остановился раздумывая, не вы-

бросить ли сундук в воду.

"Господи, прошу тебя! – прокричал он, задрвав голову к небу, – пусть внутри будет добро! Я так прошу тебя! Я молю!" – мужчина встал на колени, опустившись на дно лодки. – "Не заставляй меня брать эту ношу! Дай мне ещё немного времени...".

Оказавшись дома, Кэтти поставил сундук на стол и, усевшись рядом, просто смотрел на него. Встал, зажег три свечи на длинном латунном подсвечнике и решительно выдохнув, щелкнул затворами, чтобы распахнуть крышку.

На дне сундука лежали письма, каждое в своём конверте, не похожие одно на другое. Поверх них стояла небольшая картонная коробка, на крышке которой было написано:

"Употребить с чаем! СТРОГО до прочтения".

Кэтти улыбнулся, достал и поставил коробку перед собой. Разорвал верх и нашёл внутри несколько круглых овсяных печений, взял одно, зажмурив глаза понюхал, положил обратно.

Следуя рекомендации, поставил на огонь чайник, подкинул в камин поленьев, заварил чашку крепкого чёрного чая.

Как только Кэтти в первый раз укусил печенюшку, на него нахлынули воспоминания. Забытая жизнь. Комфорт, суета и бессмысленность. Он уже отпустил это все. Научился обходиться малым. Обменял пресыщенность на осмысление. Печенье вернуло его в прошлое. Рассказало, что мир, планета

продолжают жить. Скорее всего, как всегда не меняясь. Продолжая жевать, сквозь сладость и пряность Кэтти отчётливо почувствовал привкус безнадежности. Чётко и ясно вспомнил, от чего убежал.

Вытащив первое письмо из сундука, он прочитал на конверте:

"Ларри Коллинс. Срочно!" Потянулся за следующим...
"Необходим совет. Курт Шнайдер";

"Экономической катастрофы не миновать. Помогите принять решение. Захария К...."

Мужчина брал конверты, мельком читал заглавие и, не проявляя никакого интереса, бросал письма в огонь. Он сжёг все послания, не читая. Все, кроме одного.

"Письмо для Кэтти. От друга Чарльза".

Увидев эту надпись, охотник впервые за долгое время улыбнулся, отхлебнул из чашки хороший глоток и, придвинувшись ближе к свету, разорвал конверт.

Ну... привет!...

БАХ!

На улице раздался оглушительный хлопок. Мужчина бросил письмо на стол и выскочил в темноту двора, чувствуя, как бешено в груди колотится сердце. Птицы кружились над деревьями, истошно вопя, а со стороны леса, затмевая появившуюся на небе желтую луну, лениво ползло большое облако пыли.

"Граната!" – выкрикнул Кэтти. Он схватил ружьё, сунул в карман фонарик и со всех ног рванул в малинник. Ещё не добравшись до подкопа, он понял, что все сработало так, как и было задумано. Забор оставался целым, а значит чудовище утащило капкан с начинкой подальше от базы.

Хорошо!

Кэтти нырнул в дыру, вылез на стороне леса и отряхнулся. Включил фонарик, принялся осматривать землю.

Кровь...

Судя по всему лапу чудовищу перехватило знатно. Медвежий капкан – это не шутка. В малиннике образовался широкий проем, будто зверь, обезумев от боли и испуга, нёсся вырывая кусты и не разбирая дороги.

Ещё несколько шагов вглубь леса. Луч фонаря подсветил впереди чёрную кучу. Похоже на шерсть! Так и есть. Бесформенная туша. Развороченная взрывом земля. Кэтти вскинул ружьё и прицелился.

Бах!

Начавшие успокаиваться птицы снова раскричались. Пуля дёрнула край шкуры, вырвав из неё кусок, но тварь не ше-

лохнулась.

"Сдохла!" – прошептал мужчина и подошёл к телу вплотную. Никак не получалось понять, что это за зверь. Очень похоже на огромного, даже по меркам медведя-гризли самца. Воняет трупятиной и кровью. Морды не видно...

Наконец охотник понял, что произошло. Чудище, или теперь правильнее будет называть его "медведь", угодило лапой в капкан и, как он и планировал, рвануло в лес. Отбежав немного, попыталось зубами отцепить ловушку, и тут граната сдетонировала. В итоге, ни морды, ни лап, ни капкана... Только туловище.

"Барни! – прокричал мужчина в сторону базы, – кажется, мы нашли убийцу твоей матери! Я отомстил за тебя, маленький друг!"

Ну... Привет!

Первым делом хочу поблагодарить, что открыл и читаешь мое письмо. Надеюсь, тебе понравилось печенье. Его для тебя испекла моя мама. Она скучает по тебе, Кэтти...

Я знаю, что мое письмо единственное, которому повезло стать открытым. Я отчётливо слышу хруст разорванной бумаги этого конверта!

А ещё я физически ощущаю грусть Курта Шнайдера, письмо которого ты наверняка сжёг.

Ха-ха.

А ведь там столько важного. Наверняка, как всегда, "все

пропало".

Когда я сообщил службе безопасности, что собираюсь отправить тебе послание, они строго запретили мне это делать. Но ведь для того и нужны лучшие друзья?! Чтобы совершать друг для друга исключительные поступки... В общем, я сказал, что если они не помогут, я все сделаю сам. Что я знаю, где ты находишься и остановить меня у них не получится. Они согласились. Но с условием нагрузить мой сундук дополнительной макулатурой.

Знаю, что ты сейчас сидишь с хмурым лицом! Но и знаю также, что ты рад читать мое сообщение.

Уж за такое время должен был соскучиться.

Подозреваю, что ты сейчас улыбнулся.

Зря.

То, что я должен сказать, не несёт радости. Все плохо, Кэйти.

В большом мире ничего не изменилось. Стало хуже.

Наше дитя уничтожено...

Оно мешало им продолжать войну. Войну, чтобы забирать чужую нефть. Они взорвали наше творение ради проклятой нефти!

Они все все погибли, мой друг. Сгорело так много хороших людей.

Чертовых праведных трудов.

Я знаю, что сгорела последняя надежда.

Мерзко!!!

Знаешь, какой была реакция в этом конченном мире?
Сюжеты в новостях, жидкие букеты и дешевые свечи.
Всего одна ночь свечей.

Планета безнадежно заражена равнодушием. Знаешь, что сказала моя мама, узнав об этом? "Боже, Чарли, как жаль. Это же целое состояние!"

Деньги! Кэтти, даже она увидела только их.

Я так завидую тебе, что ты сирота.

Зная тебя, я понимаю, что грядёт.

Они открыли свой чертов "ящик Пандоры". Сиротой теперь быть гораздо лучше.

P.s. Привет от меня малышу Солли. Давно хочу признаться, что это я придумал ему имя. Он сидел в 5-ом вольере. Нота соль 5-я по счёту... Солли! Надеюсь, вы дружите.

P.p.s. В ночь когда бомбили мне приснилась толстуха из Токио. Помнишь, возле бара на площади? Толстуха в костюме мыши, что подвела итог нашему спору? Мы решили, что первый встречный решит судьбу человечества... Если скажет "ДА" – значит шанс исцелиться есть. Если "НЕТ", значит ничего уже не исправить...

В моем сне она снова кричала "НЕТ". Так громко, что дома начали рушиться. Я проснулся в холодном поту.

Кэт, я думаю господь посылает нам знак этим сном. Когда решишься – я с тобой".

Мужчина отодвинул письмо.

Отхлебнул из кружки, обхватил голову ладонями и молча смотрел в одну точку. Одна за другой на стол шлепались крупные капли слез. "Господи! Помоги мне! Помоги принять правильное решение!" – прошептал он, хотя прекрасно знал, что решение уже принято. Кэтти встал и вышел на улицу. Поднял к небу глаза и, соединив вместе ладони, принялся бормотать: "Господи, прошу тебя, дай мне мудрости. Помоги не наделать ошибок. Пошли мне гармонию и уверенность. Так больно. Так страшно".

Постояв несколько минут, он понял, что впервые в жизни молитва не принесла ему облегчения. И хотя чего-то подобного и следовало ожидать, это было особенно страшно.

"Дай мне знак, если я задумал неправильное. Останови меня, Господи! Дай мне умереть прямо сейчас! Пока душа не взяла греха великого!

Или помоги! Чтобы все получилось во славу твою..."

Кэтти быстрыми шагами прошёл за дом и распахнул ворота, ведущие в лес. Потом зашёл в курятник и, взяв за шкуру, начавшего брыкаться медвежонка, вынес его из лагеря.

"Иди! – прокричал он, – ты свободен!"

Перепуганный зверёныш, загребая передними лапами пополз в сторону. Задняя часть по-прежнему безжизненно волочилась по земле.

"Как же гадко на душе!" – прокричал мужчина и направился в сторону дома, на ходу вытирая рукавом застилающие

глаза слезы.

Дома он схватил ружьё, передернул затвор и, продолжая повторять "Как же гадко на душе!" , направился к выходу.

Без труда отыскав медвежонка, который успел отползти всего на пару метров, Кэтти навёл на него дуло и прицелился.

"Самый страшный грех, – процедил он, – это равнодушие".

Раздался выстрел.

"Я беру на себя грех убийства и избавляю тебя от мучений!"

Кэтти передернул затвор и выстрелил ещё раз.

"Я руки твои! Зло не проходит дальше меня. Верю свято, что поступил правильно".

Мужчина вернулся в дом и в ящике стола взял ржавый тяжелый ключ. Подошёл к кровати и резким движением отшвырнул её в сторону. Сорвал со стены узорчатый ковёр, за которым оказалась дверь, с помощью ключа отпер замок.

Оказавшись внутри маленькой комнаты, Кэтти щёлкнул выключателем, и помещение преобразилось. Множество устройств и приспособлений пробудилось от долгого сна. Зажглись мониторы нескольких компьютеров. Два больших, на полстены каждый, телевизора. На экранах поползли графики, числа и бегущие строчки. Несколько мониторов обновили страницы популярных соцсетей. Почти двести тысяч новых сообщений только в одной из них.

Кэтти сел в кресло.

Тяжело вздохнул и взял трубку военного спутникового телефона. В ней сразу послышались гудки соединения с оператором.

– Слушаю вас, сэр, – произнёс приятный, немного испуганный женский голос. – С кем соединить?

– Не нужно ни с кем. Записывайте...

Начальнику департамента безопасности. Завтра, в 9.00 по моему времени, доставить меня в головной офис...

Начальнику департамента науки и исследований... Полная мобилизация всех сотрудников и ресурсов...

Подтверждаю запуск программы "Мальвина".

Начальников остальных департаментов оповестить... В 19.00 всеобщее собрание.

Кэтти замолчал.

– Неужели это правда? – промолвил он тихо. – Неужели центр "Добро. Восток" уничтожен?

– Да, сэр, – ответила телефонистка. Ее голос перестал быть уверенным, задрожал. – Сожгли его со всеми волонтерами, врачами, учителями. Мой брат был там, сэр.

Кэтти снова замолчал.

– Ещё что-нибудь, мистер Менсфилд?

– Да. Позвоните Чарльзу. Передайте, что мы начинаем...